

ТЗ (2)

Н 845

Н.П.НОСОВА

УПРАВЛЯТЬ ИЛИ КОМАНДОВАТЬ

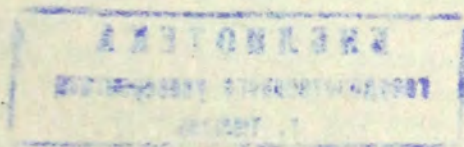

Н. П. Носова

УПРАВЛЯТЬ ИЛИ КОМАНДОВАТЬ?

Государство и крестьянство
Советской России
(1917—1929)

прф ✓

Издательство Московского университета
1993

ББК 63.3(2)7-2

Н84

ТЗ(2)

Н 845

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор ист. наук В. В. Кабанов.

доктор ист. наук Л. Е. Файн.

Носова Н. П

Н84 Управлять или командовать? Государство и крестьянство
Советской России (1917—1929) Моск. ун-та, 1993.—М.: Изд-во.

ISBN 5-211-03017-6

В монографии рассматриваются проблемы государственного управления сельским хозяйством Советской России в один из важнейших периодов отечественной истории: система органов управления, каналы воздействия государства на крестьянство, специфика управления различными секторами аграрного производства.

Для специалистов историков, преподавателей, студентов.

ББК 63.3 (2)7-2

077 (02)-93-Заказное

ISBN 5-211-03017-6

© Носова Н. П., 1993.

ВВЕДЕНИЕ

Любая революция, выполняя неизбежные разрушительные функции, несет в себе и созидательное начало. А строительство нового общества выдвигает на передний план задачи управления им, которые, пожалуй, выполнить еще труднее, чем совершить революцию. Своеобразие задач управления в Советской России определялось тем, что строить новое общество пришлось в крестьянской стране.

«Не смей командовать!» Эта ленинская фраза стала идеологическим клише большевизма. Вслед за вождем с трибун многих партийных и советских съездов раздавались призывы к бережному отношению к крестьянству. Но за декларациями следовала практика. Призыв «Не смей командовать!» фактически привел к командной системе экономики. Сложилось уникальное явление — советская экономика, «экономика выживания». Это была отличная от рыночной, преимущественно саморегулирующейся, экономика. Но в то же время в образовавшейся системе государственного вмешательства в хозяйственные связи у советского крестьянина складывалась уверенность, что партия и Советская власть «с голоду умереть не дадут».

Ныне эта экономика уходит. Но — удивительный феномен. Рекомендации западных ученых не работают у нас. Не срабатывает принцип заинтересованности крестьянина в земле, который действует в других странах и дал прекрасные результаты в преимущественно крестьянском Китае. В России только 10-15% крестьян хотят иметь землю. Отчетливо проявляется тенденция сохранить колхозы и совхозы. Деревня принимает коллективные меры защиты, т. е. продолжает действовать «синдром выживания» в новых условиях.

В чем тут дело? Каковы дальнейшие перспективы развития деревни? Возможно ли как-то воздействовать на эти процессы, направлять их и управлять ими?

В поисках ответа полезно, как представляется, обращение к опыту становления советского общества, когда только

нащупывались пути регулирования такой сложной сферы, какой является аграрное производство, и были заложены многие из тех ошибок, которые впоследствии стали трагическими для страны. Важно изучить этот феномен, уяснить, что в нем можно развивать, что безнадежно устарело, какие уроки из прошлого опыта необходимо извлечь.

Первостепенной задачей является, на наш взгляд, изучение организации управления обществом в годы Советской власти и прежде всего его функционирования как экономической системы. Именно в области экономики решались кардинальные проблемы построения нового строя, оказывающие непосредственное влияние на все сферы общественной жизни, определявшие в конечном счете, тип и характер развития страны. Одно из ведущих мест в этой проблематике принадлежит исторической оценке сложного, внутренне противоречивого процесса организации государственного управления сельским хозяйством — отраслью, с которой в первые годы Советской власти было связано большинство населения страны.

Управление крестьянской экономикой не замыкается только на сфере хозяйственной деятельности, но и охватывает социальную, идеологическую, психологическую, культурную и другие области, т. е. как предмет исследования оно необычайно сложно и многопланово. Учитывая это, мы все же ограничим сферу нашего интереса проблематикой взаимосвязи государства и сельского хозяйства: государства как основы политической системы общества, государства как основного собственника земли, наконец, государства как субъекта управления.

Опыт управления аграрной экономикой в Советской России был предопределен как всем ходом предшествующего развития, так и связанной с приходом к власти большевиков конкретно сложившейся ситуацией, а также рядом других важных факторов.

Эволюция Советской России в 20-е годы — один из уникальных исторических примеров того, как государственная власть активно формирует хозяйственную систему в соответствии со своими интересами. Наиболее рельефным этот исторический сюжет стал в практике государственного управления аграрной экономикой в 1917-1929 гг.

* * *

В отечественной историографии независимо от ее проблематики выделяется два этапа, которые различаются своими подходами. Первый — наиболее длительный — охватывает

период от Октября до середины 80-х годов и характеризуется преимущественно марксистско-ленинской методологией исследования. Второй — начавшийся сравнительно недавно — отличается от первого прежде всего деидеологизацией истории как науки отражает поиски новой методологии, расширение исследовательских подходов и с этих позиций переосмысление нашей истории. Сегодня отечественная историография еще не определила своей «физиономии». Наряду с новыми направлениями существует и старая исследовательская школа что, впрочем, вполне закономерно.

Каждый из названных этапов развития историографии может быть разделен на ряд периодов. В первом традиционно выделяются 20-е, 30-50-е, вторая половина 50-х годов и до конца этапа. В историографии 20-х годов просматривается преимущественно социально-экономический подход, для периода 30-х — начала 50-х более характерен политический, с середины 50-х с разной степенью успеха делается попытка их синтеза.

Пока трудно еще выделить какие-то отличные друг от друга периоды внутри второго этапа историографии. Но с уверенностью можно сказать, что время эйфории, когда тон задавала публицистика, заканчивается. Профессиональные историки все активнее включаются в историографический процесс.

Как известно, проблема управления сельским хозяйством практически не являлась объектом специального изучения, находилась на стыке двух традиционных направлений историографии, представленных обширной исследовательской литературой. Ее оценку можно найти в историографических обзорах по истории советского государства и социалистического строительства¹, истории крестьянства и советской аграрной истории².

В исторической литературе достаточно полно исследована проблема становления аппарата органов управления сельским хозяйством. Интерес к ней возник уже в начальный период Советской власти. Первыми стали работы двух ведущих сотрудников Наркомзема — члена коллегии НКЗ В. Н. Мещерякова и заведующего отделом сельскохозяйственной экономики и статистики комиссариата Б. Н. Книпповича³. Они написаны примерно с одних позиций.

Показательно, что оба автора в организации наркомата земледелия выделяют два периода: «левоэсеровский» и «коммунистический». Правда, несколько не совпадает в их оценках хронология этих периодов. Но оба солидарны в том,

что строительство комиссариата «как органа социалистических преобразований» начинается только с переходом Наркомзема в руки большевиков. Работы ценны прежде всего содержащейся в них информацией. Особенно это касается книги Б. Н. Книпповича, который «из первых рук» получал тот большой фактический материал, собранный в НКЗ в процессе преобразования аграрных порядков в стране. Многие из приводимых автором данных нигде впоследствии не были опубликованы. Это делает труд Книпповича особенно ценным и позволяет использовать его как важный источник.

Работы отмеченной проблематики продолжают выходить и в более поздний период. Это статьи и диссертации А. А. Нелидова, В. Г. Ломовцевой, А. К. Панфиловой¹. Так, диссертации Ломовцевой и Панфиловой, выполненные под руководством проф. Е. А. Луцкого, концептуально отражают позиции его школы. Основное внимание в них уделяется правотворческой деятельности советских земельных органов, менее затрагиваются вопросы формирования их структуры и состава, формы и методы воздействия на крестьянство.

Единую научную концепцию имеют работы Н. П. Носовой и О. О. Мишариной². Органично дополняя друг друга, они с разных сторон представляют систему земельных органов Советской России в годы их становления и создают довольно цельную картину связи «центр—места». Обе работы выполнены под руководством проф. Л. Е. Файна.

Перечисленные работы касаются отдельных небольших периодов, но в целом все-таки дают представление о проблеме.

В 60-70-е годы на новый уровень поднимается исследование аграрных проблем советской истории. Введение в этой связи в научный оборот большого нового фактического материала, безусловно, сказалось и на изучении государственных органов управления сельским хозяйством. Авторы, как правило, основное внимание уделяют первоначальному этапу их формирования. Возникновение некоторых отделов Наркомзема РСФСР рассматривает П. Н. Першин³. Процесс реорганизации местных земельных органов в период революции освещен в монографии Г. А. Герасименко⁴. Однако почти не получили отражения эти сюжеты в работах, посвященных аграрным преобразованиям в 20-е годы.

В связи с этим особенно важна для нашего исследования литература по истории госучреждений. Здесь прежде всего необходимо назвать учебные пособия А. А. Нелидова и Т. П. Коржихиной⁵. В них излагается история государственных учреждений всех типов, при этом анализируется их

организационная сторона: структура, функции, взаимоотношения, дается и общая схема организации занятых в управлении сельским хозяйством государственных ведомств: Наркомзема, Наркомпрода, Наркомфина, Госплана и др.

К сожалению, лишь в последние десятилетия началось изучение такого сложного и необычайно важного в истории создания нового государственного аппарата, звена как формирование его состава. Большой интерес в этом плане представляют две последние монографии М. П. Ирошникова⁹. обстоятельный анализ уникальных источников — анкет переписей государственных служащих г. Москвы августа 1918 г. и мая 1919 г. — позволили автору сделать важные выводы о кадровом составе центрального государственного аппарата. Имеются в указанных работах и подобные данные по некоторым центральным органам управления сельским хозяйством: Наркомзему, Наркомфину, Наркомпроду и др. Вводя в научный оборот ценный цифровой материал, Ирошников показывает динамику общей численности сотрудников комиссариатов. Однако, из этих данных не видно, как складывалось политическое лицо органов управления сельским хозяйством, изменялся их социальный состав, формировались основные кадры руководящих работников. По 20-м годам обстоятельный анализ этих проблем сделан в работах, авторы которых принадлежат к школе В. З. Дробижева¹⁰.

Проблема кадровых изменений в сельском хозяйстве, в том числе и в органах его управления, рассмотрена также в работах Ю. С. Борисова и Н. П. Носовой. В них достаточно полно исследованы количественные параметры кадровых изменений, скрупулезно подсчитано число старослужащих и членов РКП(б) на всех уровнях госаппарата¹¹.

Историко-партийная проблематика в ключе исследуемой темы дается, как правило, в контексте проблемы формирования правительственного блока большевиков и левых эсеров¹².

Работы объединяют один подход: большевики в интересах крестьянства «допустили» эсеров в правительство, но те развернули вредительскую деятельность. Отсюда и ответственность за разрыв блока возлагается на левых эсеров.

Однако совместная деятельность большевиков и левых эсеров в земельных органах (как ни странно!) почти не получила отражения в данных работах. Вместе с тем изучение ее важно не только в конкретно историческом плане, но и как факта историографии, отразившего состояние исторической ситуации в обществе.

Самым тесным образом складывание государственных структур управления сельским хозяйством связано с разработкой, принятием и осуществлением советских аграрных законов. Несомненный приоритет в изучении этих вопросов принадлежит Е. А. Луцкому¹³. Автор показывает борьбу большевиков и левых эсеров в Наркомземе, попытки последних изменить социально-политическую направленность советского аграрного законодательства. К этому сюжету несколько позднее обратился В. В. Кабанов¹⁴. Рассматривая картину острой политической борьбы вокруг разработки Основного закона о социализации земли, он высвечивает роль отдельных членов коллегии НКЗ в создании его проекта. Кабанов делает вывод, что проект был составлен не левозеро-эсерской коллегией Наркомзема, как было принято считать в советской историографии, а коллективом авторов, что важную роль в редактировании закона принял В. И. Ленин и другие деятели большевистской партии.

Разработка советского аграрного законодательства неизбежно выходила на важнейшую проблему тех лет — проблему собственности. Советские правоведы уже в 20-е годы пытались обратить на нее внимание¹⁵. Однако практика упрощенного отношения к этой проблеме привела к тому, что она была постепенно вытеснена из числа исследуемых.

Принципиально важное значение в изучении вопросов формирования системы государственного управления сельским хозяйством имеет исследование ее функционирования. Важно проследить основные каналы воздействия партийно-государственного аппарата на деревню в рассматриваемый период.

Еще в 20-е годы в историографии началась разработка такого важного вопроса аграрной политики, как землеустройство. В книге И. А. Кириллова¹⁶ рассматривается процесс распределения помещичьих земель на основе Декрета о земле, землеустроительные мероприятия Советской власти с целью регулирования социально-экономических процессов в деревне. При этом автор показывает эволюцию землеустроительных органов, их структуру и деятельность в соответствии с Положением о земельных отделах Советов от 11 мая 1919 г. Продолжают эту тему М. И. Снегирев и Т. В. Домрачева¹⁷.

На новый уровень изучение проблемы поднимает В. П. Данилов¹⁸. Рассматривая вопрос о количестве и качестве полученной крестьянами в результате революции земли, автор пытается снять многие противоречия, имеющиеся в предшествующей литературе. При этом процесс аграрных

преобразований в первые годы Советской власти анализируется в органической связи с деятельностью государственных земельных органов, что особенно важно для нашего исследования. Освещаются и другие стороны государственного регулирования социально-экономических процессов в деревне, в частности налоговая политика. Отдельные попытки исследования налоговой системы советского государства предпринимались и ранее¹⁹.

Однако практически выпали из поля зрения советских исследователей такие важные каналы государственного воздействия на крестьянскую экономику, как планирование, финансовая политика, политика цен и др.

Особое значение наша историография придавала изучению опыта кооперативно-колхозного строительства²⁰. Имеются и специальные работы, посвященные деятельности государства и в организации управления колхозами²¹. Привлек внимание исследователей опыт создания государственных предприятий в сельском хозяйстве (совхозов) и руководства ими²².

Важен вклад историков в изучение аграрных теорий 20-х годов. Начальный период существования Советской власти и особенно первая половина 20 годов — период становления советской экономической науки. Тогда наряду с дискуссиями в рамках марксистского направления шли дебаты, в которых принимали участие ученые самых разных взглядов и где имели место даже полярные позиции, но не было приклеивания политических ярлыков. 1926-1927 гг. — своего рода рубикон. С 1927 г. преимущественно научные обсуждения, в ходе которых формировались альтернативные концепции дальнейшего развития страны, сменяются политической борьбой, ярлыками. С тех пор в работах четко прослеживается разделение экономистов на правых и левых, марксистов и авторов буржуазных и мелкобуржуазных концепций.

Вехой в истории советской экономической науки стало выступление Сталина 27 декабря 1929 г. на I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, организованной Коммунистической академией, в котором он, в частности, заявил: «...в нашей общественно-политической жизни все еще имеют хождения различные буржуазные и мелкобуржуазные теории по вопросам нашей экономики» и поставил задачу «выкорчевать эти теории и отбросить их прочь»²³. Это выступление положило начало преследованию таких крупных экономистов, как Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев и др. А. И. Стецкий в своей речи на XVI съезде ВКП(б) охарактеризовал их как «группу ученых», которые упорно

отстаивают и проводят буржуазную идеологию», как «плеяду» буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков»²⁴.

Следующим шагом стала негативная оценка Сталиным 9 февраля 1930 г. общеметодологической дискуссии, развернувшейся в экономической литературе. Как всегда, он сделал это в резкой и грубой форме, заявив, в частности, что участники дискуссии убили «два года работы на отвлеченные темы, конечно, в угоду и к выгоде наших врагов»²⁵.

И наконец, в феврале-марте 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) в докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» Сталин дал развернутое обоснование концепции неизбежности обострения классовой борьбы после завершения переходного периода.

С тех пор вплоть до самого недавнего времени официальная трактовка событий 20-х — начала 30-х годов оставалась однозначной: кулачество имело своих идеологов и «теоретиков» как вне партии — в лице кондратьевцев и чаяновцев, так и в ней — в лице троцкистов и бухаринцев. Глубокое идеологическое родство постоянно сближало их на сложных перекрестках классовой борьбы. Например, кондратьевцы и чаяновцы, действуя «порознь» в восстановительный период, выступили единым фронтом против индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, объединившись в подпольную трудовую крестьянскую партию «для борьбы с Советской властью»²⁶. Для большинства советских историков, прошедших школу классового анализа, именно эти взгляды составляли основу мировоззрения²⁷.

Историки лишь пытались объяснить, в определенном смысле узаконить существующий режим в умах нескольких поколений, всячески доказывая мудрость принимаемых решений. Конечно, в дозволенных пределах отмечая и недостатки, но только лишь «объективности» ради, чтобы еще раз подчеркнуть правильность курса и трудность решаемых задач.

* * *

Разумеется, нельзя отрицать вклада советской историографии в решение ряда конкретных сюжетов исторической науки, но многое на новом витке развития общества требует переосмысления.

Без сомнения, деидеологизация истории несет в себе положительный момент переоценки исторических взглядов.

Однако увеличивается опасность поспешных политических конструкций. В сегодняшней публицистике и исторической литературе проступает тенденция к чрезмерно быстрым и простым ответам.

Поэтому именно сейчас в исторической науке вопросы методологии, теории познания выдвигаются на первый план²⁸. Но как в этом преобладающем сегодня стремлении выработать «методологию прогресса» отнестись к 70-летнему опыту советской историографии? Забыть, как досадное заблуждение скованного доктриной знания? Исторический опыт показывает, что в истории науки нигилизм неуместен. И поэтому спор с предшественниками должен быть уважительным и серьезным, ибо важен предмет спора — история народа, государства и общества.

Ныне при анализе нашей проблемы, как представляется нужен иной подход, требующий сложных ответов, включающих характеристику хронологических границ, содержания и противоречий каждого из этапов изучаемого периода, взаимовлияния и взаимопроникновения разных срезов действительности — экономики и политики, теории и идеологии, наконец, конкретной практики управления с учетом обратной связи — отношения крестьян, общества к проводимым преобразованиям. Объединяющим моментом при этом может и должен быть принцип историзма.

Важно также понять, что нельзя делить наше знание на советскую и зарубежную историческую науку. Если раньше в целом позиция советских историков сводилась к критике буржуазной историографии, то сегодня ситуация меняется. Мы по-другому смотрим на исследовательский опыт зарубежных коллег, во многом переоценивая свои взгляды и «открывая» для себя то, что оказывается уже давно известно. Мы все больше приходим к выводу, что историографический процесс един, хотя есть и могут быть разные школы, что исследователи разных стран стремятся к одному — к познанию истины.

Кроме того, сегодня, когда рушится образ врага, исчезает непонимание между нашей страной и Западом, важным становится вовлечение в единое историографическое русло эмигрантского направления исторической и экономической мысли. Применительно к изучаемой проблеме это касается имен, связанных прежде всего с первой волной российской эмиграции, которые много раньше, чем профессиональные историки зарубежных стран, подняли важнейшие проблемы истории и экономики Советской России.

Исходя из указанных посылок, при анализе современного периода историографии есть смысл рассмотреть в единстве советскую, зарубежную и эмигрантскую историческую мысли. Поскольку эмигрантская научная литература включается в наше активное знание лишь сегодня, мы, может быть и нарушая традиционно понимаемый исторический подход, относим к современному периоду историографии.

Одной из стержневых в исследовании является проблема бюрократизации общества, она рассматривается на примере складывания системы государственного управления сельским хозяйством. Вопрос об опасности бюрократического перерождения советского государства активно обсуждался уже в партийных дискуссиях 20-х годов, однако в таком контексте в советской историографии он никогда не ставился.

Достаточно активно выдвигала этот процесс русская эмигрантская литература 20-х годов. Как правило, это статьи в русских эмигрантских журналах. Авторы их предупреждали об опасности, связывая ее прежде всего с постоянно расширявшимся вмешательством партии и государства в общественную жизнь. Особый акцент делался на подмену указаниями партии государственного регулирования, которое, к слову сказать, не рассматривалось как необходимый атрибут развития крестьянского хозяйства. Горечь обиды за происходящее в России порой подменяет предметный исследовательский анализ²⁹.

Проблема бюрократизации советского общества поднималась в зарубежной историографии и более позднего периода. В определенном смысле итоговым здесь стал международный научный симпозиум в Вуппертале (ФРГ) в октябре 1989 г. Главные направления дискуссии были определены в докладах представителей разных методологических школ Э. Манделя и М. Левина. Оба выступления рассматривали бюрократизм в двух его основных формах — как административную систему, оторванную от интересов трудящихся, и как господство партийного аппарата над массой членов партии большевиков³⁰. Исследователи дают общую картину бюрократизации общества, складывания партийно-аппаратной, а также административно-командной элиты в целом. Что же касается конкретных процессов управления экономикой вообще и сельским хозяйством в частности, то интерес к ним, как видно или еще не «проснулся», или же связан с труднодоступностью для зарубежных исследователей источников по проблеме.

Советская историографи, как уже отмечалось, довольно подробно исследовала проблемы становления аппарата советских органов управления сельским хозяйством. Но видимо, при изучении этой темы сегодня необходимо не только исторический подход, историческая динамика структурных подразделений аппарата управления, но и место их в общем процессе бюрократизации общества, который должен рассматриваться не только как специфика большевистского режима, но и как закономерность, присущая всем обществам.

Много говорится сегодня об административно-командной системе управления, которую ученые и публицисты обвиняют во всех наших бедах. Но нет до сего дня ни одной исторической работы, которая бы на конкретном материале показала ее корни, пути складывания, механизм функционирования и воздействия на общество, наконец, обратную его реакцию необходимо проследить складывание таких корней бюрократизма, загнивания системы, как сверхцентрализация власти и монополизм в экономике, выяснить действие политической линии, классового принципа в управлении сельским хозяйством страны.

Методологически важной при таком подходе становится проблема преемственности в послеоктябрьской России, когда в результате мировой войны, революции и гражданской войны исчезли старые экономические связи, был утрачен громадный производственный и организационный опыт. Пока смелый шаг в разработке проблемы сделали авторы коллективного труда «От царизма к новой экономической политике» под ред. Р. Дэвиса, где развитие экономики России и связанных с ней сфер рассматривается не с 1917 г., как принято в предшествующей историографии, а охватывает период с 1913-1914 гг., хотя этот хронологический рубеж, как представляется, не особенно мотивирован³¹.

В контексте проблемы преемственности одним из направлений исследования должна стать проблема использования старых кадров.

По-новому предстоит рассматривать проблему чиновничества. Интересным опытом исследования категории советских служащих опять-таки является написанный М. Перри и Р. Дэвисом текст в уже упомянутом труде «От царизма к новой экономической политике». Однако провести подробный анализ на нескольких страницах главы, представляющей социальный фон в книге, по меньшей мере трудно.

При изучении государственного управления сельским хозяйст-

вом важнейшим является выяснение взаимоотношений партии и государства. В советской исторической литературе такая проблема даже и не ставилась в научном ключе, ибо априорно было все известно и не требовало доказательств, что на всех этапах истории нового строя государство выполняло роль своеобразного «исполкома» партии, проводя в жизнь мудрые решения съездов, концернций и пленумов ЦК. Механизмом взаимодействия этих важнейших структур политической системы общества никто не интересовался, да это и трудно было сделать на основе той дозированной и количественно и тематически информации, которая «отпускалась». К тому же разработка проблем социально-экономической истории, государственного строительства и партийного руководства различными сторонами жизни общества велась довольно обособленно друг от друга. Более того, между ними, как правило, была «китайская стена», преодолеть которую мало кто из исследователей пытался³², а существование историко-партийной науки закрывало наглухо возможность вторжения гражданских историков в эту заповедную зону.

Следует иметь в виду, что зарубежная историография не считает постановку вопроса о взаимоотношениях партии и государства новой. Специфику советской власти она уже давно определила как «систему партия—государство»³³. Приоритет в этом также принадлежит русской эмигрантской науке 20-х годов³⁴. Но отсутствие в научном обороте важного фактического материала, который и сегодня недоступен и не только зарубежным исследователям, порой снижает значимость логических построений.

Сегодня необходимо по-новому посмотреть на проблему складывания механизма взаимодействия партийных и государственных органов в управлении сельским хозяйством: проследить принципы и практику их воздействия на крестьянство и крестьянскую экономику, механизм принятия и осуществления решений. И уже потом ответить на вопросы: каково реальное соотношение сил и властных полномочий важнейших структур в политической системе нашего общества, какая из них имела реальные возможности влияния на ход событий в аграрном секторе.

Появились работы с новым подходом в исследовании этой проблематики. Главным образом это материалы в периодических изданиях, посвященные аграрным проблемам³⁵. Однако и они не свободны от стереотипов прежних лет. Ярko, публицистично написаны статьи историков Г. А. Бордю-

гова, В. А. Козлова, Н. С. Симонова преимущественно о нэпе³⁶. Безусловно, работы интересные, внесшие новое в некоторые оценки нэпа и социализма в целом. Но при анализе нэпа важны не только общая характеристика его места, перспектив и альтернатив, но и, может быть выявление его поворотов, внутренних резервов и разного уровня противоречий. И здесь нужны фундаментальные исследования по конкретным проблемам экономики, политики, культуры, социологии.

Отечественная историография дает примеры таких работ. В 1991 г. были защищены две кандидатские диссертации по планированию в 20-е годы³⁷, правда, одна — по экономике, вторая — по источниковедению. Но это уже работы, показывающие современные подходы к изучению проблемы. Интересные наблюдения, характеризующие государственную политику в эти годы делает Ю. П. Бокарев³⁸. Однако новая в целом постановка вопроса о политике цен дана в общеэкономическом плане, менее показана специфика регулирования крестьянской экономики.

Что касается зарубежных историков, то они крайне редко обращаются к исследованию конкретных проблем советской аграрной истории землеустройства, планирования, финансирования, налоговой политики в деревне. Правда, довольно широко представлена в этой литературе история крестьянской общины в изучаемый период³⁹. Важный вклад здесь внесли японские исследователи. Их интерес во многом объясняется тем, что в довоенной японской деревне также большую роль играла община, что именно это легло в основу авторитарного политического режима довоенной Японии⁴⁰.

Серьезный научный интерес представляет выяснение специфики управления различными секторами аграрной экономики. Если ранее отечественные историки придавали особое значение изучению кооперативно-колхозного строительства, то сегодня они обходят эту проблематику.

В зарубежной историографии эти проблемы довольно активно изучаются.

Однако наряду с научными исследованиями «социалистического преобразования сельского хозяйства», примером которых может служить книга М. Левина⁴¹, имеются и работы с броскими названиями (что вообще характерно для зарубежной историографии), которые даже с натяжкой нельзя отнести к разряду научной литературы⁴².

Осмысление означенной выше проблемы невозможно без знания теоретической мысли и идеологических установок тех лет.

Сегодня начинается переоценка существовавших ранее позиций⁴³.

За рубежом уже давно уделяется большое внимание теоретическому наследию наших ученых-аграрников. Особенно велик интерес к А. В. Чаянову и организационно-производственному направлению русской экономической мысли⁴⁴. Одним из первых обзор складывания двух направлений русской экономической науки — организационно-производственного и социально-экономического — сделал Н. П. Макаров⁴⁵.

Из политических лидеров, имеющих непосредственное отношение к проблеме, большой популярностью среди исследователей пользуется Н. И. Бухарина, изучается его теоретическое и политическое наследие⁴⁶.

Несмотря на достигнутые определенные успехи, опыт отечественной экономической науки, а также науки управления 20-х годов по существу не изучен. Это порождает преувеличение, а подчас и искаженные представления о достижениях в этой области зарубежных ученых. Хотелось бы подчеркнуть, что в свое время они многое заимствовали из теорий советских экономистов. Но, с другой стороны, не следует и идеализировать эти теории, ибо в современных дискуссиях весьма отчетливо выявляется тенденция поднять их историческое значение за счет преуменьшения трудностей и противоречий нэпа.

В ходе переосмысления этой проблемы важно вернуть борьбу идей, научную дискуссию к их исходным посылкам начиная с первых лет Советской власти, когда не было еще уклонистов, и оппортунистов, когда не появилась еще та генеральная линия, которая будет потом названа единственно научной. Вне такого подхода не будет полным как думается, наше представление об экономических процессах и идейном противоборстве в изучаемый период, когда зарождались проблемы, которые перед нами стоят сегодня.

Прежде всего это проблемы собственности. Проблема принадлежности земли, собственности — одна из основных в нашей истории, влекущая за собой историческую цепочку объяснений по другим вопросам. Как показала практика 20-х годов, управление сельским хозяйством затруднялось упрощенно решенной проблемой собственности.

Сегодня особенно ясной становится необходимость юридического осмысления поземельного положения крестьянства и государства, ибо советская историография всегда гораздо меньше внимания уделяла правовым, чем экономическим сюжетам. Попытку исследования аграрного законодательства первых лет

Советской власти предприняли русские эмигранты еще в 20-е годы (кстати, сказать, одновременно с советскими правоведом¹⁷). С тех пор эта инициатива не была поддержана ни советской, ни зарубежной историографией.

Ныне наблюдается «взрывной» интерес к проблемам собственности со стороны и правоведов, и экономистов, и историков¹⁸. Такая «популярность» таит в себе и скрытую опасность — проблема может быть «заговорена», размыта в бесконечных круглых столах, дискуссиях, суждениях, как это в определенном смысле случилось с проблемой нэпа.

Требуется капитальное монографическое исследование, включающее юридические, историко-экономические, историко-психологические и другие аспекты проблемы собственности. Как представляется, наиболее продуктивным здесь может оказаться историческое исследование. Именно история как наука может объединить в себе изучение всех основных проблем истории собственности.

Первым шагом к такого рода исследованиям может стать стыковка современной и дореволюционной историографической традиции.

Подводя итоги историографии проблемы, следует отметить, что, несмотря на достигнутые успехи в изучении советского государственного строительства, истории крестьянства и сельского хозяйства России, государственное управление аграрной экономикой нельзя отнести к числу достаточно хорошо разработанных проблем. Она специально не ставилась ни в советской, ни в зарубежной историографии. Изучению подверглись лишь некоторые ее стороны и отрезки избранного нами периода. Многие же составляющие ее вопросы, например, взаимодействия партийных и государственных структур, центральной и местной власти, соотношения экономических и административных методов в процессе управления отраслью не получили освещения. Происходящие сегодня позитивные изменения исторического сознания создают хорошие предпосылки для плодотворного переосмысления советской истории в целом и отдельных ее проблем, в том числе и рассматриваемой в данной работе.

* * *

Предметом данного исследования является государственное управление сельским хозяйством как развивающаяся система. Рассматриваются государственные органы управления и их функ-

ционирование, в ходе которого и осуществлялось основное воздействие государства на аграрный сектор экономики.

Современная наука об управлении характеризует его как способ упорядочивающего воздействия на объект управления и выделяет в нем два уровня: руководство, которое определяет цели управления, способы, методы воздействия на объект управления, общие принципы построения и функционирования управляющей системы; и собственно управление, или оперативное управление, которое всегда конкретно и связано с практической реализацией «руководящих установок» с учетом ситуации и особенностей управляемого объекта. В данном случае государство и его органы выступают в качестве субъекта управления, а объектом — одна из важнейших отраслей экономики — сельское хозяйство, с которым в исследуемый период было связано 85% населения страны.

В монографии автор опирается на понятие управления, включающее и руководство, и оперативное управление. Управление — единый целостный процесс. Выделение в качестве предмета исследования одной из его сторон было бы искусственным и методологически неверным.

Несмотря на существующее в теории четкое разграничение функций: руководства для высших государственных органов и управления для нижестоящих (центральных и местных), практически это разделение провести очень трудно. Отчасти это связано с происходившими тогда процессами становления системы и кристаллизацией функций, отчасти со сложностью управления отраслью, ее особенностями, а также с другими факторами.

Говоря о системе государственного управления сельским хозяйством, следует иметь в виду систему органов управления и механизм управления, второй складывается в результате функционирования первой. Эти два компонента взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга.

Названным выше аспектом темы соответствует две центральные главы работы. Одна (глава II) посвящена созданию системы государственных органов управления сельским хозяйством, формированию их состава, структуры, взаимоотношениям партийных и государственных структур, центральной и местной государственной власти, другая (глава III) — функционированию этой системы. В ней рассматривается конкретная деятельность органов управления, каналы регулирующего воздействия советского государства — планирование, финансирование, землеустройство, политика цен и налоговая политика, материаль-

но-техническое снабжение и др. Каждое из направлений такого воздействия на крестьянское хозяйство осуществлялось как экономическими, так и административно-командными методами. Динамика их соотношения определялась временем, конкретной ситуацией, принимаемыми политическими решениями. Сочетание, взаимовлияние методов и форм воздействия государства на процесс производства в сельском хозяйстве приводили к складыванию определенного хозяйственного механизма. В исследуемый период исторически достаточно четко выделяются два основных этапа экономической политики советского государства и соответствующие им системы форм и методов хозяйствования — это «военный коммунизм» и нэп.

Акцент на функциональных аспектах управления несколько заслоняет политическую сторону вопроса, а именно она пронизывала весь процесс управления отраслью и определяла структуру организации сельскохозяйственного производства, несла в себе заряд создания новых общественных отношений. Исходя из этого появилась необходимость особой главы, выявляющей специфику управления различными секторами сельскохозяйственного производства — индивидуальным крестьянским хозяйством, колхозами и совхозами.

Поскольку экономическая концепция социализма складывалась в процессе практического строительства нового общества и проходила в острых теоретических и идеологических дискуссиях, предпринята попытка показать, как это влияло на ход управления важнейшей из отраслей экономики.

* * *

Использованные в работе источники разделяются на несколько основных групп. Учитывая характер эпохи, специфику времени, когда развитие событий прежде всего определялось и задавалось направлением политической линии, важное место среди использованных источников занимают документы коммунистической партии, а среди них материалы ее ведущих лидеров и, прежде всего, В. И. Ленина.

Основой деятельности государственных органов управления сельским хозяйством стала аграрная концепция большевиков, разработанная преимущественно В. И. Лениным. Кроме того, в его трудах содержится конкретный материал по государственному строительству, проблемам аграрных преобразований и деятельности государственных органов, управлявших этими процессами.

Среди собственно партийных материалов серьезное значение для исследования имеют протоколы заседаний партийных съездов, их резолюции и решения, документы и материалы Всероссийских партийных совещаний, посвященных работе в деревне, резолюции и постановления губернских и уездных партийных конференций, переписка местных партийных органов с вышестоящими и др.

Партийные документы разнообразного характера, опубликованные в рассматриваемый период на страницах «Правды» — органа ЦК РКП(б), позволили автору исследовать некоторые аспекты роли партии в создании и налаживании деятельности государственных земельных органов. Интересный материал по формированию партийного состава государственных органов управления заимствован автором из журнала «Известия ЦК РКП(б)», хотя эти данные относятся к первой половине 20-х годов, они имеют важное значение для воссоздания общей картины роли партии в организации управления сельским хозяйством.

Использованы автором и материалы Отдела ЦК РКП (б) по работе в деревне (1919-1921 гг.), компактно и в отличном состоянии сохранившиеся в ЦПА ИМЛ и довольно активно изучаемые историками.

В монографии впервые вводятся в научный оборот материалы Секретного отдела ЦК партии, где помимо ранее закрытых сведений (например, сводки ГПУ и данные Орграспредотдела ЦК) содержится добротный статистический, аналитический, наконец, просто фактический материал, направлявшийся сюда различными государственными ведомствами и характеризующий экономическое состояние сельского хозяйства и возможности партийно-государственного на него воздействия.

Использованные партийные материалы позволяют проследить динамику складывания системы партия-государство, определить «лидеров» и «аутсайдеров» этого процесса, понять механизм воздействия на общество.

Политическая линия, которая формировалась в ходе работы партийных органов, находила свое воплощение в законодательных актах, правительственных постановлениях и материалах законодательных органов, которые и составляют следующую важную группу источников.

Это, прежде всего, известные фундаментальные публикации — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР и СССР, Декреты Советской власти и др. Обращение к архивным фондам ЦГА ОР и ЦГАНХ позволило

выявить некоторые неизвестные широкому кругу исследователей законодательные акты и правительственные постановления, а также проследить процесс их разработки. Это, например, постановления СНК РСФСР и СССР «О приведении порядка деятельности экономических наркоматов в соответствие с постановлением VIII съезда Советов», «О народном комиссариате земледелия», «Положение о Госплане и первичных плановых органах» и др.

Базовый комплекс использованных в монографии источников составляет делопроизводственная документация государственных учреждений — от высших органов власти и центральных органов управления до местных.

Делопроизводственная документация высших органов государственной власти — это прежде всего материалы комиссий ВЦИК, связанные с управлением сельским хозяйством (ЦГАОР ф. 1235 — ВЦИК, оп. 92 — Крестьянский отдел ВЦИК; ф. 1066 — Всероссийский Комитет содействия сельскому хозяйству при ВЦИК) и протоколы СНК РСФСР и СССР (ЦГАОР, ф. 130 — Совнарком).

В протоколах Совета Народных Комиссаров содержатся материалы о назначении наркомов, их заместителей, членов коллегий наркоматов, об организации деятельности органов управления сельским хозяйством и др. В фонде Совнаркома сохранилась также его переписка с Наркомземом, Наркомпродом, Наркомфином, Госпланом и их сотрудниками, материалы об организационной структуре этих ведомств, о подборе и направлении кадров на различные участки хозяйственной работы и другие ценные материалы.

Не менее важны были для работы разнообразные документы и материалы центральных государственных органов управления. Часть их взята из публикаций, часть — из ЦГАОР (ф. 374 — НК РКК СССР) и ЦГАНХ (ф. 478 — Наркомзем РСФСР, ф. 7486 с/ч (секретная часть — Н.Н.) — Наркомзем СССР; ф. 3108 — Главное управление советских хозяйств; ф. 4372 — Госплан; ф. 7733 — Наркомфин; ф. 7446 — Колхозцентр). Эта группа документов наиболее многочисленна и разнообразна по характеру представленных в ней материалов.

Среди них следует выделить распорядительную документацию центральных органов управления. Она представлена инструкциями, приказами народных комиссаров по изменению организации ведомств и др., которые почерпнуты нами из сборников документов ведомственного характера, издаваемых в служебных целях как обязательный руководящий материал

для местных органов⁵⁰. Однако, основная масса распорядительной документации отложилась в архивных фондах. Главным образом это многочисленные циркуляры разным ведомствам, нижестоящим организациям, раскрывающие действие декретов, инструкций и т. п.

Наиболее многочисленные документы о текущей организационной и оперативно-производственной деятельности центральных органов управления сельским хозяйством. Важное место среди них принадлежит ведомственной статистике.

Многие материалы, особенно начального периода строительства и деятельности комиссариатов, связанные с организацией воздействия на деревню, опубликованы в газете «Голос трудового крестьянства» под рубрикой «В комиссариате земледелия». Здесь можно найти основные решения коллегии Наркомзема, что является особенно важным для характеристики первых месяцев его работы. Подобную информацию по другим наркоматам иногда публиковали газеты «Экономическая жизнь», «Сельскохозяйственная жизнь», «Беднота» и др. Материалов о деятельности государственных органов начального периода Советской власти сохранилось мало. Во многих случаях газеты являются единственным источником.

Неоспоримо значение материалов фондов Госплана (ЦГАНХ, ф. 4372) и Наркомфина (ЦГАНХ, ф. 7733), где в протоколах заседаний президиума, коллегии, секций и бюро по сельскому хозяйству содержатся богатые сведения о планировании, финансировании сельского хозяйства, взаимоотношениях связанных с ним различных ведомств, что в конечном итоге позволяет понять степень регулирующего воздействия государства на производственные процессы в сельском хозяйстве.

Учитывая роль Наркомзема как основного государственного органа управления сельским хозяйством страны, остановимся на материалах его фонда (ф. 478 в ЦГАНХ).

Прежде всего большое значение для разработки истории государственного управления сельским хозяйством в 1917-1929 гг. имеют документы секретариата НКЗ за этот период. Особую важность представляют протоколы заседаний коллегии и приложения к ним. Этот вид делопроизводственной документации отражает совокупность вопросов, которыми ведал и занимался Наркомзем. Протоколы коллегии комиссариата показывают лицо учреждения, объем, направления, характер его работы, а также дают ключ к пониманию других групп материалов, связанных с его деятельностью. Однако большинство из них являются «глухими», в них зачастую указывается

только повестка заседания, фамилия докладчика по каждому вопросу и принятые решения. Поэтому особую ценность приобретают приложения к протоколам коллегии. Это объяснительные записки, проекты резолюций, приказов, инструкций и т. п.) Однако без привлечения документов отделов Наркомзема (докладные записки, справки, переписка с инструкторами и др.) нельзя хотя бы относительно полно показать его роль в оперативно-производственном руководстве сельским хозяйством.

Связь комиссариата с другими подразделениями советского государства, а также с местными земельными органами и непосредственно с крестьянами отражена в переписке Наркомзема. Изучение ее материалов, относящихся к ней, позволяет выяснить вопросы конкретного руководства партии, сельским хозяйством как в целом, так и отдельными его отраслями.

Среди источников, показывающих текущую организационную работу комиссариата, следует выделить хотя и малочисленные материалы по личному составу. Главным образом это списки сотрудников отделов, анкеты служащих учреждений. Однако, использование однотипных анкет с целью статистической обработки, затруднено неупорядоченностью расположения их внутри фонда (в различных делах, описях). Отдельные данные встречаются в документах о партийной принадлежности, отсутствуют документы, позволяющие проследить изменения социального состава служащих учреждений. Открытая недавно для исследователей секретная часть фонда Наркомзема СССР (ЦГАНХ, ф. 7486 с/ч) в некоторой степени восполняет этот пробел.

Помимо вышеупомянутых документов директивного характера можно выделить документы и материалы, в которых обобщены результаты работы и строительства Наркомзема за отдельные периоды, — отчеты о проведении сельскохозяйственной кампании, деятельности отделов, о работе комиссариата в целом. Важен имеющийся здесь статистический материал. Документов этих немного. Прежде всего, сюда следует отнести опубликованные отчеты Наркомзема IX—XII Всероссийским съездам Советов.

Источником для разработки избранной темы стали опубликованные документы и материалы местных земельных органов. Нами использованы сборники документов по установлению Советской власти в разных губерниях России⁵¹. В большинстве из них сведения о создании и деятельности земельных

органов весьма отрывочны или совсем отсутствуют. Несколько подробнее представлен материал о деятельности местных государственных органов по управлению сельским хозяйством в недавно опубликованных документальных сборниках «Документы свидетельствуют» и «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917-1922», «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923-1927»⁵².

Немалый фактический материал о деятельности местных земотделов, продовольственных и финансовых органов почерпнут автором из периодической печати того периода. Прежде, всего, это газеты «Известия ВЦИК», «Экономическая жизнь», «Голос трудового крестьянства», «Беднота». Наиболее распространенным видом публикаций в них были постановления и резолюции местных Советов и их земельных отделов по вопросам распределения земли, организации коммун, артелей и т. п. В разделе «Телеграммы» помещались краткие сообщения с мест, в том числе и об аграрных преобразованиях. Значительно реже публиковались сообщения о ходе аграрной революции на местах.

При подготовке монографии использованы материалы местных органов, осуществлявших государственное регулирование сельскохозяйственного производства, отложившиеся в ЦГАОР (ф. 374, ф. 1066) и ЦГАНХ (ф. 478, ф. 7486 с ч, ф. 7733, ф. 4372). Это материалы обследований НК РКИ, отчеты о работе губземотделов, уставы коммун и артелей, разработанные на местах, ходатайства о выделении средств, письма земельных работников, и крестьян и др. Все эти документы содержат богатый фактический материал, который не в состоянии дать ни одна докладная записка инструктора или уполномоченного — Наркомзема.

Особую группу источников представляют документы и материалы государственных органов управления буржуазного Временного правительства. Это документы фондов Министерства земледелия (ф. 934) и Главного земельного комитета (ф. 930), выявленные автором в ЦГАОР. Использование их необходимо для освещения вопросов преемственности в организации новой государственной системы.

Составной частью источниковой базы монографии является мемуарная литература. Нами использовано около двух десятков воспоминаний, непосредственно относящихся к теме исследования. Авторами их преимущественно являются руководящие партийные и советские работники, люди, принимавшие активное участие в создании партийно-государственного аппара-

та. Как правило, все эти работы опубликованы к 5- и 10-летию Октябрьской революции и только некоторые из них вышли в последние годы⁵³. Воспоминания во многих случаях оказались ценным источником для уточнения существенных фактов. Помогли в этом, например, воспоминания В. П. Милютина и В. Н. Мещерякова о первых месяцах работы Наркомзема, А. Г. Шлихтера, В. И. Ленина в организации и налаживании деятельности советских государственных органов и др.

В ходе изучения почерпнутой информации, приходилось сталкиваться с разночтениями и противоречивыми оценками. Так, при исследовании вопросов планирования сельского хозяйства — в 20-е годы выявлены противоположные позиции и оценки Госплана и Наркомзема по многим конкретным сюжетам разработки «пятилетки Контратьева». Крайне противоречивая информация по вопросам кредитования сельского хозяйства в годы нэпа содержится в материалах Наркомфина и Комитета содействия сельскому хозяйству при ВЦИК и др. Поэтому приходилось использовать метод сравнительного анализа.

Основным методом изучения стал фронтальный просмотр, а не выборочное исследование. Это дало возможность раскрыть сложную многоплановую взаимосвязь различных государственных структур в процессе управления аграрной экономикой, изнутри посмотреть на складывание основных принципов регулирующего механизма и проследить при этом динамику изучаемых процессов.

Глава I. ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ОТНОШЕНИЯ К КРЕСТЬЯНСТВУ

Эволюция ленинских взглядов

Традиционно принято считать, что марксизм исключал возможность прихода крестьян к социализму иначе как после их пролетаризации, ...экспроприации крупной, все больше и больше концентрирующейся земельной собственностью. Положения, сформулированные в Манифесте Коммунистической партии, не оставляли места прогрессивной, самостоятельной роли крестьянства, форм его хозяйствования в социалистическом переустройстве общества. «...Мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата...»¹.

Однако позиция Маркса и в аграрном вопросе не была категорически прямолинейной. Размышляя о специфике аграрного производства, в III томе «Капитала» Маркс пишет: «Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие... состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие не совместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей»². Считая отчуждение труда одним из характерных пороков капиталистического общества, Маркс видит, что в земледелии оно имеет катастрофические последствия, так как «подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее природная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне»³. Это представление возникло у Маркса на заключительной стадии его работы над «капиталом», вступив в противоречие с более ранними, весьма оптимистичными представлениями.

Ленин считал, что верность марксизму необязательно должна отождествляться с полным совпадением взглядов⁴. «Мы вовсе

не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую специалисты должны двигать во всех направлениях»⁵.

В 1895-1896 гг. в работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подверг уничтожающей критике попытки народников истолковать позицию Маркса по аграрному вопросу в духе идеи о превосходстве мелкого земледелия над крупным — идеи, согласно которой в земледелии капитализм не играет прогрессивной исторической роли. Ленину, прекрасно знавшему теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, не составляло труда продемонстрировать несостоятельность апелляции к Марксу В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона — достаточно было напомнить о имеющихся в «Капитале» высказываниях, прямо опровергающих положения народнической теории. «С одной стороны, революция земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, — с другой стороны, сведение к абсурду поземельной собственности, таковы заслуги капиталистического способа производства». В этой ситуации остался незамеченным тот факт, что Маркс, рассматривая в «Капитале» данную тенденцию, очертил вместе с тем и пределы ее действия: «...рациональное земледелие не совместимо с капиталистической системой... и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей».

Возражая народникам, выносившим на щит это многозначительное высказывание Маркса, Ленин считал, что спор идет не о том, совместим ли капитализм с рациональной постановкой земледелия, — это давно известно. Спорили о смысле Марксова высказывания: шла ли в нем речь о специфике земледелия, выделяющей его из прочих видов производственной деятельности.

Думается, что Маркс имел в виду именно эту специфику. Причем он отнюдь не сразу пришел к осознанию уникальной особенности сельскохозяйственного труда. Эту проблему ему пришлось решать в период работы над завершающим томом «Капитала». Он исходил из следующих фактов. Аграрная революция в Англии до тла разорила сельскохозяйственное производство, практически полностью ликвидировала крестьянство, превратив большую его часть в доведенных до крайней степени деградации люмпенов. Но объективно таким способом был создан рынок дешевой наемной рабочей силы, что и послужило основой чрезвычайно быстрого и бурного развития капиталистической крупной индустрии.

Логично было предположить, что параллельно с крупной фабричной промышленностью и на подвергшейся «чистке» земле будет строиться столь же высокоэффективное крупное сельскохозяйственное производство, основанное на наемном труде. И действительно оно строилось на родине капитализма, в Англии. Со временем, однако, стало обнаруживаться, что результаты капиталистического аграрного производства отнюдь не вдохновляющие. В III томе «Капитала» Маркс вопреки своим прежним прогнозам вынужден был констатировать факт, что в странах, где в той или иной форме сохранилось традиционное крестьянское хозяйство (в Швеции, Франции, США), хлеба больше и он дешевле: «...в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства».

В. И. Ленин отрицает такой подход, опирающийся на специфику аграрного труда, и видит в этом другое: «Остается затем указание Маркса на «мелкого, живущего своим трудом крестьянина». Никто из ссылавшихся на его слова народников не потрудился объяснить, в каком смысле они понимают их, не потрудился поставить это указание в связь, с одной стороны, с контекстом, с другой — с общим учением Маркса о мелком земледелии».

В цитированном месте «Капитала», пояснял Ленин, шла речь о том, как сильно колеблются цены на сырые материалы, как это, нарушает пропорциональность и систематичность производства, соотношение земледелия с промышленностью. Только в этом плане — пропорциональности, систематичности, планомерности производства — Маркс и приравнивает мелкое крестьянское хозяйство к хозяйству «ассоциированных производителей».

Обратимся к тексту «Капитала». Рассуждая о колебаниях цен на сырье. Маркс опять исходит из специфики аграрного производства и делает вывод: чтобы избавиться от колебаний цен на органическое сырье и сопряженных с ним потрясений в сфере промышленности, нужны ассоциации капиталистических производителей, задачей которых будет «стремиться... к повышению производственной мощности соответствующих стран, доставляющих сырой продукт, независимо от цены, за которую непосредственно в данное время эти страны могут доставить продукт». Но даже мысль о «коллективном, решительном и дальновидном контроле» несовместима с самим духом

капиталистического предпринимательства и потому всегда остается благим пожеланием»¹³. В таком случае, реальным гарантом сохранения рациональности земледелия может быть только «мелкий, живущий своим трудом, крестьянин».

Положение об особенностях сельскохозяйственного производства важно с точки зрения теории, с точки зрения принципа, что особенно следовало учитывать в критике земельной программы народников. К этому вопросу Ленин вновь и вновь вынужден был обращаться, учитывая также и необходимость пропаганды идей марксизма как учения, «только прививающегося на русской почве». Ленин ставит задачу распространять идеи марксизма, формировать то, что он называл социал-демократическим сознанием не только среди рабочих, а во всех слоях населения. В этой связи показательной является одна из его ранних работ по аграрному вопросу «К деревенской бедноте. Объяснения для крестьян, чего хотят социал-демократы» (май 1903 г.), написанная специально для крестьян и представляющая из себя переложение взглядов, содержащихся в работе «Аграрная программа русской социал-демократии» (авг. 1902 г.)¹⁵. Стиль обращения приближен к разговорной крестьянской речи — литературный прием, к которому впоследствии Ленин почти не прибегал.

В критике народничества для Ленина важно было не только показать несостоятельность их теоретических концепций, но и представить свою позитивную программу. И здесь русские марксисты взяли на вооружение основную идею «Манифеста Коммунистической партии» в отношении крестьянства, идею его пролетаризации. А поскольку неизбежна пролетаризация, крестьянство — временный класс. Он лишь союзник пролетариата на определенном этапе. Поэтому в отношении к нему достаточно определить основные политические установки, выработать тактическую линию, а в специальной подробной социально-экономической программе нет необходимости.

Подобно русским народникам превосходство мелкого крестьянского хозяйства над крупным доказывали лидеры II Интернационала Э. Давид и Г. Фольмар, поддерживаемые Э. Бернштейном. Они отошли от классической формулы марксизма в аграрном вопросе и не признавали действие закона концентрации производства в сельском хозяйстве. Они предсказывали особую жизнеспособность мелкого производства в земледелии и выступили против обобществления земли и других средств производства в сельском хозяйстве, отвергли идею союза пролетариата и трудового крестьянства.

В работе «Аграрный вопрос и критики Маркса» Ленин подверг критике эти экономические концепции¹³. Он критикует их авторов за отход от марксизма, за предательство идеи. На примере датского сельского хозяйства он показывает процесс концентрации земельной собственности, дифференциации крестьянства и делает вывод о ярко выраженном развитии капитализма в сельском хозяйстве Дании, вследствие чего считает марксистскую формулу в отношении к крестьянству активно работающей.

В ходе создания первой Программы партии на II съезде РСДРП встала необходимость сформулировать основные задачи партии в отношении к крестьянству России. При обсуждении аграрной части программы Ленин последовательно уходит от ее конкретизации. «Мы пишем не проект закона, а лишь указываем общие признаки», — говорит он в ответ на поправку Лядова о необходимости зафиксировать в Программе отмену выкупных и оброчных платежей и других повинностей. А когда Мартынов пытается поставить вопрос, кто же должен являться собственником земли — община или крестьянин, Ленин раздражается: «Вместо выставления общих принципов нас заставляют вдаваться в частности»¹⁴.

Позиция Ленина объяснима. Основную задачу партии он видел в борьбе пролетариата против буржуазии. Крестьянство в этой борьбе временно и часть его неизбежно придет в ряды пролетариата: «В деревне мы преследуем две качественно различные цели: во-первых, мы хотим создать свободу буржуазных отношений, во-вторых — вести борьбу пролетариата»¹⁵. Позднее в ходе первой русской революции он более четко сформулировал позицию партии в аграрном вопросе: «Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации — крестьянина вообще против помещика, а потом (даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянства вообще. Усчитать сейчас комбинацию сил против крестьянства на другой день после революции (демократической) пустая утопия»¹⁶. Поэтому аграрная часть первой Программы партии, преследуя чисто политические цели привлечения крестьянства, содержала лишь общие антифеодальные требования.

Позднее, уже учитывая опыт первой русской революции, Ленин признал ошибочность «неконкретного» подхода к аграрной программе партии, но конкретизацию предполагал по следующей линии:

«...мы должны изучить объективные условия крестьянского

аграрного переворота в капиталистически развивающейся России, отделить на основании этого объективного анализа ошибочную идеологию тех или иных классов от реального содержания экономических перемен — и определить, чего требуют на почве этих реальных экономических перемен интересы развития производительных сил и интересы классовой борьбы пролетариата»²¹. Какие же черты современного ему земледелия должны определять социально-экономический прогресс в деревне? Ответ на этот вопрос Ленин ищет в изучении тенденций развития как отечественного, так и мирового аграрного производства. Он анализирует материалы переписи 1907 г. в Германии, американский цenz 1910 г., «Статистику землевладения 1905 года» в России²² и др. Но необходимо подчеркнуть — исследование ведется строго в контексте повсеместного утверждения капиталистического способа производства.

В период бурного развития капитализма в русской деревне, когда столыпинская реформа сделала неизбежным его ускорение, в программе большевиков появляется требование национализации земли. Тем самым был выделен вопрос о собственности на землю, от решения которого зависел не только экономический прогресс общества в целом.

Вопрос о возможной национализации земли в России вызвал бурные споры в начале XX в. Идея обсуждалась в разных кругах и партиях. Особого внимания заслуживает полемика по вопросу о национализации земли на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме весной 1906 г. Съезду были представлены три концепции: муниципализации, раздела и национализации. Принят был компромиссный вариант на основе муниципализации.

Доклад В. И. Ленина по аграрному вопросу на съезде не сохранился, но высказанные им взгляды хорошо известны по брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», розданной делегатам²³. В отличие от исследователя-аграрника П. Маслова, отстаивающего идею муниципализации земли, Ленин считал необходимой ее национализацию. Аргументы были у обеих сторон. Не углубляясь в спор по экономическим вопросам между Масловым и Лениным, напомним, что Ленин (вслед за Марксом) утверждал, что национализация земли ликвидирует абсолютную ренту и перераспределяет дифференциальную в пользу государства. По существу это чисто буржуазное требование, так как частная собственность и абсолютная рента сдерживает свободное применение капитала в сельском хозяйстве.

На IV съезде обсуждались в первую очередь политические аспекты национализации. В этом плане очень интересна позиция Г. В. Плеханова, содокладчика по аграрному вопросу, выступившего против ленинского проекта национализации земли. Плеханов рассматривает проект национализации в историческом контексте: «Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий... У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закреплена государством, и на основании этого закрепления развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, нужно устранить его экономическую основу. Поэтому я против национализации... Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы»²¹.

Позиция Плеханова, опасавшегося «реставрации» в России деспотического режима и ставящего вопрос о гарантиях от «реставрации», основывается на предположении, что земля в докапиталистический период была собственностью государства, т. е. как бы национализирована, а крестьянство, принимая этот порядок вещей, являлось опорой деспотизма²². В заключительном слове по аграрному вопросу на съезде Ленин в ответ на опасения Плеханова о последствиях национализации признал, что единственной полной гарантией от реставрации может быть лишь социалистическая революция на Западе. В данном случае важно привести его слова полностью: «...Реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик, при всех и всяческих формах владения и собственности, будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика». У нашей демократической республики нет никакого резерва кроме социалистического пролетариата на Западе»²³.

Острая полемика на съезде показала, что к 1905 г. аграрный вопрос социал-демократией России был разработан недостаточно.

К вопросу о национализации Ленин впоследствии обращался в «Докладе об объединительном съезде РСДРП», в работах «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 гг.», «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.»²⁴ и др. Подвергнув резкой критике своих теоретических противников и прежде всего Г. В. Плеханова и П. П. Маслова, Ленин пытается сделать то, что ему не удалось

на съезде, — убедить партию в необходимости включения вопроса о национализации земли в программу партии.

И, наконец, в апреле 1917 г. вопрос о национализации земли вновь появляется при обсуждении «Проекта платформы пролетарской партии» на новом этапе революции, но теперь уже как социалистическая альтернатива капитализму, ибо идея о национализации земли соединяется здесь с идеей революционной диктатуры, что придавало предполагаемой национализации иной смысл:

«Национализация всех земель в собственность центральной государственной власти. Все распоряжение землей, все определение местных условий владения и пользования в руках местных советов крестьянских депутатов»²⁸. Та же мысль звучит и в резолюции VII Апрельской конференции по аграрному вопросу²⁹.

В противоположность сторонникам Временного правительства предлагавших жесткие меры «за самоуправство» в связи с охватившими деревню самочинными крестьянскими захватами помещичьих имений, большевистская резолюция советовала крестьянам «брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства»³⁰. Большевики оказались единственной партией, которая «благословила» крестьянское движение снизу на насильственный захват помещичьих земель. И это была большая заслуга Ленина как тактика, как политика. По существу же большевистская позиция по аграрному вопросу оставалась прежней. Выступая в мае 1917 г. на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, Ленин разъяснял: «Хозяйство на отдельных участках, хотя бы «вольный труд на вольной земле» — это не выход из ужасного кризиса... Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах»³¹.

Как видим, отдавая предпочтение чисто политической стороне дела, большевики даже накануне революции не осознавали необходимости разработки аграрной социально-экономической программы социализма³². Имея только основополагающие установки, РСДРП вступала в бурные события революционных преобразований. Не случайно поэтому стало обращение большевиков к эсеровской аграрной программе. В результате первый советский аграрный закон стал компромиссом между целями большевиков и левых эсеров.

Декрет о земле провозглашал уничтожение всякой частной собственности на землю. Все помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли передавались «в распоряжение волост-

ных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания». Что касается конкретного осуществления этих мероприятий, то был целиком и без изменений принят выдвинутый эсерами в августе «Примерный наказ». Ленин охарактеризовал его как «выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России»⁴⁴. Это был «Один из самых умных политических шагов Ленина, если рассматривать его как средство завоевания популярности среди крестьянства как основной массы российского населения, или как прелюдию координированным действиям, направленным на то, чтобы расколоть и ослабить эсеров как основную политическую силу в российской деревне»⁴⁵.

Декрет о земле, ликвидировав частную собственность, при конкретном соотношении политических сил и развитии событий, фактически создал условия для ее национализации. Программа за которую агитировал Ленин на IV съезде РСДРП, осуществилась. Была ли это социалистическая национализация? В работах кануна Октября Ленин применительно к условиям России того времени писал: «Национализация земли есть не только последнее слово буржуазной революции, но и шаг к социализму. Нельзя бороться с бедствиями войны, не делая таких шагов»⁴⁶. После Октября Ленин повторил эту мысль. Он был прав в том, что новые силы, осуществляя национализацию земли, дают ей новое содержание⁴⁷.

Позиция Ленина в аграрно-крестьянском вопросе во время революции и в первые месяцы после нее интересна прежде всего своей противоречивостью, отражающей стремление поиска конкретных путей строительства социализма в крестьянской стране. Уже в декрете о земле Ленин исходил из того, что необходимо «предоставить полную свободу творчества народным массам», и выражал «полную и искреннюю готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения»⁴⁸. Позднее акцент смещается в сторону психологии управления сверху, продиктованной желанием «встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы»⁴⁹. А уже весной 1918 г. он без колебаний произносит: «Революция требует беспрекословного повиновения единой воле руководителей трудового процесса»⁵⁰. Известно, что Ленин неоднократно высказывался против насилия над крестьянами и командных методов в экономике вообще. В то же время он допускал применение жестких методов борьбы против «отсталости» крестьянства. Он утверждал: чтобы ввести социализм, следует

«учиться государственному капитализму немцев», при этом не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание... не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹¹. В этих условиях и сложилось представление о том, что принуждение — самая подходящая мера для «темного» крестьянства.

Идея «Манифеста Коммунистической партии» о пролетаризации крестьянства снизу развитием капитализма не сработала в новых условиях. По крайней мере, потребовалось бы значительное время для развития этой тенденции естественным путем. Встала необходимость иного подхода к крестьянству. И он был продиктован не столько марксистской теорией, сколько конкретно складывающимися историческими обстоятельствами, условиями хозяйственной жизни.

На полученной крестьянами помещичьей земле еще не было собрано ни одного урожая. Оставшийся к весне 1918 г. у крестьян хлеб получить в порядке купли-продажи не могли, так как это противоречило принципам строительства социализма, отменяющим товарно-денежное хозяйство. Приобрести его в порядке продуктообмена на промышленные товары (керосин, соль, спички, мелкий хозяйственный инвентарь и т. д.) было невозможно из-за их отсутствия. Именно весной начинают раздаваться голоса о необходимости перехода на практике к социалистическому строительству.

Из ложного вывода, что задачи буржуазно-демократических преобразований были решены к лету 1918 г., последовал следующий ошибочный шаг: постановка для деревни задач социалистического характера. Такой подход нашел отражение в плане большевиков осуществить коллективизацию крестьянских хозяйств за три года. Именно в это время родилась идея, что сельскохозяйственная коммуна или артель — носитель групповой собственности — является всего лишь переходной формой к совхозу¹¹. Особенно остро дискуссии по этому вопросу разгорелись на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 г. На основе его материалов было разработано «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», утвержденное ВЦИК в феврале 1919 г.¹² Неудачно составленное юридически «Положение» было воспринято на местах как указание насаждать социализм в деревне. Изъятие у крестьян переданной им помещичьей земли под совхозы и коммуны вызывало трения между Советской властью и крестьянами. Кое-где происходило насильственное объеди-

нение крестьян в коммуны. Раздававшиеся время от времени призывы Ленина к постепенности и переходным мерам, особенно в деревне, не находили понимания.

Что это, складывание концепции «огосударствления крестьянства?» Слишком просто было бы ответить на этот вопрос утвердительно.

Обратимся к ленинскому проекту Программы партии, написанному в начале марта 1918 г. Ленин предлагает здесь: «социалистическую организацию производства в общегосударственном масштабе», «принудительное объединение всего населения в потребительско-производственные коммуны», «замену индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей» и т. д.⁴¹ Эта модель общественного устройства никак не ассоциировалась у Ленина с планом «огосударствленного» социализма по следующим причинам: во-первых, предполагалось, что государство утратит свои традиционные характеристики и, во-вторых, модель должна была базироваться, по мнению Ленина, на м о щ н о й о б р а т н о й с в я з и (курсив мой—Н.Н.), парализующей мертвящее воздействие государственных структур.

Вот в этой-то обратной связи и суть дела. Указанные выше построения противоречили интересам крестьян — быть хозяином на своей земле и свободно распоряжаться продуктами своего труда. Политика непосредственного вмешательства в крестьянскую экономику, и прежде всего насильственное отчуждение продукта крестьянского труда, неизбежно приводила к разрыву этой обратной связи. В 1918 г., действия комбедов, чрезвычайных комиссий и троек нередко провоцировали возмущение крестьян, недовольных актами насилия, произвола и беззакония. К весне 1919 г. они поставили Советскую власть на грань политического и военного кризиса.

В. И. Ленин шаг за шагом начинает пересматривать свои позиции по отношению к крестьянству. Это особенно проявилось в период разработки проекта Программы РКП(б), ее редактирования и выработки резолюции VIII съезда партии «Об отношении к среднему крестьянству». В этих документах съезд признает, «что в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремление к соглашению с ним... Тактика советских работников в деревне,

равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества со средним крестьянством»⁴⁴. Однако Программа РКП(б), принятая съездом, все еще ориентировала на строительство социализма без купли-продажи товаров в крестьянском хозяйстве, без эквивалентно-возмездных отношений в советской экономике. Да и сам Ленин в отношении крестьянства еще не до конца освободился от положений «Манифеста».

Но все говорит о меняющейся позиции Ленина⁴⁵, о постепенном отходе его от положений «Манифеста», особенно после политического кризиса 1921 г. и отмены политики «военного коммунизма». Он считал, что на экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение. Оно выразилось в том, что хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в Программе партии был признан основной и неотложной задачей. Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 г.

Возник вопрос: что делать? Эксперименты «военного коммунизма» были отброшены жизнью. В своих последних статьях Ленин предложил то, что Н. И. Бухарин назвал его «политическим завещанием». В этих работах Ленин выступает реформатором. Он рассматривает создание социалистического общества в России как длительный процесс, процесс строительства социализма совместно с многомиллионными крестьянскими массами, которых «нельзя прогнать», с «которыми надо ужиться», «которых надо вовлечь в социалистическое строительство». И тут оказывается, что идею нового социализма он находит не у Маркса, а у Роберта Оуэна. Ленин пришел к выводу, что социализм — это система цивилизованных кооператоров. Это был, несомненно, крупный поворот во взглядах на пути строительства социализма, на крестьянство и механизм реализации его интересов. И произошел он не в связи с введением нэпа, а с учетом его двухлетнего опыта, в результате глубокого переосмысления места и роли крестьянства в социалистической структуре. В период перехода к нэпу Ленин видел в крестьянине лишь мелкого буржуа, а его кооперирование как собственника, как хозяина относил

к разновидности госкапиталистической формы хозяйствования. И лишь спустя полтора года он сделал новый и самый крупный поворот в своей позиции, признав возможность согласования и соединения интересов хозяев-собственников, крестьянских хозяйств с интересами социализма¹⁶. Но дальше этого В. И. Ленин пойти не успел.

Сегодня трудно предположить, куда бы ушла ленинская мысль. Но, думается, поспешно поступают те исследователи и публицисты, которые отождествляют ленинскую мысль о строе цивилизованных кооператоров с крестьянской теорией А. В. Чаянова. И вопрос здесь не в том, во всяком случае, не столько в том, использовал ли В. И. Ленин труды А. В. Чаянова и других ведущих экономистов того времени при разработке своей аграрной концепции¹⁷. Вопрос в принципе, в позиции, в «точке отсчета». А они у В. И. Ленина и А. В. Чаянова различны.

Как видим, взгляды Ленина на крестьянство, на его будущее с течением лет многократно менялись, уточнялись, конкретизировались на каждом новом витке истории. Ленин умел приспособиться к обстоятельствам, учесть их.

Проведенный анализ показывает, что было бы ошибкой представить марксистское аграрное учение в виде некоего концептуального монолита. Нет оснований отождествлять взгляды Маркса и Ленина по вопросам отношения к крестьянству. Нельзя также отождествлять марксистский подход к крестьянству с последующим «развитием» марксистской аграрной теории, в частности, с концепцией огосударствления крестьянства, как это делают некоторые историки и экономисты сегодня.

Концепция огосударствления создавалась в процессе складывания административно-командной системы управления обществом практически с первых шагов Советской власти. Вульгаризация, упрощение аграрной концепции Маркса в практике управления сельским хозяйством привели к курсу на создание такой системы аграрного производства, которая облегчила бы централизованное планирование и быстрое осуществление глобальных инженерно-экономических мероприятий в масштабах сельского хозяйства всей страны¹⁸. Эта концепция настолько прочно утвердилась во всех сферах общественной жизни, что иная точка зрения, отстаивающая многообразие форм хозяйствования на селе, до последнего времени не принималась всерьез.

Дискуссии 20-х годов

Особенность наших дней заключается не только в том, что открывается возможность отказаться от предвзятых оценок людей и событий, но прежде всего в том, что проблемы, обсуждавшиеся в 20-х годах, вновь становятся актуальными. Поэтому богатейшее наследие, которое содержится в экономической мысли того периода, должно вводиться в научный оборот, помогать решению задач, стоящих сегодня.

Нигде в мире в начале XX в. не появилось столько литературы по аграрному вопросу, сколько в России. В России, вероятно, вслед за промышленным переворотом зрел переворот аграрный, но не как применение машин и новейшей технологии, а в плане разработки этой технологии, организации хозяйства, развития в целом аграрной мысли.⁴⁹

К этому времени относится складывание организационно-производственного направления русской экономической мысли. Обычно появление его связывают со столыпинской аграрной реформой. У истоков его стоит А. Н. Челинцев. Свои теоретические построения он основывает на трудах А. А. Кауфмана, А. В. Пешехонова, П. А. Вихляева, А. И. Скворцова. Важное место в работах А. Н. Челинцева занимают вопросы оптимальных размеров крестьянского хозяйства, учета ренты, использования передовой технологии и т. п. Преобразование сельского хозяйства мыслилось им на основе улучшения организации производства в крестьянских хозяйствах, их интенсификации.

Исключительно важное место занимали аграрные проблемы среди задач конструирования будущего России весной 1917 г. после свержения самодержавия. Для разработки аграрной реформы в составе министерства земледелия Временного правительства создается Главный земельный комитет, в который наряду с общественными и политическими деятелями вошли видные экономисты А. В. Пешехонов, П. А. Вихляев, Н. П. Огановский, С. П. Маслов, Н. П. Макаров, Н. Д. Кондратьев и др.

Весной 1917 г. Временное правительство еще надеялось решить аграрный и продовольственный вопросы при помощи различных общественных институтов, среди которых не последнюю роль играла Лига аграрных реформ. Она была создана в апреле 1917 г. из представителей Земского союза, Вольного экономического общества, Московского и Харьковского обществ сельского хозяйства и ряда научных организаций.

Лига имела более 50 отделений, в основном в губернских городах, и вела разнообразную деятельность, чаще всего сводившуюся к обсуждениям и прениям по различным аспектам аграрного вопроса. Организационное ядро Лиги составили ученые-аграрники из «аграрно-производственной группы» — А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. В. Чаянов, А. А. Рыбников и др. Руководители Лиги были активными участниками Главного земельного комитета.

Существенные результаты в развитии аграрной теории России имели научные исследования двух молодых еще к тому времени ученых А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева. Впоследствии, в 20-е годы, вокруг этих имен создаются научные школы, разработавшие теоретические положения, и по сей день остающиеся в центре научных изысканий и обсуждений.

Теория трудового крестьянского хозяйства А. В. Чаянова со временем легла в основу организационно-производственного направления русской экономической мысли. Ядром этой теории является идея о самобытности, устойчивости трудового крестьянского хозяйства. Оно регулируется собственными внутренними законами, а в основе их лежит семейное начало. Чаянов исходил из того, что, работая на своей земле и не эксплуатируя чужого труда, крестьянин оказывается в таком положении, когда категории заработной платы, прибавочной стоимости и рентных отношений как бы размываются и классическая политэкономия уже не может дать традиционных ответов на новые, не рассматривавшиеся ею обстоятельства и ситуации. Поэтому, считает А. В. Чаянов, для анализа крестьянского хозяйства нужен особый метод, особые категории, отличные от категорий классической политической экономии. Он отрицал развитие капитализма в сельском хозяйстве. Крестьянское хозяйство, убежден Чаянов, по природе своей отлично от хозяйства, капиталистически организованного. Крестьянское хозяйство есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук. По мнению Чаянова, природа крестьянского хозяйства в разных социальных системах не меняется.⁵⁰

Как и А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев подчеркивал особую роль сельского хозяйства в экономике России. В основе его воззрений лежит концепция устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. В 1917 г. он выделяет три типа хозяйств: мелкое трудовое, крупное капиталистическое и крупное кооперативное или трудовое. Уже в первых своих работах Кондратьев делает вывод о большей устойчивости мелкого

крестьянского хозяйства, но перспективу видит за крупным трудовым⁵¹. Здесь важно, что Кондратьев понимает под каждым типом хозяйства. Определяющими у него являются не размеры хозяйства, как кажется на первый взгляд, а характер его организации. Капиталистическое, по Кондратьеву, — это прежде всего хозяйство, использующее наемный труд. Позднее, в 20-е годы для характеристики капиталистического хозяйства он добавляет еще один признак — связь с рынком.

Новая организация крестьянского хозяйства мыслилась Чаяновым и Кондратьевым вне ломки существовавшего политического строя.

Примерно в это же время складывается в России экономическая мысль марксистского направления. Она представлена прежде всего работами Г. В. Плеханова, П. П. Маслова, В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и др. Следует подчеркнуть, что до Октябрьской революции вопрос об экономике социализма, являлся лишь вопросом теории. Партия сосредоточилась почти исключительно на политической борьбе против царизма, а не на казавшихся отдаленными проблемах социалистического устройства. Все программные дискуссии в РСДРП(б) до Октября касались почти исключительно политических вопросов. Представлялось, что для решения экономических проблем достаточно будет поддержки мирового пролетариата⁵².

Конечно, такая позиция отвлекла от понимания необходимости разработки конкретной экономической программы. И это обстоятельство стало важным фактором разногласий в процессе создания экономической программы партии. Уже в условиях победившей революции поиски в этом направлении сопровождались, как правило, острыми спорами и отсутствием согласия даже в принципах. Не случайно поэтому Н. И. Бухарин центральной темой всего послеоктябрьского периода избрал разработку теоретических проблем построения социализма в России. Процесс становления его теоретической концепции был не простым и порой болезненным. Выяснилось, как мало он, ведущий партийный теоретик, был готов к решению такой задачи. А его участие в оппозиции «левых коммунистов» убедило, что он не мог предложить партии, начавшей управлять страной, никакой позитивной идеи, кроме революционной войны.

С первых дней своего развития советская экономическая наука встретила с многочисленными трудностями и не только объективного, но и субъективного характера. В этот сложный

период становления нового государства, экономики велась разработка основополагающих проблем экономической политики Советской власти, характером решения которых определялись формы и методы хозяйственного строительства. Для реализации поставленных целей требовались не только время и средства, но прежде всего кадры и знания. Возникла естественная и настоятельная необходимость использования так называемых буржуазных специалистов.

В отличие от представителей естественных и технических наук в работе ученого экономиста на первый план выступает его мировоззрение, научные убеждения, определяющие понимание и трактовку им важнейших социально-экономических процессов и явлений. Теоретическая платформа «буржуазных» экономистов, их концептуальная основа неизбежно влияла на политическую позицию. Не случайно поэтому многие из них не приняли Октябрьской революции, возражали против первых преобразований новой власти в экономике. Отчетливо это проявилось, например, в их выступлениях на I Всероссийском кооперативном съезде (18-24 февраля 1918 г.) Основная мысль С. Прокоповича, В. Гриневецкого, А. Чаянова сводилась к тому, что мероприятия Советской власти ведут к полному разрушению экономики⁵⁴.

В течение 1918-1919 гг. происходит постепенное привлечение буржуазных экономистов к решению насущных проблем. Очень важной при этом была позиция Советской власти, которая давала возможность свободного и открытого научного диспута.

В первые послевоенные годы «буржуазные» ученые занимали почти монопольное положение в системе высшей школы и в исследовательских центрах. Так, например, в Московском университете оставались на преподавательской работе Н. Макаров, Н. Шапошников, А. Чаянов, П. Струве, З. Кацеленбаум, И. Гольштейн, Н. Каблуков. В Петроградском университете читали лекции С. Солнцев, В. Светловский, И. Кулишер, М. Боголепов, А. Буковицкий, В. Шарый и др. Профессорами-аграрниками А. Челинцевым, Н. Макаровым, А. Рыбниковым, А. Чаяновым в 1917 г. была разработана идея создания Высших семинариев сельскохозяйственной экономики и политики при сельскохозяйственных школах. Весной 1919 г. первый из них был открыт при Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. В состав ее руководителей входили С. Прокопович, Н. Шапошников, Л. Литошенко, Н. Кондратьев и другие крупные экономисты.

Ученые старой школы широко привлекались к практической деятельности в учреждениях Госплана и Госбанка, Наркомзема и Наркомата финансов. Так, довольно крупная группа специалистов начала работать в Народном комиссариате земледелия РСФСР. Одним из первых предложил помощь Советской власти проф. Н. И. Фалеев, возглавивший лесной департамент НКЗ. Несколько позднее на работу в землемерно-технический отдел Наркомзема перешел проф. Н. Рудин, крупнейший специалист в области землеустройства. В НКЗ РСФСР в полном составе вошел Главный земельный комитет, который по-прежнему продолжал заниматься разработкой земельного законодательства, не учитывая, правда, перспектив новой власти.

Особенность ситуации была такова, что вопросы теоретические, научные тесно переплетались с политическими. Однако перешедшие на сторону Советской власти ученые пытались использовать свои научные теории в условиях новой действительности. «Организационники» искренне верили, что изменение политического строя не меняет их планов. Они по-прежнему разрабатывали программы внутренней организационной перестройки крестьянского хозяйства. Построение их теоретических концепций осложнялось разрухой народного хозяйства и несовпадением с аграрной политикой «военного коммунизма».

Складывающаяся система «военного коммунизма» мало вдохновляла экономическую мысль немарксистского направления на поиски и теоретические обобщения. Хотя, как представляется «военно-коммунистические» принципы менее коснулись культуры и науки. Деятельность экономистов старых школ и направлений в этих условиях носила в основном «прикладной» характер.

Основные споры вокруг определения путей социалистического строительства в начальный период существования Советской власти велись в рамках марксистской теории. Немногочисленные марксистские кадры, которыми располагала партия, должны были заниматься не столько научной деятельностью, сколько решением неотложных практических хозяйственных и военных вопросов.

Уже весной 1918 г., когда шла интенсивная работа над планом социалистического строительства, оформилась группа «левых коммунистов». Ее идеологами выступили Н. Бухарин, Н. Осинский, Ю. Ларин, В. Смирнов. Движение «левых коммунистов» прошло две стадии. На первом этапе (январь—март 1918 г.) это была в основном оппозиция, направленная

против ленинских предложений о мире и ратовавшая за революционную войну против наступавшей германской армии. Эта стадия закончилась заключением Брестского мира.

К весне 1918 г. первоначальные экономические мероприятия Советской власти не принесли желаемых результатов. Усилившиеся экономический хаос и разруха, вызванные пятью годами войны и революции, до крайности обострили экономическую ситуацию в стране. В. И. Ленин выступил с предложением об изменении экономического курса. Его план предусматривал прекращение национализации и экспроприации. Новый экономический порядок должен был опираться на ограниченную государственную собственность, в то же время сохраняя частную или смешанную собственность и управление на большинстве предприятий. Государство должно было управлять частным сектором, главным образом, экономическими, финансовыми методами. Трудовая дисциплина должна была вытеснить рабочий контроль. Планировалось восстановление материальных стимулов.

Против этой экономической платформы и выступили «левые коммунисты» весной 1918 г. Дискуссии по экономическим вопросам с «левыми коммунистами» длились почти три месяца. Спор Бухарина с Лениным на этой стадии разработки экономической стратегии носит скорее научно-теоретический, а не практический характер. Бухарин выступает лишь с отдельными возражениями против ленинских предложений⁵⁴. В экономических дискуссиях «левых коммунистов» возглавляют Н. Осинский и В. Смирнов.

Однако уже в начале лета 1918 г. споры по экономическим вопросам, как и все левокоммунистическое движение, неожиданно подошли к концу. Жизнь отбросила ленинские положения экономической политики весны 1918 г. В экономике возобладал другой курс, который впоследствии стал известен под названием «военного коммунизма». Государство подчинило себе все экономические рычаги в пределах досягаемости, что неизбежно вело к стремительному росту огромной, громоздкой бюрократии. В бюрократический придаток государственного аппарата превращались кооперативы, профсоюзы.

Политика «военного коммунизма», направленная на строгую централизацию распределения всех ресурсов, на ограничение и вытеснение рыночных отношений, стала рассматриваться в широких партийных кругах как непосредственный переход к социалистической организации производства и распределения. Натурализация толковалась как искоренение капиталистических

методов хозяйствования, но, с другой стороны, она диктовалась конкретной экономической ситуацией — необходимостью ограничить эмиссию денег, невозможностью учета и отчетности в обесценившихся денежных знаках.⁵⁵

Курс на ликвидацию денег, товарно-денежных отношений нашел отражение и в Программе партии, принятой на VII съезде РКП(б) в 1919 г. В области распределения, — говорилось в Программе, — задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов... Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег⁵⁶. Проект этой Программы был написан В. И. Лениным. Вместе с тем Ленин отмечал, что деньги сразу уничтожить невозможно⁵⁷.

Начиная с 1919 г. экономические дискуссии в партии сосредоточились на полемике с «демократическими централистами». Децисты протестовали против введения на предприятиях единоначалия и всеобщей бюрократизации и централизации партии и государства. Фракцию возглавили бывшие «левые коммунисты» Н. Осинский и В. Смирнов.

Что касается Н. И. Бухарина, то он держался в стороне от оппозиции. В этот период теоретическая работа, оставалась важной и значительной сферой его деятельности. В мае 1920 г. когда «военный коммунизм» достигал своего апогея, появилась «Экономика переходного периода»⁵⁸. В основе книги лежит идея о том, что политика «военного коммунизма» — жизнеспособный путь к социализму⁵⁹. Бухарин не был одинок в этом. Подобные идеи высказывались, в частности, в работах Л. Крицмана, Ю. Ларина, А. Леонтьева, Е. Хмельницкой, В. Милютина и других авторов. Вполне понятны исторические обстоятельства, которые повлияли на него. Бухарин пытается обосновать ту экономическую программу, которая была подсказана ходом событий.

Особый интерес в контексте рассматриваемых проблем представляют замечания Бухарина по сельскому хозяйству. Следует подчеркнуть, что они не вылились в долгосрочную экономическую программу. Это были именно замечания. Но тем они и интересны, что в них уже имеются первые интуитивные, может быть, подходы к тем экономическим концепциям, которые сложились позднее в 20-е годы.

Огромное значение сельскохозяйственной проблемы было

для Бухарина очевидно. Вопрос о необходимости равновесия между городом и деревней «является решающим для судьбы человечества, ибо это наиболее важный и наиболее сложный вопрос». Но предлагаемое его решение вряд ли соответствовало его постановке, так как и здесь он указывает на ключевую роль принуждения, особенно в изъятии хлебных излишков. Примечательно, что Бухарин отрицает коллективные формы сельскохозяйственного производства как главный способ вовлечения крестьянства в «организованный процесс», доказывая, что для основной массы мелких производителей втягивание их в организованный аппарат возможно, главным образом, через сферу обращения⁶¹. Может быть, это и была его первая попытка сформулировать свою позднейшую теорию «врастания в социализм», правда, пока без существенной разработки вопроса.

Итак, Бухарин исключал не только коллективизацию, но и денежно-кредитные связи между городом и деревней. В 1920 г. он считал, что государственные органы распределения и заготовок будут основным посредником между промышленным городом и мелкокрестьянским сельским хозяйством⁶¹. Но в таком случае что могло побуждать крестьянина производить излишки и сбывать их? Предполагалось, что у крестьянина две души — капиталистическая и социалистическая. Очевидно, по мнению Бухарина, «социалистическая душа» и будет сдавать излишки⁶². Налицо полная теоретическая неразработанность вопроса. Практика же в конкретной исторической ситуации давала систему реквизиций.

Книга Н. И. Бухарина вызвала широкую дискуссию. Первые отзывы в печати принадлежали перу В. Сарабьянова⁶³. Он рассматривает книгу как продолжение и дальнейшую разработку ленинских идей о переходной экономике. Противоположного мнения придерживается М. С. Ольминский в статье «О книге тов. Н. Бухарина»⁶⁴. В довольно жесткой форме он выступил против стремления Бухарина «расправиться с экономическим учением Маркса». Ольминскому удалось одержать несколько легких полемических побед, что скорее было связано с дискредитацией к этому времени политики «военного коммунизма». Несколько позднее в спор включилась А. И. Ульянова-Елизарова⁶⁵, указавшая в своей статье не только на «серьезные отступления Бухарина от марксизма», но и на недопустимость принятой им формы полемики⁶⁶.

Интересна в связи с вышеизложенным оценка Лениным

«Экономики». Его замечания свидетельствовали скорее о различиях между Лениным и Бухариным как мыслителями, чем об оценке самой книги. В высшей степени одобрительно отмечены места об огосударствлении, о роли принуждения и т. п.⁶⁷.

«Экономика переходного периода» не представляла собой экономической программы большевиков. Это теоретический труд, причем, как показало время и как позднее признавал сам Бухарин, ошибочный во многих своих положениях. Тем не менее эта книга — событие, важная веха, этап становления советской экономической науки со всеми его поисками, сложностями, противоречиями, ошибками и просчетами⁶⁸.

В начале 1920 г. — во время перехода к мирному хозяйственному строительству — партийные и государственные хозяйственные органы были еще далеки от мысли отказаться от «военно-коммунистической» системы, административно-командных методов хозяйствования⁶⁹. Между тем уже в январе 1920 г. «Правда» писала, что экономическая разруха в России достигла катастрофической степени⁷⁰. Нехватка промышленной и сельскохозяйственной продукции грозила перерасти в общенациональный кризис.

Особую тревогу вызывало сельское хозяйство. Кризис в нем обострился во второй половине 1920 г. В это время крайне актуальными становятся поиски ответа на вопросы: как установить стабильные экономические отношения между городом и деревней и поднять резко упавшее сельскохозяйственное производство. Они были крайне мучительным и продолжались более полугода.

Еще в феврале 1920 г. Л. Троцкий в письме в ЦК РКП(б) была сформулирована довольно продуктивная идея о замене произвольных реквизиций зерна продналогом. Правда, впоследствии он писал, что это были «крайне осторожные предложения», которые мыслились в рамках «военного коммунизма»⁷¹. Это предложение поддержано не было, а вопрос о замене продразверстки продналогом с сохранением у крестьян излишков не обсуждался в Политбюро до начала февраля 1921 г. Очевидно, все еще надеялись найти выход в рамках системы «военного коммунизма». Троцкий же, не получив поддержки ЦК, предлагает план милитаризации рабочей силы и превращение профсоюзов в послушные производственные ячейки государства. Этот план послужил толчком к партийной дискуссии «О профсоюзах», хорошо известной в историографии.

К концу гражданской войны иллюзии коммунального строительства в деревне рассеялись. Происходит переориентация на индивидуальное крестьянское хозяйство. На VIII всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.) В. И. Ленин совершенно определенно указал, что в настоящее время «надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет... От общих рассуждений надо перейти к тому, как сделать первый практический шаг обязательно этой весной и ни в коем случае не позже, и только такая постановка вопроса будет деловая»⁷³.

В условиях натурализации экономических отношений одной из предпочтительных стала идея непосредственного государственного регулирования крестьянского хозяйства. Именно с таким предложением выступил на страницах «Правды» Н. Осинский, являвшийся в то время заместителем народного комиссара земледелия РСФСР. Его поддержал на съезде Ленин. Документы съезда не только полностью исходили из принципов «военного коммунизма» но и еще более усиливали их.

Однако, принятый съездом декрет «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», который исходил из необходимости планирования производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве, не удовлетворил В. И. Ленина. Поиски путей и средств воздействия на крестьянство продолжалось.

VIII съезд Советов утвердил план ГОЭЛРО — первый перспективный план развития России. Этим завершилась дискуссия «О едином хозяйственном плане и едином хозяйственном центре» (началась весной 1920 г. на IX съезде партии). В дискуссии приняли участие видные советские экономисты, партийные и хозяйственные работники: С. И. Гусев, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий, Л. Н. Крицман, Е. В. Варга, Ю. Ларин и др. Дискуссия показала, что для управления страной по единому хозяйственному плану не существовало необходимых экономических и организационных предпосылок. Приступить к практическому осуществлению планирования возможно было лишь при условии коренной перестройки экономических взаимоотношений между городом и деревней, с одной стороны, при условии правильного распределения функций управления народным хозяйством — с другой⁷⁴.

После съезда поиски путей взаимодействия с крестьянством продолжались особенно активно. Ленин встречался с крестьянами, изучал мнения партийных и хозяйственных работников центральных и местных органов. 8 февраля при обсуждении

доклада Н. Осинского «О посевной кампании и положении крестьянства» Политбюро рассмотрело вопрос об отказе от продразверстки и введении продналога. На этом же заседании Ленин подготовил для комиссии, созданной с целью выработки мер по улучшению положения крестьянства, «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», первым пунктом которого записано: «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»⁷⁵. 24 февраля 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) принял решение о переходе от продразверстки к продналогу⁷⁶.

И, наконец, X съезд партии. Съезд, который должен был пройти в обстановке триумфальной победы в гражданской войне, от одного из видных своих руководителей Н. Бухарина услышал: «...сейчас республика висит на волоске»⁷⁷. На восьмой день работы съезда В. И. Ленин объявил о замене продразверстки справедливым натуральным налогом и об оставлении излишков у крестьянина-единоличника⁷⁸.

Этот поворотный шаг в экономической политике был воспринят как мера, которая, наконец, даст возможность начаться нормальной, естественной хозяйственной жизни. Решения на съезде было принято почти без дискуссий⁷⁹.

Одним из спорных вопросов перехода от политики «военного коммунизма» к нэпу, взаимоотношений между городом и деревней, до сих пор окончательно не решенных в историографии, является вопрос о ленинской концепции товарообмена, который «... предполагал (пусть молча предполагал, но все же предполагал некий непосредственный переход без торговли, шаг к социалистическому продуктообмену»⁸⁰. Исследователи нэпа, как правило, не учитывают принципиальную разницу между товарно-денежными отношениями в условиях товарообмена и в условиях рынка и сводят товарообмен к рядовому эпизодическому мероприятию первых месяцев нэпа, связанному с конъюнктурой, с конкретной ситуацией, но не отражающему план и метод перехода к социализму. Между тем именно это принципиальное отличие товарообмена от торговли В. И. Ленин имел в виду в проекте «Наказа от ЦТО (Совета Труда и Оборон) местным Советским учреждениям» от 21 мая 1921 г. Он писал, что «...государственный продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политикоэкономическом смысле, во всяком случае, не только

товар, уже не товар, перестает быть товаром»⁸¹. Как видим, товарообмен представлялся Ленину альтернативой торговле⁸².

Отдавая товарообмену предпочтение перед торговлей, В. И. Ленин имел в виду большую близость этой формы обмена к социалистическому продуктообмену, в условиях которого вообще отпадает потребность в использовании категории стоимости. Позднее, правда, Ленин оказался первым марксистом, преодолевшим предубеждение против торговли. Но на первых порах даже в вопросе о товарообмене, получить поддержку коммунистов ему было не так-то легко. Уже на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 8 февраля 1921 г., на котором большинством голосов было принято решение о замене разверстки натуральным налогом, вокруг товарообмена возник острый спор между Лениным и Цюрупой. Спор продолжился и после заседания. Доводы Ленина в конце концов подействовали. Цюрупа выступил содокладчиком Ленина на X съезде партии по вопросу о замене разверстки натуральным налогом⁸³.

Замена разверстки натуральным налогом и разрешение свободы обмена в рамках местного хозяйственного оборота дали возможность проверить на практике те формы госкапитализма, которые В. И. Ленин определил еще весной 1918 г. Важнейшей из них в условиях перехода к мирному хозяйственному строительству должна была, по мнению Ленина, стать кооперация. Во исполнение решений X съезда партии с коопераций была снята функция технического аппарата распределения Наркомпрода и других хозяйственных ведомств.

Однако на практике кооперация не получала разрешения в нужных случаях осуществлять куплю-продажу за наличные деньги по рыночным ценам. Это привело к тому, что крестьянство предпочло кооперации, практиковавшей экономически невыгодные и технически неудобные формы обмена, вольный рынок с его свободной торговлей и стихийно складывающимися на данный момент и в данном районе ценами. Срыв товарообмена еще больше обострил кризис продовольственного снабжения промышленных центров и повлек за собой значительные последствия. Под удар была поставлена вся система государственного нормирования распределения.

В связи с настоятельной необходимостью решения проблемы распределения принадлежащих государству материальных ресурсов встал вопрос, теоретическое осмысление и организационно-практическое решение которого обозначало столь важную веху в разработке и осуществлении нэпа, что ее можно смело

ставить рядом с решением вопроса о замене разверстки натуральным налогом. Задача заключалась в следующем: совместить политику максимальной экономии ресурсов в государственном секторе экономики и стихийно растущие отношения купли-продажи (с денежным обращением) в мелкокрестьянском секторе экономики. Потребовалась незаурядная теоретическая смелость и политическая воля для того, чтобы преодолеть предубеждение относительно рыночных товарноденежных отношений.

6 июля 1921 г. член Президиума ВСНХ И. Т. Смилга по поручению В. И. Ленина подготовил тезисы, известные под названием «Постановление Президиума ВСНХ от 6 июля 1921 г.». Здесь он впервые выступил с предложением выделить в госсекторе экономики хозяйствующих субъектов, юридически и экономически ответственных за рациональное использование средств производства и государственных материальных фондов⁸⁴. В документе была дана развернутая программа дальнейшей перестройки управления экономикой, важнейшими элементами которой провозглашались хозяйственный расчет в госпромышленности и торговле в сфере взаимоотношений государственного и мелко-товарного сектора экономики.

После обсуждения в Президиуме ВСНХ и Политбюро ЦК РКП(б) тезисы И. Т. Смилга легли в основу проекта «Наказа СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики», подготовленного комиссией Политбюро в составе Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, А. А. Андреева и П. А. Богданова с учетом поправок и замечаний В. И. Ленина⁸⁵. Выступая 29 октября 1921 г. с «Докладом о новой экономической политике» на седьмой Московской губпартконференции, В. И. Ленин признавал, что с «товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»⁸⁶.

Итак, продолжавшийся около полугода экономический эксперимент завершился. Он показал принципиальную состоятельность концепции планомерно-организованного товарообмена⁸⁷. Уже тогда практика доказала, что товарообмен уступает торговле по своей экономической эффективности, не создает требуемого подъема производительности труда, дезорганизует распределение между двумя крупными сферами общественного производства — промышленностью и сельским хозяйством.

Новые общественные условия вскоре вызвали к жизни новое мышление. Партия начала отходить от экономической политики «военного коммунизма». Прежде всего в истории партии нэп был периодом больших дискуссий, когда выраба-

тивался дальнейший курс революции, определялось развитие советского общества, Происходит становление ленинской концепции нэпа. Многие большевики мучительно переосмысливали свои основные представления о революции⁸⁸.

Двадцатые годы стали исключительно богатым и многогранным периодом интеллектуального брожения. В философии, экономике, юриспруденции, литературе и других сферах развернулись многочисленные теоретические дискуссии, как связанные, так и не связанные с политическими спорами.

В 1923 — 1928 г. на страницах партийной и экономической литературы шла острейшая дискуссия по вопросу об отношении к крестьянству. Возможна ли эволюция крестьянского хозяйства к социализму или же оно представляет собой непримиримый антипод социалистическому строю? Следует ли дать простор развитию крестьянского хозяйства, использовать возможности, которые открывает для этого революция, экономическими методами мобилизовать ресурсы для индустриализации страны или же нужно насильственно перекачивать жизненные силы из крестьянского хозяйства в промышленность, обрекая его на деградацию?

Новая экономическая политика, давшая мощный толчок, стимул к подъему народного хозяйства, подверглась во второй половине 1923 г. серьезному испытанию. Разразился мощный экономический и внутривластный кризис, во многом походивший на кризис весны 1921 г. Только на этот раз расхождение экономических интересов рабочего класса и крестьянства обуславливалось не безвзвездным истреблением материальных ценностей из крестьянского сельского хозяйства, в пользу государства, диктатуры пролетариата, а катастрофическим расхождением цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, вынуждавшим крестьянство почти за бесценок сбывать свою продукцию в обмен на дорожавшие день ото дня промизделия. Повторение в кризисе второй половины 1923 г., ряда характерных черт и особенностей кризиса начала весны 1921 г., по-видимому, не было случайным: в экономической и политической структуре советского государства продолжали сохраняться те же глубинные объективные факторы⁸⁹.

Анализу взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных, экономических и политических аспектов функционирования хозяйственного механизма новой экономической политики В. И. Ленин посвятил свои последние статьи и письма, написанные в период между 22 декабря 1922 г. и 2 марта 1923 г. Подлинным прорывом на «теоретическом фронте

борьбы за социализм» являются идеи, высказанные им в статье «О кооперации». «В нэпе, — писал он, — мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли: именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше представляла камень преткновения для многих и многих специалистов»⁹⁰.

Выдвинутая В. И. Лениным идея — достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения, а через это участие совершить переход к социализму — представляла собой настолько неожиданную с точки зрения догматически воспринятой теории социализма оценку сущности нэпа, что рассчитывать на ее правильное понимание было очень трудно. Социалистическая идеология продолжала формироваться под влиянием опыта «военного коммунизма», который представлялся наиболее прямым и верным методом строительства экономических основ нового общества, но в то же время не привившимся из-за хозяйственной разрухи и враждебного противодействия преобладавшей в стране мелкой буржуазии. Отсюда следовало, что нэп и все связанные с ним формы и методы управления экономикой есть не что иное, как временное отступление, за которым должно последовать наступление на капиталистические элементы и питающее их развитие мелкотоварное производство. Возможно, Ленин к 1923 г. увидел в нэпе не просто зигзаг, определенное отступление, необходимое для того, чтобы затем развернуть наступление а новую модель строительства социализма, не ту, которая предлагалась раньше.

Основу экономической политики, которая может вести страну к социализму, увидел в нэпе Н. И. Бухарин. Он изложил свои взгляды на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г.⁹¹. Бухаринское представление о дальнейшем постепенном социалистическом развитии нашло яркое выражение в его теории «врастания в социализм». К 1923 г. он уверял, что крестьянская экономика будет охвачена развитием через «процесс обращения, и настойчиво разъяснял, что «эволюционный путь» есть реальность советской жизни. «Мы будем многие десятки лет, — говорил он, — медленно вращаться в социализм: через рост нашей промышленности, через коопе-

рацию, через возрастающее влияние нашей банковской системы, через тысячу и одну промежуточную форму»⁹². Личные друзья и прежние политические союзники Бухарина такие, как Н. Осинский, В. Смирнов, Г. Пятаков и Е. Преображенский, по разным соображениям перешли в оппозицию новой политике.

Прелюдией к борьбе за продолжение новой экономической политики или свертывания ее в процессе восстановления преимущественно административных методов управления явилась общепартийная дискуссия, начавшаяся осенью 1923 г. Она, на наш взгляд, впервые выявила те общественные силы в партии, которые деятельно стремились проводить в жизнь существенно отличные варианты социалистического хозяйственного строительства: на основе социально-экономической действительности нэпа или возврата к старой экономической политике.

Фактором, внесшим nervoznost в обсуждение насущных задач хозяйственного строительства, явилось письмо члена Политбюро ЦК РКП(б) Л. Д. Троцкого к членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г.⁹³, содержание которого стало известно в широких партийных кругах. Троцкий подверг серьезному сомнению способность высших органов партии вывести страну из политического и экономического кризиса. Реальный выход предлагался им на пути «жесткой концентрации промышленности», «жесткого снижения накладных расходов промышленности и торговли», создания «режима планового хозяйства»⁹⁴.

Вслед за письмом Троцкого в ЦК РКП(б) поступило «Заявление 46-ти», в котором в самых драматических тонах описывалась сложившаяся в стране ситуация⁹⁵. Открытый призыв к «перетряхиванию» аппарата прозвучал 11 декабря 1923 г. со страниц «Правды» в статье Троцкого «Новый курс» (Письмо к партийным совещаниям), в котором он снова выразил серьезную озабоченность по поводу способности существующего аппарата, привыкшего, по его словам, «думать и решать за партию», перестроиться на демократические начала деятельности⁹⁶.

Конечные мотивы критики Троцким и его сторонниками центральных партийных и государственных хозяйственных органов можно оценить и как попытку добиться перемены курса экономической политики.

24 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило резолюцию «Об очередных задачах экономической политики», в которой давался отпор попыткам пересмотра ленинской

концепции нэпа. Резолюция, в частности, констатировала: «Далеко не в достаточной мере... усвоено, что необходимость установления возможно более широкого обмена между городом и деревней была основной причиной перехода к новой экономической политике и что при нэпе дело снабжения крестьянства продуктами государственной промышленности является основной экономической задачей.

Обострению кризиса способствовали: недостаточное развитие торговых отношений, политика высоких цен синдикатов...слабое развитие денежного хозяйства.

...В гораздо большей мере, чем до сих пор, партия должна научиться согласовывать элементы государственного хозяйства в их взаимодействии как между собой, так и с рынком»¹⁷.

Свое несогласие с изложенными в резолюции Политбюро оценками причин экономического и внутривластного кризиса, основных направлений его преодоления выразили Н. Осинский, Е. А. Преображенский, Г. Л. Пятаков и В. М. Смирнов. В противовес этой резолюции они выработали иной подход к оценке кризисных явлений 1923 г., пытаясь возложить ответственность за них на руководящие партийные и государственные хозяйственные органы, которые, по их мнению, осуществляли бесплановую экономическую политику. 29 декабря 1923 г. Н. Осинский впервые обнародовал контррезисы «оппозиции», которые в литературе тех лет иногда именовали «Проектом четверки экономистов»¹⁸.

Итоги дискуссии подвела XIII партийная конференция (январь 1924 г.), которая обсудила и утвердила очередные задачи партии в области экономической политики и партийного строительства. Анализируя уроки кризиса 1923 г., А. И. Рыков в докладе «Об очередных задачах экономической политики» указал на нарушение ценностной основы обмена между промышленностью и сельским хозяйством в результате наложения друг на друга ряда факторов. Объективные заключались как в исторически унаследованной диспропорции между уровнями развития сельского хозяйства и промышленности, так и в неравномерности восстановительного процесса в каждом из них. К этому добавился фактор хорошего урожая, создавший избыток сельскохозяйственной продукции над общественным потреблением. Субъективный фактор состоял в ошибочной политике вздувания промышленных цен и в нерасторопности хозорганов при организации заготовки хлеба для экспорта. И то, и другое было усугублено

инфляционными последствиями бумажно-денежной и кредитной эмиссии^[9].

XIII партконференция впервые признала существование в партии в форме определенного уклона оппозиции официально проводимому курсу новой экономической политики...^[10]. Правда, у представителей названного на концеренции «мелкобуржуазного» уклона пока еще трудно было проследить полное единство взглядов и мнений в вопросах социалистического строительства, но, по крайней мере, в одном их точки зрения совпадали. Выражая сильное недовольство стихийностью процесса восстановления народного хозяйства на основе формирования и развития внутреннего рынка, они полагали, что ее надлежит успокоить посредством организации строгого планового обмена и распределения совокупного общественного продукта. Они не осознавали того, что формирование пропорций обмена и распределения волевыми решениями не является гарантией бескризисного развития экономики, что оно, во-первых, подрывает материальные стимулы к труду, а во-вторых, дезорганизует составленный из десятков и сотен хозяйственных связей индикативный механизм рынка, который в форме усредненной рыночной цены сигнализирует о благополучии или неблагополучии в той или иной отрасли экономики.^[11]

В 1924—1925 гг. капиталистическая стабилизация в мире рассеяла надежды на скорую европейскую революцию, а возникновение экономических дискуссий отражало понимание того, что в течение некоторого времени Советская Россия должна быть индустриализована собственными силами.

Осенью 1924 г. свою модель развития социалистической экономики представил Е. Преображенский. В основу ее был положен «Закон первоначального социалистического накопления». Впервые он был изложен им в статье «Основной закон социалистического накопления»^[12], а затем во II главе его «Новой экономики»^[13]. Вопрос об изыскании источников основного капитала для осуществления социалистической индустриализации почти совсем игнорировался до выступления Преображенского в конце 1924 г., и его анализ с этой точки зрения представляется важным вкладом в экономическую теорию, отражающим поиски основной линии развития советской экономики.

Преображенский пришел к выводу, что существенным источником капиталовложений может быть только крестьянское хозяйство. Его решение задачи быстрой индустриализации заключалось в предварительной интенсивной перекачке приба-

вочной стоимости из крестьянского в промышленный государственный сектор. Сравнивая «первоначальное социалистическое накопление» с ранней стадией развития капитализма, которую Маркс назвал «первоначальным капиталистическим накоплением», Преображенский утверждал, что отношения между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством сопоставимы с отношениями между капиталистическими метрополиями и их колониями, т. е. крестьянство в его представлении играло роль колоний рабочего государства.

Как представляется, суть плана Преображенского была менее жестока, чем подразумевавшаяся аналогия. Отвергая насилие и конфискацию как недопустимые меры, он предлагал, чтобы новый капитал накапливался в результате «неэквивалентного обмена» в рыночных отношениях между двумя секторами, что было бы, по его мнению, более эффективным и менее раздражающим крестьянство, чем прямое налогообложение. Государственная промышленность должна была, по его мнению, использовать свое уникальное положение, чтобы преследовать политику «цен, сознательно рассчитанную на отчуждение определенной части прибавочного продукта частного хозяйства во всех его видах»¹⁰⁴. В отличие от официальной политики он определяет структуру цен («ножницы») как ключевое средство накопления. Преображенский пытался представить закон «первоначального социалистического накопления» как регулятор социалистического сектора в противоположность закону стоимости, регулирующему частный сектор.

В 1926 г. в Коммунистической академии прошла дискуссия, которая теоретически была связана с дискуссией о политической экономии, начатой Н. Бухариным в 1920 г. Докладчиком выступил Е. Преображенский¹⁰⁵. Закону стоимости как закону прошлого, говорил Преображенский, противостоит «закон первоначального социалистического накопления» — основной закон советской экономики переходного периода¹⁰⁶. Функционирование советского хозяйства представлялось Преображенскому как борьба этих двух противоречащих друг другу законов. Он считал, что каждый из них выступает регулятором в соответствующей сфере экономики. Носитель закона стоимости — частнособственническое хозяйство, носитель закона «первоначального социалистического накопления» — советское государство, его предприятия, учреждения, планирующие органы. Крестьянство по этой схеме рисовалось сферой враждебного социализму закона стоимости.

Аргументация Преображенского уже в то время была квали-

фицирована как экономическая основа троцкизма, что представляется не совсем верным. Между взглядами Преображенского и Троцкого существовало противоречие. Теория Преображенского строилась в расчете на социалистическую индустриализацию в изолированной России, а характерным для Троцкого было подчеркивание решающей роли европейской революции. В связи с этим очевидно не случайно, что «теория» Преображенского не была поддержана Троцким.

Крайнюю реакцию вызвал «закон» Преображенского у Н. Бухарина, который увидел в нем путь перехода к «первоначальному социалистическому накоплению», а постоянную систему эксплуатации «на расширенной основе»¹⁰⁷. Суть возражений Бухарина Преображенскому и его собственной программы заключалась в убеждении, что индустриальное развитие зависит от расширения рынка потребления. Вместе с тем Бухарин был согласен с Преображенским и «левыми» в двух важных положениях. Во-первых, подобно большинству руководства партии Бухарин считал индустриализацию ее главной экономической задачей, решение которой необходимо для обеспечения безопасности страны, а также для более надежного обеспечения гарантий пролетарской власти в преимущественно аграрной стране. Во-вторых, Бухарин, как и Преображенский, считал, что советская индустриализация должна основываться, главным образом, на внутренних ресурсах. Более того, Бухарин соглашался даже с «перекачкой» средств из крестьянской экономики в государственный промышленный сектор. Разногласия же касались масштабов и методов этой «перекачки»¹⁰⁸.

Эту полемику значительно обострили аграрные реформы 1925 г., которые расширили возможности нэпа в сельском хозяйстве устранением большинства установленных законом барьеров для крестьянского сельского хозяйства¹⁰⁹. Однако левые считали, что это — проявление «крестьянского» и даже кулацкого уклона. С защитой реформ выступил Н. И. Бухарин. Его позиция отражала этическое понимание задач социалистического строительства. Цель партии, уверял он, состоит не в «равноправии в бедности», не «в том, что мы понижаем более зажиточную верхушку, а в том, что мы низы подтягиваем до этого высокого уровня». И далее он добавлял: «Социализм бедняков — это паршивый социализм»¹¹⁰.

Политический скандал вызвало одно из публичных выступлений Н. И. Бухарина в 1925 г., где он сказал: «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать:

обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство»¹¹¹. Единственный среди участников дискуссии Бухарин старался построить общую теорию экономического, политического и социального развития. Однако взгляды его так и не сложились в стройную систему и изложены в основном в статьях и речах как возражения оппонентам.

В поисках выхода из кризиса 1923 г. складывается один из стержневых принципов управления экономикой страны и сельского хозяйства как важнейшей его составной части. 1923 год показал, что взятый новый курс экономической политики, хотя и способствовал выходу из кризиса 1921 г., не давал гарантии стабильности существовавшему политическому режиму. Нужно было так изменить хозяйственный механизм, чтобы он мог предохранить страну от повторения случившегося и обеспечить устойчивость политической власти.

Иными словами, 1923 г. стал поворотным в нэпе. Экономические дискуссии 20-х годов демонстрировали ряд возможных вариантов развития хозяйства страны. Однако предпочтительным оказался путь усиления контроля пролетарского государства во всех сферах жизни общества, особенно в среде «мелкобуржуазного крестьянства», постоянно создававшего угрозу власти. Этот вариант развития не появился сразу как окончательное и бесповоротное решение. Несмотря на «режим наибольшего благоприятствования» ему со стороны правящей партии, он долго еще пробивал себе дорогу в зигзагах и отступлениях экономической политики, в спорах и дискуссиях. Но именно в это время, очевидно, и начинают складываться те не обратимые механизмы административной системы управления, которые к концу 20-х годов сформировались в отлаженную систему тоталитаризма.

В качестве важнейшего рычага государственного воздействия на общество предусматривалась система общегосударственного планирования. Основой ее стали разработанные в 20-х годах перспективный план ГОЭЛРО — план преобразования производительных сил страны на новой технической основе; планы заготовок и распределения важнейших продовольственных продуктов, сырья, топлива (1919—1920 гг.); техникоэкономические планы развертывания производства по отдельным отраслям промышленности (1921—1923 гг.); планы на 1923/24 и 1924/25 гг., включавшие наряду с техникоэкономическими расчетами учет емкости рынка, распределения покупательной способности между городом и деревней, воздействие кредита и денежного обращения на емкость рынка, динамику цен; ежегодные конт-

рольные цифры на 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг., представлявшие собой попытки дать целостную, внутренне связанную систему показателей развития народного хозяйства: производства и распределения продукции, динамики цен, денежного обращения, кредита, финансов, экспорта и импорта, накопления; первый пятилетний план и расчеты по генеральному плану на 15—20 лет¹¹². Впервые мобилизацию крупных накоплений и распределение их между отраслями хозяйства (промышленность, сельское хозяйство) для капитальных вложений предусматривал план на 1925/26 г., еще более крупные вложения — на 196/27 г.¹¹³.

При обсуждении контрольных цифр, а впоследствии и первого пятилетнего плана в 1927/28 г. возникли острые дискуссии по широкому кругу вопросов экономической теории и экономической политики, в частности, о темпах экономического роста, о распределении капитальных вложений между отраслями и т. д.

Для всех экономистов 20-х годов было очевидным, что наряду с рыночной связью существует ее новая форма — плановая. Спорным был вопрос о взаимодействии плана и рынка, планового начала и стихийности. Является ли конфликт плана и стихии простым внешним столкновением или же план и рынок определенным образом взаимодействуют: план организует рыночные процессы и вместе с тем отражает потребности, выявляемые на рынке, учитывает и определенным образом преломляет рыночные процессы.

В 20-е годы экономическое развитие нашей страны проходило в условиях резкой диспропорциональности, особенно между промышленностью и сельским хозяйством. Это вызывало озабоченность и споры среди ученых. Ряд экономистов, по преимуществу ученые так называемых старых школ, в отличие от классиков марксизма отрицали преобразующую роль промышленности и считали сельское хозяйство не только преобладающей, но и ведущей отраслью народного хозяйства. Наиболее развернутое изложение этих взглядов было дано Л. Шаниным¹¹⁴. Пытаясь найти реальные и менее болезненные пути развития хозяйства, он категорически выступал не только против первоочередного развития промышленности, но и возможности одинаковых темпов роста промышленности и сельского хозяйства. Шанин пытался доказать ошибочность курса на первоочередное развитие тяжелой промышленности. Он исходил из посылки, что различные отрасли имеют определенные пределы для своего развития. По его мнению, в наиболее жесткие условия поставлена промышленность, сельское

хозяйство, напротив, обладает безграничными возможностями развития. Отсюда, следовал вывод, что в нашей стране лишь сельское хозяйство имеет все необходимые условия для развития высокими темпами. Первое из них — неограниченное количество рабочей силы, второе — наличие широкого рынка сельскохозяйственных товаров.

Л. Шанин сознавал, что опережающее развитие сельского хозяйства может привести к возникновению серьезных диспропорций в экономике, но не придавал этому особого значения, рассматривая их как нормальное и неизбежное явление, характерное для всех развитых стран на определенном этапе их развития. Ликвидацию этой диспропорции он связывал с развитием внешней торговли, в русло которой мог быть направлен образующийся в нашей стране избыток сельскохозяйственных продуктов. Шанин намечал такую схему развития промышленности, которая целиком была бы связана с мировым рынком и зависела от него: по мере исчерпания возможностей внешнего рынка поглощать переработанную сельскохозяйственную продукцию на первое место выдвигается промышленная переработка сельскохозяйственного сырья. После насыщения внешнего рынка этими товарами начнет развиваться промышленность, работающая на внутренний рынок, но использующая только сельскохозяйственное сырье. Он допускал развитие отраслей тяжелой промышленности, но лишь таких, которые могут иметь важное экспортное значение (добыча нефти, платины, марганца и т. п.)¹¹⁵.

Обосновывая примат сельского хозяйства над промышленностью, другой видный экономист Н. Д. Кондратьев подчеркивал, что прогрессивным и желательным направлением развития сельского хозяйства в условиях тогдашней России будет то, которое подведет сырьевую базу под развитие промышленности, усилит экспортные возможности страны, даст наиболее широкое поле для приложения труда избыточного сельскохозяйственного населения, усилит его налогоплательские силы, гарантирует наибольшую рациональность и устойчивость сельскому хозяйству с организационно-производственной точки зрения¹¹⁶. Во всех его работах этого периода в разных вариантах звучит идея — нельзя строить в одном месте, обескровливая другое.

Подчеркивая большую роль деревни в решении проблем накопления, Кондратьев делает ставку на зажиточного крестьянина, именно этот крестьянин, по его мнению, мог способствовать увеличению накопления для роста сельскохозяйственного производства. Только «богатеющий мужик» является «твор-

ческой фигурой», а те слои населения, которые не сводят «концы с концами в своем бюджете», годны лишь «для борьбы на баррикадах». Кондратьев призывал взять курс на «крепкого зажиточного мужика».

Значительные преимущества сельскохозяйственного труда над промышленным видит А. В. Чаянов. В этот период он мало принимал участия в научных дискуссиях, больше внимания уделяя делу организации сельского хозяйства, научной и педагогической деятельности¹¹⁷. Строго в рамках своей теории трудового крестьянского хозяйства Чаянов утверждает, что только сельское хозяйство в отличие от промышленности может дать возможность заинтересованного творческого труда. И если освободить крестьянство от административной опеки, то Россия совершит чудо в сельском хозяйстве. Главным тормозом в развитии крестьянского хозяйства он считал необоснованное вмешательство государства¹¹⁸.

Вопрос о том, как нэповская Россия превратится в Россию социалистическую, волновал теоретическую мысль на всех уровнях. Этот вопрос неизбежно упирался в проблему о возможностях социализма в одной стране, о «характере нашей революции». Отсюда очень важными стали споры о характере и возможностях классов, вовлеченных в революцию.

Официально считалось, что в нэповском обществе имеются три класса: рабочий класс, крестьянство и «новая буржуазия». Городское население не представляло теоретической проблемы и не вызывало серьезных разногласий. Они сосредоточились на вопросе расслоения внутри крестьянства и пригодности давней классификации, подразделявшей крестьянство на три группы: бедняков, середняков и кулаков. Эти группы в результате событий 1919-1920 гг. значительно изменились и различия между ними сгладились. не только социальные слои стали менее определенными, менее надежными и спорными были статистические данные о их численности¹¹⁹.

Довольно широкий спектр мнений выявила дискуссия, которая прошла в начале 1927 г. в научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики при Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где с докладами на тему о дифференциации крестьянства выступили видные профессора-аграрники Н. Макаров, А. Чаянов, Н. Челинцев, П. Маслов, Н. Суханов и др.¹²⁰ Все они либо отрицали ее наличие, либо признавали, а если и считались с фактом крестьянской дифференциации, то по-разному определяли ее роль.

Развивая идеи «организационно-производственной» школы, Н. П. Челинцев аргументирует свою позицию, исходя из убеждения о большей выживаемости, живучести мелкого крестьянского хозяйства. Господство остатков феодально-крепостнических отношений в дореволюционное время, считает Челинцев, тормозило не развитие капитализма, а мелкого трудового крестьянского хозяйства. Отсюда он делает вывод, что ликвидация помещичьего землевладения есть могучий стимул для торжества мелкого хозяйства. «Теперь помещичья земля и земля крестьян-полупомещиков вошла в состав мелких хозяйств, вошла бесплатно. Понятно, как глубоко и всесторонне она должна укреплять низшие слои, когда особенно она может использоваться по товарно-интенсивной линии»¹²¹. В условиях победившей социальной революции, считает Челинцев, продолжают действовать прежние «факторы»: плотность населения, отсутствие поглощения сельского населения городом и т. п. Все это вместе с политикой протектирования бедняку и середняку «погашает тенденцию к дифференциации». Таким образом, делает вывод Челинцев, имеются блестящие перспективы для выживания и утверждения позиций мелкого хозяйства¹²².

Несколько по-иному к определению сущности проблемы дифференциации подходит А. В. Чаянов. В ходе дифференциации он выделяет пять процессов¹²³. Однако главным среди них видит семейную дифференциацию, которая по его мнению, является первопричиной дифференциации крестьянских хозяйств по экономической мощности. Размеры землевладения, посевов, количества скота и личный бюджет зависят, считает он, развивая свой старый тезис, от размеров семьи. Отрицая капиталистическую дифференциацию, он тем не менее выделяет несколько страт, уровней трудового семейного хозяйства, по-разному ориентированных на затраты капиталов и использование техники.

Н. Д. Кондратьев со свойственной ему решительностью и прямолинейностью утверждает, что в условиях перехода к социализму социально-экономические процессы в деревню проходят в тех же формах, что и при капитализме. Говоря о «более слабых группах» крестьянства, Кондратьев отмечает, что они вообще ничего не накапливают, а получают от государства и живут на этот счет. В результате нашей политики мероприятий, задерживающих рост сельской буржуазии, мы тормозим рост накопления в народном хозяйстве. Капитализм, если он будет развиваться, даст бедноте и

низшим группам даже больше того, что дает советское государство¹²⁴.

Таким образом, социальную дифференциацию Н. Д. Кондратьев оценивал как прогрессивный процесс, обеспечивающий развитие производительных сил деревни. Зарегулирование его со стороны государства, считает он, приведет к падению уровня сельскохозяйственного производства, дроблению, измельчению крестьянских хозяйств.

Нельзя сказать, чтобы эти научные баталии оказали сколь-нибудь существенное влияние на формирование принципов государственной крестьянской политики. Но они отражали направление и содержание мощнейшего пласта научной мысли, не связанной с идеологическими устремлениями новой власти, и, имея возможность относительно свободно развиваться, поднимали отечественную экономическую науку на такой уровень развития, которого, увы, по многим параметрам не удалось достичь и сегодня. Кроме того, деятельность этих ученых в различных государственных учреждениях не могла не влиять на практику управления, что в определенной смысле ограничивало крайне политизированное и идеологизированное вмешательство новой власти во все сферы экономики, когда верх брали не соображения целесообразности, а необходимость соблюсти чистоту официальной доктрины и стремление удержать власть.

В этом смысле интересна позиция Н. И. Бухарина, который пытался соединить соображения целесообразности и верность идее. Так, в вопросе о классовой дифференциации крестьянства Бухарин соглашался в теории с положением марксизма о том, что бедные и безземельные крестьяне являются как бы сельским пролетариатом, естественной поддержкой партии в деревне, а кулак — врагом¹²⁵. Но его трактовка кулака и, что не менее важно, середняка, говорила об очень резком отличии его понимания расслоения крестьянства и последствий этого от позиций большинства партии и левой оппозиции.

Пытаясь сформулировать экономическую программу в новых исторических условиях, в условиях нэповской постепенности, Бухарин понял, что за понятием «кулак» скрывалась крупная проблема. Он проводит различие между «хищным зажиточным трактирщиком, деревенским ростовщиком, кулаком и крепким хозяином, имеющим несколько батраков»¹²⁶. Здесь видно, его нежелание наклеивать каждому предпринимчивому хозяину ярлык кулака. Он полагает, что сам кулак

не представляет серьезной экономической угрозы ибо «командные высоты» сдерживают и направляют его экономическое развитие. Поэтому имевшая место политика поощрения производства крепких «культурных» хозяйств не была сама по себе опасной. Но, считает Бухарин, более серьезна политическая угроза кулака, которая заключается в его возможности влиять на крестьянские массы, особенно на середняка.

В свою очередь середняцкое крестьянство он видит как «важнейший слой», «основную массу» крестьянства. Средняк становится для Бухарина не только «наиболее важной прослойкой», но и символом крестьянства как класса¹²⁷. По его мнению, крестьянская политика означает политику по отношению к среднему крестьянству. И, основываясь на этом положении, он строит свою теорию о социализме и крестьянстве.

Вопрос о путях будущего развития страны также активно обсуждался в экономической литературе 20-х годов. Анализ ее да и современной историографии, показывает, что исследователи часто пытались установить связь между взглядами в дискуссиях, с одной стороны, и политическими фракциями в партии — с другой, определить, каким — левым или правым — было то или иное суждение в дискуссии, даже если оно не имело отношения к политике. Такой подход не всегда представляется продуктивным. Очевидно, в данном контексте правильнее будет говорить о марксистском и немарксистском направлениях экономической мысли.

Довольно серьезные позиции занимали ученые, принадлежащие к организационному направлению. Н. А. Челинцев, В. А. Чаянов, Н. П. Макаров, говоря о будущем крестьянского хозяйства, единодушно связывали его с индивидуальным крестьянским хозяйством, постепенно вовлекаемым через кооперацию в народнохозяйственную систему.

Еще до революции А. В. Чаянов пришел к выводу, что устойчивость и выживаемость крестьянского хозяйства усиливаются кооперацией¹²⁸. В сельском хозяйстве, говорит Чаянов, очень важен момент связи. Эту функцию и выполняет кооперация. Не отчуждая человека от земли, кооперация, идущая снизу вверх, по мнению Чаянова, была бы самой органичной и безболезненной формой организации сельскохозяйственного производства, позволяющей эволюционным путем перейти к социальным улучшениям. В отличие от Ленина, у которого на первый план выступает социально-политический аспект, Чаянова прежде всего интересует морфология, внутренняя организация крестьянского хозяйства и его произ-

водственные возможности, которые усиливаются кооперацией. Эффективность кооперативных форм Чаянов допускает только в отдельных сферах сельского хозяйства — кредит, распределение, сбыт и т. п. Он убежден, что для самостоятельного крестьянского хозяйства не существует стимулов вступления на путь колхозного строительства¹²⁹.

В середине 20-х годов в стране наметились радикальные, далеко идущие перемены. Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) фактически предрешил курс на коллективизацию сельского хозяйства. Путь деревни был предопределен — она должна была стать колхозной.

Если взгляды А. В. Чаянова не противоречили ленинской концепции кооперации, то они стали противоречить той политике в деревне, которая проводилась после XV съезда партии. Чаянов понимал, что его теории уже выходят из разряда научных дискуссий и трактуются как подрывная антисоветская деятельность.

Под давлением обстоятельств многие из крупных представителей так называемых немарксистских школ в той или иной степени отказывались от своих основных позиций. Некоторые из них делали это в печати (Н. Челинцев¹³⁰, А. В. Чаянов¹³¹), другие ограничивались устными заявлениями об ошибочности своих положений (Н. Макаров). Как справедливо отмечал Чаянов, «процесс перерастания одной идеологической системы в другую требует многих лет постепенной органической работы над всеми деталями концепции и субъективно крайне труден, медленен»¹³². Трудно изменить убеждения, которые складывались десятилетиями. Поэтому за внешней формой признания ошибок» осталось прежнее содержание.

К 1929 г. основной идеей А. В. Чаянова становится идея «самоколлективизации». Он считает, что если бы в распоряжении крестьянства были долгосрочные кредиты в миллионы рублей, то оно могло бы самостоятельно, «без всякого руководства со стороны социалистического города» перейти к новым социалистическим формам хозяйства. В таком случае «мы будем иметь техническую революцию, но без социальной катастрофы»¹³³.

И все же даже тогда длительную историческую перспективу он видит за индивидуальным крестьянским хозяйством: «В настоящее время крестьянское хозяйство, кооперируя снабжение, сбыт, переработку на коллективных началах, могло бы еще противостоять современным капиталистическим хозяйствам, сохраняя основную производственную базу, организованную в

формах мелкого индивидуального простого товарного хозяйства»¹³⁴.

Долгую жизнь индивидуальному крестьянскому хозяйству пророчил и Н. Челинцев. Он настаивает на сосуществовании мелких товаропроизводителей, мелкого трудового крестьянского хозяйства и колхозов. Причем он считает нецелесообразным создание льготных условий для развития колхозов, что ставит крестьянское хозяйство в неравное положение. Он допускает льготные мероприятия экономической политики по отношению к колхозам «сравнительно с индивидуальными крестьянскими хозяйствами возможными, но только в начальной стадии, когда центральные и местные политические органы должны провести проверку самой идеи коллективизации сельского хозяйства»¹³⁵. Он советует начинать с простых типов колхозов. В связи с этим процесс коллективизации мыслится им как эволюционный, выражающийся лишь в постепенном переходе от простейших форм к более сложным. Особенно настойчиво он подчеркивает именно мысль о постепенности¹³⁶.

Более четко, скорее более резко в отношении к официальному курсу определяет свою позицию Н. Д. Кондратьев. В 1927 г. он выступает в Научно-исследовательском институте сельского хозяйства с докладом «К вопросу о дифференциации деревни», где довольно определенно изложил свою концепцию перспектив развития деревни. Кондратьев, поддерживая чаяновскую теорию кооперативного строительства и устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, считает, что коллективизация — вопрос будущих «600 лет». Проблему выбора во второй половине 20-х годов он понимал однозначно: Россия — сельскохозяйственная страна, должна идти путем естественной экономической эволюции, завоевывая выгодные позиции на мировом рынке, а не путем ломки сложившейся хозяйственной структуры в целях ускоренной, форсированной индустриализации за счет и в ущерб сельскому хозяйству. Думается, есть смысл привести некоторые наиболее характерные аргументы его концепции.

«С точки зрения общих задач экономической политики Советской власти наиболее желательный путь лежит через производственную кооперацию мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, через укрупнение и повышение их производительности и товарности при помощи коллективизации. Разумеется, этот путь должен быть использован максимально...

Однако на него (на путь коллективизации — Н. Н.)

следует смотреть достаточно реально. Широкое развитие производственной кооперации предполагает высокий уровень техники сельскохозяйственного производства...

Однако мы далеко не располагаем возможностями немедленно или очень быстро обеспечить эти предпосылки. И поэтому потребуется очень длительное время раньше, чем кооперативное сельскохозяйственное производство приобретет заметное влияние...

Очевидно, что при этих условиях требуются и другие пути и методы развития производительных сил сельского хозяйства. Второй по своему удельному весу пока основной путь состоит в том, чтобы, взяв основную массу беднейших и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, кооперируя их на почве сбытовых и снабженческих функций, на почве общего пользования машинами и переработки продуктов и оказания им содействия мероприятиями в области кредита, землеустройства, мелиорации и т. д., поднимать их общий хозяйственно-культурный уровень и усиливать рост производительных сил сельского хозяйства. Повторяем, этот путь развития сельского хозяйства в данное и ближайшее время является основным....

Но если база нашего сельского хозяйства до крайности примитивна, если кооперативный путь развития сельского хозяйства представляется чрезвычайно длительным, если мы пока не в состоянии полностью обслужить нужды слабейших групп деревни, если в то же время развитие экспорта, повышение товарности сельского хозяйства, его производительности и накопления нам необходимы, — то при этих условиях в интересах развития производительных сил сельского хозяйства и преодоления аграрного перенаселения мы не можем до известных пределов не использовать и путь развития сельского хозяйства через некоторое усиление в деревне процесса дифференциации и т. д.»¹³⁷

Н. Д. Кондратьев ищет надежные и точные методы описания и прогнозирования экономического развития. Это зрелый и убежденный теоретик товарно-денежных отношений и экономически естественных методов регулирования народного хозяйства, видевший перспективы развития сельского хозяйства России в общей структуре экономики страны и мирового хозяйства в целом.

Практика нэпа показывала, что нужно найти компромисс с частнособственническими интересами крестьянства. Но при этом следует учитывать, что одной из азбучных истин марксизма оставалось убеждение, что в сельском хозяйстве, как и в промыш-

ленности, крупные предприятия более выгодны, чем мелкие. Более того, марксистское понимание решающей роли способа производства в формировании общественных отношений означало, что социализм в деревне будет начинаться непосредственно через процесс производства. И несмотря на то, что в 1925 г. только 2% от общего количества обрабатываемых площадей принадлежало колхозам, вопрос об организации коллективных хозяйств в середине 20-х годов вновь стал активно обсуждаться в партии.

Две противоречивые тенденции отчетливо выявились в ходе этого обсуждения. С одной стороны, следование букве марксизма на создание крупных социалистических хозяйств в деревне, с другой — стремление повернуть партию к сохранению прежнего (нэповского) эволюционного курса к социализму¹³⁸. В этих условиях были сформулированы взгляды Н. И. Бухарина по вопросу о путях развития сельского хозяйства, которые пытались примирить официальный марксизм и конкретную практику социалистического строительства.

На вопрос о том, каким образом крестьянство придет к социализму, Бухарин отвечает: посредством «обычной кооперации — закупочной, сбытовой, кредитной». В большой степени бухаринские положения вытекали из ленинской теории «аграрно-кооперативного социализма», «ленинского плана, завещанного нам в качестве директивы, в качестве маршрута...»¹³⁹. В то же время он признает, что «колхоз — это есть могущественная штука». По его мнению, беднота и безземельные крестьяне из-за своей нужды будут стихийно тяготеть к коллективному хозяйствованию. Но, добавлял он, даже эти беднейшие прослойки обладают традиционной крестьянской собственнической душой, которая оказывается помехой для распространения коллективных форм хозяйствования. Поэтому коллективизированное сельское хозяйство, считает Бухарин, будет в лучшем случае отдаленной перспективой, и возможность его создания зависит от способности добровольных механизированных, самокупаемых коллективных хозяйств доказать свое превосходство над частными хозяйствами в соревновании с ними на открытом рынке. Он предостерегал, что было бы ошибкой искусственно создавать коллективные хозяйства, ибо они могут стать «коммунистическими паразитическими учреждениями», существующими за счет государства, которые смогут только укрепить убеждение крестьян в том, что «частное хозяйство — вещь очень хорошая»¹⁴⁰.

Итак, уже в 1925 г. Н. И. Бухарин четко определил, что «коллективные хозяйства — это не главная магистраль,

не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство пойдет к социализму»¹⁴¹.

Представление о кооперации как средстве перехода к социализму давало Бухарину возможность утверждать, что мелкий собственник неизбежно будет «врастать» в нашу государственно-социалистическую систему. Существенным механизмом в этом процессе «врастания» может стать банковская и кредитная система. Он считал, что нити финансовой и кредитной зависимости гарантируют экономическую гегемонию государственно-го сектора, привязывая несоциалистические организации к социалистическому сектору и создавая общность интересов между кооперативами и кредитными органами пролетарского государства»¹⁴².

К 1929 г. взгляды Бухарина почти не изменились. Правда, наряду с частным крестьянским хозяйством, которое продолжало оставаться основой бухаринской сельскохозяйственной программы, он отмечает необходимость и возможность добровольного коллективного сектора. Этот сектор при надлежащей пропаганде и поддержке постепенно разрастается, через пять-десять лет обеспечит примерно одну пятую товарного зерна и, в конце концов, спустя целый исторический период, совершенно вытеснит частное крестьянское хозяйство¹⁴³.

Этим идеям не суждено было сбыться, поскольку через год-другой последовала коренная ломка организационных структур, форм и методов управления экономикой, чему предшествовал острый экономический и внутривластный кризис 1927-1928 гг.

Осенью 1927 г. крестьяне резко сократили предложение сельскохозяйственной продукции. Первым советским экономистом, исследовавшим это, на первый взгляд, странное явление, был А. Л. Вайнштейн. В конце 1927 г. им была опубликована статья «Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году», в которой доказывалось, что деревня сократила свой платежепокупательный спрос на промышленные товары не потому, что не нуждалось в них, а потому, что последние нигде было купить¹⁴⁴.

Перед партийными и государственными органами вставала следующая дилемма: либо сократить размеры накопления на капитальное строительство в городе, обратив высвободившиеся материальные ресурсы в доступные для крестьянина товары широкого потребления, либо сохранить их на прежнем высоком уровне, решая проблему товарного голода «лучшей

организацией очередей» и применения внеэкономических мер принуждения к крестьянству с целью продажи им государству излишков товарной продукции.

Поиски путей выхода из кризиса вызвали довольно бурную дискуссию, которая явилась лишь частью широкой полемики, развернувшейся в начале 1928 г. Дискуссия скоро приняла сугубо политический характер и сосредоточилась главным образом в Политбюро и ЦК партии. В центре полемики были противоположные толкования текущих затруднений и прежде всего зернового кризиса. По утверждению Сталина, помимо попыток кулаков припрятать хлеб зерновой кризис объясняется и тем, что единоличное крестьянское хозяйство зашло в тупик. Н. Бухарин и А. Рыков считали, что непосредственной причиной кризиса были не структура сельского хозяйства, а ошибочная государственная политика цен и неверная оценка рыночной конъюнктуры¹⁴⁵. Бухаринский подход требовал умеренных мер, в том числе помощи индивидуальным крестьянским хозяйствам, более гибкой политики цен и улучшения работы официальных учреждений. Сталинский — жестких решений. Однако весной 1928 г. у Сталина еще не было сложившейся альтернативы бухаринской концепции.

Формирование принципов отношения к крестьянству проходило в сложной, напряженной обстановке разрушения старой экономической системы и создания хозяйственного механизма, соответствовавшего политической модели нового строя. Постепенно на основе принципов, которые нащупывались в ходе реализации идеи создания новой экономики, формировалась политика, которая подчас, а чаще, «как правило», вступала в острый конфликт с реальной экономикой, с конкретными экономическими процессами. Сложным и болезненным был этот поиск. Изучение его требует детального рассмотрения взаимодействия теории, идеологии и практики, попытка сделать это предпринята в последующих разделах работы.

Проведенный же в данной главе анализ показывает, насколько исследуемые процессы отразили на себе реалии той действительности — острейшее идейно-теоретическое противоборство экономики и политики по принципу «кто-кого»: достаточно реалистичного направления русской экономической мысли, опирающегося на фундаментальный научный анализ экономических процессов, не связанный с идеологией и конкретной политикой, и утопического подхода удерживающих политическую власть «марксистов».

Следует обратить внимание на то, что основы марксистской экономической концепции, заложенные еще до революции, более систематически начинают оформляться в условиях становления нового общественного строя. Одной из апробируемых моделей строительства социализма стал хозяйственный механизм «военного коммунизма».

Однако несостоятельность «военного коммунизма» как метода строительства социализма стала очевидной после снятия чрезвычайной обстановки, ибо потребовала активных поисков новых методов организации экономики. Конкретные методы и формы организации хозяйственного механизма, т. е. общая экономическая структура нэпа, складывается только к 1923 г. Период с начала 1920 по 1923 г. можно охарактеризовать как поиски принципов и методов хозяйствования. Этот этап характеризует широчайший диапазон теоретических дискуссий о роли рынка и товарно-денежных отношений в экономике социализма, об эволюции крестьянского хозяйства, источниках накопления, принципах планирования, темпах роста и т. д. В рамках каждой дискуссии тогда еще существовала возможность мнений от откровенно враждебных социализму до ортодоксально марксистских. Однако попытки решения экономических проблем с помощью методов традиционно обозначаемых в нашей литературе как система «военного коммунизма», несостоятельность которых была выявлена в полной мере к 1921 г., привели к гибели нэпа и системы отношений им порожденных. К концу 20-х годов происходит свертывание нэповских принципов, и позиции ученых, не вписывавшиеся в ортодоксальный марксизм, приходят в противоречие с господствующей идеологией, когда мировоззрение (научное, политическое) того или иного специалиста отождествлялось с предметом его профессиональной деятельности. Весь этот период характеризуется стремлением примирить нэповские принципы (эволюционность, постепенность, плюрализм и т. п.) с идеологией усиливающейся административно-командной системы. Но компромисс достигнут не был.

Глава II. СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ: СОСТАВ, СТРУКТУРА, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И МЕСТ

Становление аппарата управления (1917—1920)

После Октябрьской революции вопросы управления выдвинулись в число важнейших. Всем известны сказанные весной 1918 г. Лениным слова: «...мы Россию отвоевали», «теперь необходимо научиться Россией управлять». Особенно сложной эта задача стала применительно к управлению крестьянством — самым многочисленным, но и самым неорганизованным слоем населения.

Советская Россия приняла в наследство определенную систему, которую можно рассматривать как систему управления сельским хозяйством. В государственном аппарате царизма существовало несколько подразделений, ведавших главным образом переселенческой политикой и землеустройством. Регулирующее воздействие на сферу производства в крестьянском хозяйстве осуществлялось преимущественно через земства и находившиеся в их ведении учреждения — опытные станции, агрономические участки и т. п. Усложнение государственного аппарата управления сельским хозяйством произошло в связи с созданием системы государственного регулирования экономикой в годы империалистической войны и позднее с подготовкой земельной реформы Временным правительством.

Большевикам, пришедшим к власти, предстояло решить, что из доставшегося им в наследство государственного аппарата можно использовать в деле строительства нового общества, а что «безнадежно устарело».

Советский государственный аппарат должен был стать главным орудием в переустройстве общества. Но мало было создать государственный аппарат. Необходимо было обеспечить его бесперебойную работу, добиться того, чтобы он охватил и связал воедино все стороны, все сферы административной, хозяйственной, культурной жизни, все области социальных отношений, классовой борьбы. Одним словом, большевики, используя государственный аппарат, должны были управлять страной.

Причем с самых первых шагов коммунистическая партия, которая возглавила эти процессы, придерживалась принципа единства политического и хозяйственного руководства. «Между хозяйственным управлением и партийной жизнью у нас имеется самая тесная связь. Наше хозяйство не может рассматриваться отдельно от экономической политики государства, руководимого партией».

Высшим органом государственного управления стал Совет народных комиссаров — правительство советской республики, возглавляемое В. И. Лениным. Совнарком не только управлял, он в то же время принимал декреты законодательного характера. В докладе о разработке проекта Конституции Я. М. Свердлов отмечал: «...каждый из вас, если внимательно следил за деятельностью Советской власти, заметил, что такое разделение власти исполнительной и законодательной не соответствует деятельности Советской республики. Совет Народных комиссаров — это непосредственный орган власти как таковой: и законодательный, и исполнительный, и административный...».

Уже с первых дней существования новой государственной системы происходит централизация государственного управления и прежде всего за счет перемещения законодательных функций ВЦИК в Совнарком. В то же время ВЦИК, юридически являясь высшим законодательным органом между всероссийскими съездами Советов, непосредственно участвовал в проведении принимаемых законов в жизнь. Такое переплетение функций не вызывало активной борьбы в высшем государственном аппарате. Скорее всего это можно объяснить единством программы деятельности — и ВЦИК, и СНК проводили в жизнь программу коммунистической партии.

По решению II Всероссийского съезда Советов в составе Совнаркома для «руководства отдельными отраслями государственной жизни» предусматривалось создание ряда комиссий, возглавляемых народными комиссарами, — народных комиссариатов. Образованный по этому постановлению Народный комиссариат земледелия во главе с В. П. Милютиным призван был обеспечить государственное управление одной из жизненно необходимых отраслей экономики — сельским хозяйством, с которым в то время было связано большинство населения страны.

Однако как организовать этот орган и как будет строиться его работа никто не знал. Поэтому при формировании НКЗ стали использовать целые подразделения земельных органов Временного правительства, опыт работы которых по решению

практических вопросов организации сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства мог быть полезным на первых этапах аграрных преобразований. Такими органами прежде всего стали Главный земельный комитет и земельные комитеты на местах. И это не было случайным.

Главный земельный комитет и земельные комитеты на местах — органы, созданные в системе министерства земледелия, которые Временное правительство предполагало использовать для разработки проекта аграрной реформы. 19 мая 1917 г. состоялось торжественное открытие Главного земельного комитета. В его состав наряду с «администрацией» министерства земледелия — министра и четырех его заместителей вошли видные экономисты аграрники: проф. А. С. Посников (председатель ГЗК), П. С. Маслов (его заместитель), А. Н. Челинцев (управляющий отделом сельскохозяйственной экономики и политики), а также члены по избранию Б. Д. Бруцкус, А. А. Кауфман, Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, Н. П. Огановский, А. А. Рыбников и др.

Сосредоточив в своем составе лучшие силы аграрной науки России, Главный земельный комитет мог стать научным и методическим центром по осуществлению аграрной реформы. В его комиссиях, возглавляемых Н. П. Макаровым, А. А. Кауфманом, Н. Д. Кондратьевым, развернулась серьезная деятельность по разработке аграрной реформы. Были созданы подробные и конкретные проекты: «Программа Макарова», «План статистико-экономических работ» Попова местным земельным комитетам, «Положение о ликвидации частного землевладения», «О перераспределении земельного фонда» А. А. Кауфмана и А. Н. Челинцева и др.

Существовал тесный контакт между ГЗК и Лигой аграрных реформ и выражался он не только в общем членстве, но и функционально. В своей практической работе ГЗК опирался на научные разработки Лиги аграрных реформ. Между ними существовала и постоянная практическая связь как на уровне обмена протоколами, так и совместных заседаний.

К сожалению, юридический статус ГЗК не был четко определен. Не имея властных полномочий, он не мог приступить к каким-либо конкретным действиям. Хотя почва для этого была благодатнейшая. Ситуация складывалась таким образом, что местные земельные комитеты явочным путем пытались брать эти властные полномочия. Места требовали принятия «официального и более юридически определенного» Положения о земельных комитетах, их функциях и полномочиях.

Главный земельный комитет неоднократно обращался к правительству и лично министру-председателю с требованием принятия «немедленных законодательных мер к упорядочению вновь возникающих земельных отношений». Однако правительство своей Декларацией от 21 апреля 1917 г. и распоряжениями отдельных министерств подтверждало «неприкосновенность существовавших до сих пор условий землепользования». В этой ситуации скорее всего «к делу» перешло министерство внутренних дел — по стране прокатилась волна арестов наиболее активных членов земельных комитетов¹⁰.

Таким образом, вряд ли можно отождествлять опыт работы Главного земельного комитета и деятельность Временного правительства по аграрному вопросу¹¹. Не случайно поэтому Советская власть на первых порах решила использовать опыт работы Главного земельного комитета и земельных комитетов на местах.

31 октября 1917 г. Наркомзем разослал на места «Инструкцию земельным комитетам», а 13 декабря за подписью В. И. Ленина было опубликовано «Положение о земельных комитетах». Эти документы предусматривали демократизацию главного и местных земельных комитетов, определяли их функции, главной из которых было осуществление конфискации помещичьих земель, предусмотренной Декретом о земле¹².

Победа Октябрьского вооруженного восстания внесла новые характеристики в деятельность Главного земельного комитета. Она перестала носить «научный и методический» характер, комитет становится орудием в острой политической борьбе.

Независимо от мероприятий Советской власти в рамках подготовки Учредительного собрания начинается работа по созыву Всероссийского съезда земельных комитетов. Создается специальное Оргбюро, которое возглавляет эсер Муштаев¹³. Большие надежды возлагаются на новый аграрный закон, который Учредительное собрание должно было принять в противовес Декрету о земле. В это же время от имени ГЗК за подписью товарища министра земледелия Ракитникова на места рассылается «Обращение ко всем уездным и волостным земельным комитетам», в котором Декрет о земле объявляется «незаконным и недействительным»¹⁴.

Анализ материалов Оргбюро Муштаева и всей подготовительной работы по организации съезда земельных комитетов показывает, что члены ГЗК не участвовали в ней. Правда, определенную активность проявлял бывший товарищ министра земледелия Ракитников, который выступал от лица то министерства земледелия, то ГЗК. С ним вели переговоры по организа-

ционными вопросам предстоящего съезда, ему же предлагали выступить на съезде с докладом¹⁵.

Решение чисто политических вопросов при формировании Советского правительства было тесно связано с Народным комиссариатом земледелия и, отнимая много сил и времени, не могло не сказаться на его строительстве.

4 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК группа народных комиссаров, возражая против «чисто большевистского правительства», которое «встало на путь политического террора» и ведет страну «к установлению безответственного режима», подала заявление об отставке. В их числе был и нарком земледелия В. П. Милютин¹⁶. По инициативе В. И. Ленина ВЦИК предложил СНК наметить новые кандидатуры народных комиссаров. Причем пост наркома земледелия был предложен левому эсеру А. Л. Коллегаеву. Однако левые эсеры отказались принять участие в обсуждении этой кандидатуры¹⁷.

Поэтому на втором заседании Совнаркома, 15 ноября, был поставлен вопрос о министерстве земледелия и о роли в нем Шлихтера¹⁸. Совнарком предложил левым эсерам «ультимативно взять завтра министерство земледелия или предоставить его большевикам и не тормозить работу». Левые эсеры не дали ответа и на следующем заседании СНК, 16 ноября 1917 г., был вновь поставлен вопрос «о письменном ультиматуме левым эсерам и о poste наркома по министерству земледелия». Поскольку вопрос был чрезвычайно важным, Совнарком постановил: «Предложить Шлихтеру с 17 ноября приступить к энергичной работе по министерству земледелия»¹⁹. Однако 17 ноября левые эсеры согласились принять пост наркома земледелия. Результаты переговоров были оформлены решением ВЦИК от 17 ноября об изменении состава Совнаркома: Наркомат земледелия предлагалось возглавить левым эсерам; они должны были ввести своих представителей во все другие коллегии при Совнаркоме: в коллегию Наркомзема, состоящую из левых эсеров, большевики вводили своего представителя²⁰.

24 ноября 1917 г. ВЦИК утвердил левого эсера А. Л. Коллегаева на пост народного комиссара земледелия, а в состав коллегии комиссариата вошли левые эсеры: Н. Н. Алексеев, С. Ф. Рыбин, Л. Л. Костин, М. С. Животовский, Г. М. Иващенко, Н. С. Арефьев, И. Ф. Балыков, В. М. Капинский, П. И. Мелков, Н. Д. Пряжников, М. Н. Аношин, Г. Д. Рыкин, А. Е. Феофилактов, П. Н. Яценко²¹. Правительственное соглашение большевиков и левых эсеров позволило начать более активную работу по созданию земельных органов. Первым шагом в ней стало преодо-

ление саботажа в министерстве земледелия, рабочий аппарат которого Советское правительство предполагало использовать при осуществлении земельных преобразований в стране.

Важную роль в привлечении аппарата министерства земледелия на сторону Советской власти сыграло постановление Совнаркома от 31 января 1918 г., которое предоставило народным комиссарам право принимать на работу лиц, порвавших с саботажниками²⁰.

В начале февраля 1918 г. прекратили забастовку и были приняты на работу большинство служащих упраздненного в январе Межевого управления министерства земледелия, а вслед за ними в коллегию Наркомзема обратилась группа межевых инженеров — участников съезда межевиков Московской губернии, которые выразили желание принять участие в технической организации землемерного дела и в работе созданного при наркомате землемерно-технического отдела²¹.

В налаживании работы Народного комиссариата земледелия приняли участие и отдельные специалисты из числа ответственных работников министерства. Среди них заведующий лесным департаментом Н. И. Фалеев — единственный из бывших товарищей (заместителей) министра земледелия, оставшийся на своем посту и сохранивший аппарат лесного департамента, заведующий землемерно-техническим отделом проф. Н. П. Рудин и некоторые другие.

В то же время ЦК РСДРП(б) и Совнарком развернули активную деятельность по созданию большевистского ядра в руководстве комиссариатов. Так, первым представителем большевиков в Наркомземе стал А. Г. Шлихер, который активно участвовал в его организации. В середине января 1918 г. к работе в качестве секретаря коллегии приступил В. Н. Мещеряков, до того секретарь Рождественского райкома РСДРП(б) Петрограда. По рекомендации В. И. Ленина была направлена в Наркомзем член большевистской партии, агроном по образованию М. В. Фофанов²¹.

Левые эсеры со своей стороны, несмотря на достигнутое правительствоное соглашение с большевиками, пытались вести деятельность по организации и проведению аграрных преобразований из-под контроля СНК. Для этого включающиеся в работу отделы министерства земледелия Временного правительства они стремились передать «под начало» Главного земельного комитета, а в перспективе превратить его в высший орган управления земельными делами, независимым от СНК.

Складывающееся в Народном комиссариате земледелия по-

ложение заставило Советское правительство принять срочные меры. Вопрос о Главном земельном комитете был поставлен на заседании СНК. Совнарком постановил распустить Совет Главного земельного комитета²⁵.

Однако, несмотря на возражения большевиков, 26 января 1918 г. на объединенном заседании крестьянской секции III съезда Советов и съезда земельных комитетов было принято решение о выборах Совета Главного земельного комитета, который стал именоваться Главным земельным советом²⁶.

После разгона Учредительного собрания большевики не могли еще раз пойти на резкие меры и распустить земельный Совет, избранный III Всероссийским съездом Советов. Было принято решение «спустить этот вопрос на тормозах», и так определить функции Совета, чтобы подготовить, а потом безболезненно провести его ликвидацию.

В связи с этим Совнарком рекомендовал постепенно включать членов комиссий Совета в повседневную работу отделов комиссариата, чтобы из органа, стоящего «над» коллегией, превратить его в орган, выполняющий ее решения. По этому вопросу 18 февраля было принято соответствующее постановление коллегии: «Поставить все комиссии Земельного совета в возможно более полную связь с соответствующими отделами комиссариата и постараться целиком втянуть членов Совета в ежедневную органическую работу»²⁷.

В середине марта 1918 г. ситуация в НКЗ вновь серьезно обострилась. Левые эсеры, выступившие против ратификации IV Всероссийским съездом Советов Брестского мирного договора, отозвали своих представителей из Совнаркома. Среди них были нарком земледелия А. Л. Колегаев и его заместитель А. А. Алексеев²⁸. Выйдя из СНК, левые эсеры остались во ВЦИК, во всех центральных и местных советских учреждениях, в том числе и в коллегии Наркомзема.

К концу апреля в коллегии НКЗ сложилось равновесие сил с точки зрения представительства двух партий правительственного блока. Партию большевиков в ней представляли С. П. Середа (нарком), Н. М. Петровский, В. Н. Мещеряков, В. Н. Харлов, левых эсеров — А. Л. Колегаев, А. Устинов, Л. Л. Костин, И. А. Майоров. Членом коллегии являлся также Н. И. Фалеев, не состоявший ни в одной из партий, но примыкавший в то время к левым эсерам²⁹.

В начале мая 1918 г. в Наркомземе вновь сложилась конфликтная ситуация. Левые эсеры ультимативно потребовали, чтобы большевики передали Наркомзем в их полное распоряжение.

3 мая 1918 г. вопрос, поднятый левыми эсерами, обсуждался на совещании В. И. Ленина с работниками Наркомзема С. П. Середой и В. Н. Мещеряковым. Совещание, передав окончательное решение вопроса в ЦК РКП(б), одновременно отметило, что «считает соображения эсеров неосновательными и их предложения неприемлемыми». В тот же день решение совещания было одобрено на заседании ЦК большевистской партии⁴¹.

В ответ на это левые эсеры А. Л. Коллегаев, А. М. Устинов, И. А. Майоров и Л. Л. Костин по решению ЦК своей партии заявили о выходе из состава коллегии Наркомата земледелия⁴².

Одновременно в связи с ухудшением продовольственного положения страны ЦК РКП(б) и СНК «решили ограбить все комиссариаты, чтобы усилить экстренно КОМИССАРИАТ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, хотя бы на 2—3 месяца»⁴³. В распоряжение Наркомпрода были направлены нарком земледелия С. П. Середа, члены коллегии НКЗ В. Н. Мещеряков и В. Н. Харлов. Вместо бывших членов коллегии в ее состав были введены активные партийные функционеры Д. Н. Соловей, В. В. Кураев, М. В. Фофанова, А. Х. Митрофанов. В отсутствие С. П. Середы работу коллегии возглавил Н. М. Петровский⁴⁴.

В конце июля 1918 г. в Наркомземе была образована фракция большевиков. Возглавила ее М. В. Фофанова. В октябре 1918 г. фракция большевиков состояла из 48 человек при общей численности 1027 сотрудников⁴⁵. Как видим, в целом коммунистов в общем составе служащих комиссариата было 4,7%. Доля коммунистов возрастала среди руководства НКЗ: коммунистами были нарком земледелия, члены коллегии комиссариата, многие руководители его отделов.

При формировании подразделений Наркомата земледелия довольно широко использовались «старослужащие» специалисты, которые в конце 1918 г. составили 56,6% сотрудников центрального аппарата Наркомзема. Доля «старослужащих» в НКЗ превышает и порой значительно подобные цифры по другим центральным государственным органам, в Наркоминделе, например, старые кадры в общем составе служащих составили 22,9%, в Народном комиссариате внутренних дел — 46,2%, в ВСНХ—48%⁴⁶.

К категории «старослужащих» относили как собственно специалистов сельского хозяйства (агрономов, ветеринаров, землемеров и др.), так и квалифицированных служащих (делопроизводителей, машинисток и др.), которые еще до Октябрьской революции работали в земельных или других государственных органах. Значительное число таких служащих вошло в состав

наркомата вместе с учреждениями, переходившими в его ведение. В первую очередь это относится к техническому и обслуживающему персоналу из отделов и департаментов бывшего министерства земледелия. Часть из них (в основном обслуживающий персонал) были направлены в Наркомзем биржей труда, а часть — приглашена на работу в наркомат его коллегией³⁶.

Строительство центрального земельного аппарата шло параллельно с организацией земельных органов на местах. Согласно «Основному закону о социализации земли» руководство сельским хозяйством на местах было возложено на Советы³⁷, в составе исполкомов которых образовывались земельные отделы — губернские, уездные, волостные, действовавшие по принципу двойного подчинения. Вплоть до июля 1918 г. земельные отделы Советов обычно назывались комиссариатами земледелия, а заведующий отделом — соответственно волостным, уездным или губернским комиссаром земледелия. Согласно первой Советской конституции, принятой на V Всероссийском съезде Советов в июле 1918 г., названия «комиссариат» и «комиссар» сохранялись лишь за республиканскими учреждениями и их руководителями. Местные комиссариаты земледелия стали именоваться земельными отделами Советов, а комиссары — заведующими земельными отделами.

В ведение земельных отделов входило: учет земли на территории местного Совета и распределение ее в уравнительное пользование, выделение не подлежащих разделу земель и организация на них производства на новых, социалистических началах, распределение живого и мертвого инвентаря, контроль за сельскохозяйственным производством и др.³⁸ В соответствии с этими функциями и должна была строиться структура местных земельных органов, которая, однако, не была еще четко определена и узаконена.

Поддержку в Наркомземе получило постановление земотдела Романово-Борисоглебского уездного Совета Ярославской губернии, согласно которому земотдел должен был состоять из пяти подотделов: текущей земельной политики, лесного, землемерно-технического и сельского строительства, коммун и сельхозартелей и агрономического. Заведующие подотделов составляли коллегию земотдела, которая являлась его руководящим органом³⁹.

По-иному сложилась структура Кашинского земотдела Тверской губернии, который состоял из 4 подотделов: лесного, агрономического, текущей земельной политики и землемерно-

технического⁴⁰, Калязинский уземотдел той же губернии, кроме указанных подотделов, имел еще статистический и финансовый⁴¹. Как правило, волостные земотделы на подотделы не делились.

Пытаясь обобщить опыт мест по организации земельных органов, Наркомзем взял линию на единообразие в строительстве земотделов. Эта линия отчетливо проявилась в ходе разработки «Положения» о местных земельных органах. Однако создание этого документа затянулось.

После выхода левых эсеров из коллегии Наркомзема и формирования нового, большевистского руководства комиссариата произошло изменение общей линии строительства советских земельных органов (ср.: Приложения 1 и 2), и прежде всего основных принципов строительства комиссариата земледелия. Новая коллегия отказалась от настойчиво сохранявшейся левыми эсерами системы организации земельных органов Временного правительства. Первым шагом в этом направлении стала ликвидация Главного земельного совета, как «организации, не предусмотренной Советской конституцией»⁴².

Следующим мероприятием явилась реорганизация бывшего департамента земледелия. Из его состава выделились отделы: сельского хозяйства, опытный и учебный. В ведении отдела сельского хозяйства было инструктирование местных земельных органов в вопросах организации сельскохозяйственного производства, пропаганда сельскохозяйственных знаний, организации съездов, выставок, издание популярной литературы. В компетенцию опытного отдела входило руководство работой опытных станций по всем отраслям сельского хозяйства: растениеводству, садоводству, огородничеству, виноградарству и др. Учебный отдел ведал сельскохозяйственным образованием, подготовкой специалистов по сельскому хозяйству, главным образом через систему курсов⁴³.

На месте лесного департамента был создан центральный лесной отдел, ведавший всеми лесами республики, их охраной и использованием.

После выхода левых эсеров из коллегии НКЗ одной из важнейших практических задач в деятельности комиссариата стало руководство организацией коллективных хозяйств в деревне⁴⁴. В связи с этим 18 мая 1918 г. коллегия приняла решение о «необходимости в комиссариате особого отдела по организации коммун», на основании которого 30 мая по Наркомзему был издан приказ «О создании особого отдела по организации коммун». На правах отделения новый отдел вошел в состав отдела текущей земельной политики. В его функции входило осу-

ществование руководства колхозным строительством, обобщение опыта работы первых колхозов⁴⁵.

Декретом Совнаркома от 2 мая 1918 г. в ведение Наркомата земледелия был передан отдел посевной площади Народного комиссариата продовольствия, в компетенцию которого входило снабжение сельского хозяйства семенами, инвентарем и машинами, предоставление кредитов на обработку посевных площадей⁴⁶.

Одновременно в состав Комитета государственных сооружений ВСНХ был передан отдел сельского строительства и часть функций отдела земельных улучшений Наркомзема. Был упразднен юридический отдел комиссариата⁴⁷.

При создании новых организационных структур не всегда удавалось определить круг их компетенции. Поэтому перед отделами при их создании ставились, как правило, общие задачи, конкретизация которых осуществлялась в процессе практической деятельности. То есть, создавалась ситуация, когда строительство земельных органов как структурной части советского государственного аппарата носило как бы «догоняющий» революционные преобразования характер.

В целом к осени 1918 г. уже сложилась довольно определенная структура Наркомзема (см. Приложение 2) как основного центрального органа по управлению сельским хозяйством. Как и другими наркоматами, Наркомземом руководила коллегия во главе с наркомом земледелия, утверждавшихся СНК РСФСР. Народный комиссар и коллегия были ответственны перед СНК и ВЦИКом⁴⁸. НКЗ управлял делами, а основными исполнительными органами его были 15 отделов: текущей земельной политики, землемерно-технической, сельского хозяйства, лесной, опытной, животноводства, земельных улучшений, национального земельного фонда, переселенческое управление, сельскохозяйственной экономики и статистики, кустарной промышленности, учебный, издательский, финансовый, хозяйственный.

Каждый из 15 отделов был разделен на ряд подразделов. Отдел возглавлялся заведующим и его заместителем, назначаемым коллегией НКЗ. Кроме того, отдел курировался одним из членов коллегии Наркомзема. Все остальные должности по отделу назначались им.

Как видим, аппарат комиссариата имел громоздкую структуру (см. Приложение 2), не были четко установлены функции некоторых отделов, ряд вопросов, которыми занимался Наркомзем, дублировался Наркомпродом, совнархозами и другими государственными органами, сложной была система финанси-

вания комиссариата, ряд отделов не имел необходимых средств для выполнения возложенных на них обязанностей.

13 ноября 1918 г. вопрос о положении в Наркомземе обсуждался на заседании коллегии наркомата⁴⁹. Для решения организационных задач на нем была создана комиссия во главе с членом коллегии В. В. Кураевым. К концу ноября комиссией был составлен проект изменения структуры наркомата⁵⁰. В основу этого проекта был положен принцип объединения в специальные группы отделов, наиболее соприкасающихся по роду своей деятельности. Согласно проекту представители отделов, входящих в одну группу, образуют Малый совет, а соответственно представители каждой из групп и отделов — Большой совет.

Намеченная реорганизация комиссариата была прервана подготовкой I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун, который должен был подвести итоги аграрных преобразований за первый год социалистического строительства⁵¹.

Важное место в работе I съезда земотделов, комбедов и коммун занял вопрос о взаимоотношении центральных и местных земельных органов. Для его решения на съезде была образована специальная комиссия. Рассмотрев предоставленные ей материалы о структуре местных земельных органов, она разработала «Положение о земотделах», которое легло в основу Положения о земельных отделах Советов, принятого Наркоматом земледелия 11 мая 1919 г.⁵²

«Положение о земельных отделах Советов» детально определило их функции. Задачами отделов были организация землеустроительных работ, разъяснение населению действующих законов о землеустройстве, оказание агрономической помощи крестьянству, организация коллективных хозяйств и опытных сельскохозяйственных учреждений, борьба с вредителями сельского хозяйства, содержание в порядке лесов, находящихся на территории губернии, и некоторые другие.

«Положение о земельных отделах Советов» определяло структуру земельных отделов. Губернский земотдел должен был состоять из управления общими делами и подразделов землеустройства, сельского хозяйства и лесного. Аналогичную структуру имел уездный земотдел с той лишь разницей, что компетенция его распространялась на территорию уезда. Волостной земельный отдел состоял из заведующего отделом, его помощника и секретаря, назначаемых волостным исполкомом и утверждаемых земельным отделом уездного исполкома. Земотделы находились в двойном подчинении: Наркомзема и исполкома Совета.

Особенно острой на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун была дискуссия о темпах революционных преобразований в деревне. Здесь изначально проявились две тенденции: постепенности и быстрой ломки старого, стремительного построения нового. Возобладала вторая тенденция. Выступая на съезде, представитель Наркомзема С. Модестов заявил: «Стоящий у власти пролетариат может приступить к социалистической организации народного хозяйства—прямо, не нуждаясь в промежуточных и переходных формах. Сущность социализма в том, чтобы из всего крестьянского хозяйства создать единый организм, единую машину, где все части действовали бы в полном согласии с целым... Разговор о переходных к социализму формах—лишь толчение воды в ступе»⁵³. Постановка для деревни задач социалистического порядка нашла отражение в «Положении о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», которое было разработано на основе материалов съезда и утверждено ВЦИК в феврале 1919 г.

Отмеченная тенденция отчетливо проявилась и в строительстве советских земельных органов. В соответствии с решениями съезда Наркомзем создавал в своем аппарате подразделения, предназначенные для более эффективного руководства новыми формами сельского хозяйства. Так, руководство строительством социалистических предприятий в деревне до съезда осуществляли специально созданные в Наркомземе отдел советских хозяйств, организованный на основе отдела национального земельного фонда, и Бюро коммун, находившееся в составе отдела текущей земельной политики. 26 декабря 1918 г. решением коллегии Наркомзема создается новый отдел коллективных хозяйств, коммун и общественной обработки полей. В его состав вошло выделившееся из отдела текущей земельной политики Бюро коммун. Впоследствии решением коллегии от 18 февраля 1919 г. сюда вошел и отдел советских хозяйств. В результате был создан отдел обобществления сельского хозяйства (Отобсельхоз) со следующей структурой: общий отдел, подотдел советских хозяйств, подотдел коллективных форм хозяйства с инструкторско-агитационной частью. В отличие от других отделов НКЗ Отобсельхоз курировали не один, а сразу три члена коллегии комиссариата — А. Г. Гойхбарг, В. В. Кураев и А. Х. Митрофанов⁵⁴.

Аппарат Отобсельхоза состоял из Совета (коллегии) отдела, штата инструкторов и канцелярских служащих.

В Совет отдела входили: заведующий общим подотделом Н. Турчанинов, заведующий подотделом советских хозяйств Н. Богданов и М. Плюснина, возглавлявшая подотдел коллективных форм хозяйства.

Практической работой на местах руководили инструкторы Отобсельхоза. Штат инструкторов отдела можно разделить на три группы. Прежде всего это агрономы-специалисты, в полномочия которых входило инструктирование по вопросам сельскохозяйственного производства. Их число ограничилось пятью для центрального аппарата и по одному на губернию (30 человек). Вторая группа инструкторов должна была заниматься организацией коммун, советских хозяйств и кооперативов. Помимо того при Отобсельхозе существовал штат эмиссаров из представителей индустриального пролетариата (30 человек). В практической деятельности функции перечисленных выше групп инструкторов тесно переплетались и в жизни редко разграничивались. Что касается эмиссаров индустриальных рабочих, то эта группа находилась, по всей видимости, в ведении Рабочего комитета содействия государственной сельскохозяйственной обработке полей.

Всероссийский рабочий комитет содействия (Всерабкомсод, Рабочкомсод) был образован 14 февраля 1919 г. при Наркомате земледелия в комплексе тех организационных мероприятий, которые направлены были на осуществление программных установок I Всероссийского съезда земотделов комитетов бедноты и коммун⁵⁵. Комитет создавался как орган Всероссийского совета профессиональных союзов. В задачи его вменялось содействие уничтожению противоречий между городом и деревней в земледелии путем непосредственного участия пролетариата в организации коллективных форм в сельском хозяйстве, контроль за своевременным снабжением совхозов и колхозов средствами, семенами, сельскохозяйственными орудиями и проч. В состав комитета входило девять человек с правом решающего голоса — семь представителей Всероссийского совета профессиональных союзов и два — Наркомзема. НКЗ в Рабочем комитете содействия представляли В. В. Кураев (от Отобсельхоза) и И. Голубев (от Орггасева)⁵⁶.

Составной частью работы отдела обобществления сельского хозяйства НКЗ было руководство совхозным строительством, которое сосредоточилось в подотделе советских хозяйств. Управление совхозами строилось на тех же принципах, что и другими государственными предприятиями. На местах создавались губернские и районные управления совхозами (губсовхозы и райсовхозы), которые подчинялись не соответствующему земотделу, а непосредственно Наркомзему.

Аппарат губернского управления советскими хозяйствами состоял из коллегии, в состав которой входили: управляющий, назначаемый Наркомземом, по одному представителю от губземотдела, Рабочего комитета содействия, губернского профессионального союза сельскохозяйственных рабочих и от штата специалистов, утверждаемых НКЗ⁵⁷.

Губсовхозам, непосредственно подчинялись районные управления советских хозяйств, которые в свою очередь руководили группой советских хозяйств на территории хозяйственного района. Райсовхозы возглавлялись коллегией в составе председателя—уполномоченного рабочего комитета содействия, заместителя председателя, назначаемого губсовхозом, представителя уземотдела, представителя от профсоюза сельскохозяйственных рабочих⁵⁸.

В каждом совхозе создавался рабочий комитет (рабочком), наделенный контрольными функциями. Рабочком избирался рабочими и служащими совхоза из трех-пяти человек. Рабочий комитет не должен был вмешиваться в распоряжения управляющего (коллегии), но в случае несогласия с ним имел право обратиться в районное или губернское управление совхозами.

Уже в феврале 1919 г. было организовано пять районных управлений советскими хозяйствам: во Владимирской губернии—одно, в Московской—два, в Орловской—одно, в Саратовской—одно. К июлю 1919 г. губернские управления совхозами были созданы в 30 губерниях РСФСР⁵⁹.

Решения I съезда земотделов комбедов и коммун внесли и в эту область свои изменения⁶⁰. Исходя из преимущественной важности задач совхозного строительства, 16 сентября 1919 г. коллегией Наркомзема было утверждено «Положение о Главном управлении советскими хозяйствами (Главсовхоз)», по которому на него возлагалось руководство организацией советских хозяйств республики согласно «Положению о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию»⁶¹. Образован Главсовхоз был 5 февраля 1920 г. в системе органов Наркомата земледелия РСФСР⁶².

Главсовхоз создавался как центральный всероссийский орган, в задачи которого входило: учет состояния и работы всех совхозов РСФСР, организация местных органов управления совхозами и руководство их производственной работой, забота о скорейшем землеустройстве совхозов, осуществление и регулирование приписки совхозов, разработка их производственных планов, осуществление финансирования, снабжение хозяйств, непосредственно подчиненных НКЗ⁶³.

Главное управление совхозами Наркомзема состояло из трех отделов (управления, эксплуатационного и организационного), каждый из них имел по несколько подотделов и инструкторскую часть. Главсовхозом руководил Совет, состоящий из управляющего, председателя Рабочего комитета, представителей ЦК Всеработземлеса, ВСНХ, НКЗ, Рабоче-крестьянской инспекции. Возглавил Совет Н. Богданов⁶⁴.

Претерпели изменения и местные органы управления совхозами. VII съезд Советов рекомендовал существующие на местах независимо от органов Советской власти местные учреждения экономических наркоматов передать в ведение местных исполкомов Советов. Началось объединение губсовхозов с губземотделами под общим руководством губземотделов, а райсовхозов с уездными земельными отделами под руководством уземотделов⁶⁵.

В связи с общеполитической идеей сначала «осоюзить», а затем «орабочить» все земледельческое население кроме собственно государственных органов управления совхозным строительством летом 1919 г. создается организация, которая должна была соединить в себе функции «политические и хозяйственные». Такой организацией стал Всероссийский профессиональный союз рабочих земли и леса (Всеработземлес), созданный при непосредственном участии В. И. Ленина⁶⁶. В условиях существовавшей политической системы работа Всеработземлеса проходила под непосредственным руководством РКП(б), в хозяйственных и кадровых вопросах был довольно тесный контакт с Наркомземом, Наркомтруда и другими ведомствами. В состав союза входили рабочие и служащие совхозов, сельскохозяйственные рабочие в индивидуальных хозяйствах и сельских обществах, специалисты сельского хозяйства и служащие органов Наркомзема. В июле 1919 г. в составе Союза было 49994 рабочих и 5920 служащих советских хозяйств⁶⁷.

Одной из основных функций отдела обобществления сельского хозяйства Наркомзема было управление колхозным строительством, что в конкретной практике тех лет сводилось к оказанию первым колхозам организационной и материальной помощи.

В связи с этим с момента организации Отобсельхоза в его ведение было передано право выдачи ссуд и пособий коллективным хозяйствам из так называемого «миллиардного фонда», образованного по декрету СНК от 2 ноября 1918 г.⁶⁸, ранее этим занимался отдел сельскохозяйственной экономики и статистики. Комитет миллиардного фонда руководил операциями по выдаче ссуд и пособий только коллективным хозяйствам,

утверждал планы мероприятий в области сельского хозяйства за счет фонда, разрешал вопросы об открытии кредитов губернским комитетам и др. Все постановления Комитета подлежали утверждению коллегией наркомата⁶⁹.

22 февраля 1919 г. коллегия НКЗ утвердила персональный состав Комитета миллиардного фонда. Комитет состоял из председателя — члена коллегии НКЗ (А. Г. Гойхбарг), шести представителей отделов наркомата: по одному из отделов животноводства, экономики и статистики, сельского хозяйства, финансового и кустарного и двух — от Отобсельхоза. Кроме того, в Комитет входили представители наркоматов финансов, государственного контроля, продовольствия, ВСНХ, Народного банка РСФСР и Союзов кооперации⁷⁰.

Еще на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун была принята резолюция, предложенная С. П. Середой от имени группы коммунистов, о необходимости «объединения коммун в союзные организации по волостям, губерниям и районам»⁷¹. Первый губсоюз образовался в Вологде 1 мая 1919 г. Подобные союзы создаются в Гомельской, Симбирской, Тульской, Ярославской губерниях. К декабрю 1919 г. возникло 24 губернских и 27 уездных союзов сельскохозяйственных коллективов⁷².

В декабре 1919 г. Наркомземом был созван 1 съезд земледельческий коммун и сельскохозяйственных артелей. Он принял устав Всероссийского союза трудовых производственных сельскохозяйственных коллективов, который затем был утвержден Наркомземом⁷³. Согласно уставу членами Союза являлись все сельскохозяйственные коммуны и трудовые артели. Работа его должна была строиться в соответствии с деятельностью Наркомзема под его контролем и руководством. Исполнительными органами Союза являлись Советы (центральный, губернский и уездный), избираемые из представителей колхозов. Центральный совет вошел в состав отдела обобществления сельского хозяйства НКЗ. Губернские, районные и уездные Советы — в состав подотделов обобществления местных земотделов. Советы Союза рассматривались как часть советского государственного аппарата. На них возлагалась часть работы НКЗ по обобществлению сельского хозяйства: снабжение коллективов через соответствующие организации средствами производства, кредитом, продовольствием и т. п., упорядочение отношений с продорганами и другими органами Советской власти, организация новых колхозов и объединение уже существующих в союзы. К концу 1920 г. было создано 37 губернских и 272 уездных союза⁷⁴.

Следующим важным шагом в осуществлении идеи «осоюзить» все земледельческое население стало слияние в конце 1920 г. Всероссийского союза колхозов и его местных органов с профессиональным союзом работников земли и леса, что лишило колхозы оперативно-производственного управления.

Курс государственной политики, зафиксированный в положении о социалистической землеустройстве, крестьяне зачастую воспринимали как «насаждение» социализма в деревне. Он констатировал с их настроениями. Противоречия в деревне обострялись. Конкретные складывающиеся исторические обстоятельства, условия хозяйственной жизни требовали иного подхода к крестьянству. Не случайно поэтому в Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии, обращается внимание на устойчивость мелкого крестьянского хозяйства.

Два важнейших документа, определяющих отношение партии и государства к крестьянству, — положение о социалистическом землеустройстве» и Программа РКП(б) — разделяют во времени несколько месяцев, если учесть, что основные принципы «Положения» сложились уже в декабре-январе 1918 г. Но насколько разный подход к крестьянству, к перспективам его развития в условиях новых общественных отношений отражают эти документы! Что это? Кардинальное изменение курса? Осознание особого места крестьянства в свершившейся в России революции. Думается, не то и не другое. Как представляется, это и есть материализация двух тенденций (постепенности и революционного натиска), которые изначально присутствовали в нашей революции, отражение тех поисков и той ситуации, которая объективно должна была сложиться в условиях отсутствия у большевиков конкретной программы в аграрном вопросе. К сожалению, несмотря на самый высокий уровень принятия решений, более устойчивой, более живучей и отвечающей тогдашнему менталитету большинства партии, оказалась вторая тенденция. Она продолжала жить и осуществляться.

Весной 1919 г. вопросы, связанные с руководством кооперацией, неоднократно обсуждались на заседаниях коллегии НКЗ. Было разработано и утверждено «Положение об организации работ в НКЗ по вопросам сельскохозяйственной, кустарной и лесной кооперации», которое явилось первым государственным документом, определявшим взаимоотношения между государственными органами и сельскохозяйственной кооперацией³. Согласно «положению» органы НКЗ должны были осуществлять общий контроль за деятельностью кооперативных организаций,

разрабатывать меры борьбы с капиталистическими тенденциями в развитии кооперации. За кооперативными организациями сохранялась определенная самостоятельность в способах выполнения заданий. Границы же этой «самостоятельности» в документе определены не были.

21 июня 1919 г. коллегия НКЗ утвердила персональный состав Кооперативного комитета и его структуру. В комитет выделялось два отделения — организационное и экономическое. Председателем Комитета был назначен член коллегии НКЗ Викторов, которого позднее сменил В. И. Невский, направленный постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 8 августа 1919 г. в распоряжение Наркомзема для осуществления политического руководства⁷⁶.

Невский же возглавил отдел ЦК по работе в деревне, созданный 25 июля 1919 г. во исполнение решений VIII съезда партии. При отсутствии отлаженного механизма взаимоотношений партии и государства командирование Невского в НКЗ очевидно и предусматривало непосредственное «внешение» партийной линии в государственное управление отраслью.

В курсе Наркомзема проявилась складывающаяся государственная тенденция использования сельскохозяйственной кооперации. Однако привлечение кооперации в тех ее формах, в которых она существовала до революции, вступало в явное противоречие с государственной политикой и принципами «военного коммунизма» в управлении народным хозяйством и не могло при существовавших экономических отношениях получить развития. Возрастает роль потребительской кооперации, где большевики имели преимущественное влияние. Кроме того, в связи с обострением продовольственного вопроса в хозяйственной жизни страны к концу 1919 г. все более и более возрастает роль Наркомата продовольствия. Через реорганизованную им сеть потребительской кооперации стало осуществляться и распределение продуктов. В этих условиях сельскохозяйственная кооперация все реже стала получать задания по заготовке сельскохозяйственных продуктов. Сложившаяся ситуация заставила НКЗ отказаться от планов дальнейшего расширения работ в области сельскохозяйственной кооперации, что нашло отражение в решении его коллегии: «работу Комитета кооперации не расширять и не усиливать»⁷⁷.

В ключе решений VIII съезда партии в 1919 г. был принят ряд законодательных актов Советского правительства⁷⁸. Все они отразили явное стремление новой власти

активизировать систему сельскохозяйственного производства, но... к сожалению, методами декретирования сверху, что приводило к еще большей зависимости крестьянского хозяйства от государственной власти и ее решений, и в конечном итоге еще больше сужало сферу его стимулов к труду.

Особенно показателен в этом отношении декрет «Об увеличении посевной площади», разработанной Народным комиссариатом земледелия и утвержденный Совнаркомом 28 января 1919 г.⁷⁹ Согласно этому декрету все земли, пригодные для посева хлебов и не используемые коллективными хозяйствами или отдельными лицами, поступали в распоряжение государства.

Одновременно для руководства всей работой по подготовке посевной компании при Наркомземе создавался Комитет посевной площади, который обычно назывался Оргсевом⁸⁰. Оргсев создавался на основе отдела посевной площади, переданного в аппарат НКЗ из Наркомпрода еще в апреле 1918 г.

Оргсев занимался выяснением общих мер борьбы с недосевом, решал вопросы снабжения крестьян посевным материалом и интентарем, разрабатывал планы использования пустующих земель и методы привлечения местного населения в их засеве, обсуждал общие принципы финансирования и мероприятий по засеву и уборке урожая. В компетенцию Оргсева входило распределение денежных средств, предназначенных для работ по засеву пустующих земель и отпускаемых Наркомпродом в качестве аванса за продукты, которые должны были получить с засеянных земель⁸¹.

Оргсев состоял из пяти человек: председателя, назначаемого Совнаркомом, и четырех членов — от Наркомзема, Наркомпрода, ВСНХ и ВЦСПС. Возглавлял его нарком земледелия С. П. Середа, а представителем Наркомзема в его состав был делегирован В. Н. Харлов⁸². Заседания Оргсева созывались один раз в неделю, в случае необходимости по инициативе председателя или двух его членов и чаще.

Рабочий аппарат Оргсева имел следующую структуру: отделение общих дел (канцелярия, финансы, транспорт); организационное отделение (функции учета земель, организации рабочей силы и снабжения); Агрономический совет (совещательный орган при Оргсеве), состоящий из 12 специалистов-агрономов⁸³.

Одновременно с созданием Комитета посевной площади на места были направлены уполномоченные Наркомзема,

которые должны были организовать при местных земотделах подотделы посевной площади (оргсевы). К концу января 1919 г. такие уполномоченные были направлены в Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Пензенскую, Курскую, Воронежскую, Рязанскую и Тамбовскую губернии. В течение марта было назначено 16 губернских и 46 уездных уполномоченных Оргсева⁴¹.

Коллегии, создаваемые на местах Оргсегов, обычно состояли из представителей земотделов, совнархозов, продовольственных комитетов местных советов профессиональных союзов. Председателем губоргсегова являлся уполномоченный комитета посевной площади Наркомзема. Как правило, волостные оргсеговы не создавались, их функции возглавлялись на волостные земотделы. Правда, были случаи, когда губисполкомы принимали решение об организации волоргсеговов. Такие органы были созданы в волостях Орловского уезда Орловской губернии и состояли из трех человек: по одному представителю от волсовета местной парячейки РКП(б) и женщин волости.

Практиковалась и такая форма внесения «пролетарского сознания» в дело организации сельскохозяйственного производства, как посылка на места представителей столичных рабочих, направляемых центральными советами профсоюзов. Что стало еще одной попыткой советской государственной системы перенести опыт промышленных рабочих в организацию сельскохозяйственного производства без учета его специфики и основных стимулов развития.

Наряду с созданием особых структурных подразделений, обусловленных спецификой новой власти, в строительстве советских государственных органов управления сельским хозяйством наблюдается и другая линия, связанная со стремлением приспособить отдельные структурные подразделения старых земельных органов к рождающемуся новому хозяйственному механизму.

В апреле 1919 г. в Наркомземе был создан Центральный отдел землеустройства (Центрозем), на который возлагалось непосредственное руководство землеустроительными работами в стране. Центрозем создавался путем слияния и реорганизации существовавших до этого самостоятельно отделов: текущей земельной политики, занимавшегося проведением временного уравнительного распределения нетрудового земельного фонда, землемерно-технического, руководившего землемерными работами, связанными с распределением земли, и пе-

реселенческого управления, которое руководило переселением крестьян в дальние районы и освоением там земель. Функции и задачи отделов передавались Центрозему и уточнялись рядом положений о нем⁸⁵.

Эта тенденция к слиянию отделов наблюдается и впоследствии. 20 октября 1919 г. коллегия Наркомзема специально рассмотрела вопрос о слиянии отделов НКЗ, в соответствии с которым 8 ноября была принята схема реорганизации НКЗ. Структуру НКЗ, согласно принятому решению, составили отдел землеустройства, отдел кустарной промышленности, отдел обобществления, лесной отдел, зоотехнический отдел, Совет электрификации⁸⁶.

К концу гражданского войны кризис сельского хозяйства усилился. Посевные площади сократились. Снизилась урожайность. Недород 1920 г. еще более обострил кризис крестьянского хозяйства. Осенью 1920 г. в периодической печати прошла дискуссия по вопросам вывода крестьянского хозяйства из кризиса⁸⁷. Почти все участники дискуссии пришли к выводу, что выход в государственном планировании производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве.

В обзоре Наркомзема главнейших мероприятий по развитию сельскохозяйственного производства, составленном осенью 1920 г., указывалось, что восстановление земледелия должно идти путем «правильной его организации, технического улучшения и широкой помощи трудовому крестьянскому хозяйству. Одним из главных условий решения задачи поднятия производительных сил деревни считалось «планомерное проведение мероприятий по единому государственному хозяйственному плану, обязательному для всех категорий хозяйств: советских, коллективных и крестьянских»⁸⁸.

Идея государственного регулирования крестьянского хозяйства была законодательно оформлена в декрете «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», принятом VIII съездом Советов 28 декабря 1920 г. В условиях натурализации экономических отношений новые пути воздействия на крестьянское хозяйство должны были принять форму непосредственного государственного вмешательства. В этой связи декрет «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» является выражением усиления государственного воздействия на крестьянскую экономику.

На основании решений съезда Производственной комиссии Наркомата земледелия, созданной еще в октябре 1920 г., совместно с представителями ВСНХ, НКП и ЦСУ РСФСР

было поручено не позднее 15 мая 1921 г. составить государственный план засева⁹⁰.

Решением коллегии Наркомзема от 10 января 1921 г. при коллегии создавался Секретариат посевной коллегии, на который возлагалась задача ознакомить местные земельные органы с планом засева земель и проконтролировать его практическое осуществление⁹¹.

Для руководства сельскохозяйственной кампанией и помощи крестьянскому хозяйству в губерниях, уездах и волостях предусматривалось создание комитетов по расширению и улучшению обработки земли — посевкомов. При сельских Советах под руководством их председателей создавались избираемые сельскими обществами крестьянские комитеты по улучшению сельского хозяйства (селькомы). В состав губпосевкомов входили: уполномоченный ВЦИК, председатель губисполкома, завещующий губземотделом, губернский продовольственный комиссар, представитель селькомов⁹¹. Посевкомы, за исключением селькомов, своего аппарата не имели и в работе опирались на соответствующий аппарат земотдела.

Посевкомам и земельным отделам Советов в целом вменялось в обязанность принять меры к поднятию совхозов и колхозов до уровня опорных пунктов помощи крестьянскому земледелию, привести в образцовое состояние ремонтные мастерские, прокатные пункты и пр. Это была попытка максимально использовать все административные возможности, «чтобы при поразительном недостатке инвентаря» увеличить посевные площади путем перераспределения семян, организации их государственного хранения и перевозки⁹².

Расширение функций советского государства в управлении сельским хозяйством должно было привести к изменению организации его аппарата, что при отсутствии опыта социалистического строительства, четкой его программы неизбежно было связано с многочисленными трудностями, неоднократными переделками.

К концу гражданской войны произошли довольно существенные изменения в комплектовании состава советских земельных органов. В декабре 1919 г. в связи с чрезвычайно тяжелым внутренним положением в стране ВЦИК и СНК приняли совместное постановление о сокращении штатов коллегий народных комиссариатов до четырех человек⁹³. В соответствии с этим Положением был сокращен и штат коллегии Наркомзема. В это время на военно-политическую работу были направлены члены коллегии НКЗ: А. Х. Митрофанов, В. Н. Харлов,

Викторов. За каждым из оставшихся членов коллегии были закреплены отдел или группа отделов, за состояние дел в которых он нес полную ответственность. К декабрю 1919 г. отделы были распределены между членами коллегии:

Общий отдел	—Сулимова (секретарь коллегии)
Центрозем	— С. П. Середа
Кустарный отдел	—И. В. Фалеев
Отдел обобществления	—С. П. Середа, И. Голубев, В. И. Невский
Лесной отдел	—И. В. Фалеев
Зоотехнический и научно-технический	—М. В. Фофанова ⁹⁴ .
Новых назначений в коллегию до конца 1920 г. не было.	

Общая численность Центрального аппарата НКЗ в середине 1919 г. составила 2237 человек⁹⁵. То есть, менее чем за год аппарат комиссариата вырос на 1210 человек. Согласно данным Центрального статистического управления РСФСР, к концу 1920 г. центральный аппарат Наркомзема, несмотря на неоднократно проводимые сокращения, вырос до 2902 человек⁹⁶. За это время возрастает приток в органы управления как рабочих, так и специалистов «старослужащих».

Необычайный рост в 1919 — 1920 гг. численности аппарата центральных земельных органов отражает общую тенденцию роста управленческого аппарата в эти годы, что явилось результатом громадного расширения функций органов государственного управления в ходе социалистического строительства, с одной стороны, и отсутствия опыта их осуществления, — с другой.

При формировании состава советских земельных органов острой была проблема кадров специалистов сельского хозяйства. Чтобы обеспечить хотя бы более или менее квалифицированное выполнение мероприятий Советской власти в наиболее важных и жизненно необходимых отраслях общественного хозяйства, пришлось прибегнуть к принудительной мобилизации специалистов и, в частности, специалистов сельского хозяйства. В марте-апреле 1918 г. была проведена мобилизация специалистов-землемеров. В июле 1918 г. были мобилизованы агрономы. 9 июля 1918 г. за подписью В. И. Ленина и С. П. Середы губземотделам была дана телеграмма: «Принять все меры к тому, чтобы специалисты по сельскому хозяйству и агрономы были привлечены к энергичной работе по своей специальности под руководством земотделов.

Агрономы и специалисты, проявляющие саботаж, должны быть немедленно отстранены от службы и переданы суду»⁹⁷. В январе 1919 г. Советское правительство приняло декрет «Об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства», в котором указывалось, что в интересах развития производительных сил деревни, укрепления коллективных начал землепользования и разрешения продовольственного кризиса в стране все лица со специальным образованием подлежат учету и могут быть направлены на работу в сельское хозяйство⁹⁸. В дальнейшем «для обеспечения сельскохозяйственных работ» Советское правительство объявило «призванными на действительную службу по сельскому хозяйству» всех специалистов, проживающих в пределах Московской, Петроградской, Орловской, Рязанской, Тверской, Астраханской, Тамбовской, Самарской, Воронежской, Нижегородской, Тульской и Новгородской губернии⁹⁹.

Вместе с тем складывалась государственная система подготовки сельскохозяйственных кадров, которая включала в себя сельскохозяйственные вузы, техникумы, училища. К началу восстановительного периода в стране действовало 272 сельскохозяйственных учебных заведения, из которых 77 были открыты в годы Советской власти¹⁰⁰. В условиях развернувшихся аграрных преобразований этого было крайне недостаточно, чтобы обеспечить потребности сельского хозяйства в квалифицированных работниках. Только по Саратовской губернии, по данным Наркомзема, наиболее обеспеченной кадрами, к началу 20-х годов дефицит специалистов сельского хозяйства составил более 6 тыс. человек¹⁰¹. При складывающихся обстоятельствах огромную роль призвана была сыграть широкая сеть различных курсов, на которых готовились специалисты преимущественно среднего звена. В 1918 г. Наркомземом на местах было организовано 50 краткосрочных курсов, в 1919 г. по 15 губерниям РСФСР — 106 курсов с числом слушателей 7748 человек¹⁰².

В результате в 1919 г. по Наркомзему были зарегистрированы 8211 специалистов сельского хозяйства. В 1920 г. это число возросло до 19626 человек, из них около 4 тыс. имели высшее образование, около 6 тыс. — среднее, остальные были практиками. Большинство этих специалистов работали в земельных органах на местах. К 1921 г. губернские коллегии земотделов на 64% состояли из агрономов, землемеров, практиков¹⁰³.

Рост численности служащих, в основном беспартийных, приво-

дит в конце гражданской войны к изменению удельного веса членов партии среди работников Наркомата земледелия¹⁰⁴. Этот процесс отразил тенденцию сокращения доли членов РКП(б) в центральном государственном управленческом аппарате страны.

В годы гражданской войны коммунистическая партия концентрировала основные силы на тех участках борьбы, где решалась судьба новой власти. Таким участком был прежде всего фронт. Вторым по важности являлось продовольственное дело. Здесь была наибольшая концентрация коммунистов по сравнению с другими областями народного хозяйства. 20 августа 1920 г. Наркомпрод сообщал в ЦК РКП(б), что в продовольственных органах работает свыше 20 тыс. коммунистов¹⁰⁵.

В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов на передний план хозяйственного развития выдвигает сельское хозяйство. Работы в этой области были объявлены съездом ударными. В связи с этим коллегия НКЗ обращается в ЦК РКП(б) с просьбой мобилизовать в земельные органы на проведение сельскохозяйственной кампании 32 тыс. коммунистов. Из них должны быть направлены в распоряжение НКЗ из числа коммунистов, демобилизованных из Красной Армии¹⁰⁶. Оставшуюся часть предполагалось передвинуть из продорганов и других участков хозяйственной работы. Известно, что в центральный аппарат комиссариата было направлено 19 человек¹⁰⁷.

29 января 1921 г. ЦК РКП(б) для усиления земельных органов была объявлена партийная мобилизация примерно 18 тыс. человек. Каждому губернскому комитету РКП(б) доводился план мобилизации с таким расчетом, чтобы на каждую волость пришелся один, а в производящих губерниях два работника. Кроме них для укрепления аппарата земотделов и посевкомов было направлено 700 «ответственных» работников из других хозяйственных органов. В конце 1921 г. Наркомзем сообщал IX Всероссийскому съезду Советов, что примерно 80% членов губернских коллегий земотделов составляют члены РКП(б)¹⁰⁸.

Осуществляя политическое руководство ходом социалистического строительства, партия имела широкий спектр возможностей воздействия на ход преобразований в стране.

Решением Оргбюро ЦК от 25 июля 1919 г. согласно рекомендациям VIII съезда РКП(б), при Секретариате ЦК в числе ряда других отделов был создан специальный отдел по

работе в деревне¹⁰⁹. Вскоре после его образования в ЦК РКП(б) были составлены «Положение о работе в деревне» и «Инструкция губернским, уездным и волостным комитетам РКП(б) о работе в деревне», в которых излагались обязанности и структура самого отдела, его местных подразделений и указывались организационные формы деятельности¹¹⁰. Первоначально предполагалось, что в задачи отдела будет входить объединение занятых работой в деревне местных партийных организаций и руководство ими, издание брошюр, листов для деревни, редактирование крестьянской газеты, подготовка проектов руководящих документов ЦК партии¹¹¹.

Аппарат отдела был немногочисленным. Он состоял из заведующего, секретаря и пяти членов коллегии (инструкторов-агитаторов). Заведующим ЦК утвердил В. И. Невского, секретарем С. Н. Сулимова, а в числе членов коллегии в отдел вошли: Д. А. Павлов, Г. В. Хитров, А. А. Анохин, А. И. Ионов, В. Л. Панюшкин¹¹². (впоследствии этот состав изменялся). Каждый из инструкторов проводил возложенную на отдел работу в прикрепленном к нему районе (несколько губерний), обследовал работу на местах, составлял отчеты о положении в районе, вел переписку с сельскими партийными организациями и крестьянами.

В системе Отдела на местах назначались губернские, уездные и волостные организаторы по работе в деревне, которые действовали при соответствующих комитетах партии, но не обязательно в их составе. Некоторая автономность этих организаторов предполагала все же их контакт с местными партийными органами, но непосредственно губернские, уездные и волостные организаторы по работе в деревне подчинялись Отделу ЦК¹¹³. Во взаимоотношениях с местными советскими органами автономность организаторов переходила в каком-то смысле в патерналистские отношения, т. е. готовность принять их решения, но «на своем месте», не вмешиваться в их деятельность, но до известных пределов. Государственные органы предполагалось использовать как инструмент, как аппарат в осуществлении конкретных мероприятий Отдела ЦК по работе в деревне, «содействуя удовлетворению неотложных нужд крестьян при помощи советских учреждений»¹¹⁴.

Сочетать партийную работу с советской так, чтобы партийный работник не вмешивался в непосредственные распоряжения Советской власти на драктике, учитывая реальное соотношение сил, было очень трудно. Для того

нужно было хорошо знать декреты, циркуляры и распоряжения власти, с одной стороны, и быть зрелым партийным работником, с другой, не говоря уже о глубоком знании крестьянской жизни. То есть, нужны были опытные, грамотные, чуткие к интересам крестьян, люди. Однако даже тот штат инструкторов, который имелся в отделе наполовину сократился уже после первой их поездки на места¹¹⁵. Сам В. Невский, будучи заведующим отделом ЦК партии, одновременно являлся и членом Президиума ВЦИК, членом коллегии Наркомзема, редактором газеты «Красный пахарь». Все это значительно затрудняло работу отдела. К тому же несмотря на учреждение института ответственных организаторов средств на их существование выделено не было. Они получали жалованье то как члены исполкомов, то по смете Народного комиссариата внутренних дел¹¹⁶. Партийная работа среди крестьян с организацией отдела не стала регулярной. Она носила характер обследований, докладов, общих решений.

В мае 1920 г. В. И. Невский выступает в ЦК с предложением создать при губернских и уездных комитетах партии специальные комитеты по работе в деревне. В Оргбюро ЦК была представлена соответствующая записка. В ней также доказывалась настоятельная необходимость съезда организаторов по работе в деревне. К сожалению, оба предложения В. И. Невского были отвергнуты на том основании, что проведение их в жизнь вело бы к «сепаратизму, вредному нашей партии»¹¹⁷. Между тем ЦК не опасался подобного сепаратизма в других областях партийной работы. В это же самое время Оргбюро разрешило Отделу по работе среди женщин образовать такие отделы при губкомах и созвать всероссийский съезд организаторов этих отделов¹¹⁸.

По меньшей мере странной, если учесть решения VIII съезда партии о повороте к среднему крестьянству, о необходимости ежедневной кропотливой работы среди крестьян, представляется ситуация, сложившаяся на IX съезде партии. Несмотря на неоднократные попытки В. И. Невского, в ходе съезда не удалось образовать секций по работе в деревне или устроить хотя бы более или менее серьезное совещание, касающееся партийной работы среди крестьян¹¹⁹. Правда, в кулуарах съезда собралось частное совещание 80-ти делегатов, работавших в деревне, которое высказалось за необходимость в ближайшее время созвать совещание практиков «для разрешения целого ряда вопросов по работе

среди крестьян»¹²⁰. На удовлетворение этой просьбы ЦК пошел только после настоятельных обращений заведующего Отделом по работе в деревне и, учитывая крайнюю сложность ситуации в деревне после введения всеобщей трудовой повинности, которая охватывала все слои крестьянского населения.

Что это? Непоследовательность ЦК? Нежелание признать исключительную важность политической работы в деревне в ходе социалистического строительства, особенно если учесть, что задачи строительства социализма поставлены в крестьянской стране? Ответ на этот вопрос не может быть ни категорическим, ни однозначным.

Анализ материалов Отдела ЦК по работе в деревне показывает, что в своей практической деятельности Отдел не ставил задачи непосредственной подготовки крестьян к коллективизации. На одном из совещаний заотделами ЦК Отделу по работе в деревне был даже брошен упрек, что им ведется более советская работа, чем партийная¹²¹. И действительно, Отдел «на практике советской работы стремился показать крестьянину (на школе, в области социального обеспечения и т. п.), что толковая Советская власть обеспечит ему землю, свободу, просвещение и вообще даст выход из тяжелого положения»¹²². Такая позиция Отдела во многом обуславливалась точкой зрения его заведующего и часто не вписывалась в общую линию деятельности местных партийных органов, которые довольно рано, уже с 1918 г., считали себя властью на местах. Партийные комитеты различных уровней (губернские, уездные) определяли состав исполкомов и землеуправлений, издавали распоряжения, обязательные для земорганов. Широкое распространение получила практика «назначенства», частная смена состава государственных, кооперативных и других организаций без всякой отчетности перед избирателями¹²³. Не случайно поэтому на совещании секретарей губернских комитетов партии, состоявшемся в ЦК партии в августе-сентябре 1920 г., 24 из 43 секретарей высказались за ликвидацию Отдела¹²⁴. Кроме того, к концу гражданской войны становится очевидной невозможность ускоренной коллективизации сельского хозяйства, а в связи с этим и ненужным существование специальных партийных органов по ее подготовке. Окончательное организационное оформление ликвидации Отдела ЦК по работе в деревне произошло на X съезде партии в марте 1921 г.¹²⁵

Итак, к концу гражданской войны сложился аппарат управления сельским хозяйством. Отсутствие программы аграрных преобразований делало поиски форм управления ими очень

болезненным процессом, а несовместимость крестьянской психологии с большевистской моделью развития общества потребовала тотального систематического контроля за крестьянской жизнью и огромного аппарата, ломающего и направляющего ее в нужное политической системе русло. Система управления сельским хозяйством в годы «военного коммунизма» достигла значительной централизации, которая определялась не только условиями военного времени и отсутствием опыта социалистического строительства, она исходила из преобладавших в то время теоретических представлений.

Поиски новых структур в годы нэпа.

Система экономических мероприятий, составивших новую экономическую политику, складывалась постепенно.

Определяя основную задачу предстоящей перестройки, В. И. Ленин писал: «Не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах **гвоздь**, а в людях и проверке исполнения. Подбор людей и проверка исполнения»¹²⁶. В постановлении VIII Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве» ВЦИКу и его Президиуму совместно с Совнаркомом поручалось «пересмотреть в двухмесячный срок состав народных комиссариатов, их коллегий, а также коллегий главков, центров и других центральных учреждений с целью введения местных работников, особенно выдвинувшихся своими организаторскими способностями. «Причина такого поворота была в следующих обстоятельствах.

Как показывает анализ материалов наркоматов земледелия и труда, с переходом к нэпу доля старослужащих специалистов в системе земельных органов возросла и к 1923 г. достигла 64,5%¹³⁸. Это явление было связано с расширением задач хозяйственного строительства. Привлекая старых специалистов, советское государство предполагало вместе с тем, что в их среде классовый враг находил для себя наиболее благоприятную социальную базу. Решить это противоречие думали путем выделения из среды трудящихся новых управленцев и подготовки специалистов, преданных Советской власти. Показательно развитие этого процесса в земельных органах.

Пленум ЦК РКП(б) при обсуждении вопроса о Наркомземе 4 января 1921 г. признал необходимым более широкое привлечение крестьян к руководству Наркомземом и к работе

в местных земельных органах. Позднее было принято решение Политбюро ЦК РКП(б) от 18 ноября 1921 г., определившее, что в качестве наркома должен быть «крестьянин, практически работающий в земледелии»¹²⁹.

В начале 1922 г. состоялось назначение на этот пост сибирского крестьянина В. Г. Яковенко. Его преемником был крестьянин Тверской губернии А. П. Смирнов. Заместителем наркома, по мысли В. И. Ленина, должен был стать квалифицированный специалист. Эту должность занял П. А. Месяцев¹³⁰.

По инициативе В. И. Ленина Наркомзем стал привлекать крестьян к работе в своей коллегии. 1 марта 1921 г. Ленин в письме к Н. Осинскому советовал обратить больше внимания на политическое отношение к крестьянству, в частности, назначить И. А. Чекунова¹³¹ уполномоченным Наркомзема по организации «Совета беспартийных крестьян», образовать тройку «стариков», превратив их в членов коллегии с совещательным голосом¹³². По предложению Наркомзема в 1922 г. была привлечена для работы в комиссариате и назначена на руководящие должности группа крестьян — членов ВЦИК¹³³.

С 1923 г. работа по привлечению крестьян в состав аппарата земельных органов начинает проводиться систематически, как в центре, так и на местах. При этом ставилась задача назначать в состав земельных органов не просто крестьян по происхождению, но «таких, которые вплоть до последнего времени не порывали связи с сельским хозяйством, т. е. крестьян от сохи, преимущественно из бедняцких хозяйств»¹³⁴.

Высокая централизация и бюрократизация в управлении экономикой в годы гражданской войны привели к чрезмерному раздуванию штатов и организационной структуры центрального госаппарата управления сельским хозяйством. При этом централизация управления экономикой сводила к минимуму функции местных органов. Новая экономическая политика потребовала децентрализации хозяйственного управления, повышения роли местных земельных органов.

Однако законодательством не были разработаны нормы, определяющие компетенцию местных Советов, их права, обязанности и взаимоотношения с центральной государственной властью. Попытка разработать Положение о Наркомземе, где бы решались эти вопросы, закончилась неудачей.

Потребовалось время, чтобы конкретная практика оператив-

ного руководства сельским хозяйством позволила сформировать и организационно определить нормы этих отношений. Не случайно на заседании Совнаркома 28 марта 1921 г. представитель НКЗ обосновал необходимость отсрочить представление Положения о местных органах НКЗ, пока материалы с мест не будут подвергнуты «обработке и пересмотру». До тех пор ситуация во многом была предоставлена случаю, складывающемуся соотношению сил, многое зависело от уровня подготовки местных деятелей.

Первым практическим шагом по пути установления новых хозяйственных отношений были, как известно, отмена продразверстки и введение продналога, провозглашенные X съездом РКП(б). Однако это еще не означало признания необходимости широкого развития материальных стимулов сельскохозяйственного производства. Созданная по решению VIII съезда Советов производственная комиссия Наркомзема, в которую вошли представители ВСНХ, НКП и ЦСУ РСФСР, продолжала разрабатывать государственный план засева, хотя жизнь показала утопичность подходов к планированию сельскохозяйственного производства, которое оставалось индивидуальным.

В феврале 1921 г. была создана Государственная плановая комиссия (Госплан) при Совете труда и обороны и плановых органов в хозяйственных наркоматах. В составе Госплана вопросами сельскохозяйственного производства занимались сельскохозяйственная секция¹³⁵, которую возглавлял перешедший из Наркомзема Е. П. Середа. Плановая комиссия (Земплан) была создана и при Наркомате земледелия РСФСР. 28 марта был утвержден персональный состав Земплана. Его председателем был назначен В. В. Осинский, заместителем — И. А. Теодорович, членами — М. Е. Шефлер, Л. С. Марголин, Н. С. Богданов (от Главсовхоза с совещательным голосом). Согласно положению Земплан не имел собственного технического аппарата. Связь с Госпланом Земплан должен был осуществлять только через коллегию Наркомзема¹³⁶. Однако юридически взаимоотношения Наркомзема с Госпланом не были четко определены¹³⁷.

15 апреля 1921 г. коллегия Наркомзема решила организовать вспомогательный орган, подготавливающий материалы для работ Земплана и коллегии, — Экономическое совещание. Совещание создавалось в качестве органа, объединявшего научные и практические силы и призванного помочь Наркомзему в выработке мероприятий по восстановлению сельского хозяйства страны». На него возлагались предвари-

тельная разработка общего плана работ наркомата, согласование плановых работ отделов и управлений Наркомзема с другими ведомствами и составление сводных данных о состоянии сельского хозяйства в республике¹³⁸.

В состав Экономического совещания входили: президиум, по назначению коллегии Наркомзема, и постоянные члены — члены коллегии Наркомзема, управляющие и заведующие отделами и докладчики, приглашаемые к постоянному сотрудничеству по определенным вопросам. Впоследствии в состав Экономического совещания были включены по одному представителю от Всеработземлеса и Рабочкомсода¹³⁹. Совещание пользовалось рабочим аппаратом Отдела сельскохозяйственной экономики и статистики Наркомзема, который с августа 1921 г. стал называться Секретариатом при Плановой комиссии и Экономсовещании¹⁴⁰.

Однако на практике получалась полная подмена Плановой комиссии Экономсовещанием. Четкого разграничения функций между ними не было. Со второй половины 1921 г. Плановая комиссия почти не собиралась. 18 мая 1922 г. коллегией НКЗ было утверждено новое Положение о Плановой комиссии. Пришло переименование Экономсовещания в плановую комиссию, «так как фактически ЭКОСО вело работы плановой комиссии, то нам пришлось переделать только название»¹⁴¹, — заметил П. А. Месяцев.

Согласно принятому Положению ведению Земплана подлежало: внесение планомерности в работу управлений Наркомзема и его местных органов, разработка конкретных программ и планов, а также составления заключений по всем важнейшим делам комиссариата. В земплан входили по назначению коллегии Наркомзема в качестве постоянных членов специалисты по соответствующим отраслям сельского хозяйства вне зависимости от того, являлись они или нет сотрудниками комиссариата, а также представители Всеработземлеса. Во главе Земплана находился президиум, который назначался коллегией комиссариата. В состав президиума вошли: Н. А. Теодорович (председатель), П. А. Месяцев, Л. С. Марголин, Н. Д. Кондратьев, А. Л. Рыбников (8 мая 1922 г. заменен П. Н. Першиным), членами Земплана стали такие известные ученые, как Н. П. Рудин (НКЗ), Д. Н. Прянишников (Всеработземлес) и др. Позднее к работе в Земплане были привлечены П. И. Лященко, В. Н. Книппович, Н. М. Тулайков и др.¹⁴².

Структура земплана состояла из пяти секций: общезко-

номической, землеустройства и мелиорации, агрономической и агротехнической, животноводства и ветеринарии, лесной. В 1922 г. произошло размежевание функций Госплана и Земплана. 8 июня 1922 г. ВЦИК и СНК было утверждено Положение о Государственной общеплановой комиссии при СТО. Согласно ему Земплан, как и все плановые комиссии хозяйственных наркоматов, «разрабатывал на основании предварительных указаний Госплана планы по соответствующим отраслям сельского и лесного хозяйства и представлял их в Госплан для окончательной сводки и внесения на утверждение СТО»¹⁴³.

С 1922 г. Земплан по существу своей деятельности все больше превращается в научный центр при коллегии Наркомзема, что окончательно было закреплено в Положении о Наркомземе от 26 ноября 1923 г. В задачи Земплана входило рассмотрение и согласование плановых предположений и мероприятий всех управлений и хозяйственных органов НКЗ, предоставление коллегии заключений по отчетам о выполнении отдельными подразделениями Наркомзема установленных планов. Таким образом, Земплан превратился в орган как бы стоящий над всеми управлениями и хозяйственными организациями наркомата.

В целом же реорганизация аппарата земельных органов в 1921 — 1922 гг. велась бессистемно и выражалась в стремительном сокращении более мелких структурных форм. По времени она совпала с работой правительственной комиссии по пересмотру и сокращению штатов государственных учреждений. Это и определило основную тенденцию перестройки. Главное управление совхозами (Главсовхоз) в феврале 1921 г. было преобразовано в Главсовколхоз с включением в его состав Управления колхозного строительства. В том же году Главсовколхоз был объединен с Центральным управлением земледелия в единый орган — Центральное управление земледелия и советских хозяйств (ЦУЗем)¹⁴⁴. 17 февраля 1921 г. Главное управление коннозаводства и коневодства (ГУКОН), образованное в сентябре 1920 г., было объединено с управлением животноводства в Главное управление животноводства и коннозаводства¹⁴⁵. Отделы снабжения всех управлений наркомата были объединены в центральное управление отделами снабжения (ЦУОС), переименованное 4 июля 1921 г. в Центральное управление снабжения (ЦУС). В его задачи входило общее руководство и согласование деятельности всех органов республики по снабжению сельского хозяйства средствами производства¹⁴⁶. Постановлением коллегии Наркомзема от 106

3 марта 1921 г. Центральный отдел землеустройства, Землемерно-технический отдел, Переселенческое управление и Отдел текущей земельной политики были объединены в Центральное управление землеустройства (Центрозем)¹⁴⁷. В июле 1921 г. в состав Центрозема был включен Отдел сельскохозяйственной мелиорации, в результате чего первый был преобразован в Центральное управление землеустройства и мелиорации (Центрозем)¹⁴⁸.

Такой подход мало что менял в существе организации управления сельским хозяйством. Не случайно поэтому основной особенностью начального этапа реорганизации государственных органов управления сельским хозяйством при переходе к нэпу было стремление решать новые задачи прежними административными методами. В НКЗ по-прежнему планировались «ударные» мероприятия с подробной регламентацией действий местных органов и крестьянских хозяйств. В системе комиссариата земледелия продолжали действовать чрезвычайные органы.

Постановлением СНК РСФСР от 13 мая 1921 г. первостепенным заданием Наркомзема была признана организация семеноводства в республике. НКЗ был обязан создать из семенного материала государственный фонд специального назначения.¹⁴⁹ В связи с этим в комиссариате создавался специальный отдел. В задачи его входило: учет потребности страны в семенах, проведение мероприятия по созданию местных семенных фондов, наблюдение за их сбором, распределение семян и т. п.¹⁵⁰ Кроме того, постановлением ВЦИК от 19 сентября 1921 г. Наркомзему поручалось организовать покупку на государственные средства и прием на хранение сельскохозяйственного инвентаря, который предполагалось продавать крестьянам неурожайных районов¹⁵¹.

Важную роль среди существовавших чрезвычайных органов продолжали играть Комитет посевной площади и посевкомы на местах¹⁵².

Как показала практика, процесс инерционного действия «военно-коммунистических» принципов административного вмешательства в крестьянскую экономику был более длительным и мучительным, чем в других отраслях народного хозяйства.

Отказавшись от продрозверстки как метода контроля и непосредственного воздействия на крестьянскую экономику, государство пытается все же расширить сферу своего регулирующего воздействия в разных областях сельского хозяйства. Важным рычагом здесь должна была стать сельскохозяйственная кооперация.

В июне-июле 1921 г. в Наркомземе был поднят вопрос о сельскохозяйственной кооперации. По предложениям коллегии комиссариата, руководство и контроль за сельскохозяйственной кооперацией должен осуществлять Наркомзем через особый аппарат во главе с членом коллегии НКЗ¹⁵³. Последнее обстоятельство вызвало бурный протест со стороны кооператоров. Тем не менее коллегия принимает решение выработать Положение о сельскохозяйственной кооперации, а для этого создать комиссию в составе А. П. Месяцева, А. В. Чаянова и Одинцова. Этой же комиссией было поручено выработать проект Положения о кооперативном отделе НКЗ и кооперативных органах на местах¹⁵⁴. Кооперативный отдел Наркомзема был создан в июле 1921 г., возглавил его член коллегии НКЗ И. Козырев. Другой член коллегии комиссариата П. А. Месяцев был назначен ответственным за все дела сельскохозяйственной кооперации и представителем Наркомзема в Центральной сельскохозяйственной секции Центросоюза.¹⁵⁵

Опубликованный 16 августа 1921 г. декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации внес некоторые коррективы в планы Наркомзема. Согласно декрету сельскохозяйственная кооперация становилась независимой от потребительской и промысловой, и от НКЗ. На Наркомзем же возлагалась обязанность наблюдать за исполнением декрета. Организационно сельскохозяйственная кооперация возглавлялась Сельскосоюзом и была самостоятельна в способах осуществления своей деятельности¹⁵⁶. Положение о кооперативном отделе наркомата так и не было создано. Разработка мер содействия сельскохозяйственной кооперации возлагалась на Управление сельского хозяйства комиссариата¹⁵⁷. И все же функции государственных земельных органов по отношению к сельскохозяйственной кооперации в первые годы после перехода к нэпу не ограничивались просто наблюдением. Наркомзем и его местные органы занимались разработкой законодательных положений, улаживанием конфликтов между государственными органами и сельскохозяйственной кооперацией, вели учет сельскохозяйственных кооперативных организаций, их инструктирование и т. д.¹⁵⁸

С переходом к нэпу правовые основы сельскохозяйственной кооперации еще не были до конца осознаны. Почти сразу после принятия декрета «О сельскохозяйственной кооперации» НКЗ обсуждал вопрос о распространении его на колхозы. Была создана комиссия из членов коллегии

П. А. Месяцева, М. Е. Шефлера, Зубарева для разработки соответствующего декрета¹⁵⁹. В декабре 1921 г. по решению IX съезда Советов колхозы вошли в систему сельхозкооперации. Позднее, в конце 1924 г., по рекомендации НКЗ в Сельскосоюзе был создан отдел коллективного земледелия¹⁶⁰.

В 1921-1922 гг. функции Наркомзема продолжают расширяться. В декабре 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов признал необходимым сосредоточить в Наркомземе всю агрономическую работу, передав ее из ведения других ведомств и учреждений¹⁶¹. С января 1922 г. в комиссариате земледелия были сосредоточены все виды сельскохозяйственного образования и создан Отдел сельскохозяйственного образования во главе с членом коллегии НКЗ¹⁶². Кроме того, в ведение НКЗ постепенно передаются государственный торфяной фонд и организация мелиоративных товариществ, плантации, агробазы, госхозы по производству лекарственных трав и обслуживание всех видов переселенцев.

Как видим, функции государства по управлению сельским хозяйством все более концентрируются в Наркомземе. Под регулирующее воздействие этого органа попадают все новые сферы сельскохозяйственного производства и связанных с ним областей. Несмотря на провозглашение нового курса и свободы экономических отношений, пролетарское государство пытается воздействовать и держать под своим контролем крайне противоречивую с точки зрения возможностей революционных преобразований сферу сельского хозяйства.

Эту тенденцию отразило и Положение о Наркомземе, разработанное в октябре 1921 г. Согласно ему Наркомзем РСФСР, являясь центральным органом РСФСР, должен осуществлять свои задания «по развитию и укреплению всех отраслей сельского хозяйства Республики и организацию его в направлении социалистических форм и отношений». Такая формулировка задач Наркомзема не соответствовала главному направлению новой экономической политики в сельском хозяйстве. Поэтому одобренный Малым Совнаркомом 8 декабря 1921 г. проект не был утвержден СНК РСФСР. Но структура наркомата согласно Положению признана официально действующей. Именно она приводилась в отчете Наркомзема РСФСР за 1921 г. IX Всероссийской съезду Советов (см. Приложение 3)¹⁶³.

Да это и понятно. Трудно было юридически адекватно определить нормы организации и деятельности органов управления, которые функционировали в условиях меняющегося

политического курса. Именно наличие промежуточных стадий, постепенность выработки решений свидетельствуют о мучительном поиске новых путей, о том, что действительный смысл новой экономической политики был понят далеко не сразу.

В этих условиях противоречия как в хозяйственных отношениях, так и в попытках их государственного регулирования были неизбежны. К тому же земельно-правовые нормы, порожденные политикой «военного коммунизма», не годились для регулирования новых общественных отношений. Необходимо было «срочно пересмотреть действующее земельное законодательство в целях полного согласования его с основами новой экономической политики и превращения его в стройный, ясный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле»¹⁶⁴. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда 12 февраля 1922 г. спрашивал в письме к наркому юстиции Д. И. Курскому: «Что же делается для кодификации? — для устранения противоречий»¹⁶⁵.

Попытки сконцентрировать преимущественные функции по государственному управлению сельским хозяйством в Наркомземе РСФСР в каком-то смысле облегчили эту задачу. Решением IX Всероссийского съезда Советов Наркомзему РСФСР присваивались функции по кодификации советского земельного законодательства, которые до этого входили в обязанность Наркомюста.

На основании решения съезда НКЗ разработал программу кодификационных работ¹⁶⁶. При Центральном управлении землеустройства (Центрозем) 2 января 1922 г. была образована Комиссия по составлению земельного уложения. 16 января 1922 г. коллегией Наркомзема был утвержден персональный состав комиссии. Председателем ее был назначен член коллегии Наркомзема И. А. Месяцев. В состав комиссии кроме представителей Центрозема (Н. П. Рудин, Н. В. Гендзехадзе, И. Б. Новицкий, К. В. Космачевский и др.) входили научные сотрудники управления сельскохозяйственной экономики и плановых работ — Д. И. Иваницкий, Н. М. Черненко, Д. Н. Загоскин и другие, представители Плановой комиссии, Наркомзема, Центрального управления земледелия (ЦУЗЕМ), Федерального комитета по земельному делу, Сельскохозяйственной инспекции НК РКИ РСФСР, Сельсосоюза, Наркомата юстиции РСФСР, один крестьянин — член ВЦИКа (И. А. Чекунов), представитель НКВД РСФСР, профессора Московского межевого института. Комиссия состояла из секций, которые разрабатывали

отдельные разделы кодекса, имела президиум из семи человек, и собиралась на расширенные пленарные заседания¹⁶⁷. Согласно программе кодификационных работ было решено создать полный свод законов о земле. Он должен был содержать уложения: земельное, водное, лесное и о сельском хозяйстве, т. е. в своих планах Наркомзем выходил за рамки поставленных IX Всероссийским съездом Советов задач.

В течение 10 месяцев 1922 г. была проделана колоссальная работа по приведению в единство всего созданного после Октября земельного законодательства. 31 октября 1922 г. IV сессия ВЦИК утвердила Земельный кодекс РСФСР¹⁶⁸, который заменял все предшествующее законодательство, представлял собою как бы конституцию земельного строя республики.

Создание Земельного кодекса положило лишь начало кодификационных работ Наркомзема. За ним последовало создание Лесного кодекса (июль 1923 г.) и Ветеринарного устава (ноябрь 1923 г.)¹⁶⁹. К сожалению, эта работа так и не была завершена в полном объеме.

Только после принятия Земельного кодекса, определившего функции государственных земельных органов и правовые основы их деятельности, а также после решения X съезда Советов, упразднившего все чрезвычайные органы по руководству сельским хозяйством, стала возможной планомерная работа по реорганизации управляющего аппарата. К этому времени опыт земельных органов показал, что руководить развитием миллионной массы крестьянских хозяйств из центра невозможно. Основным в деятельности государственных земельных органов становится выработка сельскохозяйственной политики. Необходимость этого хорошо понимали руководители Наркомзема. По словам П. А. Месяцева «...Земельная политика дает хозяйству более устойчивую форму, на базе которой хозяйство может развиваться. Но этого еще не достаточно. Необходима коренная реорганизация аппарата». Поэтому все вопросы текущей работы, даже целый ряд кампаний, вопросы обслуживания, агрономической помощи крестьянскому хозяйству и т. д. — все это должно перейти к местам... За центром должно остаться согласование, руководство проведением мероприятий, учет работы мест и проведение некоторых массовых кампаний. Время кампаний прошло, но известный минимум должен проводиться»¹⁷⁰.

Важной мерой в реорганизации центрального аппарата государственных земельных органов стала ликвидация Малой

коллегии Наркомзема. Решение ранее рассматривавшихся ею вопросов, поручалось руководителям управлений. Тем самым повышалась роль и значение этих руководителей и управлений в деятельности наркомата. Более четко были определены задачи его коллегии. На ее рассмотрение ставились исключительно вопросы принципиального характера, а также поступавшие от руководителей управлений и заведующих губземотделов. Для решения текущих вопросов раз в неделю надлежало устраивать распорядительные заседания коллегии. К этому времени в ее состав входили: А. П. Смирнов, (нарком), И. А. Теодорович, (замнаркома), М. И. Свицерский (замнаркома), П. А. Месяцев, М. И. Лацис, М. И. Козырев, М. А. Шефлер, А. Х. Митрофанов и в качестве секретаря коллегии Я. Т. Карасев¹⁷¹.

14 мая 1923 г. на заседании коллегии Наркомзема рассматривался проект реорганизации его аппарата. Было решено утвердить структуру наркомата из пяти управлений, внутренняя организация которых четко еще не была определена. Подготовка проекта затянулась: наркомату предстояли завершение работы над проектом Лесного кодекса и подготовка в связи с этим к сессии ВЦИК. Только после принятия 7 июля 1923 г. Лесного кодекса появилась возможность закончить работу над проектом положения о наркомате. В октябре 1923 г. постановлением коллегии Наркомзема была определена окончательная структура его аппарата. Она была затем утверждена декретом ВЦИК от 26 ноября 1923 г. в Положении о наркомате¹⁷². (см. Приложение 4).

По «Положению о Наркомземе РСФСР» 1923 г. наркомат осуществлял управление земельным и лесным государственным фондом РСФСР, проводил мероприятия Советской власти в области сельского и лесного хозяйства в целях наиболее полного развития производительных сил в связи с общим планом социалистического строительства. НКЗ РСФСР принимал участие в разработке вопросов общегосударственной экономической политики, а также в выработке и проведении мероприятий по ее реализации. Народный комиссариат земледелия РСФСР осуществлял руководство деятельностью местных земельных органов.

Согласно положению административно-финансовое управление Наркомзема ведало организационной и финансовой деятельностью центральных управлений НКЗ и местных земельных органов, разрабатывало структуру наркомата и его местных органов, согласовывало их административную и обще-

организационную работу, наблюдало за исполнением распоряжений наркомата, за постановкой отчетности, ведало учетом работников центрального и местного аппарата, их назначением и перемещением.

Наиболее важную роль в работе наркомата играло Управление сельского хозяйства, которое включало в себя бывшее Управление земледелия, Управление коневодства и животноводства, Управление сельскохозяйственной экономики и плановых работ. Управление ведало регулированием всех отраслей сельского хозяйства республики, организацией агрономической и зоотехнической помощи сельскому населению, работой агрономического персонала; проводило опытные и показательные мероприятия, организовывало и содержало соответствующие станции и учреждения, племенные и семенные рассадники; ведало организацией сельскохозяйственных кооперативов и разрабатывало меры содействия им; руководило ссудно-производственной помощью сельскому хозяйству, его электрификацией и механизацией; участвовало в разработке планов сельскохозяйственного образования; изучало состояние сельского хозяйства и разрабатывало мероприятия по подъему, и т. д. При управлении состояли: Научное бюро по опытному делу и Центральная зоотехническая комиссия.

Все остальные управления являлись вспомогательными по отношению к Управлению сельского хозяйства.

Ветеринарное управление ведало организацией ветеринарной помощи, разрабатывало общий план ветеринарно-санитарных мероприятий, организовывало и руководило сетью ветеринарных пунктов, лечебниц, амбулаторий, научно-исследовательских учреждений, проводило мероприятия по борьбе с эпизоотиями, осуществляло санитарно-ветеринарный надзор, участвовало в разработке планов ветеринарного образования и ветеринарно-просветительской работы. При управлении состоял Ветеринарный ученый совет.

Управление землеустройства, мелиорации и государственных имуществ ведало земельным фондом республики, его учетом, упорядочением землепользования, землеустройством, изысканием переселенческого фонда, государственным земельным имуществом, устанавливало планы мелиоративных работ, содействовало их проведению, разрабатывало планы развития водного хозяйства, вопросы земельного права, планы землеустроительного и мелиоративного образования.

Управление лесами ведало лесным фондом и лесным хозяйством республики, лесоустройством, охраной лесов, лесо-

культурными и лесомелиоративными работами, руководило работой местных лесных органов, ведало эксплуатацией лесов, регулировало охотничий промысел, участвовало в разработке планов лесного образования, вело лесную статистику. При управлении состоял Лесной ученый комитет.

Кроме этого, по Положению при Наркомземе состояли следующие органы: Редакционно-издательская комиссия, Ученый совет по делам сельскохозяйственного образования, Коллегия высшего контроля по земельным спорам, Концессионный комитет, Комитет по делам переселения, Центральная междо-ведомственная комиссия по распределению лесосек.

С переходом к новой экономической политике значительно возросло количество спорных земельных дел. Это было связано с запутанностью поземельных отношений, отсутствием четкого определения прав землепользователей, возросшим интересом к расширению посевов и др. До 1922 г. специальных органов для разрешения спорных земельных дел не было. Функции земельного суда исполняли административные органы — волостные, уездные и губернские земотделы и Наркомзем РСФСР и лице Особой коллегии при Центральном управлении землеустройства и мелиорации.

Складывание новых экономических отношений требовало создания специального земельного суда. В этом вопросе между Наркомземом и Наркомюстом не было единогласия. Наркомюст стремился к передаче разрешения споров по землепользованию общим судебным учреждениям, оставив Наркомзему лишь дела по землеустройству. Наркомзем выразил мнение, что при зем-органах должны существовать особые судебные коллегии, которые и будут разрешать спорные дела и по землеустройству и землепользованию с участием представителей крестьян¹⁷³.

На основании проектов Наркомзема и Наркомюста было подготовлено постановление, утвержденное ВЦИК 24 мая 1922 г.¹⁷⁴. Согласно ему функции по разрешению земельных споров были возложены на специальные земельные комиссии. Была организована сеть земельно-судебных органов, состоявшая из волостных, уездных и губернских комиссий. Ведению их подлежали все спорные дела, возникавшие при землеустройстве и о правах на землепользование. Никакие местные органы Республики не имели права принимать к производству земельные споры и вмешиваться в их рассмотрение, приостанавливать исполнение, изменять или отменять вынесенные комиссиями постановления. Причем дела в них должны были рассматриваться в порядке состязательного процесса.

При комплектовании состава земельных комиссий всех уровней строго соблюдался классовый подход. Так, большинство членов земельного суда принадлежали к рабочим и крестьянам и были членами или кандидатами в члены ВКП(б)¹⁷⁵. Однако слаба была теоретическая подготовка членов комиссий. 95% их окончили только низшую школу. С 1924 г. земельные комиссии стали вводиться крестьяне-выдвиженцы. К 1 октября 1925 г. по 41 губернии работало выдвиженцев: в УЗК — 32, в ГКЗ — 23, в ОКВК — 3 крестьянина и 1 рабочий¹⁷⁶.

Высший контроль по земельным делам и рассмотрение кассационных жалоб на решения губземкомиссий производились Наркомземом совместно с Наркомюстом в Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам. Первоначально ОКВК состояла из председателя и двух членов: от Наркомзема и Наркомюста. Для разрешения споров автономных республик и областей между собой и пограничными губерниями она дополнялась двумя представителями от Федкомзема.

Постановление от 24 мая 1922 г. с небольшими редакторскими поправками было полностью включено в состав Земельного кодекса РСФСР 1922 г.¹⁷⁷. Следовательно, по своей юридической природе земельные комиссии занимали промежуточное место между административными и судебными органами. С одной стороны, они состояли при исполкомах местных Советов и комплектовались последними, а с другой — принципы организации и деятельности их судебных органов были во многом схожи.

Децентрализация управления экономикой в связи с переходом к нэпу вела к усилению роли местных хозяйственных органов. Однако практически проблема соотношения центральной и местной государственной власти оказалась очень не простой. Как реализовать расширившиеся функции местных органов, ни в центре, ни на местах не знали. В конце 1921 г. на Всероссийском съезде земотделов НКЗ не предложил конкретной программы оживления работы местных земельных органов. Не представляли, как поступить с посевками, которые сыграли определенную положительную роль в посевной кампании 1921 г., а в новую обстановку уже «не вписывались». Было предложено заменить их сельскохозяйственными комитетами из семи человек при экономических совещаниях исполкомов, упразднив при этом все другие земорганы¹⁷⁸. Трудность состояла в том, что земельным органам на местах приходилось контактировать с множеством органов и организаций, связанных с сельским хозяйством, — экономическими

совещаниями губисполкомов, местными подразделениями Все-работземлеса, кооперацией и др. Но практика постепенно подсказала нужное решение.

В мае 1923 г. коллегия Наркомзема приняла «Положение о местных губернских (областных) органах Народного комиссариата земледелия»¹⁷⁹, в котором сообщалось, что «местными органами НКЗ РСФСР в губерниях и областях, входящих в состав РСФСР, являются: в губерниях — губернские земельные управления (ГЗУ — земотделы губернских исполнительных комитетов), в областях — областные земельные управления (ОблЗу — земельные отделы областных исполнительных комитетов). В документе определялась структура, функции этих органов, их отчетность в соответствии с новыми задачами.

Важным принципом, положенным в основу реорганизации в 1923 г. органов управления экономикой было приближение аппарата местных земельных органов непосредственно к крестьянскому хозяйству, установление внутренней структуры земельных органов в центре и на местах в соответствии с основными чертами крестьянского хозяйства. В связи с этим большая роль отводилась агрономическим, ветеринарным и другим участкам, которые со временем должны были стать низовой сетью Наркомата земледелия и тем непосредственным звеном, через которое советское государство могло воздействовать на сельскохозяйственное производство, имея вариант обратной связи. При этом настоятельно рекомендовалось использовать опыт организации земской агросети.

На X съезде Советов был поставлен вопрос об активизации деятельности агрономической сети как одного из основных каналов возрождения земледелия. До революции агрономическая служба находилась в ведении земств. Теперь же мыслилось, что участковая агрономия должна стать «составной частью местных земельных органов и явиться связующим звеном между государственными органами и крестьянским хозяйством»¹⁸⁰.

Практическая реализация этой идеи затянулась. Поэтому XI Всероссийский съезд Советов обязал Наркомзем разработать и провести через ВЦИК Положение об организации агрономической помощи населению. Второе совещание земельных работников РСФСР в марте 1924 г. выработало соответствующий проект, который несколько позднее принят почти без изменений под названием «Положение об агрономической организации Наркомата земледелия РСФСР»¹⁸¹.

Согласно «Положению» общее организационное руководство мероприятиями агрономической помощи населению возлагалось

на губернских и уездных агрономов при содействии специалистов по различным отраслям сельского хозяйства. Непосредственная работа в крестьянском хозяйстве всецело лежала на участковом (районном) агрономе и дополнявшем его специальном персонале участка. Участковый агроном, работавший непосредственно среди крестьянского населения, знал его хозяйство, его особенности, обстановку и нужды. Именно в такой организации агросети виделась преемственность от земской агрономии.

В новых условиях подобный подход к организации государственного влияния на крестьянство, связанный с повышением роли агрономической работы и объединением широких слоев крестьянского населения вокруг агроучастка, чрезвычайно повышал значение в культурной и хозяйственной жизни села агрономического персонала. Поэтому, учитывая перспективы новых общественных отношений, была признана необходимой политическая подготовка агрономов. Получила распространение практика организации курсов их переподготовки. В 1924/25 г. действовал 21 курс. Через них прошло 1038 агрономов в том числе 841 участковый¹⁸². В 1925/26 г. в 15 пунктах были проведены повторные курсы. Их средняя продолжительность — один месяц. Программа курсов состояла из двух циклов: общественно-политического и специально-агрономического¹⁸³. Кроме того, с 1924 г. при агроучастках стали возникать Сельскохозяйственные советы, в состав которых, как правило, привлекались представители партийных и комсомольских организаций, Всеработземлеса, совхозов, колхозов¹⁸⁴.

Расходы агрономической организации оплачивались за счет местных средств. Наркомземом производились только незначительные ассигнования: на содержание агрономического персонала и его разъезды, на оборудование агрономических кабинетов, поддержание агрокультурной деятельности сельскохозяйственных обществ. Причем ассигнования на эти нужды составляли не более 3—4% потребных сумм. Поэтому если в начале 1923 г. число участков превышало 2000, то в конце года их осталось только 1200. Радиус действий агрономических участков увеличился в некоторых губерниях до размеров целых уездов¹⁸⁵. На одного агронома в среднем приходилось 8—9 тыс. хозяйств. Наркомзем же ставил перед собой задачу иметь по одному агроучастку в каждой волости, по возможности содержать его за счет первичной сельскохозяйственной кооперации и довести число их до 4000. Однако, даже в то время осознавалась утопичность подобных подходов. В 1924 г. при обсуждении этого вопроса в Госплане

П. С. Маслов заявил, что такое «прожекторство даст в конечном итоге митинговых ораторов, не подкрепляющих ничем свои советы, или чисто бюрократический аппарат, действующий только на бумаге».¹⁸⁶

Важное место во взаимоотношениях государственных земельных органов разных уровней занимал вопрос о месте в этой системе национальных земельных органов. В августе 1921 г. при Наркомате земледелия РСФСР был создан Федеральный комитет по земельному делу из представителей наркоматов земледелия, национальностей, внутренних дел, ВСНХ, Госплана и автономных республик для урегулирования всех вопросов по земельному делу, выходящих за пределы компетенции Наркомзема РСФСР¹⁸⁷. Комитет не имел специального рабочего аппарата и обслуживался аппаратом НКЗ РСФСР. В течение 1922 г. Комитет передавался ВЦИКу и Наркомату национальностей. Наконец, в июле 1923 г. после ликвидации Наркомнаца Федеральный комитет по земельному делу начинает работать на правах комиссии ВЦИКа. Федкомзем в полном своем составе собирался, как правило, один-два раза в год. Однако нового Положения о Комитете выработано не было, поэтому статус его четко не был определен.

Согласно Положению о народных комиссариатах Союза ССР, принятому 12 ноября 1923 г., для координации деятельности республиканских земельных органов был создан институт совещаний наркомов земледелия союзных и автономных республик в 1923 г. были рассмотрены вопросы об организации таких совещаний, их ведении, задачах. Совещание признало, что в целях согласования работы и объединения в подготовке законодательных мероприятий, проводимых на территории отдельных республик в области сельского хозяйства, и обмена опытом наркомземов требуются периодические совещания наркомов земледелия союзных и автономных республик. Подобное совещание в 1925 г. признало, что общая задача восстановления сельского хозяйства может быть успешно решена лишь при условии согласованной работы республик и постановки ее в общесоюзных органах¹⁸⁸. Однако большое неудобство в работе совещания представляло отсутствие исполнительного органа для реализации принятых решений. В 1926 г. ставится вопрос о создании единого союзного органа при Совещании наркомов «для увязки вопросов развития сельского хозяйства» и прежде всего в целях планирования сельскохозяйственного производства. Не случайно идея создания такого органа сначала обсуждалась в Госплане

СССР. Было проработано два варианта образования Высшего органа по делам сельского хозяйства при Совещании наркомов и при СТО и ЦИКе¹⁸⁹. Однако ни один из них осуществлен не был.

Положение о местных органах Наркомитета земледелия 1923 г. не определяло роли национальных земельных органов, их взаимоотношения с центральным аппаратом. А необходимость в этом была. В Наркомзем поступали сведения о сложностях становления земельных органов автономных республик. В марте 1923 г. Наркомзем РСФСР получил письмо, в котором народный комиссар земледелия Татарской автономной республики Валидов требовал изменить статус комиссариата земледелия Татарской республики, предоставив ему большую самостоятельность¹⁹⁰. 23 мая по представлению НКЗ РСФСР Президиум ВЦИК Советов РСФСР рассматривал вопрос «О порядке согласования и объединения работы автономных республик РСФСР в области сельского хозяйства». Вопрос требовал детального изучения. В Наркомземе РСФСР был создан специальный орган — Секретариат по работе НКЗ в автономных республиках¹⁹¹.

17 января 1925 г. НКЗ РСФСР утвердил «Тезисы о правах НКЗ, ГИКов, УИКов, ВИКов в области земельного и лесного дела»¹⁹², которые были разработаны Московским областным земельным отделом в рамках работы по расширению функций и укреплению аппарата местных государственных органов. Основываясь на «Положении о Советах» от 21 февраля 1924 г., тезисы развивают и конкретизируют вопрос о правах (имущественных, административно-хозяйственных и финансовых) НКЗ и местных Советов. В основе документа лежит идея расширения самостоятельности местных органов, освобождения их из-под мелочной опеки. Управление всей конкретной работой по развитию сельского хозяйства предполагалось поручить земельным органам, а в непосредственном управлении НКЗ оставить только предприятия общенационального масштаба.

В это время продолжается привлечение крестьян в состав государственного аппарата управления сельским хозяйством. По сведениям Наркомзема РСФСР, в 1924 г. на местах для работы в земельном аппарате было вовлечено 95 крестьян, из которых в губернский аппарат — 40, в уездный — 55 человек¹⁹³. В 1925 г. из 361 человек, привлеченных к работе в земорганах, 92 были использованы в губернском аппарате, 269 — в уездном. Члены РКП(б) составляли 24,4% аппарата, 40,7 принадлежали к беднякам, 59,3 — к середнякам, 4,3% имели среднее образование, 95,7% — низшее¹⁹⁴.

Большинство из них работали заведующими ГЗУ и УЗУ, председателями губернских и уездных комиссий.

Привлечение на руководящую работу крестьян-выдвиженцев имело целью «оживление» работы старослужащих специалистов в госорганах. Однако, чтобы выдвижение было действенным, его предполагалось сочетать с обучением крестьян. Существенную роль здесь могли сыграть различные сельскохозяйственные школы, курсы, кружки. Только в 1925 г. в системе НКЗ РСФСР функционировало более 5 тыс. различных курсов, 7,5 тыс. сельскохозяйственных кружков и др.¹⁹⁵ С этой же целью за счет рабочих и крестьян был расширен контингент студентов сельскохозяйственных вузов и техникумов. В 1925 г. рабоче-крестьянская прослойка здесь составила 65% от общего числа учащихся. Однако следует учитывать, что 25% специалистов были заняты в административно-управленческом аппарате, из них 20 — в центре, 80% — на местах¹⁹⁶.

Итак, к середине 20-х годов была создана относительно устойчивая система земельных органов: в центре — Наркомзем, состоящий из пяти управлений, причем основным являлось Управление сельского хозяйства, сосредотачивавшее все; полеводство, луговое хозяйство, садоводство, огородничество, животноводство, опытные учреждения, агрокультурные мероприятия и т. д. Остальные управления мыслились как вспомогательные. На местах — губернские земельные управления в составе подотделов, повторявшие структуру наркомата; уездные земельные управления, не подразделявшиеся на подотделы и имевшие в своем составе заведующего (по избранию УИКа), секретаря с канцелярским аппаратом, агронома, ветеринара, землеустроителя, и т. д. в пределах установленных штатов. Низовой сетью наркомата мыслились агрономические ветеринарные участки и т. п., которые должны были стать основной базой для мероприятий по развитию сельского хозяйства.

Такая структура просуществовала почти без изменений до начала периода перехода к массовой коллективизации. Дальнейшая работа Наркомзема состояла в уточнении всего земельного аппарата, установлении твердых штатов, улучшении персонала, усилении и укреплении взаимной связи центра и мест. Изменения же, не затрагивая общего характера системы, были связаны с определенными колебаниями основной политической линии в сельском хозяйстве.

1923 год принес изменения и в организации партийной работы в деревне. По решению Оргбюро ЦК РКП(б)

в августе 1923 г. при ЦК была создана Комиссия по работе в деревне¹⁹⁷. С целью выполнения постановления XII съезда РКП(б). Статус комиссии говорил о ее временности. Перспективы партийной работы в деревне еще не определялись. 13 августа состоялось первое заседание Комиссии. На нем присутствовали Бубнов (ЦК РКП(б)), Бауман (ЦК РКП(б)), Смидович (ВЦИК), Менжинский (ГПУ), Свидерский (НКЗ), Парфенов (Сельскосоюз), Графов (ЦК Всеработземлеса), А. И. Ульянова (Истпарт), Голубева (Женский отдел ЦК)¹⁹⁸.

Из положения о Комиссии по работе в деревне видно, что Комиссия создавалась при Секретариате ЦК и председателем ее был один из секретарей ЦК¹⁹⁹. Функции Комиссии несколько отличались от функций предыдущего отдела ЦК по работе в деревне. Она уже не ставит перед собой задачи непосредственного контакта с крестьянами через систему своих органов, предполагает поддерживать тесную связь с отделами ЦК, ЦКК, с ЦК РКСМ, фракциями ВЦИК и другими советскими органами, а также с ВЦСПС и кооперативными организациями, давая им задания по работе в деревне, используя имеющиеся у них материалы для совместной разработки проектов разных постановлений и декретов, проводить их через ЦК и следить за их проведением в жизнь²⁰⁰. Своего технического аппарата Комиссия не имела, а для текущей и подготовительной работы из своего состава выделяла Секретариат из пяти человек. Секретарь Комиссии освобождался от другой деятельности, все остальные — работали по совместительству в отделах ЦК. Один раз в три месяца Комиссия должна была отчитываться о своей деятельности в ЦК²⁰¹.

Как видим, состав Комиссии не был постоянным. Заседания ее проводились без определенной периодичности, в силу необходимости. В сентябре 1924 г. она меняет свой статус, получив название Совещания, что в принципе не изменило характера ее работы. К этому времени в Комиссии появился постоянный председатель — секретарь ЦК В. М. Молотов, а в качестве членов наряду с другими вошли М. И. Калинин, И. В. Сталин, Н. К. Крупская²⁰². Совещание также не имело своих подразделений на местах, а действовало через аппарат центральных государственных органов и территориальных партийных комитетов.

После перехода к нэпу, допустив плюрализм в экономике, партия стала укреплять свою политическую монополию. Особенно эта тенденция стала развиваться в поисках выхода

из кризиса 1923 г. Процесс активизации курса на укрепление монополизма партии нашел отражение и в сфере государственного строительства.

В июне 1923 г. во всех центральных государственных органах, а затем и на местах на основе Особого Положения, согласованного с ГПУ, создаются секретные отделы. В июне 1923 г. возник такой отдел и в Наркомземе²⁰³. С тех пор вся секретная переписка велась только через отдел. Важная роль отводилась ему в проверке кадров центрального и местного земельного аппарата. Проходившая в 1923 г. чистка госаппарата ставила перед отделом «ответственные задачи». В вопросах кадровой политики службы государственных земельных органов (Административное управление и Секретный отдел, специальная Аттестационная комиссия) имели тесный контакт с Учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б), который занимался перемещением коммунистов из упраздненных государственных и партийных структур. Значительная работа этими органами была проведена при ликвидации в 1923 г. продовольственных органов²⁰⁴.

Система «партия-государство» развивается. Более того, ее влияние расширяясь становится все более тотальным.

Наряду с этой тенденцией действует и другая, которую оживил переход к нэпу и которая пробивала себе дорогу в борьбе со складывавшимся тоталитаризмом. Одной из показательных в этом отношении сфер стал сельскохозяйственный кредит.

Сельскохозяйственный кооперативный кредит и все другие кредитные операции в условиях «военного коммунизма» практически потеряли всякое значение. Пытаясь возродить экономическую самостоятельность крестьянского хозяйства и использовать для восстановления отрасли все внутренние его возможности, государство все же до конца не доверяет крестьянину. Поэтому после перехода к нэпу возрождение кредитной системы страны, несмотря на заявленную свободу кредитной кооперации, происходит под непосредственным государственным контролем.

В конце 1922 г. Народный комиссариат земледелия «приходит к выводу о необходимости широкой организации сельскохозяйственного кредита»²⁰⁵. Для предоставления крестьянам дешевого кредита и вытеснения из деревни ростовщика планируется создание специального сельскохозяйственного банка, а до того кредитные операции по сельскому хозяйству сосредотачиваются в сельскохозяйственном отделе Госбанка, руководимом членом коллегии НКЗ²⁰⁶.

Завершить организационное построение системы сельскохозяйственного кредита удалось только к концу 1923 — началу 1924 г. В декабре 1923 г. Совнарком рассмотрел устав Всероссийского сельскохозяйственного банка, который был утвержден XII съездом Советов²⁰⁷. Банк сводил к минимуму кооперативно-кредитные операции и делал эту сферу полностью подконтрольной государству.

С переходом к новой экономической политике впервые в практике советского хозяйства был поставлен вопрос о хозяйственном расчете, который сочетал бы интересы государства, производственных коллективов и отдельных работников.

Уже 1 октября 1921 г. по постановлению коллегии НКЗ одно из подразделений комиссариата — Сельстрой — было переведено на хозрасчет. Сельстрой — организация, которая занималась разработкой технической документации и осуществляла общее руководство сельскохозяйственным строительством. Производственных функций Сельстрой не имел, а поэтому у него отсутствовали оборотные средства для организации производства и торговых операций. Вследствие указанных причин изначально эта организация не могла быть переведена на хозяйственный расчет. Ошибка вскоре была понята коллегией НКЗ²⁰⁸. По той же причине не имела практического результата и попытка перевести на хозрасчет земельные органы. Несмотря на первый неудачный опыт, комиссариат продолжал поиски в этом направлении.

В 1922 г. в Наркомземе РСФСР была разработана программа по внедрению хозяйственного расчета. По постановлению коллегии 14 августа 1922 г. был создан специальный орган — Секретариат по коммерческим делам, в котором была сосредоточена работа по организации и руководству хозрасчетными предприятиями НКЗ²⁰⁹.

Одними из первых на новую систему хозяйствования были переведены совхозы. Постановлением Совнаркома РСФСР от 13 июня 1922 г. основная масса их была снята с государственного финансирования. Совхозы могли рассчитывать лишь на долгосрочный и краткосрочный кредиты. На государственном бюджете были оставлены опытные, племенные и семеноводческие хозяйства. 10 июля на заседании коллегии Наркомзема было решено: все совхозы ведомства земледелия передать в управление местных земельных органов, которые должны осуществлять эксплуатацию их под контролем наркомата. Все совхозы в пределах губернии предписывалось объединить в сельтресты. В непосредственном управлении Наркомзема

должны были остаться хозяйства исключительно важного государственного значения. Для этого специально созданной комиссии в составе Козырева, Миртова и Демченко поручалось пересмотреть сеть совхозов НКЗ²¹⁰.

Внедрение хозяйственного расчета при возрастании степени планового руководства совхозами потребовало организационной перестройки управления ими. Основными органами управления стали тресты, которые объединяли наиболее жизнеспособные совхозы. Трестам принадлежала вся полнота административно-хозяйственных прав в распоряжении имуществом, орудиями и средствами производства совхозов, а также денежными ресурсами, которые тресты могли использовать по своему усмотрению в интересах выполнения производственных планов. Тресты несли всю полноту ответственности за организацию производства и сбыта, выполнение государственных заданий.

Организационное бюро по трестированию совхозов при Наркомземе уже с первых шагов вело подготовительную работу по созданию особого органа, автономного в своих действиях от Наркомзема. Такой орган был создан 1 июля 1922 г. для обеспечения финансовой, хозяйственной и коммерческой деятельности государственных сельскохозяйственных трестов, предприятий и хозяйств с целью переработки сельскохозяйственных продуктов, торговли ими и предметами сельскохозяйственного обихода²¹¹.

11 августа 1922 г. Наркомзем РСФСР утвердил устав Государственного Российского сельскохозяйственного синдиката (Госсельсиндикат)²¹². Его учредителем явились Наркомзем РСФСР, который вложил в его основной капитал 2 млн. руб. золотом по официальному курсу²¹³, и объединяемые в губсельтресты государственные хозяйства, вступавшие в синдикат на договорных основаниях. Управление делами синдиката возлагалось на собрание пайщиков, совет и правление. Правление состояло из пяти членов, избираемых собранием пайщиков на три года, и распоряжалось всеми делами и капиталами синдиката. Собрание пайщиков созывалось ежегодно правлением для рассмотрения и утверждения отчета, сметы расходов и плана на будущий год, избрания членов совета, правления и ревизионной комиссии. Госсельсиндикат должен был стать единым хозяйственным центром, в котором объединялись бы хозяйственная, производственная, финансовая и торговая деятельность государственных сельскохозяйственных предприятий.

В начале 1923 г. при обсуждении вопроса о создании

Госсельсиндиката в Госплане заявлено, что сельтресты оказались вне непосредственного воздействия и руководства ими со стороны центрального органа, что централизация управления трестами совхозов необходима. Что касается функции Госсельсиндиката по управлению производством в трестированных совхозах, то ему предоставлять их не следует²¹⁴.

В это же время нарком земледелия А. П. Смирнов шлет всем завгубземотделами письмо под грифом «секретно-лично», где возлагает на них личную ответственность за работу всех губернских земельных органов и требует не допускать никакого сепаратизма в работе отделов губземуправлений, а местные хозяйственные органы Наркомзема, и в частности губсельтресты, поставить под свой контроль, «связав их местную работу с общими практическими хозяйственными задачами и мероприятиями губземотдела и наблюдая за общим ведением и постановкой дела в хозорганах»²¹⁵.

Фактически Госсельсиндикат стал лишь особой хозяйственной организацией Наркомзема РСФСР и в управлении совхозами осуществлял ограниченные функции — регулирование сбыта продукции и защита торговых интересов трестов на рынке.

Процесс трестирования и синдицирования начался с 1922 г. и закончился в основном к концу 1924 г.²¹⁶. За этот период были упразднены существовавшие ранее при земельных отделах исполкомов местных Советов губсовхозы и усовхозы, а находившиеся в их ведении совхозы переданы губернским сельскохозяйственным трестам (губсельтрестам). Во главе губсельтрестов стояли правления, подотчетные Центральному управлению земледелия и советских хозяйств Наркомзема РСФСР.

Однако, как показала практика, мероприятия по переводу совхозов на новую систему хозяйствования не дали предполагаемых результатов. Хозрасчет мог стимулировать только экономически сильные хозяйства. По оценкам специалистов Госплана, местные органы охотно шли на ликвидацию совхозов, как бездоходных предприятий. В силу этого «государство встало перед возможностью полного уничтожения крупного социалистического хозяйства»²¹⁷. Как заметил заместитель народного комиссара земледелия РСФСР А. И. Свидерский, совхозы не стали ни фабриками зерна, ни агрокультурными хозяйствами, поэтому «внимание к ним упало, хотя теоретически мы понимали, что построить социализм без них нельзя, но — только теоретически».²¹⁸ Перелом наступил в 1925 г.

ЦК РКП(б) взял на себя ответственность за перспективы совхозного движения. Он признал «недопустимым невни-

мательное отношение со стороны советских и партийных органов к совхозам» и потребовал принятия мер по их укреплению. 9 февраля 1925 г. было принято постановление «О совхозах», им отводилась ведущая роль в социалистической реконструкции сельского хозяйства, в переводе мелких крестьянских хозяйств на путь крупных²¹⁹.

6 марта 1925 г. СНК РСФСР принял постановление «О мероприятиях по укреплению экономического положения советских хозяйств»²²⁰. Согласно ему государством оказывалась большая финансовая и материально-техническая поддержка трестированным совхозам РСФСР. Произошли изменения и в управлении совхозами. Совнарком РСФСР потребовал от Наркомзема усилить наблюдение и регулирование деятельности Госсельсиндиката, трестов, совхозов трестированных и нетрестированных. В ходе разработки этого постановления Комиссией по вопросу о положении государственных и советских хозяйств, созданной при сельскохозяйственной секции Госплана, было даже предложено ликвидировать такие органы Наркомзема РСФСР, ведающие совхозами, как Госсельсиндикат, Госсемкультура, Управление племхозами, госконзаводами и другие, и создать единый орган, подотчетный Наркомзему РСФСР²²¹.

В рамках постановления СНК РСФСР от 5 марта 1925 г. Наркомзем более четко регламентировал функции и права совхозов. В марте 1925 г. коллегией НКЗ было утверждено Положение о трестированных совхозах РСФСР, а несколько позднее устав Госсельтреста²²². Этими документами более точно определялись хозяйственно-финансовые взаимоотношения между губсельтрестами и совхозами. За губсельтрестами оставалось общее руководство работой совхозов, планирование и финансирование их путем распределения целевых кредитов и дотаций, получаемых от государства. Все остальные вопросы оперативно-производственного руководства были отнесены к компетенции заведующих, которые лично несли ответственность перед губернскими партийными и советскими органами за состояние дел в совхозе.

Отчетливо прослеживается линия централизации управления совхозами именно в государственных органах. Постепенно структурам, складывающимся в процессе функционирования хозяйственного механизма совхозной системы, отводится все меньшая роль. Идет и обратный процесс — децентрализации: все больше прав и полномочий получают директора совхозов. Но и этот элемент системы замыкается в конечном

итоге на центр. Появляется жесткая зависимость в плане подотчетности не перед внутренними вышестоящими структурами совхозной системы, а перед государственной и партийной властью. Зависимость переходит из одной сферы в другую. Действие собственно нэповских принципов ослабевает.

Далее изменение функций управляющих органов идет в том же направлении. В системе совхозов начали возникать общесоюзные объединения специализированных совхозов²²³.

В мае 1928 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) создается комиссия в составе: Калинина, Кубяка, Молотова, Микояна, Квиринга, Баумана, Яковлева, Шлихтера, Анцеловича, Саблина, А. П. Смирнова, Муралова, которая обсуждает вопросы создания новых зерновых совхозов с товарной продукцией 100 млн. пудов. Срок устанавливается в 4 года. «Независимые эксперты» А. Чаянов, Н. Кондратьев, П. Маслов, Н. Макаров и другие высказывают опасения, что это будут плохо организованные хозяйства. Однако в условиях срыва хлебозаготовок идея кажется привлекательной²²⁴. Логическим завершением этой тенденции стало образование в 1932 г. Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР, независимого от НКЗ СССР²²⁵.

1925 год стал переломным и в организации управления колхозами. С переходом к нэпу пришлось отказаться от мысли создать различные типы коллективных хозяйств в крупном масштабе, хотя на словах сохранялась приверженность будущему коллективизированному сельскохозяйственному производству. Однако, в связи с дискуссиями о строительстве социализма (см. гл. 1) и желанием противостоять росту сельского капитализма путем создания социалистических «командных высот» в деревне вновь стал обсуждаться вопрос об организации коллективных хозяйств. К этому же толкала и неудачная заготовительная кампания 1924—1925 гг., вызванная неурожаем 1924 г.

В феврале 1925 г. после длительного перерыва²²⁶ было созвано Всесоюзное совещание колхозов, которое фактически имело значение съезда. На совещании было решено создать Всесоюзный Совет сельскохозяйственных коллективов (колхозов), как совещательный орган при Сельскосоюзе. ВСК периодически, один раз в полгода, собирался на сессии Совета, а в промежутках между сессиями регулярно проводились заседания Президиума Совета, избираемого Пленумом ВСК. В состав Пленума Совета, избранного на совещании колхозов, вошли представители Наркомзема, Сельскосоюза, Наркомата

РКИ СССР, Высшего кооперативного института и ряда колхозов, представленных на совещании²²⁷. Своего технического аппарат Совет не имел и пользовался аппаратом Сельскосоюза.

В 1925 г. начинается организация отделов коллективного земледелия в территориальных союзах сельскохозяйственной кооперации. Такой отдел в центральном аппарате Сельскосоюза был создан по рекомендациям Наркомзема РСФСР в конце 1924 г.

В середине 20-х годов партия уделяет особое внимание вопросам развития сельскохозяйственной кооперации. В октябре 1925 г. состоялся пленум ЦК РКП(б), где важное место заняли вопросы развития и переустройства сельского хозяйства. В системе мер политики государственного воздействия на мелкое товарное производство, ограничения и вытеснения кулацких элементов и подготовки крестьянства к общественному ведению хозяйства важная роль отводилась сельскохозяйственной кооперации.

В декабре 1925 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, обсудившее вопросы работы сельскохозяйственной кооперации²²⁸, а 19 августа 1926 г. по докладу фракции ВКП(б) Сельскосоюза ЦК партии принял постановление «О сельскохозяйственной кооперации», в котором подчеркивалось, что «сельскохозяйственной кооперации в виду ее необычной важности должно быть уделено особое внимание со стороны партийных комитетов»²²⁹. Далее следовало письмо ЦК ВКП(б) «О перевыборах низовой кооперативной сети в деревне»²³⁰, а также направление коммунистов на кооперативную работу в деревню.

Возникли серьезные затруднения в реализации партийных решений. Партия не могла воздействовать на развитие колхозов через соответствующий государственный аппарат в силу его отсутствия.

В октябре 1925 г. VIII сессия Совета Сельскосоюза, возглавляемого в это время П. А. Садыриным, приняла решение в целях придания большей самостоятельности структурным подразделениям, ведавшим вопросами колхозного строительства, преобразовать отделы коллективного земледелия при Сельскосоюзе и союзах в автономные секции колхозов с планово-организационными задачами²³¹. Секции должны были стать руководящими органами по вопросам колхозного строительства. Они пользовались правами юридического лица. В задачи автономных секций входила разработка планов кредитования, снабжения колхозов и сбыта их продукции, а также установление

связи со специальными центрами и союзами сельскохозяйственной кооперации по обсуживанию коллективных хозяйств²³².

Создание центральной секции колхозов затянулось до июня 1926 г., а при Сельскосоюзе сохранялся колхозный отдел. Практически трудно было разграничить функции этих двух органов. Подобная ситуация сложилась и на местах, где при союзах сельскохозяйственной кооперации создавались и отделы коллективного земледелия, и колхозные секции. В результате к концу 1926 г. было организовано 27 секций колхозов, 7 отделов и 5 подотделов колхозов²³³.

Вскоре выявились противоречия в руководстве колхозным строительством и в юридически-правовом и практическом плане. Основной управляющей структурой коллективных хозяйств был Всесоюзный совет колхозов, но он в то же время являлся совещательным органом при Сельскосоюзе. Подобное же положение было и с секцией колхозов при Сельскосовете. Совет центров сельскохозяйственной кооперации был совещательным органом и его решения не имели обязательной силы для центров сельскохозяйственной кооперации. Естественно, что секция колхозов оказалась в точно такой же ситуации по отношению к секциям колхозов отраслевых центров сельскохозяйственной кооперации. Кроме того, и сама кооперация, утрачивая собственно ей присущие экономические механизмы, не могла достаточно внимания уделять колхозному движению.

В конце 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклады Наркомзема РСФСР и Сельскосоюза и содоклад ЦКК РКК СССР об итогах совхозного и колхозного строительства. 30 декабря 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, которое затем было одобрено XV съездом ВКП(б). В марте 1927 г. были приняты постановления ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» и «О советских хозяйствах», которые развивали положения постановления ЦК ВКП(б) и фактически означали подготовку массового колхозного движения. В осуществление этих постановлений в апреле 1927 г. был создан новый орган по управлению колхозами—Колхозцентр РСФСР. Устав его, разработанный секцией колхозов при Сельскосоюзе, был 1 октября 1927 г. утвержден ЭКОСО РСФСР и зарегистрирован в НКЗ РСФСР²³⁴.

Место Колхозцентра РСФСР в системе государственных и кооперативных учреждений СССР определялось следующим образом. Колхозцентр и его местные органы входили в качестве самостоятельной системы в общую систему сельскохозяйствен-

ной кооперации и в своей деятельности должны были руководствоваться указаниями центральных органов сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюза до июля 1927 г., а с июля — Союза союзов) и Всесоюзного совета колхозов. Общее руководство Колхозцентром, как и всей сельскохозяйственной кооперацией, осуществлялось Наркомземом РСФСР. Учитывая особую важность задач, возлагаемых на Колхозцентр, он пользовался правом непосредственного представительства в правительстве.

Колхозцентр РСФСР создавался как республиканский центр колхозов, но фактически уже с первых дней своего существования он превращался в общесоюзный орган, и прежде всего потому, что был создан раньше, чем колхозцентры других союзных республик, поэтому в первое время фактически его влияние в колхозном строительстве распространялось на территорию всей страны.

Колхозцентр РСФСР возглавлялся съездом колхозов, который созывался не реже одного раза в два года. Между съездами управление осуществляли Совет и Правление Колхозцентра. Совет избирался съездом колхозов и собирался на свои сессии, как правило, раз в шесть месяцев, а непосредственную текущую работу в межсессионный период проводило Правление Колхозцентра. Аппарат Колхозцентра состоял из трех отделов: оргинструкторского, осуществлявшего и культурно-просветительную и статистико-экономическую работу; агрикультурно-производственного и кредитно-финансового²³⁸.

Наряду с РСФСР организация колхозцентров шла и в других республиках. В июне 1927 г. был образован Колхозцентр Белоруссии, в сентябре — Украины, в январе 1928 г. — Грузии, в марте 1928 г. — Азербайджана, в мае 1928 г. — Узбекистана²³⁶.

Система местных органов Колхозцентра РСФСР складывалась из территориальных колхозцентров, секций, бюро и союзов колхозов. Особенно активно работа по созданию территориальных органов Колхозцентра развернулась сразу после XV съезда партии. За полтора месяца было организовано 42 колхозных объединения. Уже в апреле 1928 г. по РСФСР в системе Колхозцентра имелось 11 объединений колхозов, в том числе 98 секций, 12 бюро и 4 союза, а к лету 1928 г. — 192 объединения (127 секций, 11 бюро, 54 союза)²³⁷. Наряду с этим на местах создавались кустовые объединения колхозов, которые на договорных началах объединяли несколько колхозов региона. Из их представителей

создавался Совет куста во главе с председателем. В дальнейшем кустовые объединения колхозов явятся одним из путей укрупнения колхозов, а некоторые из них станут базой для создания МТС.

В 1928 г. организационное оформление колхозных объединений было завершено. К этому времени Колхозцентром были разработаны типовые уставы краевой и районной секций и бюро колхозов и примерные договоры групповых и кустовых объединений колхозов, а также примерные уставы коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли. В июне 1928 г. итоги всей этой работы подвел I Всесоюзный съезд колхозов.

Во главе всей системы колхозцентров страны стоял Всесоюзный совет колхозов. ВСК не имел своего аппарата и пользовался аппаратом сельскохозяйственной кооперации и Колхозцентра РСФСР. Причем, большинство членов Правления Колхозцентра РСФСР одновременно являлись и членами Президиума ВСК. Многие заседания Президиума ВСК и Правления Колхозцентра РСФСР проходили совместно и их решения имели силу решений общесоюзного органа. В октябре 1929 г. ВСК и Колхозцентр были слиты в одно учреждение — Колхозцентр СССР и РСФСР.

Система колхозцентров была создана на одном из существенных поворотов аграрной политики коммунистической партии. Инициатива эта шла «сверху» и определялась прежде всего задачами стратегического курса партии в сельском хозяйстве. На колхозцентры всех уровней легла огромная работа по перестройке структуры и механизма функционирования сельскохозяйственного производства. Как только она была завершена и чрезвычайность ситуации в сельском хозяйстве снята — необходимость в них отпала. Колхозное строительство было передано земельным органам. В 1932 г. Всесоюзный и республиканские колхозцентры были упразднены²³⁸.

В период проведения коллективизации характер работы земельных органов меняется. Это приводит к реконструкции всей системы управления сельским хозяйством и образованию ряда новых земельных органов. В 1929-1930 гг. перестраивается управление колхозами и совхозами. В декабре 1929 г. был образован объединенный Наркомат земледелия СССР²³⁹. Выступая 7 декабря 1929 г. на 2 сессии ЦИК Союза ССР 5 созыва, принявшей решение «Об образовании Народного комиссариата земледелия Союза ССР», Г. И. Петровский сказал: «...Коллективизация требует повседневного управления

и руководства со стороны союзного центра: коллективизировать целые области это будет уже не под силу им самим (местным органам — Н. Н.)²⁴⁰.

XV съезд ВКП(б), предопределивший курс на коллективизацию сельского хозяйства, одновременно поставил задачу как можно быстрее подготовить кадры «таких квалифицированных и научных сил, которые, стоя на уровне мировой науки и техники, были бы активными участниками социалистического строительства»²⁴¹. Между тем значительную долю в сельском хозяйстве по-прежнему составляли специалисты старой школы. В разное время в течение 20-х годов в госорганах управления сельского хозяйства работали такие видные ученые, как А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, Н. И. Вавилов, Д. Н. Прянишников, П. И. Лященко, Н. П. Рудин, Н. М. Тулайков и др. В центральном управленческом аппарате специалисты старой школы составляли 62%, в земорганах на местах — 71%, среди специалистов-практиков — 30%²⁴². Как показывают материалы обследования, проведенного в 1929 г. Наркоматом труда, примерно 55-65% специалистов «еще не определили своего политического лица». Эту группу, отмечается в материалах, «характеризовало неприятие наших методов работы, но в то же время признание наших успехов»²⁴³.

В сложившихся обстоятельствах кадровый вопрос становится для партии важнейшим. Особого внимания требовали колхозы. К концу 1927 г. на территории РСФСР в колхозах работали 245 агрономов. На каждого из них приходилось в среднем по 55 колхозов. Лишь около 20% из общего числа председателей колхозов прошли специальную краткосрочную подготовку. Что касается руководящих кадров совхозов, то подавляющее большинство их нуждалось в срочном повышении культурно-технического уровня²⁴⁴.

Задача подбора и подготовки специалистов для социалистического хозяйства была поставлена на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Для ее решения в 1929 г. на территории РСФСР при сельскохозяйственных вузах было открыто восемь факультетов и шесть отделений коллективизации²⁴⁵. С переходом к сплошной коллективизации количество тех и других резко увеличилось.

Основной формой обеспечения сельского хозяйства кадрами специалистов к концу 20-х годов по-прежнему оставалось краткосрочная форма подготовки через сельскохозяйственные

курсы, кружки и т. п. В 1929 г. всеми видами подобного обучения было охвачено около 12 тыс. крестьян²⁴⁶.

В 1929 г. в системе земельных органов работало 28296 специалистов с высшим и средним образованием. По имеющимся источникам трудно судить о их профессиональном уровне. Но несмотря на заметное увеличение их числа, в среднем на один район приходился примерно один специалист. Остальные, по данным Госплана СССР, были практиками, многие из которых имели лишь начальное образование²⁴⁷.

Что касается политической стороны вопроса, то по данным на 1929 г. коммунисты составили 7,1% специалистов сельского хозяйства. Причем около половины из них работали в управленческом аппарате, остальные — на производстве, главным образом в колхозах и совхозах²⁴⁸.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства, которое партия поставила на очередь дня, требовало упорядочения и систематизации партийной работы в деревне. С 1928 г. по решению XV съезда ВКП(б) в составе партийных комитетов всех уровней (от ЦК до окружкомов) были созданы отделы по работе в деревне. Л. М. Каганович позднее в речи на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) говорил по поводу создания Отдела по работе в деревне: «Нужно было дать толчок работе в деревне, нужно было сосредоточить в достаточной мере внимание партийных организаций на вопросах работы в деревне»²⁴⁹. От комиссии ЦК партии по работе в деревне, имевшей довольно неопределенный статус и действовавшей ввиду отсутствия своего через аппараты местных партийных комитетов, был сделан следующий шаг — к организации стройной системы партийных органов, «специализирующихся» на вопросах колхозного строительства. И действительно, эти органы сосредоточили в своих руках существенные функции реальной власти, особенно в период подготовки и проведения коллективизации.

К этому времени механизм взаимоотношений партии и государства в управлении сельским хозяйством сложился. Практика вмешательства партийных органов в государственное управление никак не нормировалась и часто вела к его подмене. Все попытки активизировать деятельность системы государственного управления сельским хозяйством в связи с задачами социалистической реконструкции деревни предпринимались сверху, методами административного директирования, что приводило к еще большей зависимости государственных органов от партии.

Итак, строительство государственного аппарата управления сельским хозяйством в 20-е годы полностью отразило специфику Советской власти как системы «партия-государство». Поиски новых структур управления шли в русле прежде всего задач стабилизации новой власти. Эти причины привели в первой половине десятилетия к некоторому ослаблению централизации в управлении сельским хозяйством. Они же заставили усилить ее когда взятый курс на плюрализм в экономике не дал желаемых результатов в политике. Однако практика управления показала, что именно период ослабления государственной централизации и вмешательства партийно-государственных органов в жизнь деревни, когда крестьянство имело возможность относительно свободного выбора хозяйственных форм, систем земледелия, вызвал наивысший подъем сельскохозяйственного производства. К середине 20-х годов в управлении сельским хозяйством наряду с развитием нэповских повских начинают преобладать принципы, которые выходили за рамки государственного регулирования производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве и затем легли в основу его социалистической перестройки.

Происходят изменения в системе органов управления сельским хозяйством. Наряду с уже существующими по инициативе «сверху» были созданы новые органы по руководству колхозным строительством — Колхозцентр РСФСР и Колхозцентры союзных республик. Идеям, заложенным в первоначальную концепцию нэпа, увы, не суждено было осуществиться. Политика вновь берет верх над экономикой.

Глава III. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ!

Попытки организации планового хозяйства

Грандиозные задачи, которые поставила перед страной новая власть, требовали прежде всего решения сложнейшей проблемы управления экономикой, что в свою очередь зависело от определения принципов, методов и форм хозяйствования. Используя современную терминологию, можно сказать, что задача заключалась в создании нового хозяйственного механизма.

Сложившаяся в обстановке «военного коммунизма» жестко централизованная командно-административная система управления экономикой, предназначалась коммунистической партией не только для максимальной концентрации ресурсов на нужды обороны социалистического отечества, но и для ускорения процесса обобществления производства, в том числе и в сельском хозяйстве.

Советская командно-административная система управления экономикой базировалась на общественной собственности на основные средства и условия производства и стремилась к последовательному замещению торговли и рынка планомерно-организованным распределением. Полностью, однако, реализовать свои намерения советскому государству оказалось не под силу из-за разных уровней обобществления производства в промышленности и сельском хозяйстве. В те годы сложилось острое противоречие между городом и деревней; «в городе централизованное крупное хозяйство, управляемое в каждой отрасли в основе своей производственным планом этой отрасли, и протягивающее свои щупальца (железные дороги, советские хозяйства, сельскохозяйственные предприятия) и в деревню; в деревне — распыленный и нивелированный производственный хаос, управляемый в основе своей рынком, хотя и придушенным и изуродованным, также протягивающий свои щупальца («кустари» и спекулянты) в город». Из 13,6 млн. пудов хлеба, потребленного в 1918—1919 гг. городским населением, лишь 40% было доставлено Наркоматом продовольствия (за счет разверстки), остальные 60% — вольным рынком через печально знаменитые «сухарежки»².

Экономические связи внутри государственного сектора экономики осуществлялись через натуральные формы обмена в порядке централизованного планового распределения наличных

и производственных запасов продукции, учет которых из-за отсутствия устойчивой единицы измерения ценности превращался в бесконечную волокиту, а отпуск потребителю — в уродливый мертвящий главкизм. Помимо плановых методов распределения продукции широко применялись неплановые, яркой формой выражения которых являлось «ударничество», когда ряд предприятий имели право преимущественного снабжения сырьем, материалами, продовольствием, рабочей силой и т. п. Подобное положение существовало и в сельском хозяйстве. Здесь в разряд ударных, как правило, относили хозяйства, определяющие социалистический сектор. При весьма скудных ресурсах зачисление в разряд ударных предприятий и хозяйств не могло на деле дать им всем реальные преимущества и к тому же лишало управление экономикой необходимой стройности и организованности.

Дополнительные сложности несла существовавшая тогда система вертикального централизма, которая нуждалась для своего бесперебойного функционирования в многочисленных ведомственных и междуведомственных комиссиях, занимавшихся согласованием производственных программ главков и центров, хозяйственных наркоматов, учетом и контролем за распределением продуктов промышленного и сельскохозяйственного производства. В число последних попали не только продовольствие, отдельные виды сырья, но порою весьма неожиданные потребительские блага. Вспомним хотя бы знаменитые Всероссийскую чрезвычайную комиссию по валенкам и лаптям (Чеквалап), Главшишку и т. п.

Тогда думали, что «гримасы бюрократизма» в сфере управления экономикой коренятся в недостаточном развитии централизованного планового руководства. Именно эту тенденцию отразила партийная дискуссия «О едином хозяйственном плане и едином хозяйственном центре», в ходе которой и была создана при Отделе электрической промышленности ВСНХ Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО). Работа ее дала положительные результаты гораздо позднее, чем ожидалось.

Лишенные научно-обоснованной ориентировки, которую должна была дать комиссия ГОЭЛРО, государственные хозяйственные органы сами занялись научными изысканиями в области перспектив планомерного хозяйственного строительства. Именно к такого рода поискам следует отнести попытку планирования в государственном масштабе и производства в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Первая попытка такого планирования была предпринята в декабре 1919 — январе 1920 г.³. Неурожай 1920 г., а также недостаток материалов с мест, которые использовались при составлении плана, привели в конечном итоге к большим расхождениям полученных результатов с плановыми заданиями. Однако, первая неудача не заставила отказаться от планового подхода к развитию сельского хозяйства.

Осенью 1920 г. в периодической печати прошла дискуссия по вопросам выведения крестьянского хозяйства из кризиса. Почти все ее участники пришли к выводу, что выход в государственном планировании производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве.

Член Президиума ВСНХ Н. Осинский в цикле статей, посвященных практическому осуществлению государственного регулирования сельского хозяйства, опубликованных в «Правде», предложил следующий порядок составления государственного плана в области сельского хозяйства. Общегосударственный погубернский план разрабатывается НКЗ совместно с Наркомпродом и ВСНХ, чтобы учесть интересы продовольственного снабжения населения, а также потребности промышленности в сельскохозяйственном сырье. Затем первоначальный план координируется СНК и направляется для отзыва на места. После чего план окончательно утверждается СНК. Согласно этому плану Наркомпрод вырабатывает так называемую семенную разверстку, где определяется для каждой губернии количество семян, необходимых для засева посевных площадей в размерах 1916 г. Собранные семена ссылаются в государственные семенные склады, а весной выдаются крестьянам для засева необходимых, определенных государством, площадей. Опорными пунктами этой работы предполагалось сделать колхозы и совхозы⁴. Чтобы заинтересовать крестьян в выполнении плановых заданий государства, Осинский предлагает ввести систему премирования лучших хозяйств, а в качестве премии снижать разверстку для выполнивших план селений и хозяйств⁵.

Член коллегии НКЗ Н. Богданов в статье, опубликованной в газете «Экономическая жизнь», сомневался в действенности «боевых приказов» и предлагал использовать в качестве стимула развития крестьянского хозяйства «только рынок в современной его форме»⁶.

Провести специализацию сельскохозяйственных районов предлагал Архангельский. По его мнению, население таких районов по договору должно переводиться на производство

какого-то вида сырья. В обмен на это государство обязуется снабжать его орудиями, предметами потребления, хлебом и т. п.⁷. Такой план был раскритикован в печати и признан преждевременным.

Вопросы развития сельскохозяйственного производства были положены в основу решений VIII Всероссийского съезда Советов⁸. Чтобы заинтересовать крестьян в подъеме производительности их хозяйства, съезд постановил премировать хозяйства и селения, наиболее расширившие посев и улучшившие свое хозяйство. В виде премии предлагалось для селений, полностью выполнивших план засева, снизить продовольственную разверстку. Постановление VIII съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» дополнялось и развивалось декретом ВЦИК от 10 сентября 1921 г. «О комитетах по укреплению и развитию крестьянского сельского хозяйства»⁹.

Решения VIII съезда Советов были положены в основу деятельности НКЗ. В Наркомземе создается специальная производительная комиссия во главе с Б. Н. Книпповичем, которая на основе материалов с мест, представляемых в НКЗ губземотделами, занялась составлением плана посевной кампании на 1921 г.¹⁰. В основу планирования был положен принцип «ударных» районов и «ударных» задач в них.

После длительной проработки в комиссии в конце января — начале февраля 1921 г. план был представлен на обсуждение Совнаркома, Центрального статистического управления и ВСНХ¹¹. В феврале 1921 г. государственный план засева яровых культур был утвержден СНК, после чего его разослали по губерниям для рассмотрения губпосевками. Межведомственная комиссия из представителей Наркомзема и Наркомпреда, изучив отзывы с мест, пришла к выводу, что план на 1921 г. получился довольно удачным. Мнения мест почти не расходились с заданиями плана. Для 31 губернии план оказался сходным с предположениями мест, и он без изменения был окончательно утвержден, и только 4 губерниям пришлось площадь засева яровых увеличить, а 6 губерниям несколько изменить пропорции культур¹².

Однако претворить в жизнь этот план так и не удалось. Основная его идея сводилась к усилению государственного вмешательства в крестьянскую экономику, она не только полностью исходила из принципов «военного коммунизма», но и еще более усиливала их. «Мы предполагали без достаточного расчета, — писал В. И. Ленин, — непосредст-

венными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране»¹³.

Через три месяца после созыва VIII Всероссийского съезда Советов была отменена продовольственная разверстка, введен натуральный налог и установлена свободная торговля. Государственный план засева сохранял свое значение только для советских хозяйств. Тем не менее в новых экономических условиях плановое воздействие государства виделось как необходимый рычаг контроля за развитием народного хозяйства.

Важным шагом в решении проблемы перевода экономики на основы планового управления стало образование в феврале 1921 г. Государственной плановой комиссии при Совете труда и обороны. Плановая комиссия (Земплан) была создана и в Наркомате земледелия РСФСР. Первым заданием для Земплана и параллельно с ним действовавшего Экономического совещания стала разработка Плана восстановления сельского хозяйства России.

С этой целью был образован ряд комиссий (22) по отдельным отраслям сельского хозяйства: комиссия по земельному делу, по семенному делу, по сельскохозяйственным машинам и т. д. Состав комиссий и их основные задания были оглашены на заседании Экономсовещания 12 мая 1921 г. На заседании 1 июня 1921 г. были утверждены списки докладчиков и основные принципы оплаты их работы. Наркомзем отпустил на авансирование работ 70 млн. руб. Было решено, что эти доклады к осени 1921 г. будут обсуждаться на заседаниях соответствующих комиссий Экономсовещания с привлечением работников с мест. Затем по каждой группе докладов, обсуждаемых в комиссиях, предполагалось составить сводные доклады, которые должны рассматриваться и утверждаться на Экономсовещании и только после этого вноситься в Госплан¹⁴.

9 июня 1921 г. состоялось общее собрание докладчиков, на котором и было определено общее направление работ. Выступая на собрании, член коллегии Наркомзема П. А. Месяцев выразил пожелание, чтобы в результате предстоящих работ «получилась такая же, как и по электрификации, книга к следующему съезду Советов, которую В. И. Ленин мог бы назвать новой азбукой коммунизма»¹⁵.

Однако книга, о которой говорил П. А. Месяцев,

не получилась. А намеченный грандиозный план работ, по которому должно было поступить около 250 докладов, был выполнен лишь в очень слабой степени. Большинство представленных в НКЗ докладов носили более академический, чем практический характер. Это и понятно. Экономическое совещание как консультативный орган при коллегии НКЗ состояло из ведущих ученых в разных областях сельскохозяйственной науки, имевших малый (а порой и не имевших вовсе) опыт конкретного планирования. Тем не менее, начатая работа была продолжена в Земплане НКЗ РСФСР.

Что касается Земплана, то для первых лет его деятельности был характерен «практический» подход к разработке методологии планирования. Практика давала множество вариантов, из которых порой отбирались не самые лучшие. Отказавшись от планирования производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве, Наркомзем в других формах пытался регламентировать сельскохозяйственное производство.

Серьезной попыткой планирования в новых условиях стал Генеральный план Наркомзема на 1921/22 г. В декабре 1921 г. проект его обсуждался в сельскохозяйственной секции Госплана¹⁶. Авторы плана остались на прежних методологических позициях. Он был построен на принципах «ударности». Особенно подробно в нем рассмотрена программа первоочередных работ НКЗ в сельскохозяйственную кампанию 1922 г. В проекте оговаривались примерные сроки сельскохозяйственных работ, перечень культур, необходимые размеры посева. Последнее обстоятельство вызвало недовольство со стороны местных земельных работников¹⁷. Однако уже в этом проекте наметился конструктивный подход к планированию сельскохозяйственного производства, выразившийся в идее его экономического районирования как альтернативы жесткой централизации.

С 1921 г. в Госплане и Наркомземе начинается большая работа по районированию. Она была связана с выявлением специфики сельскохозяйственного производства отдельных районов с целью наиболее успешного координирования деятельности по управлению сельским хозяйством в масштабах страны. Итоги первого этапа разработки методологии районирования нашли отражение в двух брошюрах, вышедших в свет почти одновременно и отразивших поиски в этом направлении в Госплане и Наркомземе РСФСР. Госплан исходил прежде всего из политико-экономической целесообразности, в то время как Наркомзем настаивал на естественно-экономической специализации¹⁸.

В 1922—1923 гг. работа по районированию была продолжена. Комиссию по районированию в НКЗ в это время возглавил Б. Н. Книппович. Материалы ее деятельности не раз обсуждались на специальных совещаниях в управлении сельскохозяйственной экономики и плановых работ Наркомзема. НКЗ регулярно принимал участие в работе административной комиссии при Президиуме ВЦИК и в Госплане, давая по этим материалам требуемые оценки¹⁹.

Результаты проведенной Наркомземом работы были опубликованы в виде брошюры, составленной Б. Н. Книпповичем и В. А. Витлером²⁰. На территории РСФСР выделялось пять специализированных районов, каждому из которых давалась характеристика с точки зрения природных условий и экономических возможностей сельскохозяйственного производства. В 1923 г. были сделаны первые практические выводы для такого районирования. На Урале, например, была даже проведена реорганизация земельных органов в соответствии с ним.

В сентябре-октябре 1923 г. Президиум Госплана поручил Земплану НКЗ РСФСР составление перспективного плана восстановления сельского и лесного хозяйства. Развернулась грандиозная работа, в которой принял участие почти весь коллектив Наркомзема. Возглавил ее Н. Д. Кондратьев. Сложность задачи заключалась в том, что одновременно должны были разрабатываться методология построения плана и его содержание. Работа продолжалась почти два года и прошла в своем развитии несколько этапов.

18 января 1924 г. был сделан первый доклад Наркомзема в Сельскохозяйственной секции Госплана. В нем была сформулирована принципиальная позиция в отношении перспектив сельского хозяйства. При этом доклад не касался конкретных мероприятий планирования. Позиция Наркомзема была сочувственно встречена и одобрена Госпланом. Высокую оценку ей дал в своей речи председатель Госплана Г. М. Кржижановский: Я не сомневаюсь, что будет внесен целый ряд дополнений и поправок, но только суть, не основы планирования сельского хозяйства, которые сейчас нам доложены, по-моему, совершенно правильно начертаны; и ничего принципиально нового в смысле базиса этого планирования, мы, конечно, не внесем... Доклад... его тема, его материалы при разработке и согласовании его Секцией станут опорными пунктами в будущей работе Госплана»²².

К середине 1924 г. Наркомзем уже вплотную подошел к конкретизации плана, к системе мероприятий перспективного развития сельского хозяйства. 26 июня коллегия Наркомзема рассмот-

рела основные положения плана и одобрила его за исключением нескольких деталей²³. Однако на обсуждение сельскохозяйственной секции Госплана 8 июля 1924г. коллегия решила вынести только очерк основ плана, который включал в себя данные о перспективах развития сельского хозяйства, о принципах экономической и сельскохозяйственной политики и в общих чертах набросок системы мероприятий. Наркомзем еще раз решил заручиться поддержкой Госплана, чтобы пойти на дальнейшую детальную разработку плана по отдельным отраслям сельского хозяйства. И такая поддержка была получена. После 5-часового, довольно бурного обсуждения²⁴ по докладу Н. Д. Кондратьева была принята резолюция: «Признать общие предпосылки доклада проф. Н. Д. Кондратьева о перспективном плане сельского хозяйства на ближайшее пятилетие правильным, и считая, что сложность вопросов, затронутых докладом, требует комиссионной проработки, передать доклад в комиссию для рассмотрения отдельных вопросов в связи с конкретными планами различных управлений»²⁵. Таким образом, исходные положения плана были одобрены.

С осени 1924 г. Наркомзем внес в Госплан 16 планов развития отраслей сельского хозяйства (несколько тысяч страниц). Работа над ними в сельскохозяйственной секции Госплана длилась целый год. Большинство представленных специальных планов были рассмотрены и одобрены не только Секцией, но и Президиумом Госплана и отчасти даже СТО.

В июле—августе 1925 г. в Президиуме Госплана состоялось обсуждение плана в целом²⁶. 4 июля на пленарном заседании Президиума Госплана Н. Д. Кондратьев сделал обстоятельный доклад о содержании плана²⁷. План состоял из следующих основных частей: 1) исследование тенденций развития сельского хозяйства как довоенного, военного, так и революционного периодов; 2) их оценка с точки зрения определенного экономического критерия, с точки зрения идеи развития производительных сил; 3) постановка задач развития и реконструкции сельского хозяйства, исходя из проанализированных условий; 4) формулировка предпосылок общественно-экономического характера, которые нужно реализовать, чтобы осуществить поставленные задачи; 5) разработка системы мероприятий Наркомзема и других государственных органов для осуществления поставленных целей.

Предложенная схема дает представление о том, что в основу разработки плана положен генетический метод. Определяя существо такого подхода, Н. Д. Кондратьев пояснял: «Нужно выяснить прежде всего особенности и направление эволюции

сельского хозяйства для того, чтобы уяснить себе, что можно сделать в области его развития, чтобы поставить себе таким образом выполнимые задачи в смысле реконструкции сельского хозяйства. Опираясь на этот метод, как основной, мы не отказались и от постановки определенных целей в реконструкции сельского хозяйства, не отказались от телеологического (целевого.— Н. Н.) метода в полной мере, но мы ставили эти цели на основе исследования тенденций эволюции самого сельского хозяйства. Должен прямо и сейчас же сказать, что примененный нами метод по преимуществу генетического характера, быстро показал нам, что мы не можем поставить себе задачей в пять лет, на каковой срок план рассчитан, произвести полную реконструкцию сельского хозяйства, в пять лет осуществить все задачи, которые перед нами стоят в области сельского хозяйства. Такой цели мы себе не ставим. Исследуя эволюционные тенденции сельского хозяйства и конкретные условия его развития, мы старались выяснить пределы того революционного воздействия, которое государственная власть может внести в него в течение всего этого периода»²⁸. Иными словами, основная идея плана сводилась к гибкому ориентировочному планированию вокруг некоей средней линии, за которую можно при необходимости и перешагнуть.

Первые два года выполнения плана показали реалистичность такого подхода. Сопоставление перспективных расчетов с их реальным выполнением дает конкретный материал для такого утверждения.

Данные таблицы (табл. 1) показывают, что план учел рост посевных площадей достаточно близко. Увеличение общей посевной площади и площади зерновых почти в точности совпадает с предложениями плана. Развитие интенсивных культур несколько опережает план. Но не трудно заметить, что размеры расхождения с планом за два года уменьшаются. Кроме того, указанный в плане процент прироста это—средний ежегодный процент прироста за пять лет. Что касается действительного процента прироста, то он мог превысить план в первые годы восстановительного процесса, а затем — снижаться. Если сравнить подобные показатели по отдельным культурам, то отклонения от плана будут более значительны²⁹. Но это вполне понятно. Чем более конкретное явление сельскохозяйственной области берется, тем труднее с точки зрения экономической науки составить прогноз его развития. Последнее обстоятельство еще раз подтверждает мысль авторов плана о том, что сельское хозяйство менее поддается рациональному руководству и этим оно глубоко отличается от национализированной государством промышленности и торговли.

Таблица 1.

**Ежегодный процент прироста посевных площадей
по СССР без Туркестана, Закавказья и ДВО***

	Плановый прирост (в %)	Фактический прирост (в %)		
	ежегодный	за 1924 г.	за 1925 г.	средний за 2 г.
Общая площадь посева	7,2	9,2	7,5	8,4
Площадь зерновых	6,4	7,4	6,2	6,8
Площадь интенсивных культур	13,6	19,2	14,3	16,8

* Составлено по: Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства. Пленарное заседание Госплана СССР 1 августа 1925 г. Заключительное слово профессора Н. Д. Кондратьева // Пути сельского хозяйства. 1926, № 3. С. 128; ЦГАНХ. Ф. 7733, Оп. 2, Д. 1065, Л. 25, об. 26.

Таблица 2.

**Скотоводство по СССР без Туркестана,
Закавказья ДВО***

	Плановый прирост в %	Фактический прирост в %		
	ежегодный	за 1924 г.	за 1925 г.	средний за 2 г.
Крупный рогатый скот	7,1	15,4	7,6	12,0
Коровы	3,7	6,4	7,8	7,1
Овцы и козы	6,7	20,0	14,6	17,3
Свиньи	23,7	84,6	—2,3	41,1
Рабочие лошади	3,0	2,8	4,0	3,4

* Составлено по: Пути сельского хозяйства. 1926, № 3. С. 128; ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 2, Д. 1065. Л. 26—26 об.

Прирост скота в 1924 г. (табл. 2) значительно опередил предположения плана. Это явление может быть объяснено технико-статистическими дефектами. Как показали экспертные оценки, проведенные в институте экономических исследований Наркомата финансов, данные ЦСУ, которые взяты для определения фактического выполнения плана в области скотоводства, оказались менее достоверны, чем в других отраслях. Сопоставление данных по приросту скота за два года дало такой коэффициент прироста скота, который не мог осуществиться по законам природы³⁰. Кроме того, 1924 г. имел чрезвычайно невыгодную рыночную конъюнктуру для зерновых культур. Крестьяне стремились использовать зерно на выращивание и откорм скота, шло увеличение стад. Наоборот, 1925 г. дал резкое понижение темпа фактического прироста. Поэтому средний процент прироста за два года оказался более близким к предположениям плана, чем данные по годам.

В прогнозировании рыночных отношений, по данным Внешторга, выполнение плана в области сельскохозяйственного экспорта колебалось в 1-м квартале 1924/25 г. в пределах 60—100%: по хлебопродуктам он был выполнен на 65%, по лесным заготовкам — на 57, продуктам животноводства — 95%³¹.

Составной частью плана была система государственных мероприятий для осуществления поставленных целей. При рассмотрении намеченных планом и выполненных мероприятий по восстановлению и развитию сельского хозяйства следует иметь ввиду две основные группы их: к первой относились те, которые в процессе своего выполнения опирались на самостоятельность и материальные ресурсы населения, ко второй — по преимуществу зависящие от государственных ассигнований.

Среди мероприятий, осуществляемых за счет населения лишь при частичной финансовой поддержке государства, наиболее типичными являлись работы по землеустройству. По данным Н. П. Макарова, план по землеустройству в 1924 г. был выполнен на 122%. При этом соотношение выполнения к плану различных видов землеустроительных работ не было одинаково. Так, отвод земли селениям на территории РСФСР в 1923—24 гг. предполагался на площади 400 тыс. дес., а был выполнен на 1,5 млн. дес. Реализация превзошла предположения на 271%. Было намечено за год уничтожить чересполосицу и дальнотерриторию в 1483 тыс. дес. Фактически охвачено 4680 тыс. дес., т. е. перевыполнение составило 216%. Землеустройство же колхозов было осуществлено на 98%, совхозов — на 87, т. е. очень близко к плану³². Более значительными были колебания

выполнения перспективных расчетов по отдельным районам. Так, Сибирь давала выполнение на 352%, тогда как Западный район — только на 53%. Это и понятно. Чем ближе к местам, тем вероятнее должно быть расхождение между перспективными предположениями, сделанными в больших мазках и реальным опытом жизни.

Гораздо ниже выполнение перспективных расчетов в области переселенческой работы, которая в значительной мере зависела от государственного финансирования. Здесь плановые задания были выполнены только на 22%. Одной из важнейших причин этого являлось уменьшение сметных ассигнований.

Очень красноречивая ситуация сложилась по отделу луговодства. В связи с активным возрождением животноводства мероприятия по луговодству стали чрезвычайно популярны среди населения, особенно в центральном промышленном районе. И техническая сеть Наркомзема здесь едва поспевала за спросом со стороны населения. Улучшенная площадь лугов превзошла предполагаемую в 2,5 раза (вместо 4 тыс. дес. — 10 тыс.). Мелиоративных товариществ предполагалось организовать в течение 1923/24 г. 500, организовано 1000³³. Все эти процессы прежде всего были связаны с инициативой крестьянства. Для активизации этой деятельности государство брало на себя создание показательных пунктов по луговодству. Но вследствие недостаточных кредитов вместо 900 запланированных было создано 419 пунктов. Что касается специалистов по луговодству, то техников по луговодству в системе Наркомзема работало на 77%, инструкторов — на 10% меньше необходимого³⁴.

Из приведенного обзора видим, что в план мероприятий отдела луговодства отстающий от жизни темп финансирования вносил заметную дисгармонию. Заинтересованность населения значительно ускоряла работы, тогда как сметные ограничения задерживали их. Это нарушало планомерную работу земорганов в осуществлении намеченных мероприятий.

Как видим, в основных линиях предположения плана достаточно оправдывались жизнью. Однако при сопоставлении плановых предположений с их фактическим выполнением следует иметь в виду, что первые строятся исходя из средних величин, а жизнь разворачивается в виде конкретных величин отдельных лет. Поэтому при сравнении перспективных величин с конкретными мы должны заранее предполагать расхождение между ними. Дать же научную оценку плану в целом можно, сравнив среднюю пятилетнюю реальной жизни со средними цифрами плана. К сожалению, сделать это крайне затруднительно в силу того, что осуществление плана после обсуждения на Президиуме

Госплана было остановлено, и он, по словам С. Г. Струмилина, был подвергнут критике «решительной и острой».

Что произошло? Почему документ, разработанный усилиями всемирно известных ученых, прошедший апробацию в ряде компетентных научных и государственных инстанций, неожиданно был остановлен и именно тогда, когда определилось основное направление его окончательной доработки: конкретизация по группам хозяйств и регионам.

Во многом объясняет ситуацию постановление Президиума Госплана СССР по докладу НКЗ РСФСР «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства»³⁵, принятое 1 сентября 1925 г. В нем отмечается необходимость «проработки» плана с учетом «новой международной обстановки и социально-экономических условий». Меняется направление, политическая линия, ставится задача разработки новой стратегии строительства социализма в одной стране с опорой на собственные силы. Определяется новый вариант развития³⁶. Потребовалось несколько лет, чтобы перестроить плановую мысль в соответствии с этой политикой. К разработке перспективного плана вновь возвращаются только в 1927/28 г. А пока развитие народного хозяйства определялось годовыми контрольными цифрами по отраслям.

Осуществление идей и принципов нового политического мышления требовали изменения подходов к планированию. Речь уже не шла о системе планирования, когда рынок и хозрасчет рассматривались как ее необходимые предпосылки³⁷. Все отчетливее выражается стремление к методу жесткого целеполагания в планировании.

Особенно острой дискуссия по вопросам планирования разгорелась в ходе обсуждения контрольных цифр Госплана на 1925/26 г. Представители Наркомзема (Н. П. Макаров, Н. Д. Кондратьев, Н. П. Огановский), Наркомфина (Г. Сокольников, Юровский), ЦСУ (Л. Литошенко) оспаривали реальную сбалансированность контрольных цифр, требовали увеличить вложения в сельское хозяйство, не отрицая необходимости развития промышленности. Более того, они считали, что рост сельского хозяйства и промышленности может идти только одновременно. Однако сельское хозяйство есть предпосылка развития промышленности, так как накопление капитала в промышленности — процесс медленный и его ускорение предполагает рост сельского хозяйства и сельскохозяйственного экспорта. С. Г. Струмилин, выступавший как представитель Госплана, доказывал, что контрольные цифры, обеспечивающие преимущественное развитие

промышленности, представляют собой внутренне связанную систему, отражающую ближайшие перспективы развития всех отраслей экономики³⁸.

Дискуссия при обсуждении контрольных цифр на 1926/27 г., проходившая осенью 1926 г., носила еще более острый характер. Если осенью 1925 г. главными критиками контрольных цифр Госплана выступили сторонники преимущественного развития сельского хозяйства, то осенью 1926 г. атаку на контрольные цифры вели главным образом сторонники «сверхиндустриализации», представители «левой» оппозиции Е. Преображенский, И. Смилга, Г. Пятаков.

В 1927/28 г. разворачивается острая дискуссия по первому пятилетнему плану. В ходе дискуссии в центре споров находился вопрос о соотношении телеологии и генетики в народнохозяйственном планировании. Другими словами, спор шел о том, должно ли планирование исходить из сознательно поставленных целей или же из объективных условий развития. В качестве защитников первого подхода к планированию выступили С. Струмилин, Г. Кржижановский, В. Мотылев и др., в качестве сторонников второго — Н. Кондратьев, В. Громан, В. Базаров и др. При этом последние отнюдь не оспаривали правомерности и необходимости сознательной постановки целей и прежде всего цели развития производительных сил. Сторонники телеологии в планировании отнюдь не отрицали необходимости обоснования планов, исходя из объективной экономической реальности. Достижение поставленных целей представлялось им как результат волевых усилий партии, государства и ведущей силы социалистического строительства — рабочего класса. Методу волевого целеполагания сторонники генетического подхода противопоставляли метод изучения социальной обусловленности, научного предвидения. Они исходили из того, что движение к социализму может осуществляться на основе внутренних закономерностей экономики переходного периода, а не вопреки им.

Наиболее важные возражения сторонников генетического метода планирования сводились к тому, что осуществление намеченных Госпланом показателей зависит не столько от государства, его плановых органов, сколько от рыночной стихии, от экономического поведения 22 млн. крестьянских хозяйств, которое получило образное название «крестплан» в противоположность госплану. И если «крестплан» будет действовать, то все мероприятия, намеченные жесткими мерами госплана, окажутся построенными на песке.

Нельзя сказать, что Наркомзем РСФСР единодушно, как в 1925 г., выступал в качестве защитника генетического метода планирования. Тем не менее противостояние Госплана и НКЗ РСФСР как двух центров, определявших различный подход к сельскохозяйственному планированию, сохранилось. Как и в 1925 г., наиболее ярко и убедительно позицию Наркомзема представлял и отстаивал на всех уровнях Н. Д. Кондратьев.

Н. Д. Кондратьев пытался доказать, что в отличие от национализированной государством промышленности и торговли сельское хозяйство менее поддается рациональному руководству. Поэтому он считал очень важным согласование планов развития промышленности и сельского хозяйства, приведение их с учетом их соответствия объективным рыночным процессам³⁹. Новая политическая конъюнктура не меняет, как видим, общего подхода к регулированию сельского хозяйства. По-прежнему идея планирования выражается в формуле «план-прогноз», а не «план-приказ».

Сравнивая различные позиции по вопросу построения плана, следует учитывать, что это не была борьба между сторонниками и противниками планирования. Это было столкновение различных подходов к нему.

Стремление соединить плановое начало с личной инициативой, с элементами соревнования, соединить рынок и план было поистине беспрецедентным. Даже великий западный экономист Кейнс, посетивший во время своей поездки в СССР в 1926 г. Госплан, был приятно поражен высоким уровнем прогнозирования и целенаправленного регулирования рыночных процессов.

В сложных поисках подходов к планированию образцом научности, соответствия существу сельскохозяйственного производства стала «Пятилетка Кондратьева», рассчитанная на 1923—1928 гг. Никогда плановая мысль настолько не учитывала специфику развития сельского хозяйства. Впоследствии происходит нивелирование в подходах к планированию развития отраслей народного хозяйства. Главным становится стремление к жесткой заданности целей, которые планировались в зависимости от достигнутых результатов.

Уступки крестьянству в области землеустройства

Коренная перестройка форм землевладения и землепользования, всей системы поземельных отношений на основе национализации земли стала одной из главнейших предпосылок, определявших направление и пути социально-экономического разви-

тия деревни в 1917—1929 гг. От обеспеченности крестьянства главным средством производства—землей в первую очередь, зависело состояние производительных сил крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства в целом. Поэтому одной из важнейших функций советского государства как собственника земли становится управление единым земельным фондом. Одним из основных каналов государственного воздействия на крестьянское землепользование стало землеустройство, которое в основе своей зависело от складывающейся системы советского аграрного права.

В развитии советского законодательства в исследуемый период следует выделить два этапа: первый — коренной ломки старого строя и старого государственного аппарата, и второй, совпадающий с введением новой экономической политики и связанный с созидательными, творческими поисками основ советского права. Следует подчеркнуть, что процессы развития аграрного и общегражданского законодательства несколько отличаются друг от друга и прежде всего тем, что периоды ломки и созидания в первом менее противопоставлены, чем во втором, и проходят, как представляется, в более мягких формах.

Уже 26 октября 1917 г., в первый день революции, Советская власть провозгласила: «Вся земля обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней». В этом положении Декрета о земле содержатся идеи: земля — всенародное достояние и право пользования — каждому трудящемуся. С точки зрения права обе они недостаточны четки. Тем не менее основное направление советской аграрной политики декрет наметил достаточно определенно.

Не дожидаясь подробных инструкций и разъяснений, крестьяне в ряде губерний страны приступили к конфискации помещичьих земель. В связи с этим на очередь дня встал другой очень важный вопрос — о распределении их между крестьянами. Декрет предусматривал уравнительное распределение земли по трудовой или потребительской норме. В отношении высококультурных помещичьих хозяйств делалось исключение: они разделу не подлежали, а переходили в пользование государства или общины. В сложившихся исторических условиях основной формой землепользования оставалось индивидуальное. Придав законодательную силу крестьянскому требованию раздела земли, большевики понимали, что эта мера не означает установления в деревне социалистических отношений. Предполагалось, что наделение землей батраков и малоземельных крестьян, с одной стороны, и урезка кулацкого землепользования — с другой,

приведут к осереднячиванию крестьянства, сузят сферу капиталистических отношений в деревне. «Никогда уравнильное землепользование и тому подобные меры не повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, — писал в ноябре 1917 г. В. И. Ленин. — ...В этих условиях уравнильное землепользование становится одной из переходных мер к полному социализму»⁴⁰.

Задача Советской власти состояла в том, чтобы даже такие общедемократические мероприятия, как конфискация земли и уравнильное ее распределение среди крестьянства, осуществить в интересах пролетарских и полупролетарских слоев деревни.

Против классового подхода к распределению конфискованной помещичьей земли выступили левые эсеры, до весны 1918 г. возглавлявшие Наркомзем. Они делали упор на полное уравнильное распределение земли по единой для всей территории страны норме. Такой раздел требовал перераспределения земель между губерниями, уездами и волостями. В конце 1917—начале 1918 г. было объявлено о так называемом временном распределении земель, ибо огромную работу — по распределению земли между губерниями, уездами, волостями, а затем уже распределению между крестьянами, — предполагавшую Наркомземом, невозможно было провести в короткий срок.

На первых порах в силу неналаженности аппарата НКЗ организационная работа по урегулированию землепользования лежала на отделе текущей земельной политики, который через своих эмиссаров пытался воздействовать на распределение между крестьянами переходивших к ним согласно Декрету о земле наделов.

В феврале 1918 г. был опубликован второй аграрный закон Советской власти — «Основной закон о социализации земли»⁴¹. В нем делается попытка конкретизировать положения Декрета о земле. Главное, чего добивались большевики, это обеспечить за государством беспрепятственное право пользоваться и распоряжаться землей с тем, чтобы на этой основе постепенно, по мере складывания благоприятных условий, переходить к социалистическим преобразованиям в сельском хозяйстве. Тем не менее принятый аграрный закон этой задачи не решал. А пойти на обострение отношений с эсерами в трактовке его основных положений большевики пока еще не могли.

Согласно закону «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Совет-

ской Федеративной Республики отменяется навсегда» (ст. 1). Задачей органов государственной власти являлось прежде всего «справедливое распределение земель сельскохозяйственного назначения среди трудового земледельческого населения... на уравнильных началах» (ст. 5). Причем пользоваться землей можно было лишь непосредственно (ст. 13). Эта статья, постоянно вызывавшая споры, указывала, что основным источником на право пользования землей является личный труд, государство же в лице его различных органов имеет это право «как исключение из общего правила». Статья весьма ограничивала право государства на пользование землей, что создавало серьезные трудности для регулирования им земельных отношений, для образования государственных хозяйств. Предоставляя государству лишь право создания опытных и показательных хозяйств, закон не шел дальше Декрета о земле. В статьях 39, 45 закона отмечается что передавать землю нельзя ни в какой форме. Наемный труд не допускался. Несоответствие определенным в законе нормам влекло за собой потерю права пользования (ст. 53).

Давая конкретный правовой материал, закон все же не регламентировал четко поземельного устройства. К тому же специальной инструкции о проведении землеустроительных работ Наркомземом выработано не было⁴². Поэтому принципы передела земли обсуждались на проходивших с января по апрель 1918 г. уездных съездах крестьянских депутатов. Вслед за уездными созывались волостные, а затем собрания крестьян в селах и деревнях. Все съезды и собрания, как правило, за основу принимали Закон о социализации земли, внося в него изменения и дополнения применительно к местным условиям.

Методы, формы и сроки передела были различны не только в различных частях страны, но и в границах одной и той же губернии или уезда. Тем не менее выделялось два основных типа переделов: по душам (едокам) и передел излишков между малоземельными и безземельными⁴³. Тип проводимого передела обуславливался классовой структурой и характером земельных отношений в данном уезде или волости. Так, например, в Рязанской губернии землю переделывали следующим образом: по душам (едокам) в 62 волостях (80%), между безземельными и малоземельными — в 12 волостях (16%), между крестьянами, имеющими семена для посева, — в одной волости, не перераспределялись земли (за отсутствием некрестьянских земель) в двух волостях (3%)⁴⁴. Даже в пределах одного и того же уезда существовали неодинаковые метрды передела. Так, в Караческом уезде Орловской губернии в двух волостях прошел

«черный» передел (передел земли, осуществляемый не «прирезками», а путем нарезки новых земельных наделов), в одной волости совершенно не было передела, в одной волости переделалась только частновладельческая земля, в двух волостях переделалась только часть земли. В силу этого много безземельных осталось ненаделенными землей за отсутствием земельного фонда⁴⁵.

Приведенные примеры показывают, что у новой власти отсутствовали представления о том, как работу по распределению помещичьих земель, а также не было четкой договоренности по принципиальным установкам между двумя партиями правительственного блока. Это привело к тому, что левые эсеры, возглавлявшие Наркомзем, не спешили с разработкой конкретных указаний по распределению конфискованных помещичьих земель, что на первых порах создавало серьезную путаницу в землепользовании. К тому же тогда еще не сложился и соответствующий аппарат Наркомзема, поэтому осуществление важнейшего мероприятия аграрной революции лежало главным образом на местных органах.

В этой связи следует обратить внимание на реальное соотношение сил и распределение властных полномочий между государственными и партийными органами на местах. Материалы губерний свидетельствуют, что партийные комитеты различных уровней (губернские, уездные) были там реальной властью⁴⁶. В ряде мест партийный аппарат подменял Советы, беря на себя решение их вопросов и в области земельных отношений в том числе. Учитывая конкретную ситуацию, крестьяне часто, минуя земельные органы, обращались в центральные и местные партийные органы по вопросам практического осуществления аграрных законов. Многие съезды и собрания крестьянских депутатов, посвященные проблемам землепользования, проходили при участии представителей местных партийных органов, которые, как правило, были не просто наблюдателями, а определяли выработку решений. Такая ситуация сложилась весной 1918 г. в Самарской губернии, где итоги деятельности по регулированию земельных отношений низовых партийных органов и крестьянских съездов подвел III Самарский губернский съезд РКП(б), открывшийся 27 марта 1918 г. Отметив многочисленные трудности, возникающие в процессе конфискации и распределения земли, съезд указал на необходимость не территориального, а социально-классового подхода к разделу, наделения безземельной и малоземельной бедноты⁴⁷.

После прихода большевиков к руководству НКЗ, сформир-

рования его первоначальной структуры появляется стремление упорядочить работу земельных органов на единых принципах. С этой целью Наркомзем для начала решил подвести итоги проведенной на местах работы.

Первую попытку подвести итоги перераспределения земли Наркомзем сделал в конце 1918 г. 16 октября им был издан циркуляр всем землемерно-техническим частям земельных отделов Советов о составлении к 1 ноября 1918 г. отчетов с указанием площади земель нетрудового пользования и распределения их между трудящимся крестьянством, коллективами и советскими хозяйствами⁴⁸. Затребованные сведения были получены по 32 губерниям. Однако Наркомзем вынужден был прекратить работу над материалами — слишком разными по времени и характеру оказались губернские справки. Кроме того, в полученные НКЗ данные не вошли сведения более чем по 100 уездам, оккупированным интервентами и белогвардейцами.

В конце 70-х годов В. П. Даниловым была предпринята попытка, используя эти данные Наркомзема, ответить на вопрос, «как были распределены земли бывшего нетрудового фонда России?». По его подсчетам, всего распределено было 17215926 тыс. дес. земли, из которых 16413886 тыс. дес. приобрели единоличные крестьянские хозяйства, 145736 тыс. — коммуны и артели и 656755 тыс. дес. — совхозы, фабрично-заводские коллективы и другие учреждения. Однако Данилов оговаривает, что эти цифры можно рассматривать как фиксацию распределения той части земель бывшего нетрудового фонда, о которой удалось получить информацию на первом этапе работы Наркомзема⁴⁹.

Второй этап сбора и обработки материалов по этому вопросу начался в июле 1919 г., когда Наркомзем разослал на места циркуляр с требованием предоставить в комиссариат сведения о распределении земель бывшего нетрудового фонда на 1 ноября 1919 г.⁵⁰

К 1 ноября 1920 г. были подведены некоторые итоги. По данным отдела сельскохозяйственной экономики и статистики Наркомзема (по 32 губерниям) из так называемого бывшего нетрудового земельного фонда крестьяне получили 85,9% земли, сельскохозяйственные коллективы — 2,2 и в государственное пользование поступило 11,9% земель⁵¹.

Примерно такие же данные за подписью С. П. Середы вошли в «Обзор главнейших мероприятий по развитию сельскохозяйственного производства и помощи крестьянскому хозяйству», который можно рассматривать как отчет НКЗ о своей деятель-

ности, подготовленный к VIII съезду Советов; свыше 20 млн. дес. (86%) конфискованных земель было распределено между крестьянами, 2,3% было отведено для нужд сельскохозяйственных коллективов, 8,9 — для организации советских хозяйств, 2,5% — для удовлетворения потребности в земле советских учреждений и предприятий. Согласно этим данным землепользование трудящегося крестьянства после революции увеличилось на 12,5%. В руках крестьянства сосредоточилось 96,8% всех земель сельскохозяйственного назначения⁵².

Значительно труднее приводимые выше данные выразить в абсолютных цифрах. В упомянутом «Обзоре главнейших мероприятий» отмечено, что 86% земли, которую крестьяне получили в индивидуальное пользование, составили 20 млн. дес. Несложный подсчет дает цифру всех национализированных земель — 23,3 млн. дес.⁵³ Правда, мы не можем говорить о качестве полученных земель. Неизвестно, только ли это пашня или сюда включены все удобные для сельскохозяйственного использования земли (пашни, огороды, сенокосы и т. п.). Входит ли в эти данные площадь национализированных лесов?

Следует отметить, что из-за конкретных условий осуществления указанных землеустроительных мероприятий — военные действия на территориях многих губерний, запутанность землепользования в России, отсутствие единых для всей ее территории норм наделения крестьян землей, сложности учета результатов по распределению земли — все приводимые выше данные отражают лишь информацию, которую имели на местах о перераспределяемых землях. На более позднюю дату они могут быть значительно больше⁵⁴.

Итоги первого этапа аграрных преобразований подвел I Всероссийский съезд земотделов, комитетов бедноты и коммун. Рекомендации съезда были положены в основу законодательного акта — Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию, опубликованному ВЦИК 14 февраля 1919 г.⁵⁵ Прав В. В. Кабанов, которые считает, что Положение отражало определенный этап развития революции, уровень, систему взглядов, утвердившихся в результате ее победоносного наступления, во всей их противоречивости⁵⁶. Однако вряд ли можно согласиться с его оценкой документа просто как развития той части Основного закона о социализации земли, которая касалась общественного землепользования и мероприятий по землеустройству⁵⁷. Думается, Положение явилось отражением тенденции к форсированному строительству коммун и совхозов, которая отвечала тогдаш-

нему менталитету большинства партии, и претендовало на место, определяющее основную линию аграрной политики.

В своих теоретических построениях Положение идет дальше предшествующих аграрных законов. «Вся земля в пределах РСФСР, — читаем мы здесь, — в чьем бы пользовании она не состояла, считается единым государственным фондом». Это уже не «общенародное достояние», а государственная собственность, по сути — национализация. Непосредственно жизни касался другой вопрос о землепользовании. Здесь Положение 14 февраля усиленно выдвигает формы коллективного землепользования и хозяйства: советские хозяйства, сельскохозяйственные коммуны, артели, товарищества с общественной обработкой земли. Единоличное хозяйство объявляется «преходящим и отживающим».

В начале 1919 г. для руководства всеми землеустроительными работами на территории РСФСР в НКЗ создавалось Центральное управление землеустройства (Центрозем). В основу его деятельности легло Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию. Согласно ст. 20 Положения к землеустроительным работам относилось выделение земель сельскохозяйственного назначения и распределение их. Ставилась задача наиболее рационального их распределения: уничтожение чересполосицы, дальнотелье и т. п. При этом прежде всего должны были учитываться нужды советских хозяйств, коммун, сельскохозяйственных артелей и товариществ по общественной обработке земли⁵⁸.

В начале 1919 г. ЦУЗом была разработана, а 11 марта издана Инструкция по применению «Положения о социалистическом землеустройстве, в которой были даны указания о проведении отдельных видов работ: отвода земель по волостям, разверстывания земель волостного отвода и выделения земель внутри его советским хозяйствам, сельскохозяйственным коммунам, товариществам, обществам, отвода земли учреждениям и организациям, установления губернских границ и т. п.⁵⁹ При этом к работам, выполнявшимся в первую очередь, были отнесены отводы земель совхозам, сельскохозяйственным коллективам, а также учреждениям и предприятиям.

Общая площадь земель, подлежащих землеустройству в 1919 г., составила 103,5 млн. дес.⁶⁰, в том числе отвод колхозам и совхозам 642124124 дес.⁶¹

Как видно, масштабы землеустроительных работ оказались огромными. Осуществлять их приходилось в чрезвычайно труд-

ных условиях, связанных с передвижками фронтов, частыми мобилизациями, нехваткой квалифицированных кадров⁶², денежных средств, инструментов и даже канцелярских принадлежностей.

Много сил и времени отнимало урегулирование земельных отношений, связанное с многочисленными переделами земли. В 1919—1920 гг. уравнительные переделы земли продолжались. Они держали крестьянина под постоянной угрозой лишения права пользования обработанной и удобренной землей. Эта ситуация несомненно, вела к понижению производительности труда в сельском хозяйстве.

Начало решению вопроса о земельных переделах положила Инструкция НКЗ от 28 июня 1919 г., она объявляла их нежелательными⁶³. 30 апреля 1920 г. ВЦИК, по представлению НКЗ, издал декрет, согласно которому «производство всяких переделов, как общих, так и частных, допускается не иначе как только с разрешения земельных органов». На достижение этой цели только несколько иным путем был направлен другой декрет от 4 июня 1920 г. «Об увеличении землепользования в трудовых хозяйствах». В нем говорилось, что «уменьшение надела до общих для данного района норм не распространяется на хозяйства с улучшенной по сравнению с окружающим населением культурой»⁶⁴.

Чтобы подчинить землеустройство общей задаче возрождения сельского хозяйства страны, необходимо было поставить его на научную основу. Проблемы землеустройства совершенно не рассматривались в русской экономической литературе⁶⁵. Предстояла огромная работа по выявлению и исследованию всего земельного фонда республики с точки зрения производительных возможностей. Для этого землемерно-техническая часть Центрозема начала составление справок о расположении земельных наделов в каждой волости. В перспективе эта работа имела целью проведение сплошной топографической съемки земель, имеющих сельскохозяйственное назначение, что было связано с мероприятиями советского правительства по изучению производительных сил страны.

В 1919—1920 гг., когда была предпринята попытка планирования производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве Центрозем потребовал от губземотделов составления планов ударных землеустроительных мероприятий, чтобы обеспечить выполнение важнейших заданий по подъему сельского хозяйства, полученных от Правительства РСФСР отдельными губерниями.

22 марта 1919 г. отдел землеустройства разослал на места

циркуляр «Всем земотделам», где определялся порядок составления плана землеустроительных работ: губернский землеустроительный подотдел на основании представленных ему проектов поуездных планов работ составляет проект губернского плана землеустроительных работ и представляет его на утверждение губземотдела. Наркомзем определил также форму, по которой должен составляться план землеустройства работ в уезде:

«В уезде состоит всего:

1. Удобной земли в дес. ...
2. Волостей...
3. Селений...
4. В том числе с общественными запашками...
5. Советских хозяйств в распоряжении НКЗ или его местных

органов $\frac{\text{число}}{\text{площадь}}$...

6. Советских хозяйств в распоряжении прочих органов...

7. Сельскохозяйственных коммун...

8. Сельскохозяйственных артелей...» и т. д.¹⁷

Опыт составления таких планов был признан удачным.

Работы по землеустройству, проведенные НКЗ РСФСР в 1919—1920 гг., можно представить следующей таблицей:*

Виды работ	1919 г.	1920 г.
	тинах	в деся
Работы по распределению земель	1.174.600	—
Подготовка волостных отводов	13.005.433	2.222.000
Отвод земель волостям	1.528.000	6.231.000
Разверстание волостей и специальных дач	—	2.592.000
Отвод земель совхозам	158.655	199.070
Отвод земель колхозам	131.635	163.235
Отвод земель государственным учреждениям	31.019	79.675
Уничтожение чересполосицы и дальнотемелья	3.224.700	10.274.000

* Составлено по: ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1799. Л. 23 об.; Снегирев М. А. Указ соч., С. 29.

Несмотря на скромные результаты, землеустройство не прошло бесследно. Была выполнена значительная подготовительная работа, что облегчило задачу дальнейшего землеустройства. Впервые в истории государство взяло на себя тяжелейшую задачу в области регулирования землепользования в масштабах всей страны.

С переходом к нэпу поиски новых форм хозяйственных отношений требовали пересмотра земельно-правовых норм, порожденных политикой «военного коммунизма».

23 мая 1921 г. ВЦИК принимает решение О мерах к обеспечению крестьянскому землепользованию прочности и устойчивости. IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. активно поддерживает его. Принцип государственной собственности на землю сохраняется. Но реальное содержание, которым он наполняется, уже иное. Выдвигается задача «обеспечить твердость и устойчивость прав на землю». Причем забота направлена на отдельных пользователей — съезд предлагает «обеспечить за хозяйствами наибольшую устойчивость в пользовании землей и побудить их к наилучшему вложению в нее затрат в виде удобрений, земельных улучшений и т. д.». Во исполнение этого 22 мая 1922 г. III сессия ВЦИК утвердила «Основной закон о трудовом землепользовании», который сыграл важную роль в юридическом оформлении перехода к нэпу в сельском хозяйстве⁶⁸.

Согласно ст. 32 закона в целях скорейшего создания прочности и устойчивости трудового землепользования за волостями и селениями и другими сельскохозяйственными объединениями признавалось закрепленным все то количество земли, которое к этому времени находилось в их фактическом трудовом пользовании. Отныне прекращалось поравнение земель между волостями и селениями, а землеустройство могло производиться «для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальнотемелья и пр.». Сплошное обязательное землеустройство прекращалось. Землеустроительные работы должны были выполняться по ходатайствам заинтересованного населения и за его счет.

Принимая этот закон, IX съезд Советов в то же время поручил Наркомзему РСФСР срочно пересмотреть существующее земельное законодательство. Ранее это право входило в компетенцию Наркомата юстиции РСФСР.

На основании решения съезда НКЗ разработал программу кодификации земельного законодательства 31 октября 1922 г. IV сессия ВЦИК утвердила Земельный кодекс РСФСР⁶⁹.

Первые три параграфа Кодекса отражают принципиальное

отношение Советской власти к земле. «Постановлениями Всероссийских съездов Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов, основанными на ясно выраженной революционной воле рабочих и крестьян, право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики отменено навсегда» (п. 1). «Все земли в пределах РСФСР, в чьем бы владении они не состояли, составляют собственность рабоче-крестьянского государства» (п. 2). «Все земли сельскохозяйственного назначения, а также могущие быть использованными для сельскохозяйственного производства, составляют единый государственный земельный фонд, который находится в заведовании Народного Комиссариата земледелия и его местных органов» (п. 3). В этих параграфах утверждался принцип национализации земли. Отменялось лишь «право частной собственности», а не «всякая собственность» на землю, как гласил Закон о социализации земли. У земли появился хозяин в лице государства. Однако все остальное содержание Кодекса более гибко в отношении социалистических идеалов. Законодатель пытается найти компромисс между идеалами и жизнью.

Одной из характерных черт нового закона стало стремление закрепить земли за земельными обществами (ст. 32, 33). Под понятие «земельное общество» подводились и прежние земельные общества, земельные общины и артели, и разного рода сельскохозяйственные товарищества. В качестве субъекта права на землю выдвигается уже не государство, а земельные общества. Но это, как показывает анализ, лишь переход к другой, более существенной ступени, которой является индивидуальное хозяйство.

Большие споры вызывал вопрос: должен ли каждый сельский житель, пользующийся землей, входить в земельное общество, возможно ли существование отдельных хозяйств вне его? Прежнее законодательство отвечало на него отрицательно. Той же точки зрения первоначально придерживался и Наркомзем. Но в конце концов было решено «не навязывать принудительную земельную общину». «Право на землю может быть осуществляемо землепользователем: а) в составе земельного общества, с подчинением установленному обществом порядку землепользования или б) отдельно, без вхождения в земельное общество» (ст. 10).

Не следует представлять себе рассматриваемое в Кодексе земельное общество как коллективное землепользование в форме старой общины. Земельное общество — прежде всего объ-

единение отдельных дворов. Формы землепользования в пределах его могут быть самые различные. Государство сохраняет здесь полный нейтралитет, оно одинаково относится ко всем формам, включая единоличное, отрубное или хуторское. В Кодексе рассматривается и право выхода из общины. При полных переделах и разверстках выход из него и выдел к одним местам ничем не ограничены, его могут требовать и отдельные дворы, и любое количество хозяев вместе. На выделенных землях могут быть установлены любые формы землепользования. Вне общих переделов выход с землею из общества без его согласия возможен по требованию не менее 1/5 его членов.

Таким образом, основным видом землепользования Земельный кодекс 1922 г. определяет индивидуальное. Что же представляет собой индивидуальный землепользователь, каковы его права на землю?

Землепользователь пользуется землею по своему усмотрению, самостоятельно избирает способ хозяйственного ее применения (ст. 22). Он может возводить на ней всякие сооружения для хозяйственных и жилищных надобностей (там же). Право на это принадлежит ему точно так же, как право на посевы и все соединенное с землею, пока оно не перешло законно к другому лицу (ст. 25). Мало того, в ст. 26 читаем: «Никакое постороннее, не основанное в законе, вмешательство в хозяйство землепользователя или воздействие на его землю не допускается. В случае такого вмешательства или воздействия земельный суд, по просьбе землепользователя, обязан восстановить нарушенное хозяйство или землепользование». В юридической терминологии это не более и не менее как владельческий иск. Итак, землепользователь обладает землею, пользуется самостоятельно ею и защищается в своем владении и пользовании. При этом он может даже применять наемный труд, однако, с ограничениями: «Наемный труд может быть допущен лишь при обязательном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т. е. при условии, что все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства». Кроме того, пользователь до известной степени распоряжается своим правом — он может передать свое пользование. Земельный кодекс допускал аренду земли, правда, также с ограничениями (ст. 30, 31, 33). Сдача земли в аренду допускалась только для «трудовых хозяйств, временно ослабленных». Нормальный срок аренды — период одного севооборота и только в исключительных случаях срок ее может быть продлен на период второго севооборота. «Аренда, — читаем в п. 31, — мо-

жет быть только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование земли больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства». Следует подчеркнуть, что в отношении наемного труда и аренды решающее значение имели не ограничения, а принципиальное признание этих институтов. То есть, с определенными оговорками можем говорить о наличии всех трех прав собственника — владения, пользования, распоряжения. Перед нами собственность, хотя и ограниченная.

Довольно объемно в Кодексе говорится о товарищеском землепользовании коммун и артелей, но оно, скорее, рассматривается как перспектива, как желание. Что же касается советских хозяйств, то в ст. 169, 162 на первый план выдвигается преимущественно их культурное значение. О хозяйственном назначении совхозов в смысле снабжения продуктами народного хозяйства не упоминается.

В партийных и государственных кругах страны Земельный кодекс РСФСР как основной документ, регулирующий земельно-правовые отношения, был воспринят неоднозначно. «Проект Кодекса, — говорил при его обсуждении П. Г. Сидович, — носит специфический характер. Скажу больше, при таком специфическом настроении вырабатывается кодекс законов чисто крестьянский... упускаются из виду интересы государства. Мы живем в переходном периоде — но к чему переходном... к будущему строительству или к частной собственности. ...Увы, та обстановка, которая окружает Наркомзем, как будто бы усваивает вторую перспективу и тенденцию. Конечно, этот Кодекс будет пересмотрен»⁷⁰.

Однако предположению П. Г. Сидовича не сразу суждено было сбыться. Весной 1925 г. крестьянству были сделаны новые уступки: ослаблена государственная фиксация твердых цен на зерно и снижен государственный налог; увеличен период санкционированной сдачи земли в аренду; в сельском хозяйстве узаконен наемный труд, первоначально ограниченный сезоном сбора урожая; сняты различные административные помехи для свободной торговли⁷¹. Эти мероприятия проводились с целью стимулирования крестьянского товарного производства и дальнейшего экономического оживления, наступившего благодаря нэпу. Но, с другой стороны, в партии существовало мнение, что это — проявление «прокрестьянского», даже «крестьянского» уклона.

Оценивая место Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в советском аграрном законодательстве, следует признать, что Кодекс, исходя из условий развития народного хозяйства и специфики

функционирования крестьянской экономики, намечал пути вывода аграрного строя из того кризисного состояния, в котором он оказался в результате войны и революции. Изъятие земли из товарного оборота согласно аграрным законам Советской власти становилось, как показала жизнь, существенным тормозом для нормального развития сельского хозяйства. Для быстрого его восстановления не доставало и многого другого: стабильной денежной системы, земельного кредита, налаженной кооперативной организации, что объективно сводило к минимуму возможность купли-продажи земли. Поэтому, как показывает опыт прошлого и что особенно важно учесть при осуществлении современной экономической реформы, разрешением частной собственности на землю и введением ее в товарный оборот лучше замыкать систему мер по перестройке хозяйственного механизма, подготовив для этого необходимые предпосылки.

Проводить землеустройство на основании Земельного кодекса должно было по Положению о Наркомземе РСФСР от 26 ноября 1923 г. Управление землеустройства, мелиорации и государственных земельных имуществ. В состав местных земельных органов вводились должности участковых землемеров-землеустроителей, которые являлись ответственными за состояние земельного дела в пределах их участка. Сведений о количестве таких участков обнаружить не удалось, однако, известно постановление Совнаркома, обязавшее иметь их в каждой волости⁷².

Ввиду того что государство с переходом к нэпу не имело средств для проведения землеустроительных работ в кратчайший срок, приходилось изыскивать их у заинтересованного населения. Осуществляя классовый принцип землеустройства, государство пошло на установление различного тарифа оплаты землеустроительных работ для бедняков, середняков и зажиточных слоев населения. Постановлением Совнаркома РСФСР от 14 июня 1923 г. губисполкомам было предоставлено право понижать таксы для беднейших землепользователей или оплачивать их землеустройство за счет местных средств⁷³. Этим же постановлением вводилась дифференцированная расценка землеустроительных работ, по которой плата за разверстание целых селений на хутора или отруба вдвое превышала плату группового землеустройства (1 р. 60 коп. против 80 коп.)⁷⁴. На местах разница в оплате за групповое и участковое землеустройство часто достигала гораздо больших размеров.

Однако эти меры классовой политики не всегда давали ожидаемые результаты. В отчетах Наркомзема РСФСР повсеместно отмечалась большая задолженность населения за производ-

ство землеустроительных работ, плохая техническая оснащённость землеустроительного аппарата геодезическими инструментами, оставшимися ещё с дореволюционных времен. Отказ от землеустройства из-за отсутствия денег из года в год возрастал: в 1923 г., по данным инспекции НК РКИ РСФСР, он охватывал 5,5% всей заявленной площади, в 1924 г. — 12,5%. Причём 93% всех отказов по этим причинам падало на бедноту и середняка⁷⁵. Кроме того, обследование, проведенное в 1925 г. сельскохозяйственной инспекцией НК РКИ, показало, что образованные в процессе землеустройства коллективы в значительной своей части являлись фиктивными. Они образовывались с целью получить кредит, ссуду и в первую очередь на землеустройство. Фактически они продолжали жить на принципах общинной и отрубной форм землепользования⁷⁶.

При сравнении данных о землеустройстве в первой половине 20-х годов видно сокращение работ по межселенному землеустройству с 14005 тыс. га в 1921 г. до 1083 тыс. га в 1925 г. и значительное увеличение масштабов внутриселенного землеустройства соответственно с 884 тыс. га до 7549 тыс. га⁷⁷. Показательным является сравнение двух видов землеустроительных работ. За пять лет (1921—1925) землеустройство колхозов было выполнено на площади 1638 тыс. га, хуторов и отрубов — 3775 тыс. га⁷⁸.

Как только обнаружился быстрый рост хуторов и отрубов, сразу же были приняты меры, направленные на преодоление нежелательных тенденций.

4—7 июля 1924 г. при Наркомземе РСФСР состоялось совещание крестьян — членов ВЦИК, на котором специально были обсуждены вопросы землеустроительной политики. В выступлениях ответственных работников Наркомзема разъяснялось, что землеустройство, решая текущие задачи, должно создавать благоприятные условия для социалистического преобразования сельского хозяйства в дальнейшем. 23 августа 1924 г. Наркомзем РСФСР обращается к местным земельным органам с циркуляром о направлениях земельной политики, в котором даются указания о необходимости «применения всей... совокупности мер экономического, агротехнического, землеустроительно-технического и агитационно-пропагандистского воздействия, которые должны быть направлены на насаждение и поощрение товарищеских форм землепользования и хозяйства». 24 октября Наркомзем рассылает на места специальный циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний», которым до сведения земельных органов доводились установки о политике землеустройства, принятые Комиссией ЦК РКП(б) по работе в деревне⁷⁹.

Землеустройство хуторских и отрубных хозяйств из года в год начинает падать.

Таблица 4.

Динамика землеустраиваемых хуторских и отрубных хозяйств (1923—1927)*

1923 / 24 г.	1924 / 25 г.	1925 / 26 г.	1926 / 27 г.
5,3%	4,8%	3,3% ⁸⁰	2,9%

* ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 276. Л. 39.

В то же время растет землеустройство земельных общественных коллективов с общим севооборотом.

Таблица 5.

Динамика землеустраиваемых земельных обществ с общим севооборотом (1923—1927)*

1923 / 24 г.	1924 / 25 г.	1925 / 26 г.	1926 / 27 г.
22,2%	37,1%	44,1%	48,1%

* ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 276. Л. 41.

Как представляется, очередным этапом складывания новой концепции землеустройства стал апрельский 1925 г. пленум ЦК РКП(б), который, подтверждая необходимость старого соблюдения основных положений Земельного кодекса о свободе выбора форм землепользования, однако, особо подчеркнул, что главной задачей партии в этой сфере является содействие росту таких форм землепользования, которые «более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства»⁸⁹. Через месяц согласно решению III Всесоюзного съезда Советов директива партии становится государственным законом⁸¹.

Все эти мероприятия не замедлили сказаться на землеустроительных работах. В 1925 г. землеустройство колхозов было проведено на площади в 251,7 тыс. га. Правда, относительная доля землеустроительных работ в колхозах не выросла, но увеличился общий объем устроенных земель. Но с 1926 г. абсолютный рост землеустройства колхозов стал сопровождаться повышением их удельного веса: было устроено 396,1 тыс. га

землеустройства (1 р. 60 коп. против 80 коп.)⁷⁴. На местах разница (2,4%)⁷². В дальнейшем по мере развития колхозного движения происходит также постоянное увеличение работ по организации территории коллективных хозяйств.

В 20-е годы наметилась тенденция к разрушению традиционной общины как института, на определенном этапе выполнившего свои функции в качестве посредника между государством и крестьянином в процессе регулирования поземельных отношений. В условиях сложившегося механизма государственного воздействия на крестьянство без такого посредника можно было уже и обойтись — это, во-первых; во-вторых, исходя из выкристаллизовывающихся новых задач развития деревни, институт коллективного хозяйства видели в других формах. Народническая идея «община—социализм» явно не работала в условиях диктатуры пролетариата. Объединение крестьянских хозяйств на социалистических началах рассматривалось как очередная задача регулирования крестьянской экономики.

Все эти вопросы поднимались в ходе обсуждения союзного аграрного законодательства в 1926—1927 гг. Бурная полемика по ним развернулась в СНК СССР и РСФСР, Наркомземе РСФСР и союзных республик на совещании наркомов земледелия союзных и автономных республик (ноябрь 1926 г.) и в Коммунистической Академии⁷³. В проекте «Основных начал землепользования и землеустройства», разработанном Комиссией законодательных предположений Совнаркома СССР, община уже не значится как субъект права, как регулирующий орган. С административно-государственными органами имеет дело только двор⁷¹. Эта позиция вызвала активные возражения при обсуждении, несмотря на определенность политической линии. Сложившаяся ситуация говорит о неотработанности еще того механизма взаимоотношений партии и государства, который сформировался к концу 20-х годов и выражался в беспрекословном исполнении партийных приказов.

И все-таки основное содержание этих споров нельзя сводить к вопросу об общине и перспективах развития сельского хозяйства. Главное здесь — прецедент разработки союзного аграрного законодательства.

С 1922 г. основным аграрным законом Советской власти стал Земельный кодекс РСФСР. Он был разработан, когда Союз ССР еще не существовало. Этот Кодекс с некоторыми изменениями был заимствован всеми республиками. С момента образования Союза оказалось, что каждая союзная республика имеет свои основные начала землепользования и землеустрой-

ва. Согласно Конституции СССР 1924 г. к ведению союзных органов было отнесено «утверждение общих начал землепользования и землеустройства». Во исполнение Конституции ЦИК Союза поручил СНК Союза разработать соответствующий законопроект. СНК СССР передал задания своему органу — Комиссии законодательных предположений. Комиссия подготовила проект, который СНК СССР разослал республикам, а затем поручил академии обобщить дополнения, поправки к проекту⁸⁵. Комиссия законодательных предположений Совнаркома СССР выработала в сущности не основные начала землеустройства и землепользования, а довольно подробный Земельный кодекс для всего Союза и включила туда ряд постановлений о дворе, о земельном обществе, о коллективном хозяйстве, о структуре двора, об органах управления земельным обществом, о формах землепользования, о типах землеустройства и даже постановление во всесоюзном масштабе о том, на сколько лет можно сдавать землю в аренду и в какой зависимости от севооборота⁸⁶. Этот проект был опротестован НКЗ РСФСР «как неудовлетворяющий своему назначению, ибо устанавливал такие детали, которые должны быть предметом законодательства только отдельных республик». По представлению НКЗ РСФСР СНК РСФСР разработал свой проект и тоже послал в Комакадемию⁸⁷.

В постановлении Президиума Комакадемии от 15 января 1927 г. записано: «В основу принять проект декрета СНК РСФСР. Но переработать его на следующих основаниях: ...В центральный аграрный закон обязательно должны быть введены положения, обеспечивающие включение систематически разработанных статей, представляющих экономические выгоды земледельцам, переходящим к коллективным формам хозяйства»⁸⁸.

Обсуждение проектов сразу выявило разные концепции. Представители первой (называвшие себя «сторонниками Союза») считали, что «субъектом права на землю является Союз и только он». По их мнению, если признать Союз единым государством, а субъектом права на землю республики, то это будет нелогично. Другие не менее решительно настаивали на том, что земля принадлежит республикам. Союз есть государство, возникшее из договора, и то, что по договору республики предоставили Союзу, тем он только и может распоряжаться. То, что не предоставлено Союзу по договорам, остается в сфере суверенных прав республики. Было бы чудовищным извращением национальной политики, говорили они, если бы земля союзных республик была признана собственностью Союза. Это было бы воспринято крестьянством национальных республик, как отнятие

земли. Это было бы явным покушением на суверенитет республик⁸⁹.

После дискуссий победила третья концепция, которая признавала государственную собственность на землю за республиками и за Союзом. Право собственности союзной республики переходило в право собственности Союза и обратно. В результате была принята следующая формулировка: «Государственная собственность на землю в пределах союзной республики осуществляется этой республикой на основании «Общих начал» и законодательства республики»⁹⁰.

На 2-й сессии ЦИК Союза ССР 3-его созыва были утверждены «Общие начала землеустройства и землепользования». В них за Союзом оставалось право: 1) выделения отдельных участков земли в пользование учреждений и предприятий союзного значения для специальных целей; 2) установления всесоюзного переселенческого фонда; 3) установления концессионного фонда и предоставления отдельных земельных участков в концессию в порядке действующего законодательства⁹¹.

Земельные кодексы всех союзных республик устанавливали три типа пользования землей: 1) трудовое (именно этот институт регулировал земельные отношения с крестьянством); 2) городскими поселениями; 3) государственными учреждениями и предприятиями⁹².

Со времени введения Земельного кодекса оплата землеустройства была возложена на сторону, в интересах которой оно производилось. С 1925 г. Советское правительство согласно постановлению III Всесоюзного съезда Советов приняло на счет государства оплату землеустройства для бедняцкой части крестьянства. В 1927 г. накануне XV съезда партии в ЦК РКП(б) обсуждались меры по переводу землеустройства на госбюджет. В условиях острой нехватки средств на финансирование сельского хозяйства эта задача все же представлялась оправданной, так как давала возможность усилить партийно-государственное влияние на землеустройство, «направить его в русло приближения к коллективизации, ...прививать те формы землепользования, которые ведут ближайшим путем к его обобществлению, твердо и безоговорочно проводить в деревне классовую линию». При переводе землеустройства на госбюджет предполагалось сохранить оплату для зажиточных слоев деревни⁹³.

Общая стоимость землеустроительных работ по РСФСР на 1927—1928 гг. определялась в 28 млн. руб. Из этой суммы 10% должны были оплатить зажиточные крестьяне и кулаки. На оставшиеся 25,2 млн. руб. была составлена следующая смета:

1) по госбюджету — 5312944 руб.; 2) по сельскохозяйственному кредиту — 4000000 руб.; 3) по местному бюджету — 2500000 руб. Итого: 11812944 руб.

Отсюда, чтобы принять землеустройство на госбюджет, требовалось доассигновать с некоторым округлением 13,5 млн. руб. Для всего Союза в 1927—1928 гг. необходимо было на землеустройство 39700000 руб.¹⁴

В марте 1928 г., исходя из директив XV съезда партии, Совнарком СССР обязал все землеустроительные органы в основу работы положить мероприятия, непосредственно содействующие перестройке сельского хозяйства на новых началах и имеющие своей задачей создание таких форм землепользования, которые, способствуя производственному кооперированию бедняцких и середняцких слоев деревни, приближают сельское хозяйство к обобществлению и усиливают его производственную мощь. Правительством была поставлена задача на протяжении года завершить землеустройство всех колхозов, возникших до 1928 г., и развернуть работу по организации новых коллективных землепользований. Все расходы по землеустройству колхозов были отнесены на государственный счет¹⁵. XV съезд партии рекомендовал отнести на государственный счет также землеустройство всех бедняцких хозяйств и маломощных хозяйств середняков¹⁶. Глубокие изменения происходят и в практике землеустройства. 5 апреля 1928 г. Наркомзем РСФСР опубликовал постановление, по которому землеустроительные органы все дальнейшие работы обязаны были подчинить задаче стимулирования обобществления производства в крестьянском хозяйстве. Внеочередным становилось землеустройство оформившихся (уставных) коллективов, чтобы они могли сразу наладить «применение машин и культурную обработку земли». В колхозах, возникших до 1 апреля, предполагалось полностью завершить работы до конца года¹⁷.

В РСФСР за 1928 г. было устроено 3169 тыс. га колхозных земель, т. е. больше чем за предшествовавшее 10-летие¹⁸. Принцип «лучшие по качеству и расположению земли — колхозам и бедноте» с весны 1928 г. прочно входит в практику землеустройства. Всего же к 1928 г. за 10 лет после революции землеустроительными работами по РСФСР было охвачено 172 млн. га (68%) из 252 млн. га общей площади земель сельскохозяйственного назначения¹⁹. Окончательно завершить землеустройство сельскохозяйственной территории страны предполагалось к 1935—1936 гг.

Итак, государственный характер землеустройства определял

его организацию, финансирование, содержание и социальную направленность. Являясь одним из важных каналов экономического регулирования сельского хозяйства, землеустройство тем не менее на протяжении всего исследуемого периода было средством осуществления классовой политики. Правда, в разное время акценты ее менялись от ярко определенных в первые годы революции, затем умеренных в начальный период нэпа до снова заостренных в конце 20-х годов.

Финансирование — важнейший канал воздействия на деревню

Характерной чертой «военного коммунизма» — с финансовой точки зрения — явилось изъятие денег из экономики. Они потеряли свою функцию стимулирования процесса торговли и обмена. Сложившаяся ситуация не была результатом преднамеренного расчета. К этому с необходимостью привел весь комплекс мероприятий, который был предпринят в поисках адекватной поставленным политическим задачам экономической политики. Основным пунктом финансовой программы большевиков после прихода к власти стала национализация банков, следующим шагом — аннулирование долгов русского правительства. Однако декрет о создании Государственного банка не сделал его инструментом для контроля и финансирования народного хозяйства, а аннулирование долгов закрыло один из каналов получения средств — за счет займов. В условиях полного хозяйственного хаоса, когда старый хозяйственный механизм был разрушен войной и революцией, а новый не успел сложиться, уже к осени 1918 г. обычные источники получения финансовых средств иссякли.

В этой, казалось бы, безнадежной ситуации взоры творцов финансовой политики обратились на крестьянство. 30 октября 1918 г. ВЦИК издал декрет, устанавливавший обложение всех земледельцев натуральным налогом. Согласно декрету крестьяне должны были сдавать государству все излишки своей продукции сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды¹⁰⁰. Сбор налога был поручен местным исполнительным комитетам, а в деревнях, как правило, комбедам¹⁰¹.

Закон преследовал финансовые и классовые цели. И дело здесь не только в том, что в основу его был заложен классовый принцип налогообложения. В определенном смысле декрет должен был спровоцировать усиление классовой борьбы между беднейшими и зажиточными слоями деревни. В специальном циркуляре по осуществлению декрета читаем: «Если бы налог в фис-

кальном отношении прошел блестяще, но в результате его неправильного проведения получилось сплочение беднейших и кулацких слоев... деревенского населения на почве общего недовольства налогом, то мы должны были констатировать неудачу»¹⁰².

Если финансирование промышленности осуществлялось на бюджетных принципах (коммерческому кредиту не находилось места в строго централизованной распределительной и перераспределительной экономике), то сельское хозяйство, как видим, главным образом выполняло роль донора финансовой системы страны. Государственные же финансовые инъекции в сельское хозяйство проводились в строго определенном направлении.

29 июня 1918 г. Наркомзем обратился в СНК с отношением, в котором сообщал о мерах, намеченных для развития коммун, и просил для их осуществления ассигновать 10 млн. руб.¹⁰³.

Совет Народных Комиссаров, обсудив доклад наркома земледелия, принял за подписью В. И. Ленина постановление о выделении 10 млн. руб. «на осуществление широких мероприятий по организации коммун и выдачу им ссуд и пособий»¹⁰⁴. 3 августа 1918 г. Совнарком решил резко увеличить финансовую помощь коммунам и принял постановление «Об ассигновании Наркомзему 50 млн. рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды земельным органам и организацию земледельческих коммун»¹⁰⁵. Практически выдача ссуд и пособий производилась Наркомземом бессистемно и нередко приезжавшим с мест ходакам. Правила выдачи ссуд утверждены были только 24 августа 1918 г. Это было возложено на губземотделы и начавшие только возникать местные бюро коммун¹⁰⁶.

В связи с быстрым ростом колхозного движения необходимо было организовать его планомерное финансирование в общегосударственном масштабе. Наркомземом был разработан проект декрета «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства». 26 октября 1918 г. коллегия Наркомзема одобрила проект и внесла его на утверждение Совнаркома¹⁰⁷. СНК рассмотрел вопрос о выделении в распоряжение Наркомзема 1 млрд. руб. и 2 ноября 1918 г. утвердил представленный им декрет¹⁰⁸. На основании декрета пособия и ссуды из «миллиардного фонда» выдавались сельскохозяйственным коммунам и трудовым товариществам, сельским обществам или группам при условии перехода их от единоличной к общественной обработке и уборке полей.

Для решения вопросов, связанных с операциями по выдаче ссуд и пособий из образованного СНК фонда, были созданы постоянные органы: Главный комитет при Наркомземе и комитеты при губземотделах по делам миллиардного фонда. С организацией этого Комитета и изданием соответствующих «Правил» (февраль 1919 г.) были созданы условия для выдачи материальных средств более организованным путем. Их стали выдавать не отдельным коллективам, как в 1918 г., а распределять по губерниям. Если в 1918 г. на организацию помощи колхозам было выделено 15 млн., то в 1919 г. — 223479540 руб., а за первое полугодие 1920 г. губземотделы получили на эти цели 560115000 руб.¹⁰⁹.

Выданные средства из миллиардного фонда на одно коллективное хозяйство в 1919 г. составили 50986 руб., в 1920 г. — 157365 руб. Эти цифры, несомненно, приуменьшают действительные размеры финансовой помощи государства¹¹⁰.

В момент организации миллиардного фонда имелось в виду, что коллективные хозяйства будут оплачивать его ссуды продуктами своего производства. В действительности выдача ссуд осуществлялась вне зависимости от сдачи государству продукции, а зачастую материальная помощь оказывалась в форме безвозмездного пособия. Так, за 1919—1921 гг. были выданы ссуды на 4040070 руб., а безвозвратное пособие составило 906118284 руб.¹¹¹.

Государственное финансирование совхозов за эти годы было несколько меньше. Однако и здесь прежде всего важен сам принцип финансовой политики советского государства. Для укрепления экономического положения совхозов в 1919 г. было ассигновано 623375,6 тыс. руб., в 1920 — 13625494 тыс. руб., или соответственно 20,9 и 21,6% всей суммы ассигнований на сельское хозяйство¹¹².

Следует обратить внимание на тот факт, что в вопросах, связанных с распределением средств для колхозов и совхозов, Наркомзем пользовался большой самостоятельностью, тогда как в финансировании промышленности почти неограниченные возможности имел Наркомфин, сведя к минимуму функции ВСНХ в этой сфере.

Вследствие специфики сельскохозяйственного производства основным каналом его финансирования является кредитование. Роль кредитора могли выполнять государство, кооперация, частник. Опыт России показал значительное преимущество кооперативного кредитования перед государственным. К концу 1917 г. кредитная кооперация в ней добилась значительных успе-

хов, занимая второе место в мире по численности товариществ и первое по числу членов¹¹³.

Однако в условиях складывающейся политики «военного коммунизма» не оставалось места негосударственным финансовым кредитным учреждениям. Одним из них являлся Московский народный банк, который после национализации коммерческих банков аккумулировал многие частные капиталы. В ноябре 1918 г. Советская власть наметила план национализации МНБ. Попытка кооперативных кругов сохранить свой кредитный центр окончилась неудачей. 2 декабря 1918 г. СНК был принят подписанный В. И. Лениным декрет «О национализации Московского народного банка и кредитования кооперации», распространивший государственную монополию и на функции сельскохозяйственного кооперативного кредита. Согласно этому декрету МНБ сливался с Народным банком РСФСР. Правление МНБ преобразовывалось в кооперативный отдел Народного банка республики, а местные отделения МНБ — в местные кооперативные отделы НБ РСФСР. За кооперативными отделами сохранялись все функции по кредитованию кооперации в области производства, закупки и сбыта сельскохозяйственных продуктов и сырья, сельхозмашин и орудий производства. Вместе с тем устанавливался контроль государственных финансовых органов над кредитными операциями кооперативов¹¹⁴.

Все очередные законодательные и практические меры Советского правительства в отношении банковско-кредитных институтов отражали последовательное претворение в жизнь политики «военного коммунизма», которая характеризовалась крайним ослаблением значения кредитно-финансовых механизмов. Это значительно сузило деятельность по кредитованию сельского хозяйства. Предотвратить убытки от обесценивания денег не могла даже никакая процентная ставка по ссудам, кредитные товарищества переводились на заготовительную работу, и на первый план выдвигалась потребительская кооперация. Банковские учреждения были упразднены. Их функции возложены на Центральное бюджетно-расчетное управление Наркомфина¹¹⁵. Логическим завершением процесса свертывания функционирования кредитной системы сельского хозяйства стала согласно декрету от 27 января 1920 г. ликвидация кредитных и ссудно-сберегательных товариществ путем слияния их с потребительскими обществами¹¹⁶. Принятием этого декрета законодательно закреплялась вынужденная эволюция кредитной кооперации в годы «военного коммунизма» от важнейшего рычага товарно-денежных

отношений в сельском хозяйстве и главного механизма финансовой взаимосвязи города и деревни к ее практическому упразднению и ликвидации.

Оценивая результаты кооперативной работы и определяя будущую политику в этой области, IX съезд РКП(б) принял резолюцию, одобрявшую зафиксированные в предыдущих декретах мероприятия, целью которых было подчинить все виды сельскохозяйственной кооперации потребительской и полностью упразднить кредитную¹¹⁷. Все это свидетельствовало о возобладавшем в партийном и государственном руководстве подходе к кредитно-финансовым институтам как к отжившим атрибутам, присущим лишь капиталистическому обществу рыночных, товарно-денежных отношений.

Однако набиравший силу процесс законодательного, декретизирующего сверху, свертывания и упразднения кредитно-финансовых механизмов в 1918—1920 гг. входил в прямое противоречие с реальными закономерностями финансово-хозяйственных отношений в деревне. Безусловно, административные акты и натурализация финансовых отношений в стране не могли не сказаться на развитии кредитной кооперации, но к автоматической ее ликвидации не привели. Более того, имеются данные о росте числа таких кооперативов к концу 1918 г. до 16500 и к началу 1920 г.—до 17500. Число же союзов выросло до 198, что стало непревзойденным результатом за всю историю кредитной кооперации в России¹¹⁸. Но даже к середине 1920 г. после принятия упомянутого декрета не произошло упразднения всех кредитных кооперативов страны. До многих районов эта директива просто не дошла или не было аппарата, готового ее осуществить. В других районах, скорее, произошло не уничтожение кредитных кооперативов, а смена их вывесок и изменение уставов, объявление в них таких форм кооперативов, которые не подлежали ликвидации, благодаря чему многие из них не прекращали своего существования. Значительная часть кооперативов с кредитными функциями согласно декрету упразднялась или вливалась в потребительские общества.

В конечном итоге период «военного коммунизма» нанес непоправимый ущерб делу кооперативного кредита. Проведенная на основе декрета от 27 января 1920 г. реорганизация кредитной кооперации значительно ухудшила работу кооперации вообще и не способствовала развитию производительных сил сельского хозяйства; кредитные кооперативы растеряли опытных работников старого аппарата, рассыпалась материальная база товариществ и союзов; нарушилась вся структура финансо-

во-хозяйственных связей кооперативов на местах; уменьшилась самостоятельность и самодеятельность кооперированного населения; значительно возросло недоверие крестьян к кооперативам. Фактически и юридически кооперативы были отстранены от финансовых операций. Они обрели лишь подконтрольные функции. А в итоге крестьянство не получило необходимых средств для восстановления хозяйства. Что касается коллективов, то они предпочитали обеспечиваться натурой.

С поворотом к нэпу роль и значение кооперации предстояло осмыслить. Поэтому в специально принятой резолюции «О кооперации» X съезд партии постановил отменить резолюцию IX съезда РКП(б) об отношении к кооперации и поручил ЦК «выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП(б) и применительно к замене продразверстки натуральным налогом»¹¹⁹.

Между тем структура финансовых органов в течение первых месяцев нэпа по-прежнему основывалась на принципах «военного коммунизма», а положение кредитной кооперации обуславливалось декретом от 27 января 1920 г., предписывавшим ее слияние с потребительской. На местах продолжался развернувшийся в основном во второй половине 1920 г. процесс дезорганизации кредитной кооперации, шел распад кредитно-кооперативной системы. В Московской губернии, например, из 245 существовавших в 1917 г. кредитных и ссудосберегательных товариществ в 1921 г. было учтено лишь 35¹²⁰. Более того, решения 1921 г. о восстановлении сельхозкооперации подтолкнули кредитные товарищества к передаче их балансов вновь организуемым сельскохозяйственным товариществам. В течение 1921 г. наблюдался небывалый рост первичных кооперативов, зарегистрированных как сельскохозяйственные товарищества с различными функциями. Этим, возможно, и объясняется тот факт, что, по материалам РКИ, в 1921 г. их число достигло 24660 по сравнению с 12 850 в 1920 г.¹²¹.

Быстрое восстановление различных кооперативных систем при отставании развертывания кооперативного кредита обуславливалось прежде всего тем, что уже в первые месяцы нэпа была осознана необходимость возрождения кооперативных институтов. Только спустя семь месяцев после X съезда РКП(б) — в октябре 1921 г. — сессия ВЦИК приняла постановление «Об учреждении Государственного банка», которым было положено начало воссозданию финансовых институтов в государственном масштабе¹²². На Госбанк возлагалось кредитование

крупной государственной промышленности, кооперативных и других организаций, частных предпринимателей, крестьянских хозяйств и кустарей. С открытием Госбанка 15 ноября 1921 г. кооперативный отдел Наркомфина, образованный в декабре 1918 г. после закрытия кооперативного МНБ, был ликвидирован, и все кредитные операции перешли в Госбанк.

Однако только в декабре 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов был поставлен вопрос о необходимости организации банковско-кредитных институтов, финансирующих сельское хозяйство страны, и осознана неотложность создания системы сельхозкредита и восстановления кредитной кооперации как самостоятельной организации¹²³. В каком соотношении будут развиваться эти системы и каковы будут их конкретные задачи, функции и формы — эти проблемы пока не ставились и не разрабатывались. Подход к их решению лишь только намечался.

Документом, положившим начало практическому образованию кредитно-кооперативной системы после перехода к нэпу, стал декрет ВЦИК и СНК от 24 января 1922 г. «О кредитной кооперации»¹²⁴. Декретом крестьянству предоставлялось право создавать кредитные общества, вести разнообразные денежные операции, привлекать для этих целей средства отдельных членов и заемные. Общее руководство кредитной кооперацией возлагалось на Наркомфин и Наркомзем. Принятие этого законодательного акта, с одной стороны, явилось первым итогом поисков решения проблемы, которые развернулись в первые месяцы нэпа, а, с другой стороны, положило начало новым широким дискуссиям по вопросам строительства системы сельхозкредита.

Различные точки зрения, отстаиваемые авторами, по сути дела сводились к защите одного из трех тезисов: сельхозкредит должен развиваться преимущественно на кооперативной основе; на государственно-кооперативных началах; только на государственных.

У сторонников каждой из позиций были свои аргументы. «Кооператоры» С. Л. Маслов, А. В. Чаянов, Д. И. Илимский-Кутузов и др. считали, что только кооперативный кредит может поднять сельское хозяйство России, так как имеет глубокие исторические традиции, довольно широкую «наличную» сеть кооперативов (в 1923 г. сельскохозяйственных кооперативов, способных вести кредитные операции, насчитывалось свыше 25800, и в них входило около 60% кооперированных хозяйств, а число кооперативных союзов достигло 345)¹²⁵, Сельскосоюз как орга-

низационно-хозяйственный и Всекобанк как финансово-кредитный кооперативные центры и т. п.¹²⁶

Теоретики государственной концепции кредитования, представленные в основном сотрудниками Наркомфина и Института экономических исследований при нем, считали, что помещичье государство в своей кредитной политике оказывало помощь главным образом помещикам и аграрной буржуазии, поэтому и появилась идея помощи и самопомощи, проникнутая церковно-благотворительным духом. Постепенно кооперативные кредитные организации развивались, приспособлялись к условиям быта на фоне развития кооперативного движения в целом стали значительными факторами развития мелкого крестьянского кредита. «Но можно ли вообще говорить при всяких условиях о превосходстве кооперативной системы над государственной», — задается вопрос. И ответ звучит категорически: «Конечно, нет. Поскольку государство само непосредственно заинтересовано в широком кредитовании крестьянского хозяйства, его организация, как финансово наиболее сильная, должна считаться наиболее рациональной и желательной»¹²⁷. Вот такие аргументы.

Решающее значение в формировании системы кредитования сельского хозяйства имел декрет ВЦИК и СНК от 21 декабря 1922 г. «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита», признававший «организацию дешевого кредита для крестьян важнейшей первоочередной задачей». При ВЦИК учреждался Комитет содействия сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности, на который возлагалось общее руководство организацией сельскохозяйственного кредита. Планировалось приступить к созданию местных обществ сельскохозяйственного кредита (местных сельскохозяйственных банков), учредителями которых должны были стать Государственный банк, Наркомфин и Банк потребительской кооперации¹²⁸. Детализация основных положений о кредите применительно к организации системы кредитной кооперации содержалась в майском и июньском постановлениях СНК 1923 г. «О порядке образования обществ сельскохозяйственного кредита» и «О ревизии кредитных кооперативов и их союзов и надзоре за ними»¹²⁹.

Эти законодательные акты означали претворение в жизнь концепции строительства государственной системы сельхозкредита. Фактом государственной политики становилась линия на создание местных обществ сельхозкредита и республиканских

сельхозбанков, которые стремились установить непосредственные связи с крестьянством, минуя кооперативные организации. На организацию обществ Госбанк и Наркомзем выделили 20 млн. руб. золотом, еще 12 млн. взяли на себя местные государственные и кооперативные учреждения и организации. К 1 октября 1923 г. всего по СССР было образовано 27 обществ, в том числе в РСФСР — 20, на Украине — 6, в Закавказье — 1 общество¹³⁰.

Через год система государственных кредитных учреждений выглядела следующим образом.

Таблица 6.

**Система государственных кредитных учреждений
СССР на 1 июля 1924 г.***

	Виды учреждений	Кол-во	Сумма баланса	Сумма основного капитала (в тыс. руб.)
РСФСР	с/х банков	1	40 051,6	19 899,7
	об-в с/х кредита	24		
УССР	с/х банков	1	16 708,0	5 762,3
	об-в с/х кредита	9		
БССР	об-в с/х кредита	2	842,5	531,3
ЗССР	с/х банков	1	737,3	70,0
Всего по СССР:		38	58 339,4	26 893,4

* ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6923. Л. 93 об.

Уже первые попытки наладить непосредственное кредитование деревни сельскохозяйственными обществами потерпели неудачу. Недостаточное осознание задач сельскохозяйственного кредита в условиях нэпа и отсутствие опыта в построении системы кредитования сельского хозяйства во многом определило неправильный подход к организации работы обществ, к выбору ими клиентуры, в частности. Не привлекая первичные кооперативы, общества непосредственно приступили к обслуживанию крестьянства. Около 85% клиентуры обществ составляли крестьяне-единоличники и лишь 15% — первичные кооперативы и объединения¹³¹.

В целом неудачной для обществ явилась и попытка наладить взаимодействие с первичными кооперативами посредством системы корреспондентских отношений. В этой системе низовые кооперативы превращались не только по форме, но и по суще-

ству в передаточную инстанцию — в аппарат по распределению получаемых сверху государственных средств. Игнорируя кооперативные принципы, общества требовали от товариществ вести кредитные операции со всем населением района. Но в этом случае крестьянские хозяйства, получая кредит в кооперативе и не являясь его членами, утрачивали стимулы для вхождения в него. Таким образом, создавался существенный тормоз в работе товариществ по кооперированию населения. К тому же государство, как в 1923 г., так и позднее, не имело возможности обслужить все крестьянство, ибо потребности в сельхозкредите и средства государства далеко не соответствовали друг другу¹³².

Целевое назначение ссуд с начала деятельности обществ сельхозкредита строго ими регламентировалось, что лишало товарищества возможности маневрировать средствами и проявлять инициативу в процессе оперативной деятельности. Решение за первичный кооператив вопроса о конкретном использовании кредитов на практике дискредитировало саму идею кооперирования. Выявившаяся в процессе начального строительства системы сельскохозяйственного кредита практика недооценки кооператива как самостоятельной организации со стороны государственных обществ сельхозкредита, во многом неправильное понимание задач экономического регулирования вели общества к отказу от наиболее приемлемых форм работы с низовыми товариществами. Взяв курс на отбор наиболее устойчивых в финансовом отношении товариществ, общества стали входить в конфликт с союзами сельхозкооперации, объединявшими торгово-посредническую деятельность низовых кооперативов и закономерно усматривавшими в действиях обществ стремление подчинить государственным организациям сельскохозяйственный кредит.

За кратковременный период деятельности в 1923 г. обществ сельхозкредита в их работе было так много недостатков, что от заместителя наркома РКИ РСФСР С. Е. Чущаева даже поступило предложение ликвидировать институт обществ, как мало проникший в деревню, не сумевший ее правильно обслужить и собрать ее сбережения. А по мнению видного исследователя советского кооперативного кредита Б. Дьячкова, общества сельхозкредита повторили уже осужденную историей практику земских касс, мелкого кредита довоенной России¹³³.

Почему же советское государство, вставшее на путь всемерного развертывания товарно-денежных отношений, пошло не в направлении использования доставшегося от капиталистической России и уже проверившего себя на практике механизма

кредитования сельского хозяйства, в предпочло ему строительство системы кредитования деревни на государственных началах? Очевидно, во многом это объяснялось конкретными историческими условиями, в частности, дестабилизацией финансово-кредитного механизма в первые годы нэпа и только начинающими налаживаться рыночными отношениями между городом и деревней. Естественно, что в этой ситуации организация кооперативного кредита, требующего достаточно высокого уровня товарно-денежных отношений, была затруднена и финансовые отношения между городом и деревней проще было налаживать на государственных началах. Но, как представляется главную роль в этом деле сыграла недооценка большинством партийных, советских и хозяйственных руководителей кооперации как мощного рычага развития деревни, непонимание ими значения рыночных механизмов как самых приемлемых в условиях мирного возрождения экономики, боязнь реставрации капитализма на базе нерегулируемых жестко государством товарно-денежных, в том числе и финансово-кредитных отношений.

Эти процессы еще больше усилились с решением централизовать сельхозкредит и с организацией Центрального сельскохозяйственного банка исключительно на государственных началах. Решение о его создании вынес II съезд Советов СССР. В постановлении по этому вопросу записано: банк создается «в целях планомерного содействия восстановлению сельского хозяйства путем оказания ему кредитной помощи, а также в целях создания и возглавления системы сельскохозяйственного кредита»¹³⁴. Основной капитал банка составил 40 000 тыс. руб. при балансе в 60 тыс. руб.¹³⁵

Летом 1924 г. состоялось совещание правления Центрального сельскохозяйственного банка и Всероссийского кооперативного банка, где были разграничены их функции по кредитованию сельского хозяйства. Центральный сельскохозяйственный банк и общества сельскохозяйственного кредита должны были оказывать крестьянскому хозяйству долгосрочный и льготный краткосрочный кредиты производственного характера через низовую кредитную и сельскохозяйственную с кредитными функциями кооперацию. Всеобанку предстояло производить преимущественно краткосрочное кредитование кооперации.

Как видим, государство пытается монополизировать кредитование крестьянства и лишить сельхозкооперацию финансовой самостоятельности. Апогеем борьбы двух систем стали первые месяцы 1925 г.

С этого времени начинается массированное нарастание

финансовой мощи государственной системы сельхозкредита. К апрелю 1925 г. баланс Центрального сельскохозяйственного банка достиг 100 млн. руб., количество обществ сельхозкредита за три месяца выросло еще на 3 и составило 51 с балансом 141,8 млн. руб.¹³⁶ Расходы обществ в течение первых месяцев 1925 г. росли значительно быстрее доходов (в 2,4 и 1,9 раза соответственно), а число товариществ увеличилось на 1400, достигнув 9419, в которых состояло 3 011 516 членов (рост за три месяца почти на 1 млн.)¹³⁷.

Однако низовая сеть кооперации по-прежнему получала крайне мало средств в свое распоряжение. При значительном возрастании баланса государственных звеньев системы сумма ссуд, выданных одним товариществом сети ЦСХбанка, на 1 апреля 1925 г. составляла 5900 руб. а на одного члена приходилось 18,6 руб. ссуд (как и в 1924 г.)¹³⁸. Это свидетельствовало об отсутствии качественных сдвигов в работе системы. О том же говорило и состояние вкладной операции в товариществах. Достигнув в абсолютных цифрах 1 894 000 руб., вклады на 1 апреля 1925 г. по-прежнему составляли лишь 1,2% баланса кооперативов, а сумма вклада на одного члена товарищества даже снизилась на 10 коп., составив 80 коп.¹³⁹.

Нарастал острый финансовый кризис сельхозкооперации ее местных союзов. К весне 1925 г. лишь 19 союзов имели прибыльный и ликвидный баланс¹⁴⁰. Одновременно значительно ухудшилось положение дел с просроченными ссудами, которые в абсолютных цифрах выросли с октября 1924 г. к 1 апреля 1925 г. на 2,2 млн. руб. (на 375%), достигнув 5,8% к учетно-ссудным операциям кооперативов и составив 530,9 руб. на одно товарищество¹⁴¹.

Борьба двух систем кредитования переросла в дезорганизующий кредитование сельского хозяйства кризис. Первичные товарищества получали прямо противоположные указания и инструкции от государственных и кооперативных центров, в силу чего их нормальное функционирование становилось невозможным¹⁴². Ситуация обострилась настолько, что было признано необходимым вынести вопросы взаимоотношения двух систем кредитования на обсуждение XIV партийной конференции для выработки ею соответствующих директив.

Конференция отказалась от крайних точек зрения и приняла компромиссные решения, не исключавшие возможности углубления и расширения кооперативных тенденций. Основным типом объединения крестьянских хозяйств признавалось «сельскохозяйственное кредитное товарищество с посредническими функ-

циями». Для выведения сельхозкооперации из финансового кризиса и улучшения ее взаимоотношений с системой сельхозкредита было рекомендовано осуществлять ее кредитование банками и государственной промышленностью на началах наибольшего благоприятствования¹⁴³. Кроме того, государственным органам было указано на необходимость разработки в ближайшее время законов «О кооперативном кредите» и «О системе сельскохозяйственного кредита», острую необходимость которых показала практика кредитования деревни.

Трудно дать этим решениям однозначную оценку. С одной стороны, нельзя не согласиться с А. О. Буниным, который считает, что начало 1925 г. характеризовалось наиболее верным подходом руководства страны к осмыслению проблем развития кооперативного кредита на рельсах нэпа¹⁴⁴. С другой, — как представляется, эти объективно верные решения определялись, скорее, не осознанием места экономических рычагов финансирования деревни, к которым прежде всего следует отнести кооперацию, а были связаны со стремлением использовать кредитную кооперацию как один из механизмов социально-экономического переустройства сельского хозяйства на коллективистских началах.

Думается, что последнее предположение подтверждается и тем фактом, что открывшиеся возможности для поступательного развертывания кооперативных начал в организации сельхозкредита не были использованы. Об этом свидетельствуют и данные табл. 7.

Таблица 7.

**Система государственно-кооперативных учреждений
кредитования деревни***

	I.X.1924 г.	I.X.1925 г.	I.X.1926 г.	I.IV.1927 г.
Республиканские сельскохозяйственные банки	4	5	6	5
Общества сельхоз- кредита	46	59	54	67
Филиалы	120	135	141	136
Кредитные	6774	8556	9114	8369
кооперативы**	1585	3211	4322	4096

**Левитин И. Обзор деятельности сельскохозяйственного кредита к десятилетию Октября//На аграрном фронте. 1927. № 11/12. С. 143.

** В числителей—число кооперативов, в знаменателе—членов в них.

В то время как система государственных учреждений кредита укрепляется, к 1927 г. и абсолютный и относительный рост кредитных кооперативов и числа членов в них приостанавливается, что стало следствием более быстрых темпов роста других форм сельхозкооперации, где давление государственных органов не было столь существенным. Выполняя роль распределителя государственных кредитов, низовая кооперация не смогла в 1925—1927 гг. добиться существенного увеличения вкладной операции. В 1927 г. сумма привлеченных по вкладам средств не превышала 10% довоенной. Низкой эффективностью характеризовались и ее ссудные операции. Свидетельством обострения общего кризиса системы явились в угрожающих масштабах просроченные ссуды, которые на 1 апреля 1927 г. составили 18,6 млн. руб.¹⁴⁵

Складывающаяся ситуация требовала принятия неотложных мер, скорейшей разработки кредитного законодательства. Директива XIV партийной конференции о разработке в ближайшее время соответствующих законов не была выполнена ни в 1925, ни в 1926 г. Главными причинами этого явились разногласия в оценке соотношений государственных и кооперативных начал в организации сельхозкредита. Вплоть до 1926 г. продолжались острые дискуссии по законопроектам и многочисленные согласования в различных инстанциях и комиссиях¹⁴⁶. Благодаря поддержке Наркомземом позиции Сельскосоюза НКФ СССР пошел на уступки и к концу 1926 г. основные положения законопроектов о системе сельхозкредита и о кредитной кооперации были согласованы. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 января 1927 г. было утверждено «Положение о системе сельскохозяйственного кредита, а 18 января — «Положение о кооперативном кредите»¹⁴⁷.

«Положение о системе сельскохозяйственного кредита» определяло, что система сельскохозяйственного кредита осуществляется ЦСХбанком, сельхозбанками союзных республик, обществами сельхозкредита и сельскохозяйственными кредитно-кооперативными организациями по линии их кредитной деятельности. Общий надзор за работой учреждений сельхозкредита возлагался на НКФ СССР и народные комиссариаты финансов союзных республик. Функции ЦСХбанка определялись как общесоюзного планирующего и руководящего системой сельхозкредита органа, наделенного большими полномочиями. Вместе с тем оговаривалось, что деятельность кредитно-кооперативных организаций в области сельхозкредита определяется «Положением о кооперативном кредите».

Этот документ регулировал кредит, предоставляемый населе-

нию в кооперативной форме через учреждения сельскохозяйственной или промысловой кооперации. Им устанавливались две категории кредитно-кооперативных организаций: сельскохозяйственные и промысловые. Определялись и основные их задачи — привлечение денежных средств населения в кредитный оборот и кредитование на производственные нужды трудового населения, занятого сельским хозяйством, кустарными промыслами и ремеслами.

Принятие «Положения» стало знаменательным шагом в истории кредитной кооперации СССР, так как укрепляло кооперативные начала в организации сельхозкредита. Вместе с тем «Положение» по-прежнему отражало сложность взаимодействия двух систем: с одной стороны, в нем узаконивалось вхождение низовых кооперативов с кредитными функциями в систему сельхозкредита, с другой — руководство сельхозкредитом возлагалось на государственные учреждения во главе с ЦСХбанком. В «Положении» содержались и другие моменты, не соответствующие кооперативной природе товариществ.

На основе январских законов 1927 г. предпринимаются новые попытки скоординировать взаимоотношения государственных и кооперативных начал, систем сельхозкредита и сельхозкооперации, разработать долговременную программу развития кредитной кооперации.

Однако 3 мая 1927 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об объединении сельскохозяйственной кооперации», согласно которому необходимо было создать «объединенный центр сельскохозяйственной кооперации в качестве руководящего и объединяющего центра всей системы сельскохозяйственной кооперации», включая сельскохозяйственные союзы¹⁴⁸. Так произошло вторжение в прерогативы самой кооперации, центры и союзы которой правомочны определять отношения между собой. Был создан опасный прецедент.

10 мая на междуправительственном совещании при финансовой инспекции НК РКИ РСФСР была заслушана ее докладная записка, в которой предлагалось «устранить Всекобанк от производственного кредитования сельского хозяйства». Это требование было закреплено постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г.¹⁴⁹ В дальнейшем Госбанк, располагая наиболее крупными ресурсами текущих расходов НКФ и других учреждений, эмиссией и большим основным капиталом, продолжил теснить не только Всекобанк, но и ЦСХбанк в кредитовании сельского хозяйства¹⁵⁰.

В 1927 г. центральными партийными и государственными

органами сельскохозяйственной кредитной кооперации все более стала рассматриваться как механизм не только объединения отдельных крестьянских хозяйств в сельскохозяйственные кооперативы различной направленности, но и проведения коллективизации деревни. Такой подход был закреплён на XV съезде партии. В Политическом отчете ЦК И. В. Сталин подчеркнул, что «все наши мероприятия по ... вовлечению крестьянских хозяйств в русло кооперативного движения... являются мероприятиями, правда, решающими, но все же подготовительными для перевода сельского хозяйства на рельсы коллективизма»¹⁵¹. Именно с этой точки зрения на съезде рассматривались вопросы финансирования деревни. Первостепенное место отводилось социальной направленности сельхозкредита и обоснованию необходимости переустройства единоличных крестьянских хозяйств.

Социальная направленность кредитования со второй половины 20-х годов стала преобладающим фактором в развитии сельскохозяйственной кредитной кооперации. И если ранее это проявлялось больше в теоретическом и законодательном плане, когда решения не подкреплялись специально выделенными для этого ресурсами, слабо контролировались и проверялись, то с 1925—1926 гг. положение меняется. В системе сельхозкредита создаются специальные фонды по кредитованию бедноты и колхозов. Проводя линию XIV съезда ВКП(б), СНК СССР постановлением от 16 марта 1926 г. образовал фонд долгосрочного кредитования сельскохозяйственных коллективов (колхозов) за счет бюджетных ассигнований и ресурсов СЦХбанка. Этим же постановлением предлагалось обеспечить первоочередное снабжение колхозов сельскохозяйственными машинами¹⁵². 17 марта 1926 г. СНК СССР утвердил «Положение об общесоюзном фонде кредитования деревенской бедноты» (29 октября его заменило постановление СНК СССР «О фондах кредитования бедноты»)¹⁵³.

Организация фондов кредитования бедноты не достигла своей конечной цели — качественного улучшения хозяйства малоимущих слоев деревни, а стала, скорее, орудием в руках советского государства по форсированию коллективизации. Уже к концу 1925 г. наметилась тенденция установления доли кредитования колхозов за счет бедняцких фондов (на Украине, например, было определено, что для этой цели должно идти 70% бедняцких фондов, а на кредитование единоличных хозяйств — 30%¹⁵⁴). В результате сумма кредитов колхоза по РСФСР от общей суммы ссуд, выданных крестьянству в 1925/26 операционном году, составила около 12%, тогда как удельный вес колхозов в сельскохозяйственной экономике составил не более 1%¹⁵⁵.

Свидетельством превращения фондов кредитования бедноты в орудие форсирования коллективизации была и выявившаяся в 1926 г. тенденция выдавать ссуды только вновь организуемым объединениям, а не существующим. В результате многие колхозы создавались для фикции, для получения льготного кредита, а не в результате объективно протекающего процесса кооперативного развития. Льготными являлись и условия кредитования колхозов. Если общая сумма выданных крестьянству ссуд состояла к концу 1926 г. из 25,3% долгосрочных и 74,7 краткосрочных, то колхозы получили 52,7% долгосрочных и 47,3% краткосрочных ссуд¹⁵⁶. Между тем анализ просроченных ссуд по РСФСР в 1925/26 операционном году показывал, что хуже всего кредитная дисциплина была налажена у колхозов и кустариков¹⁵⁷.

Организация фондов кредитования бедноты привела, как и опасались того деятели кооперации, к усилению соборских настроений в крестьянской среде. Во всех письмах крестьян в редакцию журнала «Сельскохозяйственная жизнь» прослеживается их представление о сельскохозяйственном кредите, как о государственном пособии бедняцкому крестьянскому хозяйству, и о кредитных товариществах, как о передатчиках государственной помощи¹⁵⁸.

В 1927 г. происходило дальнейшее укрепление и развитие бедняцко-середняцкой и колхозно-совхозной направленности кредитования и ограничение финансирования зажиточных слоев деревни. Если в годовых отчетах Правления, Совета и ревизионной комиссии ЦСХбанка за первые три операционных года колхозы вообще не упоминались, то отчеты за 1926/27 операционный год показывали, что в колхозы и совхозы было вложено только производственных кредитов свыше 55 млн. руб., или почти 14% к общей сумме производственных кредитов сельскому хозяйству¹⁵⁹, тогда как удельный вес колхозов в деревне почти не изменился. К концу 1927 г. в результате проводимой социальной политики фонды кооперирования бедноты достигли 2 млн. руб., фонды кредитования бедноты в системе ЦСХбанка — свыше 35 млн., в системе Россельбанка — 19,8 млн. руб.¹⁶⁰. С 1927 г. системой сельхозкредита впервые начинает проводиться политика ограничения кредитования зажиточных элементов.

С 1928—1929 гг. происходит постепенное свертывание деятельности кредитных товариществ, которые стали «перерастать» в колхозы, а осенью 1929 г. этот процесс слился с массовой коллективизацией. В начале 30-х годов кредитная кооперация была ликвидирована.

Всего в 20-е годы сельскохозяйственный сектор народного хозяйства получил через систему сельхозкредита около 3,5 млрд. руб. Основная часть их была направлена на производственные нужды. Только за 5 лет с 1924/25 по 1928/29 хоз. гг. объем производственного кредитования в денежном выражении составил 1995,2 млн. руб., а в 1924/25 и 1928/29 хоз. гг. — соответственно 189,7 млн. и 555,4 млн. руб.¹⁶¹.

Каков же источник этих субсидий? Отсутствие на начальных этапах развития советской экономики свободного капитала, который мог помещаться в ценных бумагах, привело к необходимости ориентироваться в осуществлении государственной финансовой политики главным образом на сбережения трудящихся и прежде всего крестьянства. Особенностью государственного кредита СССР и его отличием от кредита западно-европейских государств стало развитие специальных займов, предназначенных для размещения в деревне, так как при почти полном отсутствии налогового обложения в городах внутренний заем мог быть осуществлен лишь в расчете на сельское население, уплачивающее продналог. Этим объясняется и то, что первыми советскими займами были натуральные — хлебные займы.

Первый хлебный заем на 10 млн. пуд. ржи был выпущен согласно постановлению ВЦИК и СНК от 20 мая 1922 г.¹⁶². Реализация его осуществлялась по ценам, которые устанавливались Наркомфином по соглашению с Наркомпродом. Погашение займа произошло путем приема облигаций в зачет продналога, а также путем оплаты их натурой. Заем был реализован на сумму 9,9 млн. пуд. ржи и выручка от него составила 7,6 млн. руб.

Второй хлебный заем, выпущенный на основании постановления ВЦИК и СНК от 22 марта 1923 г. на 100 млн. пуд. ржи, в основном повторил операцию с первым хлебным займом. Доходные поступления от займа выразились в сумме 47,8 млн. руб. Погашение шло путем сдачи в налог 84,1 млн. пуд., оплаты натурой 6 млн. пуд. и деньгами 10,1 млн. руб.¹⁶³.

Хлебные займы были построены таким образом, что их податным обеспечением полностью определялось их значение для держателей. Это делало хлебные займы чрезвычайно краткосрочными для государства. Первый хлебный заем почти не дал ему никакого кредита, так как основная масса его была реализована в период сбора продналога и погашение займа происходило почти одновременно с реализацией. Операции по первому хлебному займу были первым опытом ознакомления крестьян с ценными бумагами. Второй хлебный заем уже дал государству кредит в среднем на $2\frac{1}{2}$ месяца.

По мере денатурализации государственного и крестьянского хозяйства натуральные налоги с 1924 г. сменились денежными. В связи с этим в 1924 г. на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1924 г. был выпущен крестьянский заем в денежной валюте на сумму 50 млн. руб. Крестьянский заем, сохраняя податное обеспечение как основное условие для создания в крестьянской среде интереса к нему, имел ряд дополнительных выгод для поощрения тех держателей, которые дольше сохраняли свои облигации. Заем давал 5% дохода и предоставлял держателю возможность участия в восьми тиражах выигравшей на сумму 2 млн. руб. Таким образом, крестьянский заем призван был воспитывать в крестьянстве отношение к облигациям государственного займа не только как к налоговой квитанции, но и как к ценной бумаге, дающей доход и возможность сбережений.

Погашение облигаций крестьянского займа началось 1 апреля 1926 г. 58,8% всей суммы реализации составила сумма облигаций, сданных крестьянами в сельхозналог. Следовательно, большая часть реализованных облигаций возвращалась в короткий срок обратно, поэтому государство получало по займу очень короткий кредит, который ему дорого обходился¹⁰⁴. Опыт реализации крестьянского займа показал, что предоставленные его держателям дополнительные льготы сверх податного обеспечения оказались недостаточными, чтобы вызвать к нему интерес крестьянства. Поэтому и характер займа остался прежним. Кроме того, реализация его проходила в весенне-летние месяцы, когда платежеспособность деревни была наименьшей, что затрудняло размещение займа среди крестьян. Этот опыт был принят во внимание при проектировании следующих крестьянских займов.

В ноябре 1925 г. по постановлению ЦИК и СНК СССР от 2 октября 1925 г. был выпущен второй крестьянский заем. В его условиях не было предусмотрено никакой выгоды, связанной с уплатой налога облигациями. Доход устанавливался в 12%. Заем выпущен был на два года на сумму 100 млн. руб. в облигациях достоинством 5, 10 и 50 руб. Построенный таким образом заем предназначен был для размещения не только в деревне, но и в городе, название же крестьянского он сохранил для создания в сознании крестьян представления о преемственности между этим и предыдущим, знакомым крестьянину, займом¹⁰⁵.

Реализация займа показала непригодность сельского административного аппарата (РИКи, ВИКи и др.) для организации и проведения кредитных операций. С укреплением к этому времени финансового положения учреждений сельскохозяйственного кредита, с развитием их оборотов открывалась возможность

размещения краткосрочных займов через эту систему. Опыт показывал, чтобы заинтересовать низовую сеть сельхозкредита в размещении займа, необходимо отчислять в основной капитал первичного кооператива определенную часть реализованной через его посредство суммы. Наркомфин нашел возможным пойти на это и даже наметил размер таких отчислений в 10%.

С учетом этого Наркомфин предложил с 1 ноября 1926 г. выпустить третий крестьянский заем и разместить его через систему сельхозкредита. При этом расширялись права крестьян — держателей облигаций. Облигации могли приниматься не только в уплату сельскохозяйственного налога, но и семенных ссуд, лесных и земельных сборов. Кроме того, учреждениям сельхозкредита разрешалось часть возврата ссуд принимать облигациями крестьянского займа¹⁶⁶.

Итак, имея в лице индивидуального крестьянского хозяйства основной источник финансирования экономики страны, государство посредством политики кредитования деревни стремится регулировать функционирование и развитие крестьянского хозяйства, преследуя прежде всего социально-политические цели. Государственный монополизм, паразитирующий за счет крестьянства, стал основной чертой формирования финансовой системы страны. Непродолжительным по времени и неглубоким по существу было отступление от этой линии в начале 20-х годов. Однако здравый смысл нэповских реформ был принесен в жертву верности доктрине. В финансировании деревни с наибольшей отчетливостью проявился принцип «овладеть, а не организовать». К концу 20-х годов государство связало, стреножило все экономические механизмы финансирования деревни, подчинив их своему тотальному контролю.

Государственное регулирование цен

В соотношении цен на сельскохозяйственные и промышленные товары переплетались основные экономические, а следовательно, и политические проблемы советского государства. Это прежде всего, проблемы взаимоотношений крестьянства и рабочего класса, обеспечения взаимосвязанного и взаимообусловленного развития сельского хозяйства и промышленности, распределения национального дохода и др. И здесь Советской власти досталась довольно сложное наследство.

В ноябре 1916 г. перед лицом катастрофически уменьшающейся товарности деревни царское правительство решилось ввести на территории 31 губернии принудительную хлебную разверстку. Таким путем предполагалось получить около 700

млн. пуд. хлеба. Однако удалось собрать только 205 млн. пуд. Из этого количества лишь 62% было вывезено из деревни. Пришедшее на смену царскому режиму Временное правительство в марте 1917 г. издало закон о введении хлебной монополии, согласно которому все излишки хлеба должны сдаваться по твердым ценам государственным продовольственным органам¹⁶⁷. Хлебные заготовки приобрели характер военных действий против крестьян. Осенью 1917 г. борьба их за хлеб с продовольственными органами Временного правительства в ряде губерний стала главной, отодвинув на 2-е место даже борьбу за землю с помещиками. Тем не менее, план хлебных заготовок в октябре 1917 г. был выполнен только на 19%¹⁶⁸. Продовольственная проблема, стремительно развиваясь, переросла в угрозу голода.

Установление Советской власти не стабилизирует положения. К тому же, начинает испытывать серьезные затруднения промышленность. С конца 1917 до середины 1918 г. добыча угля уменьшилась на 149%, выплавка чугуна — на 486, производство стали — на 667, производство сахара — на 175%¹⁶⁹. Несмотря на то, что уже в первый день новое правительство поставило перед собой задачу восстановления экономических отношений между городом и деревней, заявив с трибуны II Всероссийского съезда Советов, что «Советская власть ...позаботится о доставке хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню»¹⁷⁰, в сложившихся условиях планируемый Советской властью товарообмен с деревней оказался крайне затруднительным.

9 февраля 1918 г. ВЦИК РСФСР декретом «О социализации земли» подтвердил незыблемость государственной монополии на хлеб. Разработав в конце февраля 1918 г. проект декрета «О заготовках хлеба», В. И. Ленин «решительно стал на точку зрения строжайшей хлебной монополии»¹⁷¹. Укрепив эту «командную высоту», Советское правительство одновременно ограничило права местных органов власти в области цен, предоставленные постановлениями «О расширении прав городских самоуправлений» от 27 октября (9 ноября 1917 г.) и «О комитетах цен» от 30 января (8 февраля) 1918 г.¹⁷² Начинается переход к твердым государственным ценам.

Несмотря на тенденцию к свертыванию товарно-денежных отношений, деньги сохранились, а с ними и цены. В условиях быстрого обесценивания денег в результате эмиссии (в первые месяцы революции в день печаталось около 140

млн. руб.), большого межобластного разрыва цен, «ножниц» цен между государственной и кооперативной торговлей на индустриальные и сельскохозяйственные товары, возрастания роли неорганизованного рынка государство пошло по пути не только регулирования, но и определения цен. Таким образом, уже с первых месяцев Советской власти начинается проводиться государственная политика ценообразования. Возглавляла всю эту работу Комиссия цен ВСНХ (с 18 июля 1918 г. — Комитет цен ВСНХ).

Логичным и неизбежным следствием введения государственной монополии на хлеб и другие товары первой необходимости, весной и летом 1918 г. было установление твердых цен на них. До конца 1918 г. такие цены были определены на шкуры, кожу и кожаные изделия, шерсть, и шерстяные изделия, на хлопчатобумажную ткань и изделия из нее, резиновые изделия, мыло, табак, чай и на многие другие продукты¹⁷⁸. В 1919 и первой половине 1920 г., по мере расширения и усиления контроля, рос список твердых цен, пока не охватил практически все предметы потребления. Твердые цены регулярно поднимались, причем, делалось это так, чтобы они опережали периодический рост цены на хлеб¹⁷⁴. Другими словами, условия торговли все больше и больше складывались не в пользу крестьянина. Практические предпринимаемые меры ценовой политики не могли компенсировать быстро падающую покупательную способность денег.

Таким образом, со временем, твердые цены все больше и больше расходились со «свободными», по которым те же самые товары реализовывались или обменивались на незаконном, но терпимом государством «черном рынке». Для сравнения приведем разницу хлебных цен осенью 1918 г. Согласно постановлению ВСНХ от 8 августа 1918 г. твердые цены на хлеб урожая 1918 г. в европейских губерниях России были установлены в пределах: рожь от 14 до 18 руб., за пуд, пшеница — от 17 руб. 50 коп. до 22 руб. 50 коп. А вольные цены к осени 1918 г. уже подпрыгнули до 290 руб. за пуд ржаной муки в Москве и 420 руб. — в Петрограде¹⁷⁵.

К 1920 г. твердые цены стали в значительной степени номинальными, а распределение по твердым ценам — практически равнозначным бесплатному, что в конечном счете и произошло.

Сельское население должно было снабжаться потребитель-

скими товарами на основе декрета от 21 ноября 1918 г. Декрет предусматривал «обязательный товарообмен» по принципу, чтобы 85% стоимости всех поставляемых товаров было оплачено продовольственными продуктами¹⁷⁶, а поскольку политика имела целью сохранение цен на промышленные товары на пропорционально более высоком уровне, чем на сельскохозяйственную продукцию, это само по себе означало дополнительные изъятия у крестьянина¹⁷⁷.

5 августа 1919 г. после сбора урожая был принят декрет, по которому Наркомпроду поручалось «устанавливать для каждой губернии или района в отдельности количество продуктов сельского хозяйства и промыслов, подлежащих обязательной сдаче, и количество товаров, отпускаемых для снабжения сельского населения». Причем промышленные товары не должны были отпускаться прежде, чем будут осуществлены поставки сельхозпродуктов. Этот декрет имел две существенные особенности. Во-первых, согласно ему подсчет эквивалентов проводился Наркомпродом на основе данных о необходимом количестве хлеба и других продуктов и о массе имеющихся в наличии промышленных товаров. Во-вторых, декретом был провозглашен принцип коллективной ответственности, который в декрете от 5 августа 1918 г. был только обозначен. Закон имел четкую классовую направленность. «Потребительским обществам», которые занимались распределением, не разрешалось ставить в худшие условия «пролетарские или полупролетарские элементы..., живущие заработной платой или пособиями, получаемыми от государства»¹⁷⁸.

К концу гражданской войны официальная система обмена между городом и деревней представляла собой скорее систему изъятия сельскохозяйственных продуктов, компенсируемых свободным распределением промышленных товаров на карточной основе, чем торговлю или продуктообмен, как это планировалось вначале. Категория цены, как категория, регулирующая товарно-денежные отношения, практически перестала существовать.

Как известно, X съезд партии объявил об изменении хозяйственной политики. Однако следует различать хозяйственный механизм, хозяйственную систему. Отвечающая данному политическому курсу хозяйственная система формируется постепенно и только со временем вытесняет старую. Так, хотя политическое решение о переходе к нэпу было принято

в марте 1921 г., не только весь 1921 г., но и значительную часть 1922 г. в стране сохранялась старая централизованная распределительная система, оперировавшая, правда, уже не продразверсточным, а продналоговым хлебом.

Первоначально в резолюции X съезда РКП(б) было записано, что излишки продуктов, остающиеся у крестьян после выполнения продовольственного налога, могут быть использованы для обмена на продукты фабрично-заводской, кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Организация товарообмена возлагалась на потребительскую кооперацию. Вопрос о торговле решен не был. Не случайно поэтому, определяя в связи с «новым курсом» задачи местных земельных органов, Наркомзем подчеркивал, что центром внимания и организационных усилий должен служить «свободный оборот», который нельзя отождествлять со «свободной торговлей». Здесь же особо оговаривалось: «Закон о свободном обмене на сельскохозяйственные коллективы не распространяется. Они по-прежнему сдают государству весь свой излишек»¹⁷⁹.

26 мая между Наркомпродом и Центросоюзом был заключен договор о передаче органам потребительской кооперации для обмена на продукцию сельского хозяйства 27,6 тыс. аршин мануфактуры, 861 тыс. пуд. керосина, 42,4 тыс. ящиков спичек, 599,2 пуд. соли, 538,9 тыс. кос, 20 тыс. плугов и другие товары. Вместе с продналогом, размер которого был ограничен 240 млн. пуд. зерновых при среднем урожае, переданный кооперации государственный товарообменный фонд должен был согласно решению X Всероссийской партконференции обеспечить дополнительное поступление в государственный продовольственный фонд 160 млн. пуд. зерновых (всего 400 млн. пуд. хлеба)¹⁸⁰.

Интересам развития товарообмена с крестьянством отвечало постановление ЦК РКП(б) «Хозяйственная политика ВСНХ в связи с продналогом» от 14 мая 1921 г.¹⁸¹, в котором определялся порядок заготовки сырья для промышленности путем натурального и денежного товарообмена по денежным ценам и товарным эквивалентам, выработанным ВСНХ по соглашению с Наркомпродом, Наркомземом и утвержденным советским правительством. Денежная форма товарообмена, однако, не привилась. Из-за полного расстройств финансовой системы было решено проводить товарообмен преимущественно в натуральной форме — наиболее близкой к социалистическому продуктообмену. Образованные

на местах Эквивалентные комиссии устанавливали определенную шкалу ценностей для каждого вида продукции, подлежащего обмену. Например, 1 аршин ситца — 20 фунтов зерна, 1 пуд мыла — 13,5 пуд. зерна и т. п. С другой стороны, инструкции Наркомпрода предписывали кооперации соблюдать (строго и неукоснительно) пропорцию обмена промышленных товаров на сельскохозяйственные в соотношении 1:3, т. е. заведомо игнорируя принцип эквивалентности обмена, диктуемый законом стоимости¹⁸². В результате, доведенный Наркомпродом до Центросоюза план заготовки хлеба был к 15 августа 1921 г. выполнен лишь на 0,6%¹⁸³.

В стране не хватало сельскохозяйственных продуктов и в первую очередь хлеба. На рынке цены на хлеб в силу действия механизма спроса и предложения росли, а на товарных пунктах сохранялись стабильными. По этой причине владельцы хлеба старались продать его на рынке, а не сдавать кооперации, практиковавшей экономически невыгодные и технически неудобные формы обмена. Товарообмен оказался малоэффективным средством решения сложных народно-хозяйственных проблем.

Срыв товарообмена еще больше обострил кризис продовольственного снабжения промышленных центров и повлек за собой значительные последствия. Под удар была поставлена вся система государственного нормированного распределения.

Принимая это во внимание, Совнарком в августе 1921 г. разрешил «переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена»¹⁸⁴, т. е. к торговле. А 17 октября 1921 г. ВЦИК и СНК приняли декрет, предоставивший сельскохозяйственным коллективам право свободно распоряжаться излишками произведенной продукции, остающимися у них после выполнения государственных налогов¹⁸⁵.

В ходе этих поисков в очередной раз рельефно выявились те общественные силы в партии, которые активно стремились проводить в жизнь существенно отличные варианты социалистического хозяйственного строительства: на основе социально-экономической действительности нэпа или на основе возврата к старой экономической политике. Экономический и политический кризис 1923 г. особенно четко расставил акценты.

В объяснение причин кризиса 1923 г. было выдвинуто множество точек зрения. С одной стороны, анализировались стоимостные факторы, т. е. затраты живого или овещест-

вленного труда, которые должны быть возмещены в цене товара при продаже его по действительной ценности. С другой стороны, ставился вопрос: при какой рыночной конъюнктуре спрос и предложение на промышленные и сельскохозяйственные товары взаимно покрывали бы друг друга, без ущерба для экономических интересов товаропроизводителей? Не было, однако, расхождения взглядов в одном, а именно, что «ножницы» — это фокус всего хозяйственного бытия нашего Союза; это фокус, в котором сходятся и из которого должны исходить все линии хозяйственной политики Советской власти»¹⁸⁶.

Как представляется, кризис 1923 г. является не только поворотным моментом в советской ценовой политике, но и тем историческим рубежом, который определил как основные направления дальнейшего развития нэпа, так и его главные дестабилизирующие факторы¹⁸⁷.

Катастрофическое расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары во второй половине 1923 г. не было результатом одной лишь спекулятивной политики гострестов и синдикатов, пытавшихся поправить свое финансовое положение монопольно-высокими оптовыми ценами на товары широкого потребления. Сыграло свою роль и то, что вследствие хорошего урожая резко упала рыночная стоимость сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1921/22 г. Более же всего надо иметь в виду, что неэквивалентность обмена промышленной и сельскохозяйственной продукции вообще была присуща той самой довоенной и дореволюционной экономике, объемы которой служили в период восстановления народного хозяйства главным ориентиром государственных хозяйственных и плановых органов. По разработанной известным советским экономистом А. А. Барсовым методике исчисления баланса стоимостных обменов между промышленностью и сельским хозяйством следует, что в 1913 г. в обмен на единицу промышленной продукции крестьянство по стоимости отдавало 3,5 единицы своего продукта — такова была плата крестьянского населения за индустриализацию капиталистической России¹⁸⁸. Упадок городской промышленности в период империалистической, а затем и гражданской войны еще более усугубил эту диспропорцию, которая сразу же дала о себе знать в момент приближения сельского хозяйства страны к довоенному уровню производства. По подсчетам С. Г. Струмилина, «нормальное расхождение цен должно было составить не менее 180%»¹⁸⁹. Фактически же на 1 октября

1923 г. оно измерялось 320%, т. е. крестьянское население вынуждено было по сравнению с 1913 г. платить за промизделия в 3,2 раза дороже. В этих условиях платежеспособность крестьянства оказалась исчерпанной гораздо быстрее, чем фактическое предложение промышленностью товаров массового спроса, осевших на складах гострестов и госсиндикатов, как невостребованные рынком. И это тогда, когда промышленность едва достигала $\frac{1}{3}$ объемов довоенного производства!

Объективно задаче ликвидации «ножниц цен» как источника дестабилизации рынка, отвечали два пути. Первый — и наиболее доступный — заключался в выравнивании индексов цен промышленной и сельскохозяйственной продукции посредством значительного увеличения платежепокупательного спроса крестьянства, что могло быть достигнуто за счет повышения закупочных цен на продукцию сельского хозяйства, снижения промышленных цен и замены натурального сельскохозяйственного налога денежным. В основе этого пути лежала реформа цен, важнейшим условием успеха которой был переход советского государства к твердой и свободно конвертируемой валюте. Второй заключался в индустриализации, т. е. в создании дополнительных производственных мощностей для наращивания выпуска промышленной продукции и доведения ее рыночной стоимости до уровня общественно-необходимых затрат труда и рабочего времени.

Еще в августе 1921 г. был создан междуведомственный орган по определению оптовых и розничных цен на все товары — Комитет цен¹⁹⁰. Однако, уже в 1922 г. деятельность этого органа была значительно ограничена с точки зрения вмешательства государства в ценовые процессы. Практика ценообразования стала ориентироваться на уровень цен, складывающийся на рынке, т. е. допускала известную долю стихийности. В начале 1923/24 г. в порядке мероприятий, направленных на выход из кризиса сбыта, государственные органы все более стали использовать свое право регулирования уровня цен. В октябре 1923 г. Комвнторг, по предложению ЦК РКП(б), почти на 30% снизил оптовые цены на ряд важнейших товаров промышленного производства. Тогда же ЦК принял несколько директив по финансированию заготовки хлеба и увеличению его экспорта¹⁹¹.

Следующим важным шагом стало завершение денежной реформы. В ходе реформы, продолжавшейся в течение 1924 г., было покончено с существованием двух параллельных

бумажно-денежных валют — совзнака и червонца. Страхуя себя от обесценения совзнака, частный торговец прибегал к так называемым курсовым надбавкам к ценам на реализуемую продукцию, в связи с чем в первую очередь, был отмечен непомерный рост розничных цен на предметы питания в крупнейших промышленных центрах.

Необходимо было во что бы то ни стало сбить рост цен на продовольственные товары. ЦК партии и Советское правительство прежде всего обратили усилия на снижение хлебных цен. Было принято решение все хлебные запасы, которые имелись в руках государства, бросить на основные рынки городского потребления: Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Ростов-на-Дону, Харьков, рабочие центры Донбасса и Урала. В результате этого маневра рост хлебных цен был приостановлен. Аналогичные меры были проведены с другими товарами широкого потребления, по отношению к которым государство являлось монополистом или располагало в количестве, достаточном для насыщения рынка (соль, керосин, сахар)¹⁹². Чтобы создать резерв для дальнейшего снижения розничных цен на основные группы промышленных товаров широкого потребления, Советское правительство с 1 августа по 1 сентября 1924 г. провело очередное снижение оптовых цен.

В 1924 г. в ряде губерний России¹⁹³ под угрозой оказался сбор урожая. Это обстоятельство мгновенно сказалось на рыночной конъюнктуре хлебных цен. Комиссариат земледелия предложил ряд мер для спасения положения. Был запрещен вывоз хлеба из этих районов. Комиссариату внутренней торговли было рекомендовано увеличить там продажу на 790 тыс. пуд., кроме того, 900 тыс. пуд. было выпущено на рынок из местных запасов. Земельные органы при этом вели активную пропагандистскую работу. Еще до поступления дополнительного хлеба на рынок, как только стало известно о предполагаемых мерах, цены стали падать¹⁹⁴.

Благодаря денежной реформе и реформе цен, удалось существенно выравнивать экономические отношения между промышленностью и сельским хозяйством, хотя до полной пропорциональности отношений обмена между этими двумя крупными родами производства было еще далеко. По данным ЦСУ, в конце 1924 г. покупательная способность деревни составила 1971 млн. червонных руб., что при тогдашнем индексе промышленных цен (1886)¹⁹⁵ означало потерю

для крестьянства при обмене товаров не менее 307 млн. червонных руб., или 25% реализуемой продукции¹⁹⁶.

В условиях свободного рынка в силу действия закона стоимости неэквивалентность обмена, как правило, влечет за собой повышение цен той группы товаров, которая при растущем спросе на них оказывается в менее выгодных экономических условиях обмена. Уже в начале 1925 г. обнаружилась тенденция к повышению оптово-розничного индекса сельскохозяйственных цен. Платежеспособный спрос крестьянства стал превышать предложение промышленных товаров. Тем не менее государство настойчиво продолжало проводить в жизнь политику снижения оптовых цен. Но если бы при этом не повышались розничные цены! Только в случае удержания промышленных розничных цен от роста можно было предотвратить крайне нежелательное для экономики страны повышение сельскохозяйственных цен и сокращение объемов производства товарной сельскохозяйственной продукции. По данным Конъюнктурного института, значительно уменьшился и темп прироста товарной продукции сельского хозяйства: с 1924/25 по 1926/27 г. он увеличился лишь на 0,6%¹⁹⁷. Саморегулирующийся механизм рынка выравнивал стоимостные пропорции обмена промышленных и сельскохозяйственных товаров, не вынуждая крестьянство отдавать в пользу государства своего труда больше, чем последнее возмещало ему в форме соответствующего товарного эквивалента. Однако, указанная выше взаимосвязь была осознана не сразу.

В этих условиях в качестве сугубо экономических мер стимулирования товарности сельского хозяйства могли стать: увеличение производства дешевых промышленных товаров, доступных основной массе крестьянства, и расширение объемов государственных и кооперативных закупок сельскохозяйственной продукции. Но последнее обстоятельство во многом зависело от умения торговать, причем, торговать не «по-азиатски», а «по-европейски».

Как показывает анализ материалов Наркомзема РСФСР, с 1925 г. его деятельность по регулированию цен на сельскохозяйственную продукцию становится более целенаправленной. Коллегия не раз обращается к вопросам ценообразования. С этой целью регистрируются цены и конъюнктура сельских базаров, ведется учет урожайности индивидуальных крестьянских хозяйств и колхозов, составляются предварительные хлебные балансы и т. п.¹⁹⁸. Все это говорит о постепенном

освоении нэповской концепции рыночных товарно-денежных отношений.

Однако, с другой стороны, с середины 20-х годов все более стала обнаруживаться опасная тенденция к урегулированию неувязок в товарообороте сугубо административными методами. Так, Наркомат внутренней торговли во главе с Л. Б. Каменевым значительно шире истолковал и использовал право установления твердых цен, основываясь на резолюции XIII съезда РКП(б) «О внутренней торговле», допускавшей регламентацию товарооборота лишь по отношению к деятельности частного капитала в интересах завоевания государством оптового оборота¹⁹⁹. В комиссариате складывается практика установления сбытовых цен для сельскохозяйственной кооперации, причем таких, которые подчас не покрывали даже заготовительных цен и накладных расходов. Несмотря на хороший урожай, план заготовок 1925/26 г. выполнен не был. По свидетельству председателя комфракции Сельсоюза Г. М. Каминского, в 1927 г. мы вплотную подошли к фактической государственной монополии во всех главнейших областях сельскохозяйственного оборота.

Однако, хозяйственный механизм нэпа, который продолжал активно функционировать, требовал других подходов. На основе анализа рыночной конъюнктуры, сложившейся к концу 1925 г., центральные плановые и государственные органы после бурных дебатов²⁰⁰ пришли к выводу о необходимости сокращения размеров вложений в крупную государственную промышленность. Результаты не замедлили сказаться. В течение всей первой половины 1926/27 г. складывается определенное рыночное равновесие²⁰¹. В целях его поддержания Советское правительство в очередной раз снизило оптовые цены на промышленную продукцию. Одновременно начали осуществляться мероприятия по снижению розничных цен, которые были одобрены в самых высших инстанциях партийного аппарата. Так, решение о снижении розничных цен было принято Политбюро ЦК 3 февраля 1927 г., 7—12 февраля последовал пленум ЦК ВКП(б), который утвердил его²⁰².

При относительно благополучной рыночной конъюнктуре зрел острый экономический кризис. Осенью 1927 г. произошло сокращение предложения сельскохозяйственной продукции и соответственно спроса крестьянского населения на промышленные товары. Деревня сократила свой платежепокупательный спрос на эти товары не потому, что не нуждалась в них, а потому, что их негде было купить. По данным Конъюнктурного

института Наркомфина СССР, наименее обеспеченными промышленными товарами явились основные производящие сельхозпродукцию районы — Украина, Северный Кавказ, Сибирь, Урал, Поволжье и Центральный земледельческий район²⁰³. Самым узким местом в хозяйственной системе становится товарность сельского хозяйства. Выйти из создавшейся кризисной ситуации можно было, либо урезав размеры накопления на капитальное строительство в городе и обратив высвободившиеся ресурсы в доступные для крестьянства товары широкого потребления, либо проблему «товарного голода» решать лучшей организацией очередей и применением внеэкономических мер принуждения к крестьянству для продажи им государству излишков товарной продукции.

В течение 1927/28 г. никаких мер для устранения падения товарности сельского хозяйства ни Госпланом, ни хозяйственными наркоматами предпринято не было. Госплан даже рекомендовал правительству в качестве средства установления рыночного равновесия снизить заготовительные цены на хлеб «с их теперешнего уровня до среднегодовой нормы текущего года». Еще более значительное сокращение заготовительных цен предлагалось на продукцию животноводства, фураж и овощи²⁰⁴. Однако в складывающихся условиях нецелесообразно было даже удерживать заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию на прежнем уровне. Крестьянство в результате третьего подряд хорошего урожая накопило достаточно резервов для удовлетворения краткосрочных нужд в промтоварах и расчета по платежам и не спешило излишки вынести на рынок или сдать заготовительным органам. Не случайно, во время заготовительной кампании 1927/28 г. было отмечено, что до 350 млн. пуд. хлеба шли в руки госзаготовителей почти самотеком, а остальные 100—150 млн. пуд. товарной продукции, требующейся для выполнения государственного плана хлебозаготовок, оставались в крестьянских амбарах. И это понятно, как только началась реализация урожая 1927 г., индекс хлебных цен вольного рынка составил 17,2, а индекс государственных заготовительных — 5,5²⁰⁵. На этой разнице хорошо погрел руки спекулянт-перекупщик.

В попытках найти выход из хлебозаготовительных затруднений государство не учло своих ошибочных решений в ценовой политике. Разработанный в Наркомфине СССР план мероприятий по борьбе с хлебными затруднениями главным образом был направлен на сбор налогов и страховых платежей в жесткие сроки. Предполагалось, что «ликвидация

задолженности по сельхозналогу и по страховым платежам несомненно заставит крестьян выбросить значительную часть запасов, имеющегося в их распоряжении хлеба». Если «такой же прием будет применен в отношении непогашенной ссуды, то количество хлеба на рынке, несомненно, еще увеличится». В качестве запасного варианта оставалось еще привлечение крестьян к подписке на новый заем — «Укрепление крестьянского хозяйства». В заключение плана Наркомфина отмечалось, что реализация этих мер полностью, зависит «от энергии и умения, которые будут проявлены советскими и партийными организациями, работающими в деревне». Внимание партийных и государственных органов должно быть сосредоточено на реализации хлебозаготовительного плана, «отступление от которого грозит серьезными экономическими затруднениями»²⁰⁶. И директива была выполнена. Поистине пророческими в этой ситуации представляются слова ученого-экономиста А. Л. Вайнштейна: «Попытка преодолеть рыночную неувязку товарно-денежного хозяйства внеэкономическими методами в своем логическом развитии должна была привести к методу хозяйствования периода «военного коммунизма» со всеми его характерными чертами»²⁰⁷. В ходе хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. «военно-коммунистические» методы вновь стали практикой. Попытки отрегулировать сложившуюся ситуацию мерами внеэкономического давления на рынок привели к полному его функциональному расстройству.

Итак, уже к середине 20-х годов рыночные связи в отношениях между двумя важнейшими отраслями экономики — сельским хозяйством и промышленностью — стали активно замещаться чисто административными методами регулирования товарооборота, важнейшим из которых было превращение заготовительных цен в твердые цены, оторванные от общего состояния рыночной конъюнктуры. Примерно с этого времени началось постепенное отключение рынка от выполнения им общественно-необходимых функций ликвидации той или иной народнохозяйственной диспропорции восстановления равновесия спроса и предложения. По мере развития этого процесса удлиняется цепь ошибочных решений партийных и государственных органов, последним звеном которой было решение понизить осенью 1927 г. заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства. Справедливости ради следует отметить, что в той конкретной экономической ситуации оно уже не могло оказать определяющего влияния на увеличение

или уменьшение товарной продукции сельского хозяйства. Чтобы «спасти нэп», было вовсе недостаточно отбросить «сибирский» метод хлебозаготовок или воплотить в жизнь предложение Н. И. Бухарина о повышении государственных заготовительных цен. Для этого следовало остановить распад рыночных отношений. Однако к концу 20-х годов процесс зашел уже достаточно далеко. Реальным стал альтернативный вариант хозяйственного строительства и сформировались общественные силы, поддерживающие его.

Материально-техническое обеспечение деревни

Империалистическая и гражданская война, а также интервенция причинили колоссальный ущерб народному хозяйству страны. Огромные потери несло сельское хозяйство. Трудно определить их действительные размеры. Прямые убытки сельского хозяйства от уничтожения, расхищения живого и мертвого инвентаря, сокращения посевных площадей, разрушения и повреждения хозяйственных построек, зданий, разграблений, реквизиций, вывоза разного рода имущества, материалов и товаров составили около 4 млрд. руб. С каждым годом все труднее было выполнять сельскохозяйственные работы. К тому же следует учитывать, что крестьянство составляло основной контингент армии (77%). Разруха, голод, болезни, недостаток семян, инвентаря, скота и т. д. тяжело сказывались на настроениях крестьян.

В этих условиях регулирующая роль государства должна была выразиться в поддержании функциональной способности сельского хозяйства к обеспечению страны и армии продуктами питания, а промышленности сырьем. Однако для создания механизма такого регулирования требовалось время. Поэтому основные рычаги воздействия государственно-политических структур определялись чисто административными решениями. В Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, была изложена система мер, направленных на повышение производительности крестьянского хозяйства. Предусматривалось: упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, длинноземелья и пр.); снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями; распространение агрономических знаний; агрономическая помощь крестьянам; ремонт в советских ремонтных мастерских сельскохозяйственного крестьянского инвентаря; устройство прокатных пунктов, опытных станций, показательных полей и т. п.; мелиорация крестьянских земель.

Так, важнейшей регулирующей задачей государственных органов стала борьба с недосевами, которые стремительно приводили сельское хозяйство страны к натуральному типу организации и подрывали его экономические возможности. В этих условиях поиск стимулов новой организации сельскохозяйственного производства не представлялся первостепенным. Решить проблему государство попыталось путем распределения и перераспределения имеющихся у крестьян семян через систему семенных фондов путем реквизиций и создания чрезвычайных организационных структур.

В этой связи важнейшей задачей государства стало снабжение сельского хозяйства машинами и инвентарем. Однако потребности в них промышленность могла удовлетворить в ничтожных размерах, так как производство их было сокращено до минимума. Если производство сельскохозяйственных машин и орудий в 1913 г. принять за 100%, то в 1914 г. оно составило 90%, в 1915 — 50, 1916 — 20, в 1917 — 15%, в годы гражданской войны почти полностью прекратилось²⁰⁹. Крестьянские хозяйства, расширившие свои наделы в результате аграрных преобразований, нуждались в средствах обработки.

Этот вопрос, конечно, не мог выпасть из поля зрения НКЗ. В речи на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун нарком земледелия С. П. Середа говорил: «Теперь, когда закрыты все границы, когда мы не получаем из-за границы сельскохозяйственных машин, когда заводы чрезвычайно плохо работают, когда у нас нет ни топлива, ни сырья, чтобы наладить работу заводов, выделяющих сельскохозяйственные орудия, положение наше становится чрезвычайно трудным»²¹⁰.

Снабжением деревни сельхозмашинами занимался не только Наркомзем и даже не в первую очередь он. Дело это было поручено нескольким ведомствам. Наркомзем должен был разрабатывать типы машин и орудий, испытывая их в различных почвенных и климатических условиях, вести учет потребности и составлять планы распределения. ВСНХ сосредотачивал на своих предприятиях производство машин. Наркомпрод и его органы непосредственно осуществляли распределение машин, инвентаря и металла для нужд сельского хозяйства по планам Наркомзема²¹¹. Между местными органами НКЗ (земотделами) и Наркомпрода (губпродкомами) неизбежно возникали трения: первые руководствовались желанием обеспечить посев, вторые — только получить продовольствие. Тем не менее, когда не было возможности удовлетворить даже минимальные потребности сельского хо-

зяйства в инвентаре и машинах, эта распределительная система позволяла в какой-то мере сочетать общегосударственные интересы в области хлебозаготовок с интересами в области обработки и засева полей.

В период существования Комитета посевной площади эти вопросы входили в круг деятельности центрального и местных оргасево. В марте 1920 г. машиноснабжение сельского хозяйства сосредотачивается в отделе снабжения Наркомзема РСФСР²¹².

В 1918—1920 гг. через систему централизованного снабжения крестьянство получило около 293 тыс. плугов, 40 тыс. борон, 3,5 тыс. сеялок, 2280 тыс. кос, 46 тыс. хлебоуборочных и 29 тыс. сеноуборочных машин, 1800 тыс. серпов²¹³. Внушительными эти цифры кажутся только на первый взгляд. В действительности же полученные орудия и инвентарь не могли удовлетворить потребности многомиллионного крестьянства. По сообщению Саратовского губземотдела запасы машин и орудий в губернии на 1919 г. выражались следующими цифрами: плугов — 115, борон — 6, сеялок — 64, жнеек — 116, молотилок — 27 и т. д. Нужда в сельскохозяйственном инвентаре: плугов необходимо 33304, борон — 15891, сеялок — 13110, веялок — 4790, жнеек — 13566, молотилок — 5529 и т. д.²¹⁴.

Острый дефицит сельскохозяйственного инвентаря привел к организации прокатных пунктов, станций, ремонтных мастерских.

Организация прокатных пунктов была налажена во всех губерниях Советской республики. Ими ведали местные земельные органы. Уже в 1918 г. только в Саратовской губернии насчитывалось 102 прокатных пункта. В Ядринском уезде Казанской губернии на весенне-летних работах и подъеме зяби в 1918 г. плугами прокатных станций пользовались 1542 человека, жнейками — 95, боровами — 37, конными граблями — 132, молотилками — 137 человек²¹⁵. В 1920 г. в Московской губернии было 240 прокатных пунктов, в Новгородской — 230, в Псковской — 90, в Пермской — 225 пунктов²¹⁶. Государственные прокатные пункты сельскохозяйственного инвентаря обслуживали в первую очередь коммуны, артели и совхозы, а также стремились удовлетворить нужды бедняков, бедняцко-середняцких хозяйств.

НКЗ РСФСР и его местными органами предпринимались усилия к организации мастерских по ремонту сельскохозяйственных машин и инвентаря. В 1918 г. Наркомзем ассигновал 3 млн. руб. на оборудование в различных районах

Советской республики 274 ремонтных мастерских²¹⁷, в том числе в Воронежской — 55, Самарской — 52, Пензенской — 42 мастерских²¹⁸. Осенью 1919 г. в ведении Наркомзема имелось свыше 600 ремонтных мастерских. К концу 1920 г. он располагал уже значительной их сетью. Всего по РСФСР было 1274 ремонтных мастерских с 11 тыс. рабочих, в среднем по 30—35 мастерских в каждой губернии²¹⁹.

Наряду с материальной и технической помощью необходимо было дать крестьянину практические рекомендации по наиболее рациональным приемам агрономии, агротехники и животноводства и т. п., т. е. оказать помощь технологическую, которая и является основным видом государственного воздействия на сельское хозяйство в экономически развитых странах²²⁰. Серьезная роль в связи с этим отводилась опытному отделу НКЗ и находившимся в его ведении сельскохозяйственным опытными станциям.

В апреле 1918 г. в Наркомат земледелия обратились работники одного из старейших научных опытных учреждений России — Шатиловской опытной станции — с просьбой «оградить станцию от разгрома»²²¹. Коллегией НКЗ туда был послан представитель комиссариата, чтобы «ознакомившись с положением, принять все необходимые меры». Коллегия предложила департаменту земледелия «составить список показательных полей, сельскохозяйственных ферм и т. п. Этот список сообщить телеграфом по соответствующим губсовдепам для принятия ими всех мер к охране указанных полезных учреждений»²²².

В мае 1918 г. Наркомзем разослал всем Советам циркулярное письмо, в котором говорилось, что наркомат придает важное значение опытным учреждениям — лабораториям, станциям и т. д., просит принять меры к охране их и разъяснить населению, что задача этих учреждений поднять экономическое благосостояние страны²²³. 19 августа 1919 г. Наркомзем издал постановление «Об организации хозяйственно-технических и учебно-показательных центров». Вся республика была разделена на ряд сельскохозяйственных областей, научно-опытную работу в которых возглавляла опытная станция²²⁴.

Еще ранее по постановлению объединенного съезда опытников (ноябрь 1918 г.) при каждом из опытных учреждений были созданы отделы применения, в задачи которых входило приблизить опытные учреждения к населению путем передачи крестьянству достижений в области земледелия. Одним из первых такой отдел был создан на Шатиловской опытной станции, осуществлявшей в Центральном черноземном районе

руководство в области полеводства. Станция обслуживала Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Курскую и часть Тамбовской губернии²²⁵. Результаты разработок станции были объединены в 17 больших тем, охватывающих вопросы: оптимальных для данной местности форм организации хозяйства, увеличения урожайности полей в зависимости от внесения различных видов удобрений, а также семеноводства различных культур и др. Многие из опыта станции было опубликовано в виде брошюр, прочитано в форме лекций²²⁶.

На территории каждой губернии местными сельхозорганами создавались показательно-агрономические участки, которые должны были демонстрировать улучшенные способы обработки почвы, посев сортированными семенами и др. Так, сельскохозяйственный подотдел Московского губземотдела заложил 140 показательно-агрономических участков, а в первой половине 1920 г. — еще 100 участков²²⁷. Как правило, урожайность на полях опытных учреждений в 2—3 раза была выше, чем на крестьянских²²⁸.

Уже в 1919 г. наблюдается тенденция к объединению опытного дела в нескольких отраслях сельского хозяйства в одном учреждении. Журнал «Вестник Народного комиссариата земледелия» в этой связи писал: «Сухумская и Сочинская опытные станции, которые служат главным образом интересам садоводства, в то же время включают в своей системе отделения по полеводству»; «Полтавская опытная станция, Верхнеднепровское и Донское опытные поля наряду со своей основной работой в сфере вопросов полеводства постепенно начинают уделять все большее место вопросам животноводства»²²⁹.

Основной задачей в области животноводства тогда было сохранение ценных племенных пород скота. 19 июля 1918 г. СНК опубликовал декрет «О племенном животноводстве», которым подтверждалась национализация племенного поголовья скота. Племенное поголовье скота освобождалось от реквизиций, поставок в армию и предназначалось для общего улучшения животноводства, создания племенных рассадников, заводов, случных пунктов. С целью породного улучшения скота племенные животные предоставлялись коммуна, учреждениям, обществам и отдельным гражданам с обязательством сохранять и использовать их по назначению²³⁰.

В системе НКЗ РСФСР опытной работой по животноводству занимался особый отдел животноводства, в подчинении которого находились и племенные хозяйства, и рассадники. Всего к 1920 г. на территории РСФСР было 390 племенных хозяйств и рассадников, в которых насчитывалось 16 тыс.

голов крупного рогатого скота, 19 тыс. племенных овец, 1,5 тыс. племенных свиней, 4 тыс. племенных лошадей. На содержание этих хозяйств и другие мероприятия по развитию животноводства в связи с ходатайством Наркомзема Советским правительством было ассигновано в 1918—1919 гг. 60 млн. руб.²³¹.

Большое значение Наркомзем придавал распространению среди крестьян агрономических и ветеринарных знаний. С этой целью организовывались краткосрочные сельскохозяйственные курсы при земотделах, совхозах, коммунах, проводились лекции и беседы. В 1918—1919 гг. для подготовки инструкторов по молочному животноводству было создано на местах 50 краткосрочных курсов. По 15 губерниям Российской Федерации в 1919 г. Наркомземом было организовано 106 курсов для 7748 человек. Всего же в это время по вопросам сельского хозяйства было прочитано 939 лекций, на которых присутствовали 21726 слушателей²³².

Конечно, в тяжелейших условиях гражданской войны и становления новой власти не было достаточно возможностей, чтобы научно-исследовательскую работу в области сельского хозяйства и широкое внедрение ее результатов (чем и должны были заниматься опытные учреждения) проводить регулярно и повсеместно. Однако все сделанное в этой сфере не позволило окончательно утратить уникальный опыт, накопленный в предшествующий период, и прежде всего земской агрономией. Результаты этой работы стали базой, на которой в годы нэпа была предпринята попытка возродить научные исследования технологических процессов сельскохозяйственного производства.

Переход к нэпу принципиально не меняет основы материально-технического и технологического обеспечения сельского хозяйства. Хозрасчет и рыночные отношения, присущие новой экономической политике, нашли здесь своеобразное преломление.

В июне 1922 г. на заседании Президиума Госплана было выдвинуто предложение о передаче всех сельскохозяйственных машин и орудий из ведения Наркомзема и Наркомпрода специальному акционерному обществу для их реализации в кредит²³³. Крестьянин получал возможность приобрести сельскохозяйственную технику и орудия в рассрочку, что в условиях падения производительности сельского хозяйства было особенно важным. Учитывался и тот факт, что заводы страны в связи с тяжелым финансовым положением не могли реализовать свою продукцию в кредит. С другой стороны, целесообразность этого шага обосновывалась и тем,

что прибыль, поступающая от реализации таким путем машин и сельскохозяйственных орудий, могла быть направлена на восстановление сельскохозяйственного машиностроения²³⁴, тогда как при продаже их Наркомземом вырученные средства шли на общие нужды сельского хозяйства. Предполагалось, что создание акционерного общества гораздо выгоднее, чем, скажем, сельскохозяйственного банка, который имел исключительно коммерческий характер, в то время как в акционерном обществе предусматривалось соединить коммерческо-кредитные и производственные функции.

Для практического решения вопроса была создана под председательством проф. В. Ю. Гана межведомственная комиссия. В ее состав вошли В. З. Есин (Госплан), К. П. Давыдов (ВСНХ), А. Я. Глаголев и И. А. Попов (Главсельмаш), Г. И. Гейзе (Наркомзем), Ф. Н. Иванов (Госсельсклад НКЗ), В. Н. Романов (Наркомфин), С. Жантиев и А. Менжинский (Госбанк), Проза (Синдикат трестов), И. В. Чирков (ВЦСПС)²³⁵. Однако комиссия засомневалась в необходимости предлагаемой выше реорганизации и в конце концов приняла решение о создании такого акционерного общества, где членами являлись Наркомзем, Наркомфин, Наркомпрод, Синдикат трестов, сельскохозяйственная кооперация и частный капитал. Но при этом выдвигалось непременное условие, что в руках правительственных организаций и кооперации должна находиться большая часть паев. Наркомфин выделил 3 млн. руб. золотом для отпуска в кредит крестьянам сельскохозяйственного инвентаря, находящегося на складах НКЗ²³⁶. Дальше этого дело не пошло. Более того, указанная выше сумма была передана Госбанку и реализована через систему его органов. Ни о каком акционерном обществе уже не было и речи²³⁷.

Между ведомствами, занимающимися снабжением деревни инвентарем и сельхозмашинами, — Наркомземом, Наркомпродом и кооперацией — шли серьезные трения. Все отчетливее проявлялось стремление НКЗ сосредоточить дело снабжения деревни инвентарем в своих руках. Не случайно еще на Всероссийском съезде земотделов в декабре 1921 г. перед Наркомземом была поставлена задача «начать борьбу с Центросоюзом по сосредоточению в своих руках снабжения инвентарем»²³⁸.

В начальный период нэпа в ходе налаживающегося товарообмена между городом и деревней все более заметную роль в деле снабжения деревни стала играть кооперация. К середине 20-х годов сложилась практика договорных отно-

шений между предприятиями, производящими сельскохозяйственные машины и орудия, и сельскохозяйственной кооперацией²¹¹. Согласно договорам, 5 числа каждого месяца Сельскосоюз должен был оплачивать заказы государственной промышленности, вне зависимости от того, выполнены ли они. При таком подходе завод мог сбыть кооперации продукцию любого качества. В некоторых случаях, отмечает инспекция НК РКИ, получаемые машины были совершенно непригодны к использованию. Тем не менее кооперативы, предварительно оплатив заказы, вынуждены были их брать. Эти машины и орудия либо оседали на складах кооперативов, либо все-таки поступали к населению, но, как правило, в сроки, самые не подходящие для их применения: «жатки, когда уборка закончена, плуги, когда кончается пахота»²¹⁰.

Снабжение деревни инвентарем шло и по другим каналам — через органы НКЗ, Госсельсклад и другие государственные структуры. Продолжала работать система, сложившаяся в годы гражданской войны, правда, несколько модернизированная. Однако при слабости, а порой и отсутствии экономических механизмов взаимодействия между отдельными звеньями хозяйственной системы на государство в деле снабжения сельского хозяйства ложилась роль распределителя, с которой оно справлялось с большим трудом, допуская срывы то в одном, то в другом месте.

Одним из самых уязвимых мест в снабжении деревни техникой были цены. С переходом к нэпу было объявлено, что машины крестьянам продают по довоенным прейскурантам. Однако уже в 1924 г. обследование НК РКИ установило, что цены, по которым заводы отпускают продукцию, хотя и считаются «довоенными», но фактически значительно выше их — на 16—82% в 1924 г. В 1925 г. цены выросли еще на 9% и по сравнению с оптовыми ценами 1913 г. увеличились на 26,8—99,2%. А если учесть, что торгующие организации устанавливали 12 торговой надбавки, плюс 6 транспортных расходов, то становится понятным стремление крестьян обойтись без дорогостоящего инвентаря и перейти на деревянную соху и косулю²¹¹.

По подсчетам экономиста А. И. Хрящевой, чтобы увеличить посевные площади только до уровня 1917 г., сельскому хозяйству необходимо было около 3 млн. плугов, 1138 млн. сеялок, 169 тыс. жнеек и др.²¹². Однако к концу восстановительного периода недопоставки отечественной промышленности по машинам и инвентарю составили от 3 до 84%²¹³. Не смог решить проблемы и импорт. В 1924 г.

предполагалось ввезти из-за границы 32% необходимых сельскому хозяйству машин и инвентаря. Этот план был перевыполнен. Было импортировано сельскохозяйственного оборудования на 2280 млн. руб., что составило 38% необходимых поставок сельскому хозяйству²⁴⁴. Но практически вся эта техника пошла в колхозы и только $\frac{1}{10}$ часть через кооперацию продана частнику²⁴⁵. Всего же по данным Госсельсиндиката в 1924—1925 гг. колхозами было приобретено тракторов 1546 (32%), сельскохозяйственными товариществами — 2030 (42%), совхозами — 1204 (25%) и только 7 (0,2%) — единоличными покупателями²⁴⁶.

Проблему дефицита сельскохозяйственной техники и орудий могли решить государственные прокатные пункты. С переходом к нэпу организация их была передана местным земельным органам, а те за неимением средств «перебросили» их кооперации. Кооперация в свою очередь, подвергнутая массированному огосударствлению, не имея достаточных оборотных средств, а со стороны государства необходимых льгот, не смогла должным образом развернуть работу. Поэтому и в 20-е годы достаточно широкое распространение получили чрезвычайные меры — ремонтные поезда, переданные из военного ведомства, ремонтные бригады из городских рабочих и т. п.²⁴⁷.

Во второй половине 20-х годов производство и снабжение сельскохозяйственными орудиями и машинами стало важнейшим рычагом государственного регулирования развития деревни, подготовки ее социалистического преобразования²⁴⁸. По данным весенних опросов, в 1927 г. на 24—25 млн. единоличных хозяйств приходилось 17,3 млн. пахотных орудий, в том числе 11,6 млн. плугов и буккеров, 5,7 млн. пахотных орудий, 5,7 млн. сох. К весне 1929 г. количество плугов и буккеров увеличилось до 14,7 млн., а сох уменьшилось до 4,8 млн. Это означало, что даже при самом равномерном распределении пахотного инвентаря почти 7 млн. хозяйств остались без него. В действительности таких хозяйств было намного больше. Обеспеченность сельского хозяйства машинами: сеялками, жнейками, молотилками, веялками и т. п. — возросла не столь заметно, как плугами. В 1927 г. только 15,2% крестьянских хозяйств СССР имели усовершенствованный инвентарь. Одна сеялка приходилась на 37 хозяйств, жнейка — на 34, сенокосилка — на 56 хозяйств. Молотилку имело только одно из 47 хозяйств, веялку или сортировку — одно из 25 хозяйств²⁴⁹.

Еще в декабре 1921 г. на Всероссийском съезде земледельцев было заявлено, что недостаток сельскохозяйственного

инвентаря на 40% может быть восстановлен коллективным его использованием²⁵⁰. С 1927 г. государство перестало продавать сельскохозяйственную технику в частные руки. Для большинства крестьянских хозяйств приобретение сложной техники становилось не только непосильным, но и невозможным. Государственное регулирование сельского хозяйства определялось основным направлением хозяйственной политики — в сторону сплошного социалистического его преобразования сверху.

Задачи восстановления сельского хозяйства, которые предполагалось решить с помощью нэпа, требовали совершенствования технологии сельскохозяйственного производства, а в связи с этим новых подходов к организации сельскохозяйственного опытного дела. Однако с переходом к нэпу существенной перестройки в регулировании опытных исследований в области сельского хозяйства не произошло. Реорганизации, как правило, носили структурный характер, мало касаясь существа дела. По-прежнему действовали методы «боевых приказов», принципы принятия решений любого уровня сверху.

IX Всероссийский съезд Советов в постановлении от 26 декабря 1921 г. обязал ВЦИК, СНК и все органы Советской власти на местах в целях вовлечения широких крестьянских масс в работу по распространению улучшенных приемов земледелия и внедрению в крестьянскую среду научных сельскохозяйственных знаний всемерно развивать и совершенствовать сельскохозяйственное опытное дело как основу агрикультурного воздействия на население²⁵¹.

X Всероссийский съезд Советов поручил Совнаркому и исполкомам на местах обеспечить опытные учреждения необходимыми материальными средствами²⁵². На государственном бюджете были оставлены лишь наиболее крупные, остальные переданы на местные средства и включены в сеть местных земельных органов. Реорганизация опытного дела пошла по линии разграничения функций опытных учреждений разного уровня и масштаба деятельности — центральных, областных и районных.

Эти принципы были положены в основу принятого в 1923 г. «Положения о сельскохозяйственном опытном деле». Согласно ему опытный отдел Центрального управления сельского хозяйства (ЦУСХ) ведал всеми сторонами деятельности всех опытных учреждений республики: организационной, научно-методической, административной и финансово-хозяйственной. В его состав входило научное бюро, организуемое из приглашаемых Наркомземом специалистов по важнейшим от-

раслям опытного дела. В компетенции бюро были: научная разработка важнейших вопросов опытного дела, предварительное составление общего плана деятельности государственной опытной сети, заключения по планам, программам и отчетам опытных учреждений, консультации по научно-опытным вопросам, подведение итогов работы опытных учреждений и подготовка материалов к печати. ЦУСХ в установленном порядке созывал Всероссийские съезды по опытному делу, совещания директоров опытных учреждений. На местах опытное дело находилось в ведении областных и губернских земельных органов, в составе которых учреждались научные бюро по опытному делу. В целях объединения всей работы по опытному делу в области и установления связи ее с агрономическими организациями при земельных органах созывались областные и губернские совещания деятелей по опытному делу с участием представителей губэконосо, губзсу, Всеработземлеса, кооперации, агроперсонала и общественности.

К 1 октября 1924 г. в ведении Опытного отдела находилось 58 опытных учреждений. Из них 8 общегосударственного значения, 16 областных и 10 районных сельскохозяйственных опытных станций, 13 районных опытных полей, 11 опытных учреждений специального назначения. Этого количества опытных учреждений было явно недостаточно для обслуживания обширной территории, но оно не могло быть увеличено из-за значительных финансовых затруднений. Тем не менее в 1924/25 гг. ставился вопрос об открытии новых опытных учреждений и переводе некоторых из существовавших с местного на государственный бюджет²⁵³.

Несмотря на трудности, растут ассигнования из государственного бюджета на опытное дело. В 1923/24 г. было отпущено на опытные учреждения 919956 руб., в 1924/25 г. — 1241137 руб., т. е. 4357 руб. на одно опытное учреждение, в 1924/25 г. государственные ассигнования составили 2350378 руб., т. е. 6,655 руб. на одно опытное учреждение. Помимо кредитов, отпущенных по основной смете, опытный отдел имел еще дополнительно 148750 руб. Кроме того, для удовлетворения нужд Госсемкультуры государством было ассигновано 370000 руб. К тому же учреждениям, находившимся на местном бюджете, Наркомат финансов в 1924/25 г. отпустил 290324 руб., из них на одно опытное учреждение приходилось 9677 руб.²⁵⁴

Однако другая тенденция наблюдается, если посмотреть на изменение научного потенциала опытных учреждений. Отчеты Наркомзема РСФСР в 20-е годы дают довольно

высокую цифру квалифицированных специалистов сельского хозяйства в опытных учреждениях. Так, в 1924/25 г. специалисты высшим образованием составляли около 64%, со средним — 20—23%. Борьба за сокращение госаппарата уже с начала 20-х годов захватила и государственные опытные станции (см. табл. 8).

Таблица 8.

**Динамика персонала опытных станций РСФСР
в первой половине 20-х годов*.**

Годы	Общая численность	Из них научных сотрудников	Удельный вес научных кадров (в %)
1921	16345	—	—
1922	10354	3447	33,3
1923/24	3317	817	24,6
1924/25	3314	683	20,6

* Подсчитано по: Отчет Наркомзема РСФСР X Всероссийскому съезду Советов за 1922 г. М., 1923. С. 21; Отчет Наркомзема РСФСР за 1924/25 г. С. 162.

Из таблицы видно, что с 1921 г. происходит активное снижение удельного веса научных кадров в общем составе сотрудников опытных учреждений России, хотя отчеты Наркомзема съездам Советов утверждают о росте его по сравнению с довоенным временем в несколько раз²⁵⁵.

Несмотря на рост ассигнований, крайне слаба была материальная база опытных учреждений. Опытные станции имели только 60% необходимого количества машин и оборудования, но даже они были в изношенном состоянии, а запасы ремонтного материала определялись в 14,4% от необходимого.²⁵⁶ По отчетам Наркомзема можно проследить нарастающую недостаточную обеспеченность опытных учреждений тягловой силой, крупным рогатым скотом и постройками.

Тем не менее в 20-е годы опытные учреждения Наркомзема РСФСР вели работу по изучению местного края, районированию, устройству музеев, организации контрольных

исследований семян, молочных продуктов, кормов, почв и т. п. Закладывались показательные посе́вы и проводились коллективные опыты, опытные учреждения распространяли среди населения племенных животных и посевной материал, проводили лекции и беседы. Только в 1922 г. было 17 съездов и совещаний работников опытных учреждений²⁵⁷, издано 55 названий научных трудов, 196 брошюр, 10 периодических изданий.

Начиная с 1923 г. все больше значение приобретал институт крестьян-опытников. В задачи их входило применение научных методов постановки опытов, организация точного учета их эффективности под непосредственным руководством опытных учреждений или агрономов. Таких опытников по РСФСР насчитывалось до 3500 человек. Ими проводились опыты по испытанию сортов различных сельскохозяйственных растений, минеральных удобрений, по культурной обработке почвы и др. Среди крестьян-опытников была группа, которая предоставляла опытным учреждениям свои хозяйства для наблюдения над отдельными процессами сельскохозяйственного производства. Иногда крестьяне сами вели несложные наблюдения по поручению опытных учреждений. Общее количество крестьян, вовлеченных в опытную работу, в 1925 г. достигло 7500, но сюда не вошли производившие опыты в своих хозяйствах по собственной инициативе²⁵⁸.

Переломным моментом в организации опытного дела стал 1923 г. Отчетливо начинает проявляться тенденция к централизации опытного дела. В Наркомземе возникает идея увязки программ опытных учреждений в общую единую программу опытного дела. Но осуществить тогда это намерение не удалось из-за большой и сложной организационной работы, которая развернулась в системе земельных органов в 1923—1924 гг. Только в июне 1925 г. на Всероссийском совещании по опытному делу были намечены очередные задачи в различных отраслях сельского хозяйства²⁵⁹. На основе его решений на местах были разработаны конкретные планы-программы каждого опытного учреждения с учетом его роли в областном масштабе. Деятельность этих учреждений должна была проводиться строго в соответствии с их программой, где было обращено особое внимание на усиление работ в области животноводства, кормодобыывания, развития технических культур в полеводстве. Государство сосредотачивает в своих руках не только финансирование, но и координацию и даже регламентацию научных исследований

опытных учреждений с учетом начинающейся социалистической реконструкции народного хозяйства.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в организации агрономической службы, которая самым тесным образом была связана с опытным делом. Реорганизация ее также проходила на уровне структурных перестановок и исключительно по инициативе сверху.

IX Всероссийский съезд Советов постановлением от 26 декабря 1921 г. признал необходимым сосредоточить в Наркомземе РСФСР всю агрономическую работу, передав ее из других ведомств и учреждений. Съезд обязал Совнарком издать постановление о переучете всех специалистов сельского хозяйства и переводе их на работу под непосредственным руководством Наркомзема РСФСР²⁶⁰.

X Всероссийский съезд Советов пришел к выводу, что система практического воздействия государства на сельское хозяйство будет безрезультатна, если в основу ее не будет положена планомерная деятельность достаточно сильных земельных органов и ими руководимой работоспособной агрономической сети, опирающейся на опытные учреждения²⁶¹. Основой агрономической службы предполагали сделать участковую агрономию, которая должна была стать составной частью земельных органов на местах и находиться на их бюджете. Этим самым мыслилось установить связь между опытными учреждениями, участковой агрономией и крестьянскими хозяйствами. В центре согласно положению о Наркомземе РСФСР 1923 г. агрономической и зоотехнической помощью ведало Управление сельского хозяйства, в состав которого входил Отдел агрономических мероприятий²⁶².

XI Всероссийский съезд Советов обязал Наркомзем срочно разработать и провести через ВЦИК положение, как об организации агрономической помощи населению, так и о методах содействия крестьянскому хозяйству со стороны государства²⁶³. Наркомземом был разработан проект положения об организации агрономической помощи населению. В нем подчеркивалось, что агрономическая организация должна составлять неразрывную часть всей системы земельных органов, подчиняться губернским и уездным земельным управлениям, работать по утвержденным ими планам и перед ними отчитываться (подробнее см. гл. II).

В 1922 г. расходы агрономической организации были отнесены на местные средства. Это расходы по оборудованию, и содержанию прокатных и зерноочистительных пунктов,

оборудованию показательных полей и участков, оборудованию и содержанию сельскохозяйственных музеев и организации местных выставок. В 1923 г. Наркомземом производились незначительные ассигнования на содержание агрономического персонала и его разъезды, оборудование агрономических кабинетов, на поддержание агрикультурной деятельности сельскохозяйственных обществ. Однако они составляли только 3—4% необходимых сумм. Не имея средств, агроучастки, едва успев организовать, распадались. Только в течение 1923 г. прекратило свою деятельность 800 из 2000 агроучастков²⁶⁴. Поэтому XII съезд Советов принял постановление об усилении финансирования мероприятий по расширению сети агроучастков за счет государственного и местного бюджетов, а также системы сельскохозяйственного кредита²⁶⁵. Важной при этом виделась политическая подготовка агрономов, агроучасткам отводилась значительная роль в пропаганде новых форм организации сельскохозяйственного производства.

Связь агрономов с крестьянством, его объединение вокруг агроучастка намечалось в форме организации сельскохозяйственных советов и кружков. Через советы агроном должен был получать «помощь и поддержку заинтересованного населения во всех агрикультурных начинаниях, превращая постепенно эти советы в опорные пункты своей агрономической деятельности»²⁶⁶. Сельскохозяйственные советы при агроучастках впервые возникли в 1924 г., но особое распространение они получили в 1925 г.: насчитывалось 2152 совета. В период между сессиями совета в участках многих губерний действовали бюро сельскохозяйственных советов из трех-четырех человек, куда обычно входили представитель волисполкома, агроном, и представитель кооперации. Так возникла еще одна бюрократическая структура для «подготовки вопросов к сессиям, оказания содействия и контроля за выполнением принятых постановлений»²⁶⁷.

В 1923/24 г. одно из главных мест в системе хозяйственного строительства в деревне заняла агропропаганда. В нее были вовлечены многие неземельные организации: Главполитпросвет, кооперация, школа, Красная Армия. Агроном включался в работу Всеработземлеса, в составе которого образовалась Агросекция. Не случайно поэтому XII съезд партии причислил агрономов к тем основным кадрам работников, которые должны были обеспечить восстановление и развитие сельского хозяйства. Перед Наркомземом встала задача скоординировать и направить агропросветительную работу многих организаций.

С середины 20-х годов в агропропаганде особенно заметное место заняла политика. Наряду с традиционными: сельскохозяйственные кружки, библиотеки, музеи, показательные мероприятия — появляются новые виды агропропаганды: агрообозы, агропоезда и др., — которые несли в массы идеи новой организации жизни и хозяйства на фоне пропаганды передовых сельскохозяйственных знаний.

Итак, агрономическая организация, опытное дело и другие службы, связанные с технологическим обеспечением сельского хозяйства, в 20-е годы являлись по характеру своей работы государственными организациями, превращаясь из структур, теснейшим образом связанных с технологическими процессами, сельскохозяйственного производства, в бюрократические политизированные, деятельность которых строилась в полном соответствии с задачами государственной сельскохозяйственной политики.

В целом система материально-технического обеспечения деревни стала одной из областей государственного регулирования сельского хозяйства, где нэп не внес существенных изменений. Командные методы, строго регламентированное распределение, как и в годы «коммунистического штурма», не учитывали ни принципа материальной заинтересованности, ни других экономических стимулов развития сельскохозяйственного производства, а определялись жесткой классовой линией.

Налог или подразверстка?

В системе взаимоотношений государства с крестьянством важное место принадлежало налоговой политике. Революция потребовала коренной перестройки налоговой системы. Однако для этого необходимо было время, решение ряда принципиальных и практических проблем. Выступая на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов Советов в мае 1918 г., В. И. Ленин говорил: «Все социалисты против косвенных налогов, ибо единственно правильным с социалистической точки зрения налогом является прогрессивно-подходный»²⁶⁸. Идея всеобщего подоходного налога в условиях революционных потрясений, сопротивления буржуазии, отсутствия налогового аппарата, и т. п. оказалась практически неосуществимой. Советское государство выбрало для себя наиболее приемлемый в тех условиях путь. Одним из направлений налоговой политики Советской власти стала перестройка системы установленных ранее налогов в сторону изменения их социальной направленности²⁶⁹. Тем не менее даже в первый

год пролетарской диктатуры стремление упорядочить взимание старых налогов не стало основным содержанием налоговой политики новой власти.

Мощным орудием в подавлении эксплуататорских классов были чрезвычайные революционные налоги — единовременные, принудительные денежные сборы. Как правило, они являлись контрибуциями, взимаемыми с классового врага, и сыграли серьезную роль в экспроприации денежных средств у буржуазии, особенно городской. Основную массу населения, сельского в том числе, эти налоги не затрагивали.

К осени 1918 г. национализация банков, исключение из финансовой системы страны внешних займов, безудержная инфляция привели к острому финансовому кризису. В это время уже начала складываться система государственного управления сверху донизу. И Советская власть сделала попытку выйти из критического финансового положения, издав два декрета ВЦИК и СНК об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов и о 10-миллиардном революционном налоге на имущие слои населения²⁷⁰. Первый декрет юридически оформил упразднение поземельного налога и стал первым экспериментом по обложению натуральным налогом вследствие отказа от денег при «военном коммунизме». Второй — последней серьезной попыткой в начальный период существования Советской власти покрыть государственные расходы за счет прямого денежного обложения. Эти два налога преследовали не только финансовые, но и прежде всего классовые цели. Объединить эти две цели и даже просто собрать налог оказалось исключительно трудным делом.

Развал старой системы налогового обложения и отсутствие денежных средств в руках правительства заставили наделить «налоговыми правами» местные Советы. Хотя централизованное распределение вышеназванных двух налогов находилось в руках Наркомфина, сбор налога был поручен местным исполнительным комитетам, а в сельских районах и деревнях — специально назначенным комитетам, состоявшим главным образом из крестьян-бедняков²⁷¹.

Комитеты бедноты и Советы в деревне широко практиковали обложение зажиточно-кулацких хозяйств чрезвычайными налогами и ранее²⁷². Большая свобода была дана местным органам власти в выборе конкретных путей сбора 10-миллиардного налога. Как методы, так и результаты сбора налога

варьировались от губернии к губернии. В Московской и Петроградской губерниях, на которые приходилась половина всего налога, сбор оказался незначительным. Некоторые губернии собрали всего 50%, другие 25% сумм, которыми они были обложены, а общий сбор в мае 1919 г.²⁷³ составил менее 10% обложения²⁷⁴.

Неудачным оказался и натуральный сельскохозяйственный налог, несмотря на все предусмотренные меры и тщательно разработанные таблицы, определявшие размер налога в зависимости от количества обрабатываемой земли, числа членов семьи владельца, земли и губернии, в которой он проживает, т. е. им облагали, исходя из предполагаемых нужд, а не из производства. В. И. Ленин впоследствии скажет о нем: «Он был принят — этот закон,... но в жизнь не вошел»²⁷⁵.

К 1919 г. практика внесла коррективы в утверждение Ленина о преимуществе прямых налогов в условиях социализма.

Прав оказался заместитель председателя ВСНХ В. П. Милютин, который одновременно с Лениным заявил: «Лично я на прямые налоги не возлагаю надежды. Те опыты, которые мы проделывали, дали незначительные результаты. Налоги эти, конечно, будут проводиться и в дальнейшем, но не приходится возлагать на них серьезные упования. При небольших результатах они дают массу недовольства и требуют сложного аппарата их взимания»²⁷⁶. Неудача с прямым налогом-обложением заставила Советское правительство искать альтернативные средства для достижения цели.

Суть натуральных налогов, проводившихся тогда, и прежде всего, вероятно, практика взимания натурального налога в 1918 г., как она понималась в то время, заключалась в том, что им облагали, исходя из предполагаемых нужд, а не из производства.

Однако поиск пошел не в направлении совершенствования хозяйственного механизма, не по пути углубления профессионализма в финансово-налоговой системе — преобладающими стали контрибуции, реквизиции, конфискации и в конечном итоге продовольственная разверстка, т. е. методы, опирающиеся только на силу, на диктатуру. В условиях большой экономики и революционного пафоса борьбы с классовым врагом этот путь казался самым предпочтительным.

Складывался и механизм осуществления этого метода. Им стали рабочие отряды, и комитеты бедноты²⁷⁷. Практика

их организации, как уже отмечалось, складывалась в первые месяцы существования новой власти. Только в начале апреля 1918 г. появилось три декрета, посвященных созданию этого механизма. Согласно первому, профсоюзы, фабричные комитеты, городские и уездные советы должны были организовывать продовольственные отряды из рабочих и беднейших крестьян и отправлять их в зернопроизводящие губернии, чтобы «добыть хлеб по твердым ценам, или за счет изъятия у кулаков». Половина зерна, получаемого таким способом, предназначалась организациям, пославшим отряды, другая — Наркомпроду. Второй декрет обязывал губернские и уездные Советы, а также комитеты беднейших крестьян и профсоюзы организовывать, где необходимо, аналогичные отряды для сбора урожая. В третьем определялась организация и структура рабочих отрядов, которые должны были включать «не менее 25 человек из числа безусловно честных и преданных революции рабочих и беднейших крестьян»²⁷⁸. К январю 1919 г. только Петроградский Совет направил 189 отрядов численностью до 72 тыс; человек, примерно столько же и Московский Совет²⁷⁹. К этой же группе законодательных актов следует отнести и декрет «Об обязательном товарообмене». В нем предусматривались обязательные поставки продовольствия каждым уездом на суммы не менее 85% стоимости отпущенных кооперативам промышленных товаров.

Как видим, натуральный сельскохозяйственный налог, который вводился 30 октября 1918 г., не заменял складывающейся разверстки, а стал лишь дополнением к ней.

В январе 1919 г. система разверстки²⁸⁰ в организационно-юридическом плане была доведена до логического конца. Декретом Совнаркома от 11 января 1919 г., сопровождаемым подробной инструкцией Наркомпрода²⁸¹, все количество хлеба и зернового фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими губерниями. Губернии должны были провести разверстку среди уездов, уезды — среди волостей, а волости, в свою очередь, распределяли свои квоты между деревнями и отдельными крестьянами. Предполагалось функции по сбору разверстки возложить на сельскую общину. Восстанавливался принцип коллективной ответственности, на котором основывалось сельское налогообложение царского правительства. Однако, средства, методы сбора разверстки менялись. Фактически продразверстка на протяжении всего периода гражданской войны осуществлялась с помощью аппарата продорганов и мест-

ных Советов, хотя фискальные функции общины год от года увеличивались²⁸².

Продразверстка осуществлялась на основе классового принципа: с богатых — много, со средних крестьян — умеренно, с бедных ничего не бралось или же минимум. В каждом хозяйстве оставлялось определенное количество зерна на обсеменение, пропитание и прокорм скота. Все остальное считалось излишками и подлежало изъятию. Но «излишек» для каждого хозяйства был далеко не лишним количеством продовольствия, наоборот, оно было остро необходимым, имея его, в обычных условиях крестьянское хозяйство могло поддерживать себя на определенном уровне, приобретать за счет его реализации инвентарь, скот, промышленные товары.

Прогрессивность обложения по разверстке была, разумеется, очень приблизительной. Трудно было практически соразмерить объем изъятий с действительным наличием продуктов в хозяйстве, с его мощностью и зажиточностью. Как правило, критерии изъятия определялись сельским сходом. Продразверстка доводилась до каждого члена сельского общества часто не на основе классового принципа, а превращалась в подушную раскладку, которая при определении натуральных повинностей становилась наименее демократическим принципом в отличие, скажем, от уравнительного распределения земли. При таком подходе строгого соблюдения классового принципа не получалось. Больше других страдали середняки и даже бедняки²⁸³.

Фискальный механизм общины с трудом приспособлялся к новым условиям. Недостатки общинного разверсточного механизма выправлялись мощным продовольственным аппаратом, энергичными действиями продармейцев и продотрядчиков, постоянным контролем советских и партийных органов за ходом выполнения продразверстки. Здесь продорганы часто поступали негибко, неумело, с грубейшими нарушениями, что вызывало естественное недовольство крестьян.

Зимой 1918—1919 гг. акцент в политике партии по отношению к крестьянству смещается с поддержки беднейшего крестьянства на внимание к среднему. В резолюции VIII съезда РКП(б) «Об отношении к среднему крестьянству» отмечается, что всякие «произвольные реквизиции» должны преследоваться, тяжесть налога должна ложиться «целиком на кулаков», среднее же крестьянство должно облагаться «чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него»²⁸⁴.

Однако VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. принял жесткую резолюцию, рекомендуя политику реквизиций и требуя, чтобы продразверстка была распространена с хлеба и мяса на «картофель и по мере необходимости также и на другие продукты сельского хозяйства».

Метод реквизиций «совершенствовался» и давал свои результаты. Уже во вторую заготовительную кампанию резко возрос объем заготовок в потребляющей полосе — в 12 раз, в то время, как в производящих губерниях — на 55% по сравнению с предыдущим сезоном, хотя, естественно, удельный вес заготовок в потребляющей полосе был незначительным — лишь 8% всего хлеба, заготовленного в Европейской России. Наивысший процент выполнения разверстки был в Вятской губернии — 110,9, Екатеринбургской — 93,9 и Симбирской губ. — 79,9. Из потребляющих губерний перевыполнили разверстку Московская, Тверская, Смоленская, Северо-Двинская. В 1920/21 г. по продразверстке было заготовлено 367 млн. пуд. хлеба, 75 млн. пуд. картофеля, 14 млн. пуд. маслосемян, 24 млн. пуд. мяса, 1180 тыс. пуд. льна, 855 тыс. пуд. пеньки, 725 тыс. пуд. шерсти, 8475 тыс. шкур²⁸⁵.

Интересно посмотреть, что стоит за этими цифрами, как была связана осуществляемая Советской властью система сборов, и разверстки, в том числе, с возможностями сельскохозяйственного производства?

Весьма авторитетные исчисления, сделанные экономистом А. Ванштейном, показывают, что сельское хозяйство России уже перед войной (1912 г.), имея самую высокую в Европе тяжесть налогового обложения (см. табл. 9²⁸⁶), исчерпало возможности здорового роста, платежеспособность крестьянства в то время подошла к критическому рубежу.

Советская власть с первых месяцев своего существования пошла на увеличение налогов и других сборов (см. табл. 10).

Из таблицы видно, что абсолютные размеры сумм крестьянских платежей в 1918—1919 гг. по сравнению с предвоенным периодом даже уменьшились, но превысили их в 1920—1921 гг. Однако вследствие сильного сокращения производства тяжесть обложения резко возросла, составив более 25% условно чистого дохода. Это и явилось одной из причин ухудшения обстановки в деревне.

Важным звеном новой экономической политики стала перестройка налоговых отношений в деревне. Замена продразверстки продналогом не являлась принципиальным содержанием

Таблица 9.

**Сравнительная таблица тяжести довоенного налогообложения
в России и европейских странах***

Страны	На душу населения всех налогов и сборов (в руб.)	Довоенный на- циональный доход на душу (в руб.)	Отношение налога к доходу (в %)
Россия	11,23	85,47	13,1
Германия	27,38	283,61	9,7
Франция	41,66	359,36	11,6
Австрия	24,61	198,14	12,4
Великобритания и Ирландия	48,54	472,03	10,3
Италия	23,74	217,56	10,9

* ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 120.

Таблица 10.

**Сравнительная таблица тяжести налогообложения
крестьянского населения России в довоенное и
революционное время***

Годы	В среднем на душу всех налогов и сборов (в довоенных руб.)	Отношения к условно налогов и сборов к условно чистому доходу (в %)
1912	6,35	8,85
1918—1919	3,90	9,7
1920—1921	10,30	25,1
1921—1922	6,34	17,7
1922—1923	4,59	15,0

* Подсчеты А. Вайнштейна см.: ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 122.

новой экономической концепции. Продналог, как уже было отмечено, был введен осенью 1918 г. и его никто не отменял²⁸⁷.

Сравнение проектов декрета о замене разверстки натуральным налогом с его окончательным вариантом, а также полемика в комиссиях Политбюро и ЦК партии показывают, каким непростым для нее был поворот к первоначальной концепции нэпа, ядро которой заключалось в том, что сельскохозяйственное производство может быть увеличено путем предоставления крестьянину свободы распоряжаться по собственному усмотрению излишками своих продуктов, а также свободы и безопасности владения своей землей.

Согласно декрету ВЦИК от 21 марта 1921 г.,²⁸⁸ разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменялась натуральным налогом. Взимаемый в виде процентного отчисления от собранного урожая, он имел прогрессивное построение, в частности, предлагалось установить пониженный процент отчисления продукции для мало-мощных хозяйств. В декрете ВЦИК первоначальный план В. И. Ленина был дополнен предоставлением налоговых скидок и крестьянам, расширявшим посевные площади или увеличивавшим урожайность на своих полях в целом. Коллективная порука, которая признавалась в проекте, одобренном партийным съездом, была отменена в окончательном тексте декрета. Взамен вводилась ответственность каждого крестьянина за выполнение налога, падающего на него. Предполагаемый товарообмен был направлен не на обеспечение потребительскими товарами и сельскохозяйственным оборудованием «беднейшей части населения», а исключительно в обмен на излишки продуктов, добровольно поставляемые помимо выполненного налога в пределах «местного хозяйственного оборота». Через несколько дней декрет Совнаркома, дополнив декрет от 21 марта, отменил ограничения, подразумеваемые под термином «местный оборот», разрешив «свободный обмен, продажу и покупку»²⁸⁹.

Декретом Совнаркома от 28 марта 1921 г. был установлен хлебный налог в размере 240 млн. пудов. За счет торговли и обмена предполагалось дополнительно получить еще 160 млн. Таким образом планировалось получить необходимый для потребления минимум 400 млн. пудов хлеба. В конце года было официально объявлено, что из 38 млн. дес. земли, засеянных в европейских губерниях РСФСР, урожай был полностью уничтожен засухой на более чем 14 млн. дес.

Вместо запланированных 240 млн. пудов продовольственного налога на 1921/22 г. было собрано только 150 млн.²⁹⁰ Страна встала перед серьезными продовольственными затруднениями. Южные и юго-восточные губернии Европейской России охватил голод.

Налог 1921/22 г., как и прежние налоги Советской власти, не создавал достаточных стимулирующих условий для развития сельскохозяйственного производства. Определенное количество культур, которые государство принимало в уплату налога, заставляло крестьян разводить их в избытке. Это обстоятельство ограничивало рост товарности крестьянского хозяйства. Стремясь к максимальному охвату источников дохода, новая власть установила обложение молочного скота, птицеводства и т. п., что привело к множественности налогов. Первоначально продовольственный налог сводился к 13 налогам, которые взимались 18-ю различными продуктами²⁹¹. Вместе с местными налогами в 1922 г. в деревне насчитывалось до 34 видов натурального обложения.

Несмотря на происходившие в экономике перемены, налог по-прежнему тяжким бременем лежал на крестьянстве, составив в 1921/22 г. 17,7%, а в 1922/23 г. 15% к условно-чистому доходу на душу крестьянского населения (см. табл. 10). Условно-чистый доход в 1912 г., в среднем составлявший 441—670 руб. на хозяйство, упал в 1921/22 г. до 234,1 руб. и в 1922/23 г. — до 178—198 руб. Соответственно этому процент платежей и изъятий к доходу в 1921/22 и 1922/23 г. в 2 раза превзошел довоенное налоговое бремя. Данные, представленные А. Л. Вайнштейном в Институт экономических исследований Наркомфина свидетельствуют, что это не просто средние по стране, а показатели минимальные. Материалы Губземуправления и ЭКОСО по Донской области показывают долю натурналога в валовой продукции сельского хозяйства. В маломощных хозяйствах она составила 23%, в средних — 30, в сильных — 35, а в среднем по области — 28%. При этом в разных округах и группах хозяйств она нигде не опускается ниже 18, поднимаясь иногда до 49 и 60%²⁹². По подсчетам Томской губернии, по натурналогу в 1922/23 г. было изъято 56,6% всех продуктов полеводства и огородничества²⁹³.

Кроме того, натуральность основной части обложения означала, что кроме непосредственного изъятия налогоплательщик несет ущерб по доставке налога на сыпной пункт или заготконтору. К этому еще необходимо присоединить

усыпку, раструску и пр., тяжелые требования кондиционности сдаваемых продуктов и происходящие отсюда злоупотребления при приемке. Эти потери складывались в немалые цифры. Экономисты 20-х годов определяли прибавку на все расходы и потери, связанные с уплатой налогов в натуральной форме, в 20—25 % к обложению²⁹⁴.

Все это вместе взятое показывает, что предел обложения для крестьянского хозяйства, во всяком случае, был уже пройден.

Требовались существенные изменения налоговой системы. Но и здесь поиск пошел по пути трансформации формы, которая создавала более благоприятные условия для организации самой системы, мало внося по существу, в плане облегчения тяжести налогового обложения крестьянского хозяйства..

Согласно решениям XI и XII съездов партии были внесены изменения в налоговую систему страны. 10 мая был принят декрет ЦИК СССР и СНК о едином сельскохозяйственном налоге.³⁹⁵ Реформе отводилась важная роль «в деле упорядочения советской налоговой системы и оздоровления всего финансового хозяйства страны»³⁹⁶. Началось формирование аппарата осуществления единого сельскохозяйственного налога. На местах были образованы налоговые комиссии, намечались районы натурального и денежного сбора, составлялись налоговые списки.

Новый налог вводился взамен всех ранее существовавших налогов на сельское хозяйство, кроме волостных и сельских сборов. Промысловая и торговая деятельность сельского населения подлежала установленному на промыслы и торговлю обложению. Сельскохозяйственный налог исчислялся в весовой мере — в пуде ржи или пшеницы для местностей преимущественного распространения пшеницы. При определении размеров налога учитывались: количество пашни и сенокоса (в переводе на пашню), число едоков в хозяйстве, количество взрослого рабочего и крупного рогатого скота, урожайность хлебов и трав на десятину. В соответствии с этим для определения суммы налога с каждого хозяйства устанавливались: девять групп хозяйств по количеству пахотно-сенокосной земли в хозяйстве, четыре группы хозяйств по количеству голов скота (в переводе на крупный рогатый скот) и 11 разрядов урожайности, начиная с 25 пуд. и менее с десятины, согласно особой таблице ставок налога. Разряды урожайности для каждой губернии, области и автономной республики определялись Центральным статисти-

ческим управлением совместно с народными комиссариатами продовольствия, финансов, земледелия после выявления действительных видов на урожай, но не позднее 15 августа. Уездные и волостные разряды урожайности предполагалось устанавливать на местах, соответствующими губернскими и уездными властями, но с таким расчетом, чтобы сумма налога автономной республики, области, губернии, и уезда не были в итоге понижены. Общая же сумма налога, подлежащего взысканию, устанавливалась одновременно с определением размеров урожайности.

Налог, как правило, должен был взиматься деньгами или натурой. Однако из этого правила допускались исключения по соглашению комиссариатов продовольствия и финансов. Эти же ведомства с привлечением Наркомзема устанавливали денежный эквивалент оплаты ржаной и пшеничной единицы. Каждому налогоплательщику предоставлялась возможность выплачивать весь налог деньгами. Тридцать семь губерний и один уезд были отнесены в разряды местностей с исключительно денежной формой налога. Впрочем, декрет допускал отступления в ту и другую сторону, если по условиям реализации урожая натуральная форма взыскания окажется удобнее денежной или наоборот.

Для удовлетворения местных расходов (содержание школ, больниц, дорог, мостов и пр.) устанавливалось процентное отчисление с оклада каждого отдельного хозяйства. Размер этих отчислений определялся по соглашению комиссариатов финансов, продовольствия и внутренних дел.

Плательщики обязаны были приступить к сдаче налога сразу после уборки урожая и предъявления им окладных листов. Сдача производилась в несколько сроков. Они устанавливались по соглашению ведомств и публиковались не позднее 15 августа. Неисправные плательщики подлежали личной и имущественной ответственности в судебном и административном порядке. За просрочку платежей полагалась пеня. Отмечалось, что на неправильное исчисление и взыскание налога могли приноситься жалобы через налоговую инспекцию, но при этом разъяснялось, что взыскания налога подача жалобы не останавливает³⁹⁷.

Общая сумма дохода от сельскохозяйственного налога была определена на 1923/24 г. в 420 млн. зол. руб., в то время, как поступления от всех налогов, государственных и местных, с деревни в 1922/23 г. оценивалось в 390 млн. зол. руб. Таким образом, обложение деревни с введением единого

сельскохозяйственного налога увеличилось. Правда, при этом имелось в виду, что добавочное налоговое бремя не будет более тяжелым для крестьян в связи с предполагаемым расширением посевов. Основной же акцент делался на новую форму взимания налога.

Чем было вызвано повышение налоговых платежей крестьянства? Потребности государственного снабжения продовольствием по окончании гражданской войны значительно сократились. Для обеспечения потребностей в хлебе по государственному бюджету необходимо было не более 100 млн. пуд. К этому времени общее число лиц, состоящих на государственной службе, включая армию, не превышало 2,5 млн. человек, (в 1919 г. — 35 млн.)²⁴⁴.

Налоги для советского государства являлись извлечением средств в государственный бюджет для их последующего перераспределения, которое обуславливалось задачами «восстановления народного хозяйства», «обобществлением средств производства», задачами первоначального социалистического накопления, согласно теории Е. Преображенского²⁴⁵.

В 1924 г. на фоне денатурализации крестьянского хозяйства совершенствовались формы осуществления налоговой политики. С 1924/25 г. единый сельскохозяйственный налог взимался уже полностью в денежной форме. Этому способствовали процессы восстановления внутреннего рынка, укрепление государственных финансов, в частности, денежная реформа. Налоги в деревне отделяются от системы заготовок сельскохозяйственных продуктов и переходят в ведение финансовых органов. Создается стройная система государственных органов, проводящих в жизнь партийно-государственную налоговую политику.

С введением денежного налога продовольственные органы были упразднены. В Наркомфине создавалась особая часть Отдела прямых налогов по налогу с сельского хозяйства с подотделами: законодательно-инструкционным, оперативным и статистическим. Первый подотдел разрабатывал законы и инструкции, составлял циркуляры для местных учреждений, рассматривал жалобы по сельскохозяйственному налогу, а также руководил работой состоящего при нем штата ревизоров-инструкторов, рассылаемых на места. В функции второго подотдела входил контроль за работой местных налоговых учреждений, за соблюдением сроков взимания налогов. Третий подотдел собирал статистические данные о количестве пашни, сенокосов, скота, о едоках, разрабатывал и уста-

навливал контрольные цифры ставок и объектов обложения³⁰⁰.

Подобную структуру имели и местные налоговые учреждения. В губфинотделах создавалась особая часть по сельскохозяйственному обложению при подотделе прямых налогов, в уфинотделах — отделения по сельскохозяйственному налогу³⁰¹. При волостных исполкомах существовал налоговый стол «под ответственностью председателя волисполкома», который вел окладную книгу по селениям и отмечал в ней о всех поступлениях по налогу. За работой волостных налоговых столов следил разъездной налоговый инспектор³⁰². Кроме того, во время сбора налогов работали выездные сессии нарсудов, в том числе и выездные сессии губернских судов (ревтрибуналы)³⁰³.

С введением денежных налогов тяжесть обложения по-прежнему оставалась высокой. Государственные налоги с крестьянского населения прямые и косвенные составили в 1924/25 г. 475954 тыс. руб. По отношению к товарной массе сельского хозяйства это составило 17% (без местных налогов и сборов)³⁰⁴. Кроме единого сельскохозяйственного налога крестьяне платили множество местных налогов и сборов. Общая сумма их колебалась от 20 до 80% в разных регионах к основному налогу³⁰⁵.

Информация с мест свидетельствовала, что крестьяне повсеместно выражали недовольство существовавшей налоговой политикой³⁰⁶. По сообщению из Воронежской губернии, «экономическое состояние крестьянства медленным темпом ухудшается, особенно бедноты и части середняков». До 40% крестьян здесь уже в декабре примешивали к пище суррогаты³⁰⁷. Из Семипалатинской губернии писали, что для бедноты и части средних крестьян «неминуема голодовка в 2—3 месяца»³⁰⁸. В Тульской губернии крестьяне «для уплаты налога продают за бесценок скот, необходимый для поддержания хозяйства». Так, крестьянин Серпуховского района Алексинского уезда с. Страхова купил летом на рынке поросенка за 6 руб., а осенью вынужден был продать его для уплаты налога за 4 руб.³⁰⁹

В 1925 г. в правительственных кругах прошли бурные дебаты о налоговой политике в деревне. А. И. Рыков охарактеризовал существующую налоговую систему как наследие «военного коммунизма», которое чрезвычайно тормозит улучшение сельского хозяйства и накопления в нем³¹⁰. По мнению Н. И. Бухарина, высокое обложение сельского хозяйства является тормозом в его развитии, вместе с политикой

цен оно ограничивает пределы и развития народного хозяйства в целом. «Если мы набираем высокую прибыль, — говорил Бухарин, — за счет высоких карательных цен... в то же время сокращаем емкость внутреннего рынка. Беря меньше, мы в то же время сокращаем и «время производства» и «время обращения», т. е. идя вначале медленно, мы с лихвой догоняем, перегоняем и оставляем далеко позади тот темп, который считаем основным вопросом нашей экономической политики»³¹¹. Поступили даже предложения отменить сельскохозяйственный налог как государственный. Он должен стать «деревенским», т. е. оставаться в местном бюджете, а получаемая сумма расходоваться на нужды самого населения деревни (школы, больницы, агропомощь и т. п.)³¹².

С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства значение налога как источника государственного дохода усилилось. В новых условиях возникла необходимость в реформе сельскохозяйственного налога. Об этом было сказано в решениях апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б): «Достигнутая степень товарно-денежных отношений и накопления в деревне, с одной стороны, необходимость регулирования этого накопления в соответствии с интересами пролетарского государства, с другой, выдвигают задачу построения такой системы обложения крестьянского населения, которая, облегчая налоговое бремя для маломощных слоев крестьянства, по своему типу максимально приближалась бы к системе подоходного обложения»³¹³.

Перестройка сельскохозяйственного налога была начата с 1926/27 окладного года. Прежде всего изменились принципы налогообложения. В 1926/27 г. он стал исчисляться по доходу хозяйства, определяемому в натуральных показателях. (Среди историков существует мнение, что «доход, выражающий совокупность показателей хозяйства в ценностном выражении, правильное и ярче отображал мощность двора»³¹⁴. Наиболее предпочтительней нам представляется позиция Ю. П. Бокарева, который считает, что исчисленный по натуральным показателям доход не соответствовал реальному ни по размерам, ни по структуре, причем, в наименее выгодных условиях зернового направления³¹⁵. При этом общие размеры налоговых платежей увеличились на 31%³¹⁶. Это означало, что государство вновь перешло к налоговому «стимулированию» рыночных отношений крестьян.

Новый налог преследовал не только фискальные, но и социальные и прежде всего политические цели. Заметно

возросла прогрессия налоговых ставок. В 1924/25 г. бедняки платили 0,76 руб. с каждого члена семьи, середняки — 3,09 руб., кулаки — 11,03 руб. В 1926/27 г. ставка налога на едока в бедняцком хозяйстве понизилась до 0,22 руб., в середняцком почти не изменилась (3,13 руб.), а в кулацком достигла 15,42 руб.³¹⁷.

Со второй половины 20-х годов все заметнее становится стремление государства перенести свое регулирующее воздействие на хлебозаготовки, соединив налоговую кампанию с хлебозаготовительной.

Изменение курса наиболее отчетливо нашло отражение в усилении мер, направленных на экономическую деградацию так называемого зажиточного крестьянства. Согласно решениям XV съезда ВКП(б), потребовавшего дальнейшего усиления прогрессивно-подходного обложения деревни, ЦК партии принял решение о повышении на 1928/29 г. суммы сельхозналога до 400 млн. руб. (в 1927/28 г. было собрано 354,2 млн.) при сохранении значительных льгот для колхозов и освобождения от обложения 35% хозяйств³¹⁸. Наряду с общим повышением ставки обложения высоких доходов (с дохода в 70 руб. и выше на человека взималось 30 коп. с руб., а не 25 коп., как в 1926/27 г.) вводилась прогрессивная надбавка к нормативно исчисленному доходу зажиточных хозяйств от 5 до 25%. Причем самые богатые хозяйства стали облагаться в индивидуальном порядке³¹⁹. Немалая часть экономически сильных хозяйств не выдерживала повышенного обложения, утрачивала экономические позиции и переходила в другие слои населения.

Одновременно идет процесс усиления налоговых льгот для колхозов. В 1926/27 г. им предоставлялась скидка в размере 25% исчисленной суммы сельхозналога, а кооперативным товариществам, «применяющим общественную обработку земли без наемных рабочих», — в размере 10%. В 1928/29 г. скидка с оклада налога была установлена в размере 30% для коммун, 25 — для сельскохозяйственных артелей и 20% — для товариществ³²⁰.

Признаки серьезного разлада взаимоотношений между важнейшими сферами экономики, между государством и крестьянством обнаружили осенью 1927 г. Учитывая рыночную конъюнктуру, государственную политику цен и другие факторы, крестьяне снизили удельный вес зерновых хлебов в составе посевов с 85,1% в 1926 г. до 84,4% в 1927 г. Если бы урожайность зерновых сохранилась на уровне 1926 г.,

то при уменьшении посевных площадей в наиболее товарных районах и увеличении их в местах с менее развитой заготовительной сетью размеры заготовок снизились бы примерно на 23 млн. пудов. Однако в целом по стране урожайность зерновых снизилась на 10,5%, что привело к уменьшению заготовок на 12,7% по сравнению с 1926/27 г. К началу 1928 г. хлебный дефицит составил 128 млн. пуд.³²¹

Вместо экономических мер выравнивания ситуации к крестьянству были применены административно-репрессивные меры. К тем, кто, по мнению администрации, не сдал всех хлебных излишков, была применена ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая ответственность за... спекуляцию. «Излишки» хлеба, а точнее обычные хлебные запасы крестьян на случай неурожая, безвозмездно конфисковывались. Отбирая у крестьян часть необходимого хлеба, государство подрывало и без того слабую базу крестьянского хозяйства. Гораздо серьезнее были политические последствия чрезвычайных мер. В условиях провозглашения рыночной экономики государство не считало крестьянина равным партнером по рынку. Оно видело один выход — командная экономика. Индивидуальный крестьянин не рассматривается больше Советской властью как союзник на длительную перспективу. Меняются акценты и в налоговой политике.

Налоговая политика должна была стать важным орудием регулирования социально-экономических процессов в деревне. Опыт налоговых кампаний, до предела обостривших противоречия между целями администрации и возможностями крестьянства, показал, что самым приемлемым способом взаимоотношения государства с крестьянством оказались методы силового нажима. Таким образом, налоговая политика Советской власти — это прежде всего классовая политика. Приоритет политических целей и отсутствие профессионализма стали ее особенностью.

Глава IV. УПРАВЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫМИ СЕКТОРАМИ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Регулирование индивидуального крестьянского хозяйства

Картина отношений государства и крестьянства не может считаться полной без рассмотрения их в различных секторах аграрного производства. Частично эти вопросы освещены в предыдущих разделах. Предлагаемый же подход видится оправданным в силу того, что при анализе каналов государственного воздействия на деревню, предпринятом в 3 главе, из поля зрения выпадает ряд важных сюжетов, характеризующих управление разными секторами аграрного производства. К тому же предлагаемый срез исследования дает возможность в сконцентрированном виде выявить комплекс мер государственной политики, приведших к форсированию одних форм хозяйствования и уничтожению других, и проследить их влияние на состояние сельскохозяйственного производства в рассматриваемый период.

Важнейшим элементом производительных сил крестьянского хозяйства является земля. Согласно первым советским аграрным законам, единоличным хозяином земли стало государство, а распоряжение ей было сосредоточено в государственных земельных органах. Однако условия для осуществления перераспределения земли силами нового государственного аппарата, как уже отмечалось, оказались трудными в силу его слабости, неналаженности, отсутствия четких критериев передела. Поэтому было решено использовать передельный механизм сельской общины.¹ При этом государство все же стремилось ограничить ее влияние на крестьянство, объявив передел земли временным.²

Уже на первом этапе советского землеустройства отчетливо обозначилась тенденция, которая явственно проявилась в выходах на хутора, в интенсивных разделах, что могло стать предпосылкой фермерского типа хозяйства. Следует учитывать, что объективные условия развития крестьянского хозяйства приходили в противоречие с существующими политическими идеалами. В обстановке эйфории ускоренного социалистического строительства фактом государственной политики становилось отношение к индивидуальному крестьянскому хозяйству как к отживающему и подлежащему замене обобществленным земле-

делием в ближайшее время. В этом проявился типично военно-коммунистический взгляд на перспективы социалистического строительства.

Военно-коммунистические принципы организации экономики пронизывали всю систему государственного управления сельским хозяйством. В условиях надвигающегося голода подъем сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства рассматривались прежде всего как необходимое звено решения продовольственной проблемы. Необходимо было создать стабильную систему производства и отчуждения продовольствия от производителя. В условиях крестьянской страны, когда марксистские идеи с трудом воспринимались основной массой населения, не «вписывались» в крестьянскую экономику, а деревенская беднота не спешила объявлять войну деревенскому эксплуататору-кулаку, в условиях развалившейся экономики и тяжелейшего кризиса финансовой системы был найден способ изъятия продовольствия из деревни с помощью продразверстки. Труднее обстояло дело с организацией производства. Однако и здесь предлагалось спасти положение путем четкой организации партийно-государственных команд.

В декабре 1918 г. на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун была поставлена задача: «...Для того, чтобы мы могли снабдить хлебом все нехлеборобные губернии и города, мы должны добиться того, чтобы у нас не было ни одной десятины незасеянной земли». 28 января 1919 г. Совнарком утвердил внесенный Наркомземом проект декрета «Об увеличении посевной площади». Согласно декрету все земли, пригодные для посева хлебов и не находящиеся в пользовании отдельных лиц или коллективных хозяйств, поступали в распоряжение государства. Работой по подготовке посевной площади руководил созданный при Наркомземе Комитет посевной площади.

Свою деятельность Оргсев (так часто называли Комитет посевной площади) начал с выяснения фонда пустующих земель. С этой целью на места были посланы уполномоченные комитета. Так, в январе 1919 г. они были направлены в девять губерний Европейской России (Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Пензенскую, Курскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую, Владимирскую). Каждому из них выдавался открытый лист за подписью председателя Совнаркома, народного комиссара земледелия и народного комиссара продовольствия. Уполномоченный Оргсева надеялся в случае конфликтных ситуаций правом приостанавливать решение земотдела по вопросам

организации посевной площади.⁵ Таких ситуаций на первых порах было немало. Например, в апреле 1919 г. уполномоченный комитета в Тульской губернии Сорокин сообщал, что местный губземотдел не выполнил указаний центральных земельных органов, поэтому даже накануне сева не было выяснено, «какие и сколько земель и по каким причинам пустуют».⁶ Уполномоченный в Орловской губернии извещал, что работа его «тормозится отсутствием работоспособного персонала и отсутствием помощи».⁷ Аналогичные сообщения поступали из других губерний.

К весне 1919 г. площади незасеянных земель были определены. Только по девяти губерниям Европейской России они составили 1,7 млн. дес.⁸ По сведениям Оргсеза, по стране в целом такие земли ориентировочно составляли 4 млн. дес.⁹ Недостаток хлеба в стране, определяемый в 170 млн. пуд., мог быть полностью покрыт за счет урожая с этих заброшенных во время войны земель. Приблизительно он оценивался в 200 млн. пуд.¹⁰ По ходатайству Наркомзема СНК выделил 700 млн. руб. для расширения посевных площадей, из них 300 млн. — через систему местных органов Комитета посевной площади в качестве аванса за будущей урожай.¹¹

Намеченное мероприятие не имело успеха. Крестьянин не реагировал на призыв. Стимул оказался недостаточным. Крестьянское хозяйство пыталось жить по своим собственным законам, с чем пролетарское государство не хотело, да и не умело считаться.¹²

Следующий шаг командного государственного воздействия на крестьянскую экономику был связан с организацией снабжения семенами. Государство попыталось взять под свой контроль имеющиеся у крестьян семена, чтобы гарантировать хотя бы минимум посева. Эта утопическая идея не была обеспечена материально. Ее реализация требовала односортного материала, добротных складских помещений, квалифицированного агрономического персонала. Ни одного из этих условий государство обеспечить не могло. Тем не менее создание семенных фондов началось. Более того, идея оказалась настолько заманчивой, что к ней вернулись даже в условиях нэпа (см. гл. II), в чем проявилось не только инерционное действие принципов «военного коммунизма», но и прежде всего тоталитаризм, имманентно присущий новой организации общества.

Система «заготовки семян — реализация семян населению» имела ряд ступеней и вовлекала в круг своей деятельности несколько ведомств. Осенью по окончании сельскохозяйствен-

ных работ Наркомпрод закупал у населения по твердым государственным ценам «излишки» продовольствия и часть их в заранее определенных размерах передавал Наркомзему в качестве семенного материала. Затем семена разверстывались им по губерниям, а внутри губерний губземотделы распределяли их по уездам пропорционально потребностям. Уездные земотделы полученные семена предоставляли в первую очередь семьям красноармейцев и совхозам, во вторую — коммуна и кооперативным хозяйствам, в третью — отдельно нуждающимся крестьянам. При этом семена отпускались по очень низким ценам, по которым органы Наркомпрода их заготавливали.

В 1919 и 1920 г. эти операции проводились в рамках Комитета посевной площади Наркомзема РСФСР. Так к весенней посевной кампании 1919 г. Наркомземом было направлено в деревню 250 вагонов семян озимых культур, 2,4 млн. пуд. картофеля, 32 тыс. пуд. огородных семян, 112,5 тыс. пуд. семян трав и корнеплодов.

Одним из мероприятий Наркомзема в борьбе с массовыми недосевами стало создание на основе декрета от 6 марта 1920 г. погубернских семенных фондов. Во время весенней посевной кампании государство давало крестьянам семена в виде ссуды. Осенью по получении урожая они эту ссуду возвращали. Из полученного зерна образовался губернский семенной фонд, который находился в исключительном ведении земорганов.¹⁴

Весной 1920 г. из Тамбовской губернии в нуждающиеся районы было отправлено 1480 вагонов семенного материала — овса, проса, чечевицы. К этому же времени Симбирская губерния отправила 500 тыс. пуд. семенного зерна. Казанская губерния вместо 500 тыс. пуд. по заданию поставила 737 тыс. пуд. овса. Омская губерния дала в марте 175 вагонов семенной пшеницы и в апреле 150 вагонов. В апреле было перевезено 3106 вагонов семенного картофеля, не считая доставки водным путем.¹⁵ Семенные фонды, созданные в губерниях Северного Кавказа и Поволжья, дали сверх нормы необходимого 547 вагонов ржи, 780,9 тыс. пуд. пшеницы, 3766 тыс. пуд. овса, 574,2 тыс. пуд. гречихи и проса, 48,6 тыс. пуд. семян трав. Эти семена были направлены во время осенней посевной кампании в 1920 г. в нуждающиеся районы.¹⁶ Особенностью государственной политики в этот период была «собесовская» помощь крестьянам, осуществляемая исключительно по классовому принципу.

Кажущиеся внушительными цифры организованного органами государственной власти распределения настолько в незначительной степени соответствовали потребностям страны, что На-

родный комиссариат земледелия обратился в Совнарком с просьбой принять самые решительные меры, чтобы спасти положение. От имени СНК всем губисполкомам и губземотделам была послана телеграмма, требующая «забронировать весь озимый урожай и обратить его на обсеменение озимого клина.¹⁷ В соответствии с этой установкой в каждой губернии весь урожай ржи, собранный летом 1920 г., ссыпался на государственные семенные склады, а осенью он полностью использовался в качестве семян при посеве озимых хлебов. Для проведения этой работы были созданы губернские, волостные и сельские тройки из представителей Советов, продовольственных и земельных органов.¹⁸

И даже эти усилия не могли удовлетворить потребности нуждающихся в семенном материале крестьян. Однако в результате принятых мер выполнение планов-заявок на семена возрастало. Так, в 1919 г. план-заявка на семена зерновых был удовлетворен на 7%, в 1920 г. — на 10%¹⁹, на семена овса соответственно на 42,4 и 65,8%, гречихи — 7,4 и 33,0% и проса 72,5 и 94,6% и т. д.²⁰

Цель мероприятий государства, связанных с системой землеустроительных работ, организацией посевных кампаний и уборки урожая, заготовкой семенного крестьянского материала в государственных семенных фондах с последующим распределением семян среди крестьян, создание сети прокатных пунктов и ремонтных мастерских, опытных и показательных учреждений, выработка и распространение агротехнических и зоотехнических рекомендаций и т. д. представляли собой не что иное как государственное руководство крестьянским производством. Причем речь не шла о системе мероприятий, сочетающих интересы государства и производителей. Как правило это было прямое государственное вмешательство в крестьянскую экономику, исходя из представлений о возможности быстрого перехода к социализму.

Несмотря, на казалось бы, огромные усилия по организации сельскохозяйственного производства, к концу гражданской войны посевные площади сократились со 110 млн. до 75 млн. дес., т. е. на 1/3, в основном на юго-востоке, в районах товарного зернового хозяйства. Одновременно шел процесс натурализации земледелия: наиболее сохранялись посевы ржи, проса, гречихи и других малорыночных культур, в то же время резко снизились посевы многорыночных зерновых — пшеницы, ячменя, овса и технических — льна, картофеля и особенно, в 12 — 16 раз к 1921 г., хлопка и сахарной свеклы. Скотоводство сократилось почти на 40%, т. е. в большей степени, чем земледелие. Не слу-

чайно поэтому в документах VIII Всероссийского съезда Советов читаем: «Несмотря на все усилия рабоче-крестьянской власти, посевы в последние годы сократились, обработка земли ухудшилась, животноводство пришло в упадок».²¹ Нужна была система экономических мероприятий по поднятию производительности сельского хозяйства.

Поиски такой системы привели к попытке планирования в государственном масштабе производства в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Впервые она была предпринята в декабре 1919 — январе 1920.²² Этот вариант выхода из кризиса нашел отражение и в работе VIII Всероссийского съезда Советов в конце 1920 г.

При обсуждении в Наркомземе вопроса о выведении сельского хозяйства из кризиса выявились резкие противоречия между наркомом земледелия С. П. Середой и его заместителем Н. Осинским, который сумел убедить и В. И. Ленина... и съезд Советов в необходимости довольно жесткого государственного регламентирования (планирования) производства в индивидуальных крестьянских хозяйствах. В результате С. П. Середа вынужден был уйти из Наркомзема, а идея, поддержанная съездом, обрела силу закона. Однако подход, не учитывающий взаимодействия социальных, материально-технических, культурно-исторических факторов, а также особенностей порайонного развития сельского хозяйства, не мог быть продуктивным. Не случайно уже на следующий день после окончания съезда В. И. Ленин писал: «Надо искать, надо думать».

Продуктивной оказалась идея замены разверстки налогом и последующего рыночного развития народного хозяйства.

За восемь лет падения сельскохозяйственного производства потери основного капитала в нем были колоссальными, а именно в сельском хозяйстве восстановление его дело очень трудное. Тем не менее за пять лет подъема (1923 — 1927 гг.) сельское хозяйство практически достигло довоенного уровня. В 1927 г. было восстановлено 97% довоенных посевных площадей и 101% — поголовья скота, т. е. около 33% потерь в посевах и около 40% в скоте. По данным Госплана СССР, до 1926 г. происходит **сокращение** беспосевных и малопосевных хозяйств и увеличение многопосевных (см. табл. 11).

Из таблицы видно, что рост многопосевных хозяйств шел быстрее, чем сокращение малопосевных.

Резко увеличилось применение аренды, особенно у многопосевных хозяйств. По данным Госплана, в 1925 г. было арендовано 7,6 млн. дес. земли, в 1927 г. — уже 15 — 18 млн. Также

Динамика хозяйств по посеву (1925—1926 гг.)* Таблица 11.

Годы	Удельный вес хозяйств (в %)					
	0,1—2 дес.	2—4 дес.	4—6 дес.	6—8 дес.	8—10 дес.	свыше 10 дес.
1925	4,7	34,0	15,7	6,3	2,6	2,8
1926	32,1	32,4	16,3	7,1	3,2	3,9

Рост уд. веса в
1926 г. по сравн.

с 1925 г. (в %) 97,4 95,6 103,8 112,7 123,1 139,3

* ЦПА имл. Ф. 17. Оп. 85. Д. 220. Л. 34.

значительно увеличилось применение наемного труда в сельском хозяйстве (см. табл. 12).

Динамика применения наемного труда (1925—1926 гг.)* Таблица 12.

Группы хозяйств	Удельный вес хозяйств с годовыми или сроковыми рабочими (в %)		Удельный вес хозяйств с поденными рабочими (в %)	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
0,1—3 дес.	20,9	15,9	37,7	36,2
3—6 дес.	31,6	29,9	36,5	35,3
6—10 дес				
и более	47,5	53,5	25,5	27,8
	100	100	100	100

* ЦПА имл. Ф. 17. Оп. 85. Д. 220. Л. 28

Следует иметь в виду, что накануне, в 1924 — 1925 гг., правительство, несмотря на активную оппозицию в партии и госаппарате, приняло ряд законов, расширяющих условия арен-

ды и применение наемного труда в сельском хозяйстве (см. гл. III). На первый взгляд, законы отразили последовательность правительства в осуществлении программы нэпа. Но тогда как объяснить курс, связанный с активными поисками путей социалистической организации сельскохозяйственного производства, начавший набирать силу опять-таки в 1924 — 1925 гг.? Скорее всего, принятие этих законов было связано с ситуацией в партии и имело причины более политические, чем экономические. Они стали отражением развернувшейся активной борьбы против Троцкого и правой опасности. Уже через год-другой действие их не просто ограничивается, а взамен им появляются иные, ориентирующие сельское хозяйство на новые организационные формы и вытеснение тех, которые стимулировались в упомянутых выше законах.

Позитивные сдвиги в сельском хозяйстве, связанные с переходом к нэпу, не следует переоценивать. Если сравнить один из важнейших показателей уровня развития сельского хозяйства — состояние средств производства до войны и во второй половине 20-х годов, то увидим, что снабжение ими сельского хозяйства осталось ниже довоенного. Обратимся к данным таблицы 13. Из них следует, что капиталовложения самих крестьян во все виды сельскохозяйственных орудий и средств производства в расчете на одно хозяйство растут, однако они не достигли довоенного уровня.

Таблица 13

Величина капиталовложения на одно крестьянское хозяйство по РСФСР в довоенных ценах (руб.)*

Виды капиталов				В % к 1913 г.	
	1913 г.	1926/26 г.	1926/27 г.	1926 26 г.	1926/27 г.
Постройки	462,6	396,1	406,2	85,6	87,8
С/х инвентарь	67,4	42,5	45,4	63,1	67,4
Транспортный инвентарь	47,6	28,4	30,6	59,7	64,3
Весь инвентарь	115,0	70,9	76,0	61,7	66,1
Скот	285,6	232,7	237,0	81,5	83,0
Итого	863	699,7	719,2	81,1	83,3

* ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 163. Л. 20.

Что касается таких показателей, как применение аренды и наемного труда, то следует учитывать, что советские законы ограничивали применение наемного труда и допускали лишь трудовую аренду. Кроме того, аренда земли в 20-е годы имела значительно меньшее распространение, чем в России до революции и в капиталистических странах (см. табл. 14).

Таблица 14

Использование аренды в сельском хозяйстве*

	Хозяйств, арендующих землю (в %)	Земля под арендой (в %)
РСФСР (1926 г.)	7,2	5,3
Россия перед войной	ок. 33,0	14,4
Германия (1925 г.)	25,9	12,4
США	38,1	27,7

* ЦПА имл. Ф. 17. Оп. 85. Д. 163. Л. 12²³.

Как уже отмечалось ранее, государство полностью контролировало сферу финансирования деревни. В течение всего исследуемого периода финансирование осуществлялось за счет бюджетных ассигнований. К концу 20-х годов государству удалось полностью подчинить себе систему сельскохозяйственного кредита.

Общий размер средств, вложенных в сельское хозяйство, составлял в 1927 г. 490 млн. червонных рублей, или около 290 млн. довоенных, т. е. примерно около 12,1 довоенных руб. на одно хозяйство. При этом через систему налогов сельское хозяйство отдавало около 5 довоенных руб. (7,78 черв. руб.) с одного хозяйства, что составляло около 9,1% от условно чистого дохода крестьянского хозяйства и примерно соответствовало довоенному уровню.²⁴

Что же происходит? Государство вкладывает сотни миллионов рублей в сельское хозяйство. Но ни от пропаганды, ни от материальной помощи должного эффекта не получается. Крестьянину помогают и субсидиями, а он все-таки не расширяет посевных площадей.

Если до 1927 г. имел место рост посевных площадей, хотя и с заметно падающими темпами (см. табл. 15), то 1928 г. дал снижение посевов зерновых (на 2,3%).

Динамика посевных площадей в 20-е годы*

Годы	1913	1922	1924	1925	1926	1927
Посевы (в млн. дес.)	109,0	75,0	91,2	96,7	102,8	105,5
% к 1913 г.	100	69	83,7	88,7	94,3	96,7
Ежегодный прирост (в %)	—	—	+10,8	+6,8	+6,4	+2,4

* ЦПА имл. Ф.17.Оп.85.Д.220.Л.Ю.

Период интенсивного роста сельского хозяйства подошел к концу. Средние темпы его в первой половине 20-х годов составили примерно 10-15%. В США этот показатель был 3 — 3,8%, а в довоенной России около 2,7%.²⁵ Приведенные цифры показывают, что темпы сельскохозяйственного роста у нас в 20-е годы превышали и довоенный и уровень США, но там они продолжали расти, а в России отчетливо стала обнаруживаться тенденция к его снижению. Для дальнейшего роста требовалось расширить базу сельскохозяйственного производства в виде притока новых орудий, других средств производства, изменить неблагоприятные рыночные условия.

При оценке результатов государственного воздействия на крестьянство в 20-е годы следует учитывать неудовлетворительные рыночные условия развития сельскохозяйственного производства; оно испытывало недостаток в промышленных изделиях и страдало от их дороговизны при необоснованно низких ценах на сельскохозяйственные товары. В 1927 г. деревня получила с рынка лишь около 70 — 80% довоенной массы промышленных товаров. Однако самой острой проблемой рыночных отношений было расхождение сельскохозяйственных и промышленных цен. Оно имело место и в других странах. Но, как показывает таблица 16, степень этого расхождения по РСФСР наибольшая. Только в 1926 г. «ножницы» цен у нас почти сравнялись с соотношением цен в США (см. гл. III).

Неблагоприятные рыночные условия неизбежно приводили к падению товарности сельского хозяйства. По данным Госплана СССР, в 1926 — 1927 гг. уровень ее на 23% ниже довоенного. Это и понятно. Если крестьянин может получить на рынке

**Отношение индексов цен сельскохозяйственных и
промышленных товаров (довоенное соотношение ~ 100%)***

Годы	США	РСФСР по оптовым ценам	РСФСР по розничным ценам
1922	77,5	80,9	76,0
1923	82,8	45,7	
1924	87,8	71,4	71,0
1925	93,6	89,1	86,6
1926	84,5	85,7	80,5

* ЦПА имл. Ф. 17. Оп. 85. Д. 163. Л. Д14.

меньше, чем он производит, то ясно, что он не только не будет увеличивать выпуск своей продукции, но и неизбежно должен сокращать его до уровня возможностей рынка. Крестьянство утрачивало стимул к развитию зернового производства.

Недостаточными темпами шло и развитие экспорта сельскохозяйственных продуктов. В 1926 г. он составил всего 24% довоенного уровня, а в 1925 — 1926 гг. 80% всего экспорта СССР. По данным Народного комиссариата торговли, мы ввезли в это время продукции на 756 млн. руб., в том числе для сельского хозяйства на 60 млн., т. е. только 1/12 часть импорта направлялась в сельское хозяйство,²⁶ причем основная часть его пошла в совхозы. В данном случае во взаимоотношениях с крестьянством отсутствовало даже подобие эквивалента.

Задача поддержания достаточных темпов сельского хозяйства, повышения его товарности и развития его экспорта требовали хотя и осторожной в условиях новых общественных отношений, но поощрительной политики в отношении трудовых развивающихся высокотоварных хозяйств. Ибо несмотря на стимулирование государственной экономической политикой коллективных форм сельскохозяйственного производства, из данных контрольных цифр Госплана следует, что оно давало за предшествующие четыре года неизменно 0,8 — 0,9% всей сельскохозяйственной продукции. Правда, количество колхозов росло, организация их улучшалась, но все же удельный вес их оставался

совершенно ничтожным. Для усиления темпов роста здорового коллективного земледелия требовалось неизмеримо более высокая техническая база сельского хозяйства и повышение культурного уровня населения.

Однако государство ищет возможность *з а с т а в и т ь* или «п о м о ч ь» крестьянину расширить производство сельскохозяйственной продукции. В этой ситуации довольно «интересный рецепт» предложил Народный комиссариат торговли. При подсчетах для сравнения массы сельскохозяйственных и промышленных товаров, которые могли быть выброшены на рынок, рекомендовалось сопоставлять их денежное выражение. Путем понижения цен на сельскохозяйственную продукцию, предполагалось создать ситуацию, когда крестьянин все-таки будет стремиться произвести больше при минимальном уровне закупочных цен, что в конечном итоге, обеспечит необходимую покупательную способность крестьянских хозяйств. И не приведет к дефициту промышленных изделий. Дело дошло до абсурда (см. гл. III, §4). Но товарность сельского хозяйства, несмотря на рекомендации НКТ, падала, крестьяне продолжали сокращать посевные площади.

В декабре 1928 г. СТО принял постановление, где ставилась задача за 5 лет поднять зерновое хозяйство на 30 — 35%. Проект постановления был подготовлен в НК РКИ Яковлевым. Признав эти цифры нереальными, Госплан рекомендовал снизить их до 21%, а ученые Н. П. Огановский и А. Л. Вайнштейн считали, что за предстоящую пятилетку возможно увеличение сельскохозяйственного производства только на 6 — 10%.²⁷

После XV съезда ВКП(б) в прессе началась широкая пропаганда государственной контрактации. Речь шла о системе предварительных государственных заказов на сельскохозяйственную продукцию. Выдав крестьянину аванс за будущий урожай, государство надеялось гарантировать себя от возможных срывов в хлебозаготовках. Неудачи хлебозаготовительной кампании 1927 — 1928 гг. подтолкнули к форсированию этой формы взаимоотношений с крестьянством.²⁸

23 января 1928 г. СНК СССР утвердил общий план контрактации, а 21 февраля — специальное постановление по контрактации зерновых посевов, 23 марта — по хлопку, а 21 июля — по озимым. Намечалось законтрактовать по СССР 25 различных сельскохозяйственных культур на площади 8235 тыс. га при общей сумме авансов в 170 млн. руб.²⁹

Первоначально рабочим аппаратом по организации контрактации стала кооперация (см. табл. 17). Интересны данные

Охват хозяйств системой контрактации*

Всего законтрактовано	1926/27 г.	1927/28 г.
Площадь, законтрактованная с/х кооперацией (в тыс. га)	1316,5	6943,5
Сумма средств (авансов), выданных по контрактации (в млн. руб.)	60,2	122,6
Общее кол-во хозяйств, вовлеченных в контрактацию (тыс.)	973,6	3101,7

* ЦПА имл. Ф. 17. Оп. 85. Д. 340. Л. 59.

о распределении этих законтрактованных посевов по категориям хозяйств. Единоличные крестьяне среди них составили только 11,8%, колхозы — 21,2%, остальные — посевные товарищества, земельные общества и прочие крестьянские объединения. Из всей законтрактованной крестьянской площади 40,7% — посевы бедняков, 57,7% — середняков и только 1,6% — зажиточных крестьян.³⁰

При контрактации посевов крестьянам выдавался аванс в размере 9 руб. на гектар — при условии проведения зяблевой вспашки, при ее отсутствии он уменьшался до 7 руб. Бедняки к тому же получали 50%-ную надбавку.³¹

Несмотря на кажущиеся выгоды, крестьяне крайне неохотно шли на контрактацию. В условиях рынка они не всегда выполняли условия даже заключенных договоров. В районах, где существовали высокие цены на хлеб, контрактанты продавали его на местном рынке, уплачивая государству неустойку. В ряде мест (Среднее Поволжье) крестьяне отказывались брать деньги за контракт посевов. Но, как сообщает в пояснительной записке к материалам о контрактации, направляемым в ЦК партии, секретарь СТО Арт. Кактынь: «Несмотря на все оговорки, по-видимому,³² ничего лучше в данный момент получить невозможно».

Более того, этот путь представлялся наиболее надежным и на будущее. В кампанию 1928 — 1929 гг. предполагалось расширить масштабы контрактации, заключив договоры на несколько лет вперед. По предложению председателя правления Хлебцентра М. Н. Беленького, с 1929 г. было рекомендовано также

проводить контрактацию земельными обществами и во всех возможных случаях группами смежных земельных обществ в целях охвата ею сплошных крупных массивов. Контрактация должна была осуществляться исключительно через организованных посевщиков, для чего необходимо принять меры к их объединению в уставные посевные товарищества или другие производственные коллективы.³³

Был взят курс на массовую контрактацию. В 1929 г. мыслилось охватить ею все посевы хлопка, свеклы, большую часть посевов льна, 15 млн. га посевов зерновых. Все это должно было обеспечить поступление в распоряжение государства около 1/3 товарного крестьянского хлеба, а через организационные формы контрактации предполагался один из путей перехода к массовой коллективизации.

Контрактация стала апофеозом государственного вмешательства в жизнь крестьян. Вновь «удобными» стали методы боевых приказов через систему «круговой поруки». К концу 20-х годов государство возвращается к мерам самой крайней регламентации индивидуального крестьянского хозяйства, подготовив тем самым «решительный бросок» в сторону его уничтожения.

Государственное руководство колхозами и совхозами

Исходя из основной доктринальной идеи в области сельского хозяйства с первых дней своего существования новая власть проводит политику, направленную на организацию общественной обработки земли.

Согласно Декрету о земле в деревне предусматривалась организация государственных сельскохозяйственных предприятий. Для этой цели были предназначены: сады и питомники, семенные хозяйства, рассадники племенного скота, конные заводы, промысловые хозяйства, возделывающие сахарную свеклу, табак, хмель, а также опытные и показательные поля и участки, поля сельскохозяйственных и других учебных заведений.³⁴ В инструкциях центральных и местных органов власти волостным земельным комитетам предписывалось приступить к использованию имений, «имеющих высококультурное значение, подобрать для них специалистов и рабочих». Имение должно было обеспечить их жильем, продуктами питания и спецодеждой.³⁵ Руководство этими народными экономиями (так часто называли в то время совхозы), как правило, осуществляла коллегия из нескольких человек и рабочком, избираемый членами профсоюзной ячейки.³⁶

Основная масса организованных в первые месяцы после Октября совхозов находилась в подчинении местных органов власти. На базе наиболее ценных хозяйств создавались совхозы общегосударственного значения, их передавали в ведение НКЗ. Важное значение для определения путей совхозного строительства имел декрет «О племенном животноводстве», принятый на заседании коллегии НКЗ 1 июля 1918 г. Согласно ему Наркомземом и его местными органами производилась организация разного вида рассадников племенного животноводства. Наряду с этим наметилась тенденция создания сельскохозяйственных предприятий общегосударственного значения. Для управления ими по решению коллегии НКЗ от 22 августа 1918 г. в составе отдела национального земельного фонда было создано отделение советских хозяйств.³⁸ Процесс централизации управления народным хозяйством захватил и совхозы.

Добиваясь перехода наиболее ценных имений в свое непосредственное ведение и ослабления зависимости остальных хозяйств от местных органов, Наркомзем столкнулся с нежеланием последних потерять свое влияние. Характерным выражением этого стали трения между Наркомземом и Московским губземотделом. 17 октября 1918 г. в «Известиях ВЦИК» Московский губземотдел опубликовал «Инструкцию по управлению и эксплуатации советских коммунистических хозяйств», в которой провозглашалась подчиненность всех советских хозяйств губернии губземотделу. Наркомзем оценил инструкцию как противоречащую декрету от 1 октября 1918 г. «О переходе имений сельскохозяйственных предприятий и участков земли, имеющих в культурно-просветительном и промышленном отношении общегосударственное значение, в ведение Народного комиссариата земледелия».³⁹ Позиция Наркомзема была поддержана В. И. Лениным. Уже в октябре 1918 г. Наркомзем по девяти центральным губерниям взял в свое ведение 58 и готовил еще 406 совхозов, рассчитывая до конца года принять около 1000 совхозов (из 3 101).⁴⁰

Строительство советских хозяйств проходило в условиях довольно острой идейной борьбы. С самого начала против их организации выступили эсеры. Лидер левых эсеров М. Спиридонова заявила, что создание совхозов, в которых применяется наемный труд, — не что иное, как насаждение новых эксплуататорских хозяйств.⁴¹ Исходя из этой установки, левые эсеры до марта 1918 г. возглавлявшие Наркомзем, ничего не делали, чтобы предотвратить раздел имений, которые согласно Декрету о земле мыслилось превратить в образцовые хозяйства.

Не было единства точек зрения по вопросу о том, какой форме общественного хозяйства отдать предпочтение, и среди членов большевистской партии. Председатель Комитета хозяйственной политики ВСНХ Ю. Ларин в своих статьях и выступлениях основные надежды в деле социалистической перестройки сельского хозяйства возлагал на советские хозяйства. Единомышленником Ларина тогда был Н. С. Богданов, член этого же комитета, впоследствии работавший в Наркомземе. Ревностно выступал в защиту коммун В. Н. Мещеряков, член коллегии НКЗ.⁴²

Наибольшего накала борьба между сторонниками коммун и советских хозяйств достигла на I Всероссийском съезде земотделов комитетов бедноты и коммун. Она завершилась признанием принципиально правильными обеих форм.⁴³ «Главной задачей земельной политики, — говорится в резолюции съезда «О коллективизации сельского хозяйства», — является последовательное, неуклонное проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коллективных хозяйств и общественной обработки земли, которые в своем развитии неизбежно приведут к единой коммунистической организации всего сельского хозяйства».⁴⁴

Новый этап в организации совхозного строительства связан с «Положением о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», которое отразило стремление ускоренными темпами создавать социалистические предприятия в сельском хозяйстве и превращать их в «фабрики зерна». «Положение» сформулировало задачи, стоящие перед совхозами, и определило систему их управления. Согласно «Положению» общее руководство всеми совхозами, за исключением приписных, сосредотачивалось в подотделе советских хозяйств Отдела обобществления сельского хозяйства Наркомзема. На местах были созданы губернские и районные управления совхозами, непосредственно подчиненные комиссариату земледелия. Тем самым местные Советы практически устранялись от руководства совхозами.

Совхозы являлись государственными предприятиями, где трудились сельскохозяйственные рабочие. Состав их в эти годы был далеко неоднороден. Часть рабочих была из местных крестьян, одновременно ведущих свое собственное хозяйство, другая часть — люди «чистой барской кухни»: «бывшие приказчики, конюхи, лакеи, ключники, занимавшие нередко ранее административные должности. Третья группа представлена батрацким элементом. Было немало и горожан, пришедших в совхозы с целью прокор-

мать себя и свои семьи в голодные военные годы.⁴⁵ Учитывая эту разнородность состава совхозных рабочих, В. И. Ленин писал, что рабочие совхозов гораздо чаще еще не пролетариат, а и «пауперы», и мелкие буржуа, и все, что хотите.⁴⁶

Важную роль в деле воспитания «социалистического сознания» у сельскохозяйственных рабочих призван был сыграть Рабочий комитет содействия социалистическому земледелию, созданный при Наркомземе по соглашению с Всероссийским советом профессиональных союзов. Рабочкомсод (как его сокращенно называли) учреждался в целях применения к сельскому хозяйству опыта индустриального пролетариата. Задачи Комитета были обширны: оказание помощи в создании губернских и районных управлений совхозов путем делегирования опытных организаторов, содействия в организации рабочкомов, создание профессиональных объединений рабочих и др. Он посылал своих уполномоченных «из числа наиболее надежных, опытных, сознательных рабочих в губернские и районные управления и отдельные хозяйства согласно вырабатываемым Наркомземом инструкциям».⁴⁷ Уже к середине сентября 1919 г. Рабочий комитет содействия послал на места 80 уполномоченных.⁴⁸

Воспитательной работой среди рабочих совхозов занимались и профсоюзные организации. По предложению В. И. Ленина решено было создать «собственную организацию миллионов сельских рабочих», в которой они научатся сами «шаг за шагом решать свои дела не только политические, но и хозяйственные».⁴⁹ Такой организацией стал Всероссийский профессиональный союз рабочих земли (Всеработземлес), созданный в июне 1919 г. при непосредственном участии Ленина. В состав союза входили рабочие и служащие совхозов, сельскохозяйственные рабочие в индивидуальных хозяйствах и сельских обществах, специалисты сельского хозяйства и служащие органов Наркомзема.⁵⁰ Уже в июле 1919 г. в Союзе было 49 994 рабочих и 5 920 служащих советских хозяйств.⁵¹

Несмотря на особое внимание к совхозам со стороны партии и государства, экономическое положение их было крайне тяжелым. В совхозах губерний Центрально-промышленного, Петроградско-Псковского и Западного районов не засеяно была почти половина посевной площади.⁵² По сообщению Иваново-Вознесенского управления совхозами, предполагаемого на 1919 г. урожая «едва хватит на три месяца».⁵³ «Катастрофическим» было признано положение советских хозяйств Петроградской губернии «в виду гибели скота и ухода рабочих».⁵⁴ Минимальная потребность совхозов в лошадях удовлетворялась только на 1/3.

В 1920 г. в советских хозяйствах работало 145,2 тыс. сроковых (по РСФСР 114 433).⁵⁷ К этому же времени в совхозах Наркомзема было 75,7 тыс. постоянных рабочих.⁵⁸ Совхозы были обременены едоками. Десятки тысяч людей покидали в те тяжелые годы города и поступали на работу в совхозы с целью прокормиться. Не случайно заведующий отделом по работе в деревне при ЦК РКП (б), член коллегии Наркомзема В. Невский в докладе о положении в советских хозяйствах в начале 1920 г. писал: «...рабочие (совхозов. — Н. Н.) забиты, запуганы, некультурны, боязливы...».⁵⁹

Жизнь показала, что советские хозяйства как самостоятельные хозяйственные субъекты существовать не могут. Для укрепления их экономического положения из скромных ресурсов государства было ассигновано в 1919 г. 623 375,6 тыс. руб., в 1920 г. — 13 625,494 тыс. руб., или соответственно 20,9 и 21,6% всей суммы ассигнований на сельское хозяйство.⁶⁰

Попыткой укрепления совхозов стала и организационная перестройка управления ими.

В первых числах июля 1919 г. при Народном комиссариате земледелия состоялось Всероссийское совещание губземотделов, губсовхозов, губоргасево и губрабочкомов.⁶¹ Главным был вопрос о совхозах. Особенно острой была дискуссия об управлении ими. Позиции участников совещания в основном определились в двух докладах — Н. С. Богданова (заведующего подотделом советских хозяйств Наркомзема) и Т. В. Сапронова (председателя Московского губисполкома).

По мнению Богданова, в основу управления совхозами должен быть положен принцип производственных главков, общее управление сосредотачивается в центре. Иными словами, предлагалось еще больше углублять централизацию. Противоположной точки зрения придерживался Сапронов. Он утверждал, что обособленность советских хозяйств от местных органов — Советов⁶² — затрудняет контроль за их деятельностью, порождает бюрократизм в управлении. Идею децентрализации Сапронова поддержали представители земотделов и почти вся коллегия НКЗ за исключением С. П. Середы и В. В. Кураева.

5 августа 1919 г. вопрос об управлении советскими хозяйствами обсуждался на заседании Совнаркома. В. И. Ленин поддержал сторонников Н. С. Богданова, обратив при этом внимание на критику. Замечания председателя Совнаркома были учтены при составлении «Инструкции об управлении советскими хозяйствами», утвержденной СНК 28 августа 1919 г.⁶³

Согласно инструкции права Советов в управлении совхозами

сводились к заключениям по отчетам управлений совхозами. Кроме того, губернские управления советскими хозяйствами обязывались периодически докладывать о своей работе губисполкомам, а также выступать с отчетами о своей деятельности на съездах Советов губерний.

Правда, уже через полгода VII Всероссийский съезд Советов рекомендовал Наркомзему реорганизовать управление советскими хозяйствами.⁶² Губернские и районные управления совхозов сливались с губернскими и районными земельными отделами исполкомов Советов на правах подотделов. Вместо ранее существовавшего подотдела советских хозяйств Отдела обобществления сельского хозяйства Наркомзема РСФСР 1 марта 1920 г. было образовано Главное управление советских хозяйств, в которое кроме представителей Наркомзема вошли представители Рабочего комитета содействия, ЦК Всеработземлеса, ВСНХ, Рабоче-крестьянской инспекции.

Однако предпринятые шаги не оказали сколько-нибудь значительного влияния на положение совхозов. К концу 1920 г. из 2 936 совхозов, находившихся в ведении управлявших совхозами губземотделов,⁶³ только 1/3 давала прибыль и 1/3 обеспечивала себя.⁶⁴

Другой важнейшей задачей социалистического строительства в деревне стала организация коммун на основе объединения индивидуальных крестьянских хозяйств.

В мае 1918 г. в Наркомземе было создано отделение для руководства строительством коммун. Первое время деятельность его строилась в расчете на отсутствие на местах соответствующего аппарата, который бы ведал их организацией. Не существовало никакого посредника между центральными земельными органами и коммунами. «Народный комиссариат обращался непосредственно к коммунам и последние писали прямо в народный комиссариат земледелия».⁶⁵

Изучая опыт строительства коллективных хозяйств, Наркомзем обобщал его в Примерных уставах, которые рекомендовал для руководства на местах. Работа эта была начата после опубликования закона «О социализации земли».

5 июля 1918 г. Совнарком заслушал доклад наркома земледелия С. П. Середы об организации и деятельности коммун. Наркомзему и Наркомпроду было поручено «дать совместную циркулярную инструкцию по трудовым коммунам».⁶⁶ Выполняя его, Наркомзем 21 июля 1918 г. опубликовал «Примерный устав земледельческой коммуны».⁶⁷ В его основу легли положения 20 местных уставов коммун, присланных в НКЗ.⁶⁸ Хотя

все эти уставы разрабатывались самостоятельно, они имели общие принципы:

1. Провозглашали своей целью переход к коммунистической форме организации производства и быта.

2. Предусматривали ликвидацию личного хозяйства и передачу всех средств в ведение общественного.

3. Предлагали ликвидацию домашнего хозяйства, организацию коммунальных жилищ и общественного питания.

4. Строили распределение на основе принципа: каждый трудится по своим силам и получает по потребностям, исходя из хозяйственного состояния коммуны (фактически поровну).⁶⁹

В целях помощи коммунам в деле организации и составления уставов Наркомземом была выработана «Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных коммун».⁷⁰ Она фактически имела значение первого типового устава. В ней были определены цели и задачи коммуны, организационные принципы ее построения и ведения общественного хозяйства.

Правотворческая деятельность НКЗ по коммунам была обобщена в сборнике «Инструкции и положения о коммунах», изданном в августе 1918 г. В сборник вошли: «Инструкция земотделам об отводе земли сельскохозяйственным и производственным коммунам», «Правила выдачи ссуд сельскохозяйственным производственным коммунам», «Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных производственных коммун», «Положение о регистрации сельскохозяйственных производственных коммун», «Инструкция для организации бюро коммун», «Положение об инструкторах по коммунам».⁷¹

Хотя в первые месяцы после победы Октябрьской революции колхозное движение связывалось преимущественно только с одной формой хозяйства — сельскохозяйственной коммуной, однако одновременно или почти одновременно складывалась и другая его форма — земледельческая артель.⁷² Но рассматривалась она не как самостоятельная форма, имеющая свою будущность, а как переходная ступень к земледельческой коммуне. «Наркомзем мало ими (артелями — Н. Н.) интересовался... число их не регистрировалось. Некоторые земотделы даже не разрешали им организовываться, а предлагали строить только коммуны».⁷³ В 1918 г. в газете «Голос трудового крестьянства» была даже помещена рекомендация Отделения коммун Наркомзема, кооперативным отделам НКЗ и ВСНХ не оказывать денежной поддержки артелям и не укреплять таким образом их положения.⁷⁴ Государственные кредиты в течение 1918 г. выдавались только коммунам. Учет артелей начался органами Нарком-

зема в конце 1918 г. Принципы их организации не разрабатывались, а специальный примерный устав был утвержден НКЗ только в апреле 1919 г.

Этапным в развитии колхозного строительства стал I Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун. На нем был представлен значительный фактический материал о состоянии колхозного движения к концу первого года Советской власти. Съезд обобщил опыт колхозного строительства и определил дальнейшие пути его развития. Обсуждая вопрос о формах социалистического земледелия — совхозах, коммунах и общественной обработке земли,⁷⁵ — делегаты высказались за их принципиальную поддержку. Однако, необосновательным оказалось предостережение В. И. Ленина, выступившего на съезде с большой речью, о том, что социалистическое преобразование сельского хозяйства представляет задачу очень сложную и решение ее потребует целый ряд «постепенных предварительных ступеней».⁷⁶

При обсуждении Положения и Устава сельскохозяйственных коммун на съезде очень остро разгорелась дискуссия по вопросу о предоставлении коммунам преимуществ как высшему и конечному типу хозяйства. Много споров было вокруг § 2 проекта «Положения о сельскохозяйственных коммунах», который был предложен коллегией НКЗ для обсуждения в подсекции коммун и артелей. В нем говорилось, что комиссариат земледелия «оказывает субсидии коммунам наряду со всеми остальными формами коллективного сельского хозяйства». Было высказано предложение вместо слова «наряду» поставить слово «преимущественно».⁷⁷ За такое изменение выступил, в частности, член коллегии земледелия В. Н. Мещеряков. Другой член коллегии НКЗ А. Х. Митрофанов в своих выступлениях в подсекции и на пленуме секции указывал, что «государство не может говорить о преимуществах какой-нибудь одной формы коллективного сельского хозяйства».⁷⁸ Тем не менее, большинством подсекции, а затем и пленума секции была принята редакция «Положения», закрепляющая преимущества коммун перед всеми другими типами хозяйства.

17 декабря 1918 г. на вечернем заседании съезда было продолжено обсуждение § 2 «Положения о сельскохозяйственных коммунах». Большинством съезда (150 голосов против 123) была принята поправка А. Х. Митрофанова.⁷⁹

Большое место в работе съезда занял вопрос о товариществах по совместной обработке земли. Считалось, что время перехода к социализму в сельском хозяйстве настало, весь вопрос

в формах перехода. Наряду со сторонниками коммун на съезде определилась и группа приверженцев более мягкой линии. В выступлении члена коллегии земледелия В. В. Кураева отмечалось: «Обобществление сельского хозяйства возможно пока не в окончательных формах, а в формах переходных, миллионы крестьян не пойдут сейчас к коммунам. Приходится начинать с того, чтобы собрать распыленную землю в формах, доступных крестьянской психологии».⁸¹ Такой формой перехода к социализму в сельском хозяйстве считались товарищества по общественной обработке земли. Нарком земледелия С. П. Середа даже заявил на съезде, что крестьяне в массе скоро перейдут к «общественной обработке земли».

Как показал опыт 1919 — 1920 гг., массового перехода к общественной обработке земли не получилось, а ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) как форма колхозного движения вплоть до перехода к новой экономической политике имели весьма незначительный удельный вес. В 1919 — 1920 гг. они составляли около 14% общего числа коллективов.⁸¹

Работа I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун отразила поиски путей непосредственного перехода единоличных крестьянских хозяйств к социалистическому производству в земледелии, поиски наиболее приемлемых форм коллективных хозяйств. Она показала, что еще не полностью определилось содержание каждой формы. Еще не была до конца осознана социально-экономическая сущность колхозов и их отличие от государственного типа предприятий в сельском хозяйстве.

Основное отличие двух указанных типов предприятий было выявлено в ходе дискуссии на страницах газет.⁸² Однако и на практике, и в официальных документах имело место смешение основных принципов, на которых строились колхозы и совхозы.

19 февраля 1919 г. коллегией НКЗ был утвержден Устав коммуны, проект которого был одобрен I съездом земотделов, комбедов и коммун. Предварительно вопрос об уставе коммун обсуждался на заседании коллегии НКЗ 11 января 1919 г.⁸³ Складывающаяся политика «военного коммунизма» достаточно отчетливо отразилась на подготовке и содержании этого документа. Если первый Примерный устав трудовой земледельческой коммуны носил скорее рекомендательный характер, то Нормальный устав сельскохозяйственной производственной коммуны 1919 г. учредители должны были принимать без всяких поправок.⁸⁴ Устав предусматривал распространение на сельскохозяйственные коллективы правовых норм, свойственных государ-

ственным предприятиям. К их числу относилось право органов Советской власти распускать коммуну «в случае несоответствия ее (коммуны — Н. Н.) деятельности с основными положениями Конституции РСФСР или Уставом коммуны и неподчинения указам и распоряжениям Наркомзема и его местных губернских или уездных земельных отделов».⁸⁵

Уже к концу 1918 г. кратковременное увеличение коммуна-ми сменилось некоторым ослаблением внимания к ним как населения, так и работников земельных органов. Число коммун и их членов в 1919 — 1920 гг. почти не изменилось, в то время как число артелей и товариществ увеличилось в 2, а их членство — в 2,5 раза.⁸⁶ Это ускорило выработку нормативных документов, регулирующих производственную жизнь и организационную структуру коллективов.

19 мая 1919 г. Наркомзем утвердил Примерный устав трудовой земледельческой артели. Согласно уставу артель ставила своей целью «заменить отживший способ единоличного ведения сельского хозяйства хозяйством, построенным на разумных товарищеских началах». В уставе были зафиксированы следующие принципы артельной формы коллективного земледелия и отличие ее от коммунальной:

1. Обязательный взнос деньгами и имуществом в виде живого и мертвого инвентаря, который каждый член артели мог получить обратно в случае ее ликвидации.

2. Членам артели разрешалось ведение личного хозяйства, размеры которого определялись общим собранием колхозников.

3. Излишки продуктов могли быть реализованы артелью по своему усмотрению.

4. Оплата труда производилась «пропорционально труду каждого члена» артели, причем в денежной форме.⁸⁷

С углублением «военного коммунизма», запретом свободной реализации сельскохозяйственной продукции, обесцениванием денег и т. п. изменяется и внутренняя жизнь коллективных хозяйств. Под влиянием этих факторов 29 сентября 1920 г. Наркомзем принял новый устав сельхозартели, отразивший военнo-коммунистическую направленность экономической политики советского государства. Распределение в артелях приближалось к распределению в коммунах «по едокам, или едокам и рабочей силе». Денежная форма учета труда фактически отменялась, сохранялась лишь оговорка, что денежные средства артель имеет, «поскольку это вызывается необходимостью». В новом уставе артели проявилось стремление к возможно более

полному обобществлению хозяйства, которое выразилось в требовании полной ликвидации личного хозяйства ее членов. Усложнились условия выхода из артели.⁸⁸

Преимущества общественных форм ведения хозяйства пропагандировались и популяризировались рядом газет, журналов, брошюр, издававшихся, как правило, значительными тиражами. В конце августа 1918 г. Наркомземом был объявлен конкурс на написание брошюры о коммунах (решение коллегии от 31 августа 1918 г.).⁸⁹ В ноябре 1918 г. тиражом в 100 тыс. экземпляров была напечатана речь П. Я. Гурова «О сельхозкоммунах», произнесенная на крестьянском митинге в Тамбовской губернии. В 1929 г. она была переиздана тем же тиражом. Брошюра В. Н. Мещерякова «Деревенская беднота и пути к социализму» только в течение одного 1918 г. вышла тремя изданиями. Несколько раз издавалась и вторая его брошюра «О сельскохозяйственных коммунах». Широко были распространены брошюры П. Я. Дышлера «Как устроить сельскохозяйственную коммуну» и «Новые формы сельского хозяйства». Кроме того, в центре и на местах печатались листовки, воззвания, плакаты.

Из центра посылались на места инструкторы, которые вели пропаганду всех видов коллективных хозяйств, помогали местным земельным отделам в организации бюро коммун, разъясняли инструкции и положения о коммунах, содействовали земотделам в выработке плана организации коллективных хозяйств и проведении его в жизнь.

Подготовку инструкторов по коллективизации сельского хозяйства вела Советская школа при ВЦИК. В марте 1919 г. она подготовила 33 инструкторов, которые были командированы в распоряжение местных земотделов. В связи с осложнившейся военной обстановкой курсанты майского выпуска школы были направлены на фронт.⁹⁰

Многие губземотделы также организовывали курсы, на которых готовились инструкторы по созданию коммун. Первые такие курсы открылись 11 ноября 1918 г. во Владимире. В числе 22 слушателей были командированные уездных земельных отделов, а также непосредственно представители коммун.⁹¹ Институт инструкторов по коммунам учреждался как в составе Наркомзема, так и при местных земельных отделах (бюро коммун).

Учитывая неопытность руководителей коллективных хозяйств, отсутствие у них не только специальной подготовки, но и зачастую элементарной грамотности, органы Наркомзема стремились давать им детальные, обстоятельные указания. Основными «университетами» коммунистического образования для них

были съезды и конференции партии, съезды Советов и их земельных органов, съезды комитетов бедноты. В 1918 — начале 1921 гг. Наркомзем провел 7 всероссийских совещаний только по вопросам коллективизации сельского хозяйства: I Всероссийский съезд земотделов, комитетов бедноты и коммун (декабрь 1918 г.), I Всероссийский съезд коммун и артелей (декабрь 1919 г.), Всероссийское совещание работников социалистического земледелия (июль 1920 г.), II Всероссийский съезд сельскохозяйственных коллективов (февраль 1921 г.) и др.⁹² В Московской, Иваново-Вознесенской и других губерниях кроме ежемесячных совещаний заведующих уездными земельными отделами созывались совещания и руководителей отдельных подотделов, в том числе и подотделов коллективных хозяйств.⁹³

Выработка эффективных принципов отношений между колхозами и государством во многом зависела от укрепления организационных и хозяйственных связей между колхозами. Решать эту задачу требовалось неотложно. Слаба была и материальная база колхозов, не хватало инвентаря, скота, семян. Сказывалось отсутствие опыта ведения коллективного хозяйства, незначительны были размеры коллективных хозяйств. По данным на 1 января 1920 г. средний размер земельной площади на один колхоз составлял 96,4 дес., в том числе пашни — 43,9 дес. В среднем на один колхоз приходилось 63,9 едока, в том числе — 37,6 трудоспособных.⁹⁴ Кроме того, создающиеся коллективные хозяйства часто оказывались крайне непрочными. По данным Отдела обобществления сельского хозяйства комиссариата земледелия, к концу 1919 г. распалось более 800 коллективных объединений крестьян.⁹⁵

С целью укрепления организационной структуры создающейся колхозной системы еще на I Всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун была принята резолюция, предложенная С. П. Середой от имени группы коммунистов, о необходимости «объединения коммун в союзные организации по волостям, губерниям и районам».⁹⁶ На съезде было создано бюро по созыву съезда коллективов, контролируемое непосредственно коллегией НКЗ.⁹⁷ От имени бюро местным земотделам была разослана телеграмма с предложением «созывать съезды коллективов и организовывать их союзы».⁹⁸ Первый губсоюз образовался в Вологде 1 мая 1919 г. Подобные союзы создаются в Гомельской, Симбирской, Тульской, Ярославской губерниях.⁹⁹ К декабрю 1919 г. возникло 24 губернских и 27 уездных союзов сельскохозяйственных коллективов.¹⁰⁰

На губернские, уездные съезды коллективных хозяйств Нар-

комземом посылались проекты уставов всероссийского, губернских и уездных союзов, Положение о Всероссийском союзе, разработанные в подотделе коллективных хозяйств Наркомзема и предварительно одобренные Совещанием представителей земотделов во время съезда губсовхозов.¹⁰¹ В декабре 1919 г. Наркомземом был созван I съезд земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей. Он принял Устав Всероссийского союза трудовых производственных сельскохозяйственных коллективов, который затем был утвержден Наркомземом.¹⁰²

Согласно уставу членами Союза являлись все сельскохозяйственные коммуны и трудовые артели. Работа его должна была строиться в соответствии с общей деятельностью Наркомзема, под его контролем и руководством. Исполнительными органами Союза являлись Советы (центральный, губернские и уездные), избранные из представителей колхозов. Центральный совет вошел в состав Отдела обобществления сельского хозяйства НКЗ. Губернские, районные и уездные Советы — в состав подотделов обобществления местных земотделов. Советы Союза рассматривались как часть советского государственного аппарата. На них возлагалась часть работы НКЗ по обобществлению сельского хозяйства: снабжение коллективов через соответствующие организации средствами производства, кредитом, продовольствием и т. п., упорядочение отношений с продорганами и другими органами Советской власти, организация новых колхозов и объединение уже существующих в союзы.¹⁰³ К концу 1920 г. было создано 37 губернских и 272 уездных союзов.¹⁰⁴

На практике же союзы часто не выполняли возложенных на них задач и ограничивали свои функции общим организационным руководством (учет, инструктирование, распределение кредитов и средств производства, выделенных государством и т. п.), т. е. фактически дублировали соответствующие отделы и комитеты НКЗ и местных земельных органов. Для работы союзам нужны были материальная база, опытный технический и руководящий персонал, значительные капиталовложения. Обеспечить всем этим в условиях гражданской войны было явно не под силу ни государству, ни тем более колхозам. Последние не в состоянии были тогда принять участие даже в содержании их аппарата. В сентябре 1920 г. Наркомзем вынужден был ходатайствовать перед СНК о финансировании всероссийского, губернских и уездных союзов за счет государства.¹⁰⁵

В конце 1920 г. произошло слияние Всероссийского союза колхозов и его местных органов с профессиональным союзом работников земли и леса, который объединял главным образом

служащих государственных земельных органов и всех работников советских хозяйств. При этом было объединено управление колхозами и совхозами.

Решение о слиянии Всероссийского союза колхозов с Все-работземлесом было ошибочным. Однако в период углубления политики «военного коммунизма» оно вытекало из всей предшествовавшей практики руководства колхозами, из состояния экономической теории социализма. В то время резолюция II Всероссийского съезда колхозов (февраль 1921 г.) утверждала, что «между совхозами и колхозами нет существенной разницы».¹⁰⁶ Этим самым отождествлялась собственность колхозов с государственной, члены сельскохозяйственных коллективов с работниками советских хозяйств. Этому во многом способствовали реальные условия колхозного строительства: колхозы сдавали продукцию только государству, необходимые товары приобретали у него, средства производства колхозов формировались тогда главным образом путем передачи им конфискованного имущества помещиков и зажиточных крестьян и выделения государственных ассигнований, отсюда и имущество колхозов рассматривалось как общенародное достояние. Только с переходом к нэпу ситуация меняется.

В процессе формирования социалистического хозяйственного механизма одной из сложных стала проблема использования кооперации. Возможности этого были осознаны далеко не сразу. Первоначально ее рассматривали только, как институт отжившей экономической системы. Однако постепенно такое отношение к кооперации вообще и к конкретным ее видам начинает меняться.

Своеобразной формой привлечения кооперативов к решению общегосударственных задач хозяйственного строительства стали договоры кооперативных центров с государственными органами. В декабре 1918 г. Наркомзем заключил договор с центральным товариществом льноводов на поставку льняного семени. Заготовка осуществлялась по установленным государством твердым ценам. Несмотря на то, что они были серьезным тормозом в осуществлении кооперативных заготовок, уже к 30 апреля 1919 г. государство получило 3,5 млн. пуд. льна.¹⁰⁷

С целью подчинения кооперации государственному контролю и управлению Наркомзем сделал попытку создания Комитета по руководству сельскохозяйственной кооперацией (см. гл. II). Однако это в конце 1918 — 1919 гг. не получило развития.

Вопрос об использовании сельскохозяйственной кооперации в 1919 — 1920 гг. широко обсуждался в печати.

С переходом к новой экономической политике был взят курс на развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Именно на этой основе предполагалось восстановление сельского хозяйства. Идея обобществления хозяйства была сдвинута, но не снята. В условиях переходного времени в сельскохозяйственной кооперации увидели ту форму, которая была способна привить крестьянству навыки коллективного хозяйствования и тем самым обеспечить постепенность перехода к обобществлению сельского хозяйства. Поэтому в наркомземе уже 25 июня 1921 г. был поднят вопрос о создании сельскохозяйственной кооперации, независимой от потребителей.¹⁰⁸

1 июля 1921 г. коллегия НКЗ более подробно определила свое отношение к этому вопросу. Предполагалось создать единую сеть сельскохозяйственной кооперации, начиная с губернских центров и кончая Всероссийским центром сельскохозяйственной кооперации. Коллегия считала, что сельхозкооперация должна существовать отдельно и независимо от потребительской и промысловой и находится с ними лишь в договорных отношениях. Руководство и контроль над сельскохозяйственной кооперацией должен осуществлять Наркомзем через особый кооперативный аппарат во главе с членом коллегии. Отмечалась необходимость срочной выработки положения о сельскохозяйственной кооперации, а для этого решено было создать комиссию в составе Месяцева, Чаянова, Одинцова.¹⁰⁹

Уже 5 июля был создан Кооперативный отдел НКЗ во главе с Козыревым. П. А. Месяцев был назначен ответственным за все дела сельскохозяйственной кооперации и представителем Наркомзема в Центральной сельскохозяйственной секции Центросоюза.¹¹⁰

16 августа 1921 г. был опубликован декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации. Согласно ему трудящемуся населению сельских местностей предоставлялось право образовывать сельскохозяйственные кооперативные товарищества или артели как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для организации индивидуального труда их членов, снабжения их необходимыми сельскохозяйственными орудиями, семенами, удобрениями и другими средствами производства, а также для переработки и сбыта продуктов земледельческого производства. Сельскохозяйственным кооперативным товариществам (артелям) и их союзам разрешалось объединяться как по территориальному, так и производственному признаку, им предоставлялось право юридического лица, свободного установления взаимоотношений с другими видами

кооперации, продажи или обмена продуктов своего производства, право приобретать необходимые им орудия производства, открывать мастерские по переработке и сбыту продукции и т. д. Декрет признавал организацию сельскохозяйственных кооперативов делом государственно необходимым и всем органам власти предлагалось оказывать содействие земледельцам в кооперировании. Наблюдение за действием этого декрета и помощь сельскохозяйственной кооперации возлагались на Наркомзем.¹¹¹

Взаимоотношения НКЗ и его местных органов с развивающейся сельскохозяйственной кооперацией строились на основании резолюции IX Всероссийского съезда Советов. Задачи Наркомзема и его местных органов по отношению к кооперации, исходя из логики нэпа и экономической сущности самой кооперации, были сформулированы следующим образом: «Сохраняя за собой осуществление всего объема земельной политики государства и руководство агрикультурным прогрессом сельского хозяйства, постепенно передать все агрикультурно-хозяйственные мероприятия в руки самого населения, что возможно только при условии развития системы сельскохозяйственной кооперации». Земорганы в своей работе должны были соблюдать следующие принципы: 1) независимость сельскохозяйственной кооперации и хозяйственная заинтересованность ее членов; 2) административное невмешательство госорганов в хозяйственную деятельность сельскохозяйственных кооперативных организаций; 3) регулирование и направление работы сельскохозяйственной кооперации мерами экономического характера; 4) содействие хозяйственным мероприятиям сельскохозяйственной кооперации; 5) осуществление коммунистического влияния исключительно методами организационного участия в сельскохозяйственной кооперации; 6) явочный порядок возникновения сельскохозяйственных кооперативов.¹¹²

Вопросы организации сельскохозяйственных кооперативов и разработка мер содействия им Положением о Наркомземе от 26 ноября 1923 г. возлагались на Управление сельского хозяйства.

В связи с многосторонностью крестьянского хозяйства и многообразием хозяйственных районов страны кооперативное строительство вылилось в разные формы. Доминирующей было сельскохозяйственное товарищество с универсальными функциями. Кроме того, значительное развитие получили кредитные товарищества, а также специальные кооперативы — маслодельные, садово-огородные, торфяные и др. Работа сельскохозяйственной кооперации развивалась в следующих направлениях:

производство сельскохозяйственных продуктов, их переработка и сбыт, агрикультурная деятельность, снабжение крестьянских хозяйств необходимыми орудиями и средствами производства, организация мелкого кооперативного кредита для крестьянства.

Ленинская работа «О кооперации», без сомнения, стала этапным моментом в возрождении кооперативного движения. Однако в работе «О кооперации», коллективизация даже не упоминается. Что касается крестьянства, то ленинская идея сводилась к следующему. С одной стороны, создание системы сельскохозяйственной кооперации даже при условии «поголовного» вовлечения крестьян в различные кооперативные организации не означало ликвидации индивидуальных хозяйств. Система сельхозкооперации как бы стояла над общей массой крестьянских хозяйств, являясь как бы дополнением к ним, но без них не имея смысла. С другой — предполагалось, что в лице своих центров кооперация сомкнется с руководящими органами государства и превратит внешне самостоятельные крестьянские хозяйства в исполнителей общегосударственного плана.

Однако приоритет социально-классовой направленности нашей аграрной политики довольно скоро вновь стал набирать силу и постепенно отодвигать ранее принятые решения на задний план.

XI Всероссийский съезд Советов и II съезд Советов СССР возложили на сельскохозяйственную кооперацию и Сельскосоюз как на Всероссийский центр обязанности по вовлечению в орбиту хозяйственной деятельности беднейших групп крестьянского населения.¹¹³

Резолюция XIV конференции РКП(б) от 29 апреля 1925 г. «О кооперации» обратила внимание партии на тот момент, что в условиях свободы товарооборота и господства мелкого товарного производства в деревне кооперация являлась основной общественно-экономической формой связи между государственным хозяйством, колхозами и мелким товаропроизводителем деревни.¹¹⁴

Почти сразу после принятия августовского декрета о сельскохозяйственной кооперации Всеработземлес поставил перед Наркомземом вопрос о распространении положений документа на все виды сельскохозяйственных кооперативов. 24 сентября 1921 г. коллегия Наркомзема, изучая проект, выработанный комиссией Месяцева Шефлера и Зубарева признала необходимым распространить на сельскохозяйственные коллективы права, предоставленные кооперативным организациям с соответствующим изменением из уставов.¹¹⁶

3 октября 1921 г. проект декрета о сельскохозяйственных коллективах был принят коллегией Наркомзема с поправками следующего содержания: предоставить Наркомзему право снабжать по договорам на одинаковых условиях с государственными учреждениями деньгами и средствами сельскохозяйственные коллективы общегосударственного значения, признать сельскохозяйственные коллективы как высшую форму сельскохозяйственных объединений. Этот проект в октябре того же года был внесен на рассмотрение СНК и ВЦИК, где и был принят 17 ноября 1921 г.¹¹⁷ В декрете получила законодательное закрепление установка о распределении принципов кооперации на колхозную систему. Согласно этому декрету сельскохозяйственные коллективы (коммуны, артели и тозы) в отношении выполнения государственных налогов были приравнены к единоличникам. Им было предоставлено право свободного распоряжения излишками сельскохозяйственных продуктов, оставшихся у них после выполнения ими государственных налогов. На колхозы было распространено действие декретов ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации». Лишь отдельные колхозы, имеющие общегосударственное значение (семенные, племенные, показательные и т. п.) и принимавшие на себя обязательства на договорных началах по выполнению государственных заданий согласно декрета 17 ноября 1921 г. могли снабжаться материальными и денежными средствами в порядке, установленном для совхозов.

И, наконец, последнюю точку в вопросе о включении колхозов в сеть сельскохозяйственной кооперации поставил IX Всероссийский съезд Советов. В резолюции съезда от 30 декабря 1921 г. записано, что «сельскохозяйственные коммуны и артели (колхозы), как социально вполне выявленные ячейки трудящихся, должны быть вовлечены в кооперативное строительство». «Присоединение колхозов к общему руслу сельскохозяйственного кооперативного движения необходимо проводить... без ломки их положительного революционного содержания, ...путем организационного их включения в общий кооперативный союз». Постановление намечало пути перестройки коллективных хозяйств. Земельным органам предоставлялось право непосредственной материальной поддержки колхозов, вошедших в кооперативную сеть в целях придания значения агрикультурных центров. При этом постановление подробно определяло функции земельных органов по отношению ко всем видам сельскохозяйственной кооперации.¹¹⁸

Таким образом, решение о включении колхозов в кооперативную сеть проходило по решению и при непосредственном участии органов государственной власти. С одной стороны, оно создавало более здоровую основу для деятельности колхозов, но, с другой — оставляло довольно ощутимый государственный контроль над ними. Хотя следует подчеркнуть, что выражался он в неизмеримо меньшей степени, чем в годы «военного коммунизма».

С этого времени начался перелом в истории коллективных форм сельского хозяйства (см. табл. 18).

Таблица 18

**Динамика колхозного движения по СССР без УССР
(1921—1925 гг.)***

	1921 г.		1922 г.		1924 г.		1925 г.	
	число	‰	число	!	число	‰	число	‰
Коммун	3040	20	1448	12	1290	11	11935	12
Артелей	10490	67	6639	55	6880	56	9647	59
Товариществ	2039	13	3941	33	4105	33	4763	29
Итого по СССР без УССР	15569	100	12028	100	12275	100	16345	100

ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 440. Л. 72.

Из приведенной таблицы видно, что 1922 г. дал довольно ощутимый спад числа колхозов. Это объяснялось тем, что многие из них не смогли перейти от старых форм хозяйствования к товарно-денежным отношениям. Наиболее приспособленными к жизни в условиях нэпа оказались тозы. Их количество даже в трудный для колхозного движения 1922 г. не только не упало, но даже увеличилось. В 1925 г. число колхозов достигло уровня 1921 г. и даже несколько превысило его, при этом количество тозов сокращается. Общая площадь земли у коллективных хозяйств в 1925 г. исчислялась приблизительно в 2 168,3 тыс. дес., причем на коммуны приходилось 417,5 тыс. на артели — 1 170,9 тыс. и на товарищества — 579,9 тыс. дес.

В конце 1924 — начале 1925 г. наметился поворот в отношении государства к колхозам. Принимается ряд форсирующих коллективное движение организационных решений, начиная с постановления партии и правительства «О колхозах» и «О совхозах». В них определялась перспективная приоритетность развития этих форм организации сельскохозяйственного производства до создания новых структур по руководству колхозным строительством в лице Колхозцентров РСФСР, Колхозцентров союзных республик, а также необходимость предоставления преимущественного положения колхозам в землеустройстве, снабжении материальными средствами, семенами, техникой и т. п. (подробнее см. гл. II).

Чем определялось появление такого рода решений? Какова роль и место колхозов в системе сельскохозяйственной кооперации и были ли коллективные формы организации сельскохозяйственного производства наиболее приемлемы с точки зрения экономической целесообразности?

В советской исторической и экономической литературе существует мнение, что колхозы есть высшая форма сельскохозяйственной кооперации, а все другие ее виды — это лишь этапы на пути к созданию крупных коллективных хозяйств. Но как показывает анализ статистического материала, колхозы даже к концу 20-х годов самодовлеющего значения не имели, это был лишь один из видов сельскохозяйственных объединений, который характеризуется большим уровнем обобществления как средств производства, так и самой хозяйственной деятельности (см. табл. 19).

Таблица 19

Обобществление средств производства в различных формах колхозов на октябрь 1927 г. (в %)*

Формы коллективного хозяйства	Земля	Посевы	Инвентарь	Скот		Хозяйственные постройки	Основные фонды в целом
				рабочий			
Коммуны	100,0	100,0	99,6	97,3	92,8	98,5	97,9
Артели	55,5	53,1	75,3	13,5	12,2	31,1	30,1
Тозы	32,6	17,8	33,2	2,9	3,0	6,5	15,2

* Данилов В. П., Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. С. 303.

Из таблицы видно, что лишь в коммунах обобщественными являются фактически все средства производства, т. е. члены коммуны никаких индивидуальных хозяйств не имели, вся хозяйственная деятельность протекала в ее предприятиях. В артелях было обобществлено более половины земли, посева, инвентаря, в то время как оставшаяся земля, большая часть рабочего скота и хозяйственных построек находилась в индивидуальном ведении членов артели. В тозах обобществлению подверглась лишь незначительная часть земли и инвентаря (20 — 30%), т. е. в них были кооперированы лишь отдельные полеводческие процессы. Все же другие виды сельскохозяйственной деятельности оставались всецело в рамках традиционного семейного производства. Подобные тенденции наблюдались и в последующие годы.

Идея постепенной интеграции в колхозы всех видов сельскохозяйственной кооперации не исходила из действительных экономических процессов. «Коллективное хозяйство, — писал А. В. Чаянов, — как бы крупно оно не было, не может собрать в себя все виды кооперативной работы, заменить собой системы «вертикальной концентрации» земледелия, проводимой в кооперативной форме. И для полного проведения концентрации сельского хозяйства они должны войти в состав членов наших местных кооперативов наравне с мелкими крестьянскими хозяйствами».¹¹⁹

И реальное содержание той хозяйственной модели, которая сформировалась путем естественной эволюции к 1929 г., подтверждает обоснованность таких прогнозов. По данным обследования ЦСУ, лишь около 8% колхозов не были членами кооперативных объединений (см. табл. 20).

Таблица 20

Членство колхозов в общекооперативной сети*.

Годы	Сельхоз. кредит. кооп.	Спец. сельхоз. кооп.	Союзы сельхоз. кооп.	Колхозная секция Союза
Коммуны	94,8	33,3	33,3	83,3
до 1928 г.	86,7	6,7	6,7	56,7
Артели				
до 1928 г.	95,8	16,2	16,8	61,9
в 1928 г.	90,9	5,1	2,0	31,3

* ЦСУ. Сельскохозяйственные коллективы СССР на 1 мая 1928 г. М., 1928. С. 19.

Согласно таблице 80 — 90% колхозов являлись членами местных кооперативных объединений наравне с мелкими крестьянскими хозяйствами. И даже в случае полной коллективизации колхозы не должны были заменять собой систему «вертикальной концентрации». Закупочно-кредитная, сбытовая и производственная кооперация должны были существовать. Разница могла быть лишь в том, что вместо крестьянских хозяйств ее членами состояли бы колхозы.

На вопрос об экономической целесообразности коллективных форм организации производства попытаемся ответить путем сравнения экономической мощи различных типов хозяйств. В нашей исторической и экономической литературе при подобной оценке в качестве главного присутствует показатель урожайности зерновых культур. Таких примеров множество. Возьмем один из них. В докладе Госплана СССР «Строительство колхозов и их состояние», представленном в Совет труда и Обо-

Таблица 21

Урожайность ржи и озимой пшеницы в колхозах и единоличных хозяйствах за 1928 г. (в ц.)*

Район	Рожь			Озимая пшеница		
	в колхозах	в крестьянских х-вах	урож. колхозов выше (в %)	в колхозах	в крестьянских хоз-вах	урож. колхозов выше (в %)
Центрально-Черноземная область	13,7	9,9	33,4	6,6	5,1	29,4
Средняя Волга	8,9	7,5	18,5	3,6	2,0	80,0
Нижняя Волга	7,6	5,8	31,0	3,7	2,3	60,8
Урал	10,6	8,3	27,7	7,4	5,7	29,8
Северный Кавказ	8,1	5,2	55,7	6,2	3,7	67,5
Сибирь	9,7	8,6	12,8	8,5	6,2	37,1
Дальний Восток	9,7	8,5	12,8	10,2	9,2	10,8
Ленинградская область	10,6	8,3	27,7	7,4	5,7	29,8

* Данилов В. П. Указ. соч. С. 312.

роны в июне 1926 г., в качестве одного из основных преимуществ колхозного производства объявлялось то, что «урожайность на полях колхозов на 20 — 25% выше урожая полей крестьянских».¹²⁰ Об этом свидетельствуют также данные других источников. В таблице 21 представлены весьма контрастные сведения ЦСУ РСФСР об урожайности двух основных зерновых культур в колхозах и единоличных хозяйствах за 1928 г. Приоритет коллективных хозяйств, если взять за основу оценки показатель вала, неоспорим.

Однако еще в 20-х годах экономисты не считали эти данные показательными. «Более совершенна та форма хозяйства, — писал в 1924 г. экономист Н. Н. Суханов, — которая позволяет при наименьших затратах достигнуть наибольшей суммы хозяйственной пользы».¹²¹ Здесь речь идет не о валовом, а о «чистом» доходе, т. е. о производительности затрат, а не о количестве продуктов с единицы площади.

Относительно высокий урожай основных сельскохозяйственных культур коммуны и артели достигали в основном за счет использования более качественного семенного материала, применения интенсивных способов севооборота, более широкого использования дорогостоящего инвентаря и сложной сельскохозяйственной техники. По анкетному обследованию 1 052 колхозов в 1926 г. многопольный севооборот применялся в 54% хозяйств, трехпольный — в 30%. На первом месте по введению

Таблица 22.

Обеспеченность машинами и орудиями колхозов и единоличных хозяйств в 1925—1926 гг.*

Район	На 100 дес. пашни приходилось:		
	плугов	сеялок	уборочных машин
Центрально-земледельческий район:			
колхозы	11,5	2,9	2,9
единоличные хоз-ва	9,9	0,5	0,8
Среднее Поволжье:			
колхозы	10,9	1,6	3,0
единоличные хоз-ва	6,2	0,7	1,6

* Данилов В. П. Указ. соч. С. 305.

многополья стояли коммуны, на втором — артели и на третьем — товарищества. Двухполье и залежь являлись крайне редкими.¹²² Как видно из таблицы 22, сопоставление данных об обеспечении обычным «крестьянским» инвентарем колхозов и единоличных хозяйств обнаруживает между ними существенные различия.

Уже в 1925 г. колхозы были лучше оснащены машинами и орудиями в 2 — 3 раза. И единственно, чем крестьянские хозяйства превосходили коммуны и артели, так это количеством примитивных деревянных сох и борон.

Однако применение сложной техники и интенсивных технологий не могло не привести к значительному удорожанию производства зерна. Себестоимость вспашки вручную составляла от 2 до 7 руб., с помощью трактора возрасла до 10 руб. 80 коп. Только непроизводительный расход на переезды, как правило, составлял 2 руб. на дес. Согласно данным Рошара, себестоимость зерна при применении интенсивных технологий в 4 раза выше, чем при залежном типе хозяйства, при трехполье — в 1,5 раза.¹²³

Как правило, при анализе результатов хозяйственной деятельности колхозов их экономические показатели сравнивают с усредненными показателями всех индивидуальных хозяйств. Думается, что это методологически неверно. Мы должны сравнивать колхозы с теми индивидуальными хозяйствами, которые не уступают первым по имеющимся у них основным средствам производства, земле и инвентарю. В целом по количеству земли коммуны и артели можно отнести к многопосевным группам, так как показатель обеспеченности землей здесь составлял от 8 дес. и более на семью.¹²⁴ Однако более всего отличались хозяйства колхозов от окружающих крестьянских солидной обеспеченностью сельскохозяйственными машинами и улучшенными орудиями (см. табл. 22).

Сравним экономические показатели колхозов и многопосевных хозяйств, наиболее близких к первым по уровню обеспеченности средствами производства. Данные по колхозам Урала дают следующую картину. В 1927 — 1928 гг. они, имея 6% посевных площадей, собирали 205 тыс. ц. зерновых, что составило 0,5% валового сбора по Уральской области. Многопосевная группа хозяйств с величиной посевов от 8 до 16 дес. владела 35% посевной площади, но давала 30% валового сбора. Получается, что, имея в 6 раз меньше посевных площадей, колхозы производили не в 6 раз меньше хлеба, как предполагается в равноценных по экономической силе хозяйствах, а в 60 раз. А если вычленим из группы колхозов тозы, как хозяйства с наи-

менее выраженными специфическими признаками колхозов, то цифра 60 увеличивается еще в 2 раза. Что касается товарности зерновой продукции, то в колхозах она, как правило, составляла 25 — 27%. В то же время в центральном и Южном Зауралье по группам с посевом 8 — 10 дес. на хозяйство она достигала 44% в 1926 г. и 50% в 1927 — 1928 гг. В самых крупных группах с величиной посева более 16 дес. этот показатель в отдельные годы составлял 70%.¹²⁵

Вышеизложенное показывает, что если подходить к проблеме не с точки зрения идеологических пожеланий, а с учетом экономической силы различных типов хозяйств, то не будет оснований говорить о сколько-нибудь серьезных преимуществах коллективных хозяйств над индивидуальными. Что же касается экономической целесообразности коллективных хозяйств в целом, то они могут дать высокий количественный эффект там, где существуют простые и легко поддающиеся механизации формы организации труда, автоматичность большинства работ, возможность создания эффекта укрупнения.¹²⁶ Во многом это относится и к совхозам.

Для совхозов нэп наступил только в конце 1922 г., когда начался процесс их трестирования, связанный с переводом на хозрасчет. Начальный период нэпа был крайне тяжелым для совхозов. Существовавшие, как правило, за счет государственных дотаций, они оказались неприспособленными к деятельности в условиях товарно-денежных отношений. В конце 1921 г. в Наркомземе было заявлено, что «совхозы рискуют окончательно развалиться».¹²⁷ Наркомзем предпринял усилия к их сохранению как формы организации сельскохозяйственного производства. Следует сказать, что в совхозах в те годы было сосредоточено все поголовье племенного скота, они являлись почти единственным производителем селекционных и сортовых семян зерновых культур. С переходом к нэпу меняется целевое назначение совхозов. Неудавшиеся «фабрики зерна» переориентируются в предприятия, обслуживающие крестьянские хозяйства и сельское хозяйство в целом (опытные и научные сельскохозяйственные учреждения, племенные рассадники, питомники, семенные хозяйства, агробазы и пр.). При этом часть предполагалось перевести на хозяйственный расчет, остальные — на сметно-бюджетное ассигнование.

Постановлением Совнаркома РСФСР от 13 июня 1922 г. основная масса совхозов была снята с государственного финансирования и переведена на хозяйственный расчет. Совхозы могли рассчитывать отныне только на краткосрочный или долгосрочный

кредит. На государственном бюджете были оставлены опытные, племенные и семеноводческие хозяйства. Включение в группу госбюджетных предприятий в то время, когда государственные ресурсы были крайне ограничены, означало, что государство придавало им большое значение.¹²⁸

10 июля 1922 г. на заседании коллегии Наркомзема было решено все совхозы ведомства земледелия передать в управление местных земельных органов, которые должны были осуществлять эксплуатацию их под контролем наркомата. Все совхозы в пределах губернии объединяли в сельтресты. В непосредственном управлении Наркомзема должны были остаться хозяйства исключительно важного государственного значения. Кроме того, коллегия признала необходимым приравнять нормы налогового обложения совхозов к нормам среднего крестьянского хозяйства, снять с трестов недоимки по продналогу, накопившиеся до трестирования совхозов, освободить от уплаты продналога племенные и семенные хозяйства, а также совхозы в районах, пострадавших от неурожая.¹²⁹

В Наркомземе появилось Организационное бюро по трестированию совхозов, которое вело подготовительную работу по созданию особого органа, автономного в своих действиях от Наркомзема, — Всероссийского государственного сельскохозяйственного синдиката. Госсельсиндикат должен был стать хозяйственным центром, в котором объединялась хозяйственная, производственная, финансовая и торговая деятельность государственных сельскохозяйственных предприятий. Такой орган был создан, но, к сожалению, он не стал, как предполагалось, автономным от государственных структур (подробнее см. гл. II). Кроме того, с изменением исторической ситуации постепенно меняется и роль советских хозяйств, которая отводилась им политикой партии и государства в системе сельскохозяйственного производства.

29 января 1924 г. XI Всероссийский съезд обязал надлежащие органы уделить крупным совхозам максимальное внимание в целях поднятия их до уровня агрикультурных рассадников и доходных хозяйств. Для этого ВСНХ и губисполкомы должны были передать в распоряжение совхозов некоторые промышленные предприятия, связанные с сельским хозяйством, не исключая их из производственного плана сельскохозяйственной промышленности. Съезд постановил отпустить совхозам необходимые средства для пополнения живого и мертвого инвентаря, поручил сессии ВЦИК заслушать доклад Наркомзема о финансовом и хозяйственном положении совхозов и одновременно

разработать вопрос об упорядочении их налогового обложения. Наркомтруду было предложено пересмотреть вопрос о рабочем времени и системе заработной платы сельскохозяйственных рабочих в целях установления большей заинтересованности рабочих в результате своего труда. Наркомзем обязывался ускорить передачу совхозам лесов местного значения и луговых угодий.¹³⁰

Во исполнение этого постановления 20 июня 1924 г. на заседании Совнаркома РСФСР был заслушан доклад Наркомзема о финансовом и хозяйственном положении совхозов. В своем решении Совнарком указал на важную роль совхозов в восстановлении и развитии сельского хозяйства республики: они должны и могут быть основными опорными пунктами в поднятии уровня сельскохозяйственного производства. При этом Совнарком постановил перед наркоматом как одну из важнейших задач — поддержание и укрепление тех совхозов, которые уже в то время имели значение агрикультурных рассадников или могли быть экономически рентабельными. Совнарком потребовал прекратить практику ликвидации тех хозяйств, которые, не являясь экономически выгодными, в ближайшее время не могли иметь сколь-нибудь заметного значения. Особенно показательным в этом решении было признание необходимости срочного кредитования совхозов, а также освобождения некоторых из них от уплаты единого сельскохозяйственного налога уже в 1924 — 1925 гг. Наркомзему было поручено по соглашению с Наркомфином РСФСР составить список этих совхозов и представить его на утверждение ЭКОСО РСФСР, принять меры к скорейшему окончанию землеустройства в трестированных совхозах.¹³¹

Таким образом, была намечена программа оздоровления совхозов. Тем не менее динамика их в эти годы показывает, что к концу 1924 г. насчитывалось 4 281 советских хозяйств. В 1925 г. по РСФСР, согласно данным ЦСУ, учтено 2 842, в 1926 г. — 2 081 совхоз.¹³² Резкое сокращение их числа вряд ли можно объяснить укрупнением, ведь площадь пашни в них почти не изменилась.

9 февраля 1925 г. последовало постановление ЦК РКП(б), которое требовало усиления внимания к совхозам.¹³³ В нем отмечалось, что упрочение союза рабочего класса и крестьянства и задачи хозяйственного подъема деревни требовали принятия мер по укреплению совхозов, роль которых особенно велика в деле перехода крестьян к улучшенным приемам земледелия. Поэтому сокращенная за последнее время сеть совхозов должна быть сохранена, за исключением явно экономически нежизне-

способных. ЦК признал необходимым постепенное включение в сеть трестированных совхозов тех производственных совхозов, которые находились в ведении промышленных предприятий, государственных учреждений. Совхозам предоставлялась хозяйственная самостоятельность в пределах утвержденного годового плана. На их администрацию при этом возлагалась полная ответственность за состояние и результаты ведения хозяйств. Для точного определения правового положения совхозов. На осн. ком РСФСР разработал мероприятия по укреплению экономического положения совхозов (постановление СНК РСФСР от 6 марта 1925 г.).¹³⁴

Совнарком предложил Наркомзему РСФСР разделить все совхозы согласно выполняемым ими задачам на агрикультурно-производственные, арендно-приписные, учебные и опытно-показательные. Наркомзему было рекомендовано точно установить на ближайшие годы задачи агрикультурно-производственных совхозов, приняв за основу следующее: агрикультурно-производственные (трестированные) совхозы должны стать хозяйственно доходными предприятиями и служить проводником экономического влияния на окружающее крестьянство. Способствуя общему подъему сельского хозяйства страны, совхозы должны стать рассадниками агрикультурных ценностей (племенного, семенного и посадочного материала), а также обслуживать окружающее население устройством прокатных, случных и зерноочистительных пунктов и организацией других мероприятий агрикультурного характера по переработке продукции крестьянского хозяйства. Подчеркивалось, что «служа примером преимуществ крупного сельского хозяйства и этим косвенно содействуя процессу перехода единоличного крестьянского хозяйства к обобществленному производству, совхозы должны содействовать этому процессу как прямой помощью в организации коллективных хозяйств, так и объединением населения на основе переработки сельскохозяйственных продуктов».

Хотя совхозное производство в 20-е годы практически не вышло за рамки периода «военного коммунизма», ему в конце десятилетия отводилась важная политическая роль. Именно тогда в верхах партии появляется мысль превратить совхозы в «фабрики зерна». Создается специальная комиссия Политбюро¹³⁵ по организации крупных зерновых совхозов. 14 мая 1928 г. в Наркомземе проводится специальное совещание по этому вопросу. И напрасным оказалось предостережение специалистов о нереальности и авантюристности даже таких планов. Решение было принято. К сожалению, опасения оправдались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт управления одной из основных сфер экономики Советской России показал, что важнейшим компонентом его являлась цель, которая обуславливается обычно рядом факторов. Она может быть направлена на сохранение равновесия экономической системы, может быть связана с совершенствованием производства и, наконец, с политической идеей.

Именно политикой определялась цель управления в Советской России. При отсутствии механизма саморегуляции, механизма обратной связи это вело лишь к одному — к гипертрофированию функций управления. Диапазон государственного воздействия становился всеохватывающим. Рычагами его были экономическое и псевдоэкономическое регулирование, идеологическая пропаганда, административный нажим, начиная с всеобщих мобилизаций, налоговой и ценовой политики и кончая шантажом и репрессиями. Управленческая система по всем параметрам приобретала тотальный характер. При этом сложилась ситуация, когда механизм управления являлся не только тем прессом, который давил, но и, как правило, оказывался «виновным» за все грехи властьпридержащих, ибо генеральная линия всегда оставалась «правильной и четкой».

В процессе складывания системы государственного управления сельским хозяйством в исследуемый период можно выделить два периода.

Первый — 1917 — 1920 гг. — становления государственного управления сельским хозяйством на принципах «военного коммунизма». Трактовка «военного коммунизма» как совокупности вынужденных военным временем мер является явно недостаточной. Стоит обратить внимание на преобладавшие в то время теоретические представления, согласно которым переход России к социализму должен быть непосредственным и кратковременным, осуществляться путем лобовой атаки на капитализм. По своей сути политика «военного коммунизма» была направлена на то, чтобы отделить всех людей от собственности и сделать их только тружениками, ни в коем случае не хозяевами. На собственность не дала себя отменить. Она немедленно приняла новый вид. Возникла собственность на управленческие места, монополия на политическую власть. Уже в 1921 г. в стране, только что совершившей антибюрократическую революцию, было 4 млн. чиновников, в том числе в центральном аппарате Наркомзема 3 тыс., и это, несмотря на неоднократно проводимые сокращения. Происходило отчуждение власти от трудящихся, воз-

рождение бюрократизма, формирование административно-командной системы управления. Попытка при помощи политики «военного коммунизма» не только выиграть войну, но и построить новое общество сразу же после окончания гражданской войны стала превращаться в фактор потенциального экономического торможения, социального кризиса, политического термидора.

Переход страны в начале 20-х годов от «военного коммунизма» к нэпу явился не только выходом из создавшегося кризисного положения. Он означал гораздо большее: попытку переосмысления самой концепции перехода от капитализма к социализму, модели социалистического строительства. Становится очевидной и несбыточность надежд на непосредственный, краткосрочный переход страны к новому строю, нежизненность в мирных условиях многих «военно-коммунистических» схем и представлений. В партийных, государственных, научных кругах начинается работа по переоценке послеоктябрьского опыта, в острых дискуссиях ведутся поиски новых путей движения вперед.

В 20-е годы, соответствующие второму периоду формирования системы государственного управления сельским хозяйством, складывается новая концепция управления экономикой и сельским хозяйством, в частности. Это наиболее сложный и ответственный период в создании системы государственного руководства сельским хозяйством. Он характеризуется поисками оптимальных путей регулирования сельскохозяйственного производства, складыванием различных, порой противоречащих друг другу концепций управления, которые получают право на жизнь и проверку жизнью.

Как показала практика государственного управления сельским хозяйством, нэп при всей своей прогрессивности был только новой экономической политикой, а не целостной теоретической моделью общественного развития. На первом этапе перехода от «военного коммунизма» к нэпу, длившемся примерно до конца 1921 — начала 1922 г., сохранялись преимущественно административные методы управления сельским хозяйством и соответствующий им аппарат управления, несмотря на то, что перестройка была объявлена и велась. Основным ее принципом стала централизация верховного руководства и децентрализация непосредственного управления.

Этот принцип первоначально был распространен только на административные звенья управления сельским хозяйством. Ни совхозы и колхозы, ни кооперация и даже в определенном смысле крестьянское хозяйство не получили полной хозяйствен-

но-правовой самостоятельности, целиком оставаясь под опекой сократившего излишне бюрократические звенья центрального и местного земельного аппарата.

С переводом экономических взаимоотношений между городом и деревней с позиций натурального товарообмена на позиции купли-продажи и денежного обращения все хозяйственные субъекты в сельском хозяйстве (совхозы, колхозы, кооперация и индивидуальное крестьянское хозяйство) получили право маневрировать частью произведенной ими продукции на рынке с целью пополнения недодаваемых им центром ресурсов, а кооперации и крестьянам было разрешено еще и применять денежную куплю-продажу по рыночным ценам.

В соответствии с этим строится и государственный аппарат управления сельским хозяйством, относительно стабильная система которого складывается к осени 1923 г. Значительное развитие получили плановые органы. Государство основное свое регулирующее воздействие сосредоточило на индивидуальном крестьянском хозяйстве. Из-под его жесткого контроля выходят колхозы и кооперация, более экономически мобильным становится аппарат управления совхозами.

Однако узаконенная мера централизации управления сельским хозяйством оказывается недолговечной. Уже в середине 20-х годов в управлении отраслью наряду с развитием собственно нэповских принципов активизируется тенденция, выходящая за рамки государственного регулирования индивидуального крестьянского хозяйства и нацеленная на его социалистическую перестройку. Противоборство их завершилось в итоге ломкой созданных на принципах нэпа организационных структур, форм и методов управления экономикой, ликвидацией начавшейся только складываться хозрасчетной системы управления.

Все это накладывало отпечаток на формирование органов управления отраслью и их эволюцию в условиях становления новой системы хозяйствования.

Управление сельским хозяйством как отраслью народного хозяйства на протяжении всего исследуемого периода осуществлял Народный комиссариат земледелия РСФСР, на него была возложена ответственность за состояние сельскохозяйственного производства и в совхозах, и в колхозах, и в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Кроме Наркомзема РСФСР в управлении сельским хозяйством принимали участие и другие ведомства. Во-первых, группа наркоматов, осуществлявших управление деятельностью, связанной с обслуживанием сельскохозяйственного производст-

ва и сельского хозяйства в целом, а именно: Госплан СССР и его сельскохозяйственная секция — планирование; Народный комиссариат финансов, Госбанк СССР и Сельхозбанк — финансирование и кредитование; Наркомпрод, Наркомвнуторг, особое место здесь занимают центры сельскохозяйственной кооперации и др. — заготовки и снабжение. Во-вторых, ведомства, ответственные за переработку сельскохозяйственного сырья, — соответствующие главки и управления ВСНХ и др.

Все указанные ведомства народному комиссариату земледелия не были подчинены. Они самостоятельно управляли подведомственными отраслями и предприятиями, областями хозяйственной жизни. Однако по некоторым общим вопросам сельского хозяйства страны Наркомзем РСФСР выступал по отношению к ним в качестве функционального органа СНК РСФСР и СНК СССР (до 1929 г. НКЗ РСФСР выполнял роль союзного органа). Это касалось разработки перспективных и ежегодных планов развития сельского хозяйства, государственного надзора и контроля за порядком землепользования, координации научных исследований в области сельского хозяйства и др. Правда, указанная практика складывается лишь к концу изучаемого периода.

Непосредственное оперативное управление сельским хозяйством осуществляли местные земельные органы — губернские, уездные и волостные земельные отделы (управления) Советов, которые имели двойное подчинение: соответствующему территориальному Совету и НКЗ РСФСР. Они не принимали принципиальных управленческих решений, касающихся объемов сельскохозяйственного производства, заготовок сельскохозяйственной продукции, материальных вложений в развитие сельского хозяйства. Они лишь готовили материалы и прогнозы. Народному комиссариату земледелия РСФСР непосредственно была подчинена только небольшая группа племенных заводов, семеноводческих и опытно-показательных хозяйств.

На уровне местных государственных органов отчетливо проявилось значительно большее влияние на управление сельским хозяйством территориальных партийных структур. Особенно рельефной эта тенденция была в процессе поиска и создания новых форм организации сельскохозяйственного производства, когда включение в управление сельским хозяйством органов, имеющих «нехозяйственные» рычаги воздействия, — органов политической власти, становится особенно очевидным. В контексте поставленной проблемы интересен механизм взаимоотношений партийных и государственных органов.

История показала, что существование одной партии в цивилизованном обществе с постоянно усложняющейся гаммой социальных интересов противоестественно. Не случайно даже после 1923 — 1924 гг., когда при единодушном одобрении всего большевистского руководства была ликвидирована многопартийная система в стране, делаются попытки создания партий, альтернативных коммунистической. Так, в 1924 — 1925 гг. в ходе пере-выборной кампании в Советы во многих районах страны крестьяне поднимали вопрос о необходимости крестьянской партии — Крестьянского союза. Это было первое массовое предупреждение об искусственном, надуманном характере однопартийной системы. Однако крестьянские выступления были объявлены антисоветскими, кулацкими и жестоко подавлены. Оставаясь без своей диалектической противоположности — другой политической партии (партий), правящая партия, интересы какого бы класса она поначалу ни выражала, неизбежно срастается с государственной властью и поэтому, утрачивая свои сущностные черты и свойства, перестает быть фактически политической партией. Именно в исследуемый период это и произошло. Государственный аппарат наряду с общественными организациями выполнял роль «приводных ремней», «передаточных механизмов» от партии к массам.

В данной работе выявлены основные направления деятельности советского государства по управлению одной из важных сфер экономики — сельским хозяйством, ее специфика.

На первых порах самое важное место занимала борьба с надвигающимся голодом. Нужно было наладить производство продовольствия в крестьянской стране, экономические основы существования которой с трудом поддавались приспособлению к коммунистическим идеалам. Было два пути. Первый — посредством поднятия производительных сил крестьянского хозяйства, оказания ему разносторонней помощи и установление контроля за ним со стороны государства. Второй — более заманчивый своей перспективой, выходил за рамки регулирования крестьянского хозяйства и имел целью его социалистическую перестройку.

В течение всего исследуемого периода оба сектора — и социалистический, и индивидуальный — развивались. Однако возможности их развития оказались неодинаковыми.

В экстремальных условиях революции и гражданской войны сложилась «военно-коммунистическая» система управления экономикой, которая создавалась из вынужденных элементов, диктуемых обстоятельствами, и элементов социалистического штур-

ма. Однако страна так и не смогла выйти из глубочайшего экономического кризиса. Возникла угроза для власти. От отношения к ней крестьянства зависело ее существование.

Поиски компромисса с крестьянством привели к возрождению товарно-денежных отношений, рынка. Успехи в оживлении и восстановлении хозяйства были налицо.

Однако свобода рыночных методов регулирования была декларирована и начала осуществляться лишь в силу обстоятельств. Государство и вожди партии отбросили идею о том, что рынок совместим с регулированием и планом. Упор изначально делался на административные методы управления, где интересы крестьянства определялись сверху, а не диктовались глубинными естественными, экономическими и социальными процессами. Будущее ошибочно связывалось с крупным индустриальным производством, в том числе и в сельском хозяйстве. Мелкое хозяйство объявлялось неперспективным. Результатом доктринальной заданности стала нарастающая централизация и стремление к огосударствлению всех сфер крестьянской экономики, проведению преобразований сверху, переход от наметившихся было рыночных отношений, свободы экономической деятельности и хозрасчета к государственной контрактации посевов в крестьянских хозяйствах, к показухе, форсированию развития социалистического сектора при отсутствии экономической базы и психологической готовности крестьян, составлявших большинство населения страны.

Насколько была детерминирована сложившаяся к концу 20-х годов административно-командная система управления сельским хозяйством. Была ли ей альтернатива? Думается, что теоретически была. Для ее реализации, с одной стороны, необходимо было углубление нэпа, а с другой — проведение коренной политической реформы, направленной на слом административно-командной системы и создание надстройки, соответствующей нэпу. Однако в партии в то время не было политических сил, которые предлагали бы такую серьезную реформу. Политические представления не только рядовых членов партии, но и лидеров так и остались на уровне «военного коммунизма». Даже наиболее радикально настроенные из них, несмотря на серьезную обеспокоенность усиливающимися бюрократическими, автократическими тенденциями в партийно-государственном аппарате, не вышли за рамки административно-командной системы. А поэтому сложившийся режим как наиболее последовательная идеология и политика администрирования и командования, хотя и не был неизбежным, стал наиболее приемлемым вариантом развития страны в тех конкретно-исторических условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹. Ким М. П. О задачах изучения социалистического строительства в СССР // Вопросы истории. 1962. № 12; Зак Л. М., Лельчук В. С., Погудин В. И. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971; Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября (1917 — середина 30-х годов). Очерки. М., 1981; его же. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930—1960-е гг. Очерки. М., 1982 и др.

². Данилов В. П. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962; его же. Основные итоги и направления изучения советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971; Чинчиков А. М. Советская историография первых аграрных преобразований и начального этапа колхозного строительства. Саратов, 1974; Погудин В. И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975 и др.

³. Мещеряков В. Н. Организация народного комиссариата земледелия и земельных отделов (окт. 1917 — сент. 1918 гг.). М., 1918; Книппович В. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917—1920). М., 1922.

⁴. Нелидов А. А. Народный комиссариат продовольствия в 1917—18 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 1953; Ломовцев В. Г. Организация Народного комиссариата земледелия в 1917—1918 гг. // Труды Московского историко-архивного института (далее МГИАИ). 1965. Т. 19; Ее же. Народный комиссариат земледелия в 1917—1918 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 1969; Панфилова А. К. Народный комиссариат земледелия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1972.

⁵. Носова Н. П. Организация Народного комиссариата земледелия РСФСР и его деятельность в первые годы Советской власти (окт. 1917 — март 1921 гг.). Дисс. ...канд. ист. наук. Калинин, 1983; Мишарина О. О. Становление местных советских земельных органов и их деятельность в первые годы Советской власти (окт. 1917 — 1920 гг.) (На материалах губерний Верхнего Поволжья). Дисс. ...канд. ист. наук. Ярославль, 1988.

⁶. См.: Першин П. Н. Аграрная революция в России. В 2-х кн. М., 1961—1966; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня. В 2-х кн. М., 1977—1979; и др.

⁷. Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг. Саратов, 1974.

⁸. Нелидов А. А. История Государственных учреждений СССР. 1917—1936. Ч. 1. М., 1962; Коржихина Т. П. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917—1972. М., 1975.

⁹. Ирошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917 — 1918 гг. М., 1974; Его же. Председатель Совнаркома и Совета Обороны Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в июле 1918 — марте 1920 гг. Л., 1980.

¹⁰. Дробижев В. З., Малышева Е. В., Соколов А. К. Делегаты III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (Анализ анкет депутатов) // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986 и др.

¹¹. Борисов Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960; Носова Н. П. Формирование кадров специалистов сельского хозяйства в советской доколхозной деревне (1917—1929) // Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни. Свердловск, 1987.

¹². Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963; Гусев К. В., Ерицын Х. К. От соглашательства к контрреволюции. (Очерки политического банкротства и гибели партии левых социалистов революционеров). М., 1968; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные порядки в России в 1917 г. Л., 1977 и др.

¹³. Луцкий Е. А. Борьба вокруг Декрета о земле // Вопросы истории. 1947. № 10; Он же. Закон о социализации земли // Вопросы истории. 1948. № 10.

¹⁴. Кабанов В. В. Разработка основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977.

¹⁵. Гойхбарг А. Г. Советское земельное право. М., 1921; Розенблюм Д. С. Земельное право РСФСР. М.-Л. 1928; Евтихеев И. И. Земельное право. М.-Л., 1929 и др.

¹⁶. Кириллов И. А. Очерки землеустройства за три года революции (1917—1920). М., 1922.

¹⁷. Снегирев М. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и распределение земель в 1917—1918 гг. / Вопросы истории, 1947; № 11. Он же. Землеустройство в РСФСР по «Положению о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» (1919—1921 гг.) // Труды Московского института инженеров землеустройства. 1960. Вып. 9; Домрачева Т. В. Землеустройство в РСФСР 1917—1922 гг. (Литература и источники) // Вопросы истории. 1979. № 4.

¹⁸. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Его же. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

¹⁹. Залесский М. Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940; Соколов Н. Г. Ленин и налоговая политика партии в деревне (1917—1929) // Учен. зап. Ряз. пед. ин-та. Т. 29. 1971; Данилов В. П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917—1927 гг. М., 1977.

²⁰. Селунская В. М. Ленинский кооперативный план в советской историографии. М., 1974; Погудин В. И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк; Файн Л. Е. Развитие кооперации в СССР в 20-е годы. Основные проблемы и итоги изучения. Иваново, 1988.

²¹. Ивницкий Н. А. От бюро коммун до Колхозцентра (Организация руководства колхозами) // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977.

²². Цикулин В. А. Управление совхозами до образования Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР (1917—1932 гг.) // Труды МГИАИ. 1959. Т. 13; Зеленин И. Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти (1917—1927). М., 1972.

²³. Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 170.

²⁴. XVI съезд Всероссийской Коммунистической партии (б.) Стенограф. отчет. Т. 12. М., 1935. С. 483.

²⁵. Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 190.

²⁶. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М., С. 118—119.

²⁷. Евсеев М. П. Экономические проблемы строительства социализма в советской литературе. М., 1975; Виноградов Е. А. Земельная собственность и проблемы ренты при социализме:

Историко-теоретический очерк. Л., 1979; Фигуровская Н. К. Аграрные проблемы в советской экономической литературе 20-х годов. М., 1978; Ее же. Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х — 30-е годы. М., 1983; и др.

²⁶. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3.

²⁷. Маслов С. С. Россия после 4-х лет революции. Т. 1—2. Париж, 1922; Сталинский Е. А. Догматизм и постепенщина // там же. 1924. № 12/№ 3! Его же. Путь нэпа. Там же. 1926. № 2; Сталинский Е. А. Большевистское отступление // Воля России. 1926. № 11; Его же. Куда идет большевизм // Там же. 1927. № 10; Сухомлин В. Политические заметки (Кризис РКП) // Там же. 1924. № 5 и др.

³⁰. Ватлин А. Ю. Н. И. Бухарин глазами зарубежных советологов (К итогам международного научного симпозиума в Вуппертале) // История СССР. 1989. № 6. С. 200—202.

³¹. From Tsarism to the New Economic policy. New York. 1991.

³². Удачным в этом отношении опытом представляется работа Ю. П. Бокарева (Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. В ней рассматриваются не только взаимодействие социалистической промышленности и мелкого крестьянского хозяйства как двух важнейших сфер экономики, но и прежде всего влияние государства на них, к сожалению, часто некомпетентное.

³³. Карр Э. История Советской России. Кн. I. Большевистская революция 1917—1923. М., 1990; Lewin M. Russian Peasants and Soviet Rower. London, 1968; Taniychi Yuseru The Village Cathering in Russia in the mid — 1920 s. University of Birmingham, 1968; Shanin T. The awkward class: Polit. sociology of peasantry in developing society Russia 1910—1925. Oxford, 1972.

³⁴. См. напр.: Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Берлин, Б. г.; Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923; Милюков П. Россия на переломе. Париж, 1927, а также упомянутые выше статьи Е. А. Сталинского и др.

³⁵. Обзор этих работ см.: Тепцов Н. В. Вопросы аграрной политики партии в 20—30-е годы (По материалам периодической печати) // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11.

¹⁰. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8; Они же. Диалектика теории и практики социалистического строительства. К вопросу о деформациях социализма // История СССР. 1989. № 6; Симонов Н. С. Реформа политического строя: замысел и реальность — 1921—1923 // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2; его же. Сумерки нэпа // Доктрина и власть. М., 1991 и др.

¹¹. Лунден И. Становление теории перспективного планирования сельского хозяйства в СССР. Дисс. ...канд. экон. наук. М., 1990; Тюрина Е. А. Источники по истории планирования сельского хозяйства. 1921—1925 (по материалам Госплана и Наркомзема РСФСР). Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1991.

¹². Бокарев Ю. П. Указ. соч.

¹³. Peasants and peasant societies: Sel. readings. Harmondsworth. 1976.

¹⁴. Танути Юдзуре. Становление сталинского политического режима. В 4-х тт. Токио, 1970—1986 (на яп. яз.). См также: Hirooka Naka, Okuda Hiroshi, Uchido Kensi. The Peasants and the Stalin Regime // Acta Slavica Japonica. 1988. Т. VI.

Сиокава Нобуаки. Партия — государство — общество в истории Советского Союза // Государство и общество в сталинскую эпоху. Токио. 1984 (на яп. яз.); Ясуда Коити. Русская революция и община. Токио. 1971 (на яп. яз.) и др. Подробнее о японской историографии общины см.: Вопросы истории. 1990. № 2. С. 140—141.

¹⁵. Lewin Mosher. Russian peasants and Soviet power. A study of collectivization., 1968.

¹⁶. См. напр.: Чугунов Г. Деревня на Голгофе: Летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г. Мюнхен, 1967.

¹⁷. Кабанов В. В. Александр Васильевич Чаянов // Вопросы истории. 1988. № 6; Фигуровская Н., Симонов В. Он не хотел бедности (Штрихи к портрету Н. Д. Кондратьева) // Диалог. 1990. № 1; Евдокимов В. Экономическая концепция Г. Я. Сокольникова // Вопросы экономики. 1989. № 11; Маневич В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М., 1989. Его же. История развития советской экономической мысли в 20-х годах (основы концепции) // Вопросы экономики. 1989. № 10 (статья открыла дискуссию в журнале); Советская управленческая мысль 20-х годов. Краткий именной справочник. М., 1990 и др.

¹⁸. Shanin Teodor. The awkward class; Lewin Mosher.

Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Prenceten. 1974;

Кодзима Сюити. Изучение аграрной истории России. Киото. 1987 (на яп. яз.). Более подробно об этом см.: Вопросы истории. 1990. № 2. С. 141.

⁴⁵. См.: Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920; Он же. Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства // Крестьянская Россия. Т. IV. Прага, 1923.

⁴⁶. Зарубежную историографию проблемы см.: Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988, с. 15—24.

⁴⁷. Бруцкус Б. Д. Новый строй земельных отношений в России // Крестьянская Россия. Т. IV. Прага, 1923; Ельяшев В. Два пути советского законодательства // Экономический вестник. (Берлин). 1923. № 2; Чернов В. М. Конструктивный социализм. Прага. 1929; и др.

⁴⁸. Скловский К. И. К проблеме права собственности // Правоведение. 1990. № 1; Право собственности в условиях перехода к рыночной экономике. «Круглый стол» Комитета конституционного надзора СССР в редакции журнала «Правоведение» // Правоведение. 1991. № 3, № 4; Гребнев Л. Частная собственность. Альтернатива понимания // Вопросы экономики. 1991. № 2; Бебчук Ю. О видах собственности // Там же. Киселев С. В. Формы хозяйствования и земельные отношения // Там же. № 3; Шмелев Г. Собственность на землю. Исторический аспект // Там же; Селиверстов С. В. Собственность на землю как юридическая проблема и крестьянская реформа 1866 г. // Россия и реформы 1881—1881. М., 1991; и др.

⁴⁹. Поскольку система архивных учреждений страны переживает период реорганизации и переименований, то автор сохраняет все прежние названия архивохранилищ.

⁵⁰. См., напр.: Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия 1917—1920 гг. М., 1921; Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия 1920—1921 гг. М., 1921; Сборник инструкций, правил и положений по организации сельскохозяйственных коммун. Пг., 1918; Сборник декретов, постановлений, инструкций Народного комиссариата земледелия по животноводству. М., 1920; Сборник распоряжений по социалистическому землеустройству. 1918—1920 гг. Грязовец, 1921; и др.

⁵¹ См., напр.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии: Сб. док. Куйбышев, 1957;

Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917 — 1918): Сб. док. Тамбов, 1957; Борьба за установление Советской власти в Курской губернии: Сб. док. Курск, 1957; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии: Сб. док. Пенза, 1957; Борьба за установление Советской власти в Рязанской губернии (1917 — 1920): Сб. док. Рязань, 1957; Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сб. Док. Горький, 1957, и др.

⁵² Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927 — 1932 гг. М., 1989; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917 — 1922. Док. и мат. М., 1990; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923 — 1927. Док. и мат. М., 1991.

⁵³ Мещеряков В. Н. Из воспоминаний о первых месяцах работы НКЗ // Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 7; Берзин А. В. I Всероссийский съезд земотделов, комбедов и сельскохозяйственных коммун // Так же; Фофанова М. В. Решающие дни // Октябрь. 1956; № 11; Она же. В Питере и в Москве // Огонек. 1958. № 17; Шлихтер А. Г. Учитель и друг учащихся. М., 1957; Он же. Ильич каким я его знал. М., 1970; Рудин Н. П. К десятилетию советского землеустройства // Сельскохозяйственная жизнь // Экономика сельского хозяйства. 1962. № 11; Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991 и др.

Глава I.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 434.

² Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 135.

³ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 378 — 379.

⁴ Сегодня широко известно несовпадение взглядов Маркса и Ленина на перспективы русской общины. Если Маркс допускал, что современная ему русская общинная собственность может явиться исходным пунктом коммунистического развития (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305), то Ленин был убежден в утопичности подобных упований и сделал все от него зависящее, чтобы показать реакционную сущность русской крестьянской общины в том виде, в котором она существовала после отмены крепостничества.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 167.

Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 135.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 323.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 371.

¹⁰ Известно последовательное неприятие Марксом института мелкой земельной собственности, но мелкая земельная собственность и мелкокрестьянское хозяйство — понятия разные и далеко не всегда взаимосвязанные: организация аграрного производства в форме мелких крестьянских хозяйств в равной мере возможна и в рамках крупной земельной собственности, и в условиях национализации земли.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 323.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 133.

¹³ Там же.

¹⁴ Здесь можно заметить влияние на Ленина-марксиста русской революционной традиции, и прежде всего, вероятно, народнической. Но не в смысле принятия земельной программы народников, а скорее в смысле идеи П. Л. Лаврова о том, что революционеры должны распространять свои идеи среди народа.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 129 — 203.

¹⁶ Там же. Т. 5. С. 95 — 268.

¹⁷ Там же. Т. 6. С. 284.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 283.

²⁰ Там же. Т. 11. С. 222.

²¹ Там же. Т. 16. С. 235.

²² Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 319 — 344; Его же. Земледелие в Европейской России // Там же. Т. 21. С. 263 — 266; Его же. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм в земледелии Соединенных штатов // Там же. Т. 27. С. 129 — 227 и др.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 239 — 270.

²⁴ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 59 — 60.

²⁵ Вывод Г. В. Плеханова о том, что в России земля принадлежала государству, не имеет под собой серьезного основания. Это теоретическое предложение, не более. Сейчас хорошо известно, что земля в России была предметом купли-продажи для всех сословий с древних времен, и тому подтверждение — тысячи сохранившихся актов, фиксировавших поземельные сделки. Следует сказать, что хотя Ленин, так же как и Плеханов, не изучал историю профессионально, однако, его представления об аграрном строе докапиталистической России были более реалистичны. В частности, Ленин скептически относился к идеям на-

ционализации земли или о «государственного феодализма» в допетровской России (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 14; Т. 16. С. 310).

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 362.

²⁷ Там же. Т. 17. С. 57 — 137.

²⁸ Там же. Т. 31. С. 166.

²⁹ Там же. С. 425.

³⁰ Там же. Т. 31. С. 422.

³¹ Там же. Т. 32. С. 188.

³² Некорректным, однако, представляется обвинение большевиков в игнорировании аграрного вопроса. «Невежество обнаруживали социалисты революционеры, когда они в сотый раз заявляли, будто «ортодоксальные марксисты» когда-нибудь игнорировали (знать не хотели) крестьянский вопрос... Действительное различие состоит не в желании, а не желании считаться с крестьянским вопросом, не в признании или игнорировании его, а в различной оценке современного крестьянского вопроса в России» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 42).

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 23. Поспешность в принятии Декрета о земле обусловила определенную искусственность соединения двух его частей, где не были устранены противоречия. Декрет, написанный Лениным, оставлял решение вопроса о компенсации на усмотрение решения Учредительного собрания, Примерный наказ бы за конфискацию без компенсации.

³⁴ Карр Э. История Советской России. Большевиcтская революция 1917 — 1923. Т. 1 — 2. М., 1990. С. 432.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 413.

³⁶ Вопрос о том: какое это содержание? Думается, прав В. В. Кабанов, оценивая утверждение Ленина о доведении до конца буржуазно-демократической революции к лету 1918 г. и вывод о возможностях реальных шагов к социализму в земледелии как преждевременных и утопических для того периода (Кабанов В. В. Национализация земли в СССР: проблемы и перспективы // Тезисы к I международной конференции философов, социологов, историков, экономистов, ученых аграрников и практиков сельского хозяйства. Москва, 18 — 24 июня 1990 г. М., 1990. С. 37).

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.

³⁸ Там же. Т. 36. С. 201.

³⁹ Там же. С. 200.

⁴⁰⁰ Там же. С. 301.

⁴¹ В следующие годы упрочился взгляд, что колхозы — явле-

ние временное, обусловленное недостаточной развитостью производительных сил, а представление о совхозах трансформировалось в идеализацию «высшей», «последовательно социалистической» формы сельского хозяйства — совхозной.

¹² В состав комиссии по выработке «Положения» по просьбе наркомата земледелия вошел В. И. Ленин. В качестве члена комиссии он тщательно изучил материалы съезда и внес много существенных дополнений в разработанный им проект.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 72, 74 — 75.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 78.

¹⁵ Может быть, косвенным свидетельством перемены взглядов В. И. Ленина на место и роль крестьянства в революционных преобразованиях служит назначение М. И. Калинина на должность председателя ВЦИК взамен Я. М. Свердлова, выдвижение А. И. Рыкова — крупного хозяйственного и политического организатора, человека честного и порядочного.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

¹⁷ В «Указателе литературных работ и источников, цитируемых и упоминаемых Лениным», в Полном собрании его сочинений нет ни одной (!) отсылки к работам ведущих экономистов русской аграрной школы А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова, А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева и др., хотя в дореволюционные годы Ленин бурно спорит с П. П. Масловым, с экономистами народнического направления В. П. Воронцовым, Н. Д. Даниэльсоном, В. А. Косинским и др.

¹⁸ Сплошная коллективизация сельского хозяйства в наиболее сконцентрированном виде отразила внедрение этой концепции в практику организации сельскохозяйственного производства. С этого времени начинается действие ее как генеральной линии. С 50-х годов происходит укрупнение колхозов и возникает тенденция к последующей постепенной замене их сельскохозяйственными предприятиями, основанными на наемном труде. С этим же курсом связана и взятая в 70-х годах на вооружение установка на строительство агрогородов, и идея определения многих деревень как «неперспективных». Даже в последней редакции Программы КПСС, утвержденной XXVII съездом партии, было положение о слиянии двух форм собственности как актуальной задаче партии в ближайшей перспективе.

¹⁹ Кабанов В. В. Александр Васильевич Чаянов // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 149.

²⁰ Чаянов А. В. Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. Доклад на 3 Всероссийском съезде «Лиги аграрных реформ». 1918.

⁵¹ Кондратьев Н. Д. Аграрный вопрос о земле и земельных порядках. М., 1917.

⁵² См., напр.: Бухарин Н. И. На подступах к Октябрю: статьи и речи мая — декабря 1917 года. М. — Л. 1927. С. 144 — 147.

⁵³ Труды 1 Всероссийского кооперативного съезда. Вып. 2. М., 1918. С. 26.

⁵⁴ Так, у Бухарина были некоторые возражения по вопросу о понимании характера российской отсталости и способа ее преодоления. «Отсталость России заключается вовсе не в том, что в нашей промышленности мало крупных предприятий — наоборот, у нас их очень много. Отсталость наша заключается в том, что вся наша промышленность слишком мало занимает места по сравнению с деревней. Но и тут нельзя преуменьшать значение нашей промышленности» (Бухарин Н. И. Программа коммунистов (большевиков). Пг., 1927. С. 22 — 23, 24 — 25).

⁵⁵ Эта точка зрения содержалась, например, в выступлении заместителя председателя ВСНХ В. Милютина на Всероссийском съезде финотделов (Народное хозяйство. 1919. № 7. С. 89).

⁵⁶ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 2. С. 88 — 89.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 121 — 122.

⁵⁸ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Часть первая. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920.

⁵⁹ Философскую основу книги составляет «Теория равновесия» А. Богданова (за что, кстати, Бухарин был очень «бит» впоследствии). Согласно Богданову, любое явление в развитии природы и общества представляет собой некое взаимодействие противоположно направленных сил. Эти силы составляют комплексы, уравнивающие друг друга до тех пор, пока не изменяется соотношение между ними и внешней средой, что ведет к нарушению всей системы, к установлению равновесия на новой основе. Для приведения этой системы в движение требуется какой-то внешний толчок. «Экономика...» не дает четких представлений о различиях между периодом нарушенного равновесия и периодом после его восстановления. Автор говорил о переходном периоде как о переходе к социализму и в то же время как о переходе к новому общественному равновесию. Останутся ли нормой крайние меры, используемые для создания нового равновесия, после того как равновесие будет достигнуто? А почему бы нет? Это может случиться — предполагал Бухарин (Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. С. 138 — 139, 146).

⁶⁰ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода... Гл. V. Здесь интересно созвучие с чаяновской идеей о том, что устойчивость, выживаемость крестьянского хозяйства усиливается ко-

операцией (Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. М., 1915). Эффективность кооперативных форм А. В. Чаянов видит только для отдельных сфер сельского хозяйства — кредита, распределения, сбыта и т. п. Трудно сказать, был ли знаком Н. И. Бухарин с дореволюционными работами А. В. Чаянова, но подходы их очень близки.

⁶¹ Там же. С. 85 — 87.

⁶² Среди советских экономистов в годы «военного коммунизма» было распространено мнение, что стоимостные показатели, материальные стимулы к труду в социалистическом хозяйстве в принципе не применимы. Например, В. Сарабьянов писал, что социалистическое общество вовсе не обязано заботиться о выгодности своего производства (Народное хозяйство. 1921. № 4).

⁶³ Сарабьянов В. «Экономика переходного периода тов. Н. Бухарина» (Критические заметки) // Народное хозяйство. 1920. № 13 — 14.

⁶⁴ Ольминский М. С. О книге тов. Н. Бухарина // Красная новь. 1921. № 1.

⁶⁵ Елизарова А. И. Нечто относительно экономики и психики переходного периода: По поводу «Экономики переходного периода» Н. Бухарина // Народное хозяйство. 1921. № 8 — 9.

⁶⁶ Бухарин довольно резко ответил на критику Ольминского.

⁶⁷ Ленинский сборник. Т. IX. С. 396, 402.

⁶⁸ Очень эмоциональную оценку этой работе дает американский исследователь С. Козн: «То был литературный памятник коллективному безрассудству, трактат, зиждившийся на худшей ошибке этого периода, а именно на убеждении, что «гражданская война вскрывает истинную физиономию общества...». (Козн С. Указ. соч. С. 118).

⁶⁹ Ряд советских историков до сих пор отказывают этой системе в праве именоваться хозяйственным механизмом и сводят ее к комплексу мероприятий военного времени (Гимпельсон Е. Г. К вопросу о «военном коммунизме» // Вопросы истории КПСС. 1986. № 6. С. 75 — 76).

⁷⁰ Правда. 1920. 22 января.

⁷¹ Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924. С. 57 — 58.

⁷² Интересную оценку дискуссии «О профсоюзах» дал Н. И. Бухарин. В феврале 1921 г. раздраженный неуместностью дискуссии он выступил в «Правде» с редакционной статьей, в которой отметил, что партии бы стоило уделить внимание реальной проблеме — «кризису в сельском хозяйстве» и «судьбе нашего хозяйства» (Правда. 1921. 15 февраля).

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 181.

⁷⁴ Идея о необходимости разграничения функций руководства и управления была высказана в ходе дискуссии Е. В. Варгой, сопоставившем опыт организации управления в Венгерской Советской республике с опытом в этой области Советской России. В начале октября 1920 г. он писал в «Экономической жизни»: «Абсолютная централизация верховного руководства может быть отлично совмещена с необходимой для колоссальной в пространственном отношении России децентрализацией управляющего аппарата. Я бы сказал: чем больше страна, чем больше централизация в администрировании, тем более единым и планомерным должно быть верховное руководство» (Варга Е. Централизация руководства хозяйством — децентрализация управления // Экономическая жизнь. 1920. 8 октября). На VIII съезде Советов подобную точку зрения высказал Т. В. Сапронов. Из контекста его выступления следует, что руководство и управление не одно и то же. Руководство — прерогатива высшего хозяйственного центра, разрабатывающего единый хозяйственный план, а управление — прерогатива местных хозяйственных органов, которые, ориентируясь по обстановке, вносят в хозяйственный план необходимые изменения, осуществляют контроль за деятельностью различных органов и координируют их работу в пределах данной территории. Идея о централизации руководства и децентрализации управления впоследствии станет одной из центральных в нэпе.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.

⁷⁶ Как видим, решение о замене продразверстки продналогом было принято до начала Кронштадского мятежа (2 марта 1921 г.). Заметим, что в советской исторической литературе довольно распространенным было мнение о том, что ряд мероприятий Советской власти, в том числе и переход к нэпу, был осуществлен с опозданием и связан с событиями в Кронштадте. Этот тезис был выдвинут И. В. Сталиным в заключительном слове на XIII конференции РКП(б) и, более того, отставание политики от практики социально-экономического развития было возведено им в закономерность непосредственного руководства развитием страны (Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 37).

⁷⁷ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенограф. отчет. М., 1963. С. 328.

⁷⁸ Там же. С. 403 — 415.

⁷⁹ С. Козн считает, что попросту никто ясно не понимал, что это значит и к чему оно приведет (Козн С. Указ. соч. С. 138). Отмеченное обстоятельство, как думается, могло иметь место, но, вероятно, не было решающим.

⁸¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 471.

⁸¹ Там же. Т. 43. С. 276.

⁸² Торговля, предполагаемая связь между участниками общественного производства, осуществляется в форме рыночной стоимости, стихийно отображающей в цене товара меру общественно-необходимых затрат труда и рабочего времени. Товарообмен, напротив, означал бы непосредственное отображение общественно-необходимых затрат труда и рабочего времени в форме определенного товарного (натуральный товарообмен) или денежного (денежный товарообмен) эквивалента, устанавливаемого государственным хозяйственным органом в плано-организованном порядке. Отсюда вытекает два совершенно различных типа товарно-денежных отношений и отражающих их экономических категорий. Когда мы сейчас говорим о преодолении предубеждения относительно товарно-денежных отношений, их недооценки в практике планового руководства экономикой, то здесь имеется в виду преодоление предубеждения относительно торговли и рынка, а не товарно-денежных отношений вообще, поскольку экономическая природа «товара» и «денег» может быть неодинакова.

⁸³ Спор В. И. Ленина с противниками продналога и товарообмена шел уже по знакомому ему «сценарию». Еще весной 1918 г. он доказал своим оппонентам, «левым коммунистам», что политика полного запрета всякого частного, негосударственного обмена была бы глупостью и самоубийством для партии. «...Я доказывал тогда же, — писал В. И. Ленин в брошюре «О продовольственном налоге (значение новой экономической политики и ее условия)», — что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкособственнической (и мелкопатриархальной и мелкобуржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелкобуржуазным производством.

Весь вопрос — как теоретический, так и практический — состоит в том, чтобы найти способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 222—223). Между тем, даже теоретическая возможность такой уступки была встречена «левыми

¹⁰⁰ Об итогах дискуссии и мелкобуржуазном уклоне в партии //КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 2. С. 511.

¹⁰¹ И то, что большинство партии не поддавалось обаянию «левой» фразы оппозиции, можно объяснить живыми еще в памяти воспоминаниями об опыте «военного коммунизма», когда при жесткой централизации и формальном господстве плана имела место самая что ни на есть разнузданная стихия.

¹⁰² Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления //Вестник Коммунистической Академии. 1924. № 8. С. 47 — 116.

¹⁰³ Преображенский Е. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. Часть 1. Изд. 2-е. М., 1926.

¹⁰⁴ Вестник Коммунистической академии. 1924, № 8. С. 79.

¹⁰⁵ Вестник Коммунистической академии. 1926. № 14.

¹⁰⁶ Основным доводом в пользу того, что закон стоимости в государственном секторе не действует, служило отсутствие в нем игры спроса и предложения, планомерное установление цен на основе учета издержек производства. О. Богданов справедливо отмечал, что Е. Преображенский отождествлял закон стоимости с законом спроса и предложения, забывая, что стоимость определяется не рыночными колебаниями, а общественно необходимым трудом и лишь проявляется через колебания спроса и предложения.

¹⁰⁷ Бухарин боролся с «законом» Преображенского до конца своей политической карьеры, даже в 1928—1929 гг., когда думал, что Сталин принял этот «закон».

¹⁰⁸ Правда. 1926. 7 июля.

¹⁰⁹ Весной 1925 г. была ослаблена государственная фиксация твердых цен на зерно и снижен государственный налог; увеличен период санкционированной сдачи земли в аренду; в сельском хозяйстве узаконен наемный труд, первоначально ограниченный уборочными работами; сняты различные административные помехи для свободной торговли (см.: КПСС в резолюциях... Ч. 1. С. 249 — 275).

¹¹⁰ Большевик. 1925. № 9 — 10. С. 5, 14.

¹¹¹ Там же. С. 4 — 5.

¹¹² Подробнее см.: Маневич В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М., 1989. С. 32 — 43.

¹¹³ В предшествующий период развертывание производства осуществлялось без крупных капитальных вложений, за счет использования законсервированных основных фондов.

¹¹⁴ Большевик. 1926. № 2.

¹¹⁵ С критикой Л. Шанина выступил Р. Вайсберг. Он квалифицировал теорию Шанина как «чистую экономику», игнорирующую социальные отношения (Большевик. 1926. С. 12 — 18).

¹¹⁶ Кондратьев Н. Д. Современное состояние народно-хозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.

¹¹⁷ За годы Советской власти его взгляды принципиально не изменились. Он считал, что социальный переворот в России не повлиял бы на цели «организационно-производственного» направления русской экономической мысли, а лишь усложнил задачу в связи с разрухой и несовпадениями с аграрной политикой новой власти.

¹¹⁸ Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

¹¹⁹ По официальным данным на 1925 г. число бедняцких крестьянских хозяйств составило 45% общего количества, середняцких — 51% и кулацких — 4%. Все эти цифры подвергались сомнению и широко пересматривались в течение 20-х годов, особенно последняя (от нуля до 14%).

¹²⁰ Пути сельского хозяйства. 1927. № 4.

¹²¹ На аграрном фронте. 1927. № 7. С. 37 — 38.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 45 — 46.

¹²⁴ Там же. № 4. С. 85.

¹²⁵ Бухарин Н. И. К итогам XIV съезда ВКП(б). М., 1926. С. 53.

¹²⁶ Большевик. 1925. № 9 — 10. С. 4.

¹²⁷ Бухарин Н. И. К итогам XIV съезда ВКП(б). С. 47 — 48.

¹²⁸ См., напр.: Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. М., 1915; Его же. Основные условия успеха кооперативного сбыта продуктов сельского хозяйства. М., 1917 и др.

¹²⁹ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. С. 302.

¹³⁰ Пути сельского хозяйства. 1928. № 8.

¹³¹ Экономическая жизнь. 1929. № 38.

¹³² Пути сельского хозяйства. 1929. № (2). С. 24.

¹³³ Экономическое обозрение. 1929. № 9. С. 51.

¹³⁴ Там же. С. 50.

¹³⁵ Пути сельского хозяйства. 1929. № 12. С. 10 — 11.

¹³⁶ Там же. № 11. С. 24 — 25.

¹³⁷ Там же. 1927. № 5. С. 138 — 139.

¹³⁸ Эту вторую тенденцию и представляла так называемая правая оппозиция, которую возглавили Н. И. Бухарин, А. И. Томский, А. Рыков, М. Фрумкин. А их взгляды в среде ученых под-

держивали А. Айхенвальд, Л. Шанин, Н. Кондратьев, Д. Марецкий и др.

¹³⁹ Бухарин Н. И. Три речи (к вопросам о наших разногласиях). М. — Л., 1926. С. 33.

¹⁴⁰ Правда. 1925. 6 марта.

¹⁴¹ Большевик. 1925. № 9 — 10. С. 12; Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. М., 1925. С. 188; Бухарин Н. И. Текущий момент и основы нашей политики. М., 1925. С. 29.

¹⁴² Правда. 1925. 6 марта.

¹⁴³ Правда. 1928. 30 сентября; 1929. 17 марта. Но и эти взгляды были подвергнуты резкой критике. В ноябре-декабре 1929 г. в Институте философии Коммунистической академии прошла дискуссия, где с докладом «Критика теоретических основ бухаринской концепции исторического материализма» выступили С. Кривцов и И. Разумовский. (Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35 — 36). В период работы XVI конференции и XVI съезда ВКП(б) Н. Бухарин, А. Рыков и Томский вынуждены были признать «ошибочность своих позиций» (XVI съезд ВКП(б): Стенограф. отчет. М. — Л., 1930. С. 148 — 154).

¹⁴⁴ Вайнштейн А. Л. Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1927 — 1928 хозяйственном году // Экономический бюллетень конъюнктурного института. 1927. № 11 — 12. С. 13 — 15.

¹⁴⁵ Бухарин Н. И. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. М., 1928. С. 5 — 41; Рыков А. И. Хозяйственное положение СССР. М. — Л., 1928; ср.: Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 1 — 9, 48 — 49.

Глава II

¹ Бухарин Н. И. К итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Документы свидетельствуют. С. 138.

² Подробнее о функциях СНК и ВЦИК и их разграничении см.: Кореневская Е. И. Становление высших органов советского государственного управления. М., 1975; Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977.

³ Свердлов Я. М. Избр. произв. М., 1959. Т. 2. С. 161.

⁴ ЦГАОР. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ См.: Материалы Третьей сессии Главного земельного комитета. // ЦГАОР. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 24. Л. 65 — 96; 118 — 118 об.

⁶ Там же. Л. 39.

⁷ Письма Исполнительного комитета Совета депутатов Тарнопольского гарнизона, Пермского губернского земельного комитета, Полтавского губернского Совета партии хлебобобов-собственников и др. в ГЗК // ЦГАОР. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 24. Л. 34, 59, 78.

⁸ ЦГАОР. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1. Л. 79 — 80.

⁹ Там же. Л. 80.

¹⁰ ЦГАОР Ф. 1796. Оп. 1. Д. 24. Л. 102; Д. 124. Л. 21, 37, 113.

¹¹ Что довольно часто делается в советской историографии. См., напр., Луцкий Е. А. Ликвидация Главного земельного комитета (1917 — 1918 гг.) // Труды МГИАИ. 1959. Т. 13.; Ломовцева В. Г. Организация Народного комиссариата земледелия в 1917 — 1918 гг. // Труды МГИАИ. 1965. Т. 19 и др.

¹² Аграрная политика Советской власти (1917 — 1918 гг.). Док. и мат. М., 1954. С. 129 — 145; ЦГАОР. Ф. 930. Оп. 1. Д. 1. Л. 155 — 159.

¹³ ЦГАОР. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 134. Л. 28.

¹⁴ См.: Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата (окт. 1917 — январь 1918 гг.). Л., 1967. С. 172 — 174.

¹⁵ См.: ЦГАОР. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 134.

¹⁶ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 136.

¹⁷ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва (далее — Протоколы заседаний ВЦИК II созыва). М., 1918. С. 33.

¹⁸ На период переговоров с левыми эсерами временным заместителем Народного комиссара земледелия был назначен А. Г. Шлихтер (Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 583).

¹⁹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 — 5; 34 — 37.

²⁰ Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. С. 71.

²¹ Там же. С. 78; ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 — 27. Однако левые эсеры продолжали колебаться. Первое учредительное заседание коллегии состоялось 21 ноября и только 11 декабря коллегия собралась во второй раз, да и то в неполном составе ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Нарком земледелия А. Л. Коллегаев отсутствовал на 12 заседаниях Совнаркома и лишь 5 декабря включился в совместную работу с другими нарками (ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 — 27).

²² Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1957. С. 458 — 459.

Вскоре после этого постановления к наркому земледелия явился делегат от саботажников и предложил от группы лиц, не сог-

ласных с контрреволюционной позицией руководства министерства земледелия, свои услуги. «Группа, — вспоминал работавший в то время в Наркомземе большевик В. Н. Мещеряков, — оказалась из дельных работников, и она тотчас же получила задание». (Мещеряков В. Н. Из воспоминаний о первых месяцах работы Наркомзема // Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 7. С. 32).

²³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

²⁴ Носова Н. П. Создание государственных органов руководства сельским хозяйством в первые годы переходного периода (октябрь 1917 — март 1921 гг.) // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1987. С. 195.

²⁵ Совет — исполнительный орган Главного земельного комитета, действовавший в период между его сессиями.

²⁶ Голос трудового крестьянства. 1918. 30 января.

²⁷ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

²⁸ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 172, 185.

²⁹ Носова Н. П. Указ. соч. С. 196.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 70, 424.

³¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 80. Л. 47. Н. И. Фалеев из состава коллегии НКЗ не вышел.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 105.

³³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 74, 77; Д. 80. Л. 77; ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 2. Л. 184.

³⁴ См.: Известия ВЦИК. 1918. 3 июля; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 80. Л. 81; Оп. 12. Д. 19. Л. 1 — 9.

³⁵ Ирошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). М., 1974. С. 424.

³⁶ Носова Н. П. Формирование кадров специалистов сельского хозяйства в советской доколхозной деревне (1917 — 1929 гг.) // Население и трудовые ресурсы Уральской советской деревни. Свердловск, 1987. С. 6.

³⁷ В законе «О социализации земли» уже нет упоминания о земельных комитетах. Таким образом, закон юридически положил начало замене классово неопределенных земельных комитетов во главе с Главным земельным комитетом земельными отделами Советов. (Эта установка должна была стать руководящей в деятельности Наркомзема по реорганизации местных земельных органов, «являвшихся на первых порах тем настоящим аппаратом НКЗ, который нужно было регулировать». (Милютин В. П. Первые шаги // Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 7. С. 30).

³⁸ Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917 — 1918 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж. 1957. С. 357.

³⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 66. Л. 85 — 86.

⁴⁰ Там же. Л. 122.

⁴¹ Там же.

Многие черты разбросанных на местах Положений по организации земельных органов нашли свое развитие в Наркомземовском «Положении о земельных отделах Советов» от 11 мая 1919 г. (Аграрная политика Советской власти. С. 231 — 251).

⁴² ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 216. Л. 44.

⁴³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 12; Д. 59. Л. 6; Л. 48. Л. 28.

⁴⁴ Хотя закон «О социализации земли» и предусматривал оказание преимущественной помощи хозяйствам, вставшим на путь коллективного земледелия, левые эсеры, придерживаясь иных чем большевики принципов коллективизации, не спешили их осуществлять. Поэтому в Наркомземе не было создано специального аппарата, который бы занимался этими вопросами.

⁴⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 25. Л. 68, 80.

⁴⁶ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 212 — 216; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. -. Л. 41 — 42.

⁴⁷ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 248; Турчанинов Н. Пятилетие в Наркомземе // Сельскохозяйственная жизнь. 1922.

⁴⁸ СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

⁴⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 94.

⁵⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 45. Л. 11-32 об.

⁵¹ О роли Наркомзема в подготовке I всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун. См.: Ломовцева В. Г. Народный комиссариат земледелия в 1917-18 гг. С. 389-426.

⁵² Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия (1917 — 1920). М., 1921. С. 87 — 101.

⁵³ Модестов С. О политике Наркомзема // Голос трудового крестьянства. 1918. 29 декабря.

⁵⁴ Голос трудового крестьянства. 1919. 4 января; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 50. Л. 22; Д. 250. Л. 16.

Первоначально даже предлагалось, что управление Отобсельхозом будет осуществляться в составе всех членов коллегии НКЗ. Позднее «ввиду перегруженности членов коллегии работой» было признано возможным «определить управление Отобсельхозом в составе трех человек» из членов коллегии (ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 50. Л. 22).

⁵⁵ СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.

⁵⁶ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 250. Л. 17 — 21; Ф. 3108. Оп. 2. Д. 17. Л. 1 — 2.

Кроме того, по «Положению о рабочем комитете содействия государственной сельскохозяйственной обработке полей», утвержденному 19 февраля 1919 г., в задачи комитета входило и оказание помощи в организации губернских и районных управлений совхозов путем делегирования опытных организаторов из числа наиболее надежных и сознательных рабочих, создание профессиональных объединений сельскохозяйственных рабочих, регулирование вопросов, связанных с «припиской» совхозов к городским Советам и промышленным предприятиям и т. п.

⁵⁷ ЦГАНХ. Ф. 3108. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Носова Н. П. Создание государственных органов руководства сельским хозяйством в первые годы переходного периода (октябрь 1917 — март 1921 гг.). С. 197.

⁶⁰ В ходе работы съезда укрепилось мнение, что сельскохозяйственная коммуна и артель — носители групповой собственности — являются всего лишь переходной формой к совхозу. Поэтому на колхозы упрочился взгляд, что они явление временное, обусловленное недостаточной развитостью производительных сил. В последующие годы это представление трансформировалось в идеализацию «высшей, последовательно социалистической» формы сельского хозяйства — совхозной.

⁶¹ ЦГАНХ. ф. 3108. Оп. 2. Д. 17. Л. 31.

⁶² Там же. Д. 111. Л. 2 — 7.

⁶³ Зеленин Е. И. Совхозы в первое десятилетие Советской власти. М. 1972. С. 157; ЦГАНХ. Ф. 3108. Оп. 2. Д. 17. Л. 1.

⁶⁴ ЦГАНХ. Ф. 3108. Оп. 2. Д. 17. Л. 33.

⁶⁵ СУ РСФСР. 1919. № 45.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 24 — 25.

⁶⁷ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 3. Д. 992. Л. 15.

⁶⁸ Декрет СНК от 2 ноября 1918 г. предусматривал выдачу ссуд и пособий «сельскохозяйственным коммунам и трудовым товариществам, сельским обществам или группам, при условии перехода их от единоличной к общественной обработке и уборке полей» (аграрная политика Советской власти. С. 415 — 416).

⁶⁹ Аграрная политика Советской власти. С. 416.

⁷⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 250. Л. 17. Подробнее о деятельности Миллиардного комитета см.: Кабанов В. В., Тюрина Е. А. Финансирование коллективного земледелия в первые годы Советской власти // Исторические записки. 1989. Т. 117.

⁷¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 10. Л. 233.

⁷² Там же. Д. 386. Л. 22.

⁷³ Там же. Л. 222 — 223; Д. 247. Л. 11 — 13.

⁷⁴ Скрыпнев Н. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918 — 1920 гг. М., 1951. С. 78.

⁷⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 167. Л. 6 — 8.

⁷⁶ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 250. Л. 51, 69.

⁷⁷ Файн Л. Е. Октябрьская революция и сельскохозяйственная кооперация // История. Вып. 3. Алма-Ата. 1968. С. 13

⁷⁸ См., напр.: Предписание СНК всем губземотделам «не допускать принудительного отчуждения земель крестьян и принудительных мер при переходе к коллективным формам ведения сельского хозяйства» от 9 апреля 1919 г. (Известия. 1919. 10 апреля); декрет СНК «Об организации переселения в южные производящие губернии и в Донскую область» от 24 апреля (СУ РСФСР. 1919. № 24. Ст. 278); Постановление СНК «О предоставлении уездным комиссиям по оказанию помощи красноармейским хозяйствам права превращать в безвозмездное пособие просроченную ссуду, выданную семьям красноармейцев на поддержание хозяйства» от 2 октября 1919 г. (СУ РСФСР. 1919. № 48. Ст. 373, 469); декреты СНК «О развитии тонкорунного (мериносного) овцеводства от 3 октября 1919 г. (СУ РСФСР. 1919. № 50. Ст. 480); «О льготах по обложению сельских хозяев натуральным налогом в 1919г.» от 15 октября 1919 г. (СУ РСФСР. № 51. Ст. 498); Предписание Совета Обороны местным советским учреждениям поставить в особо льготные условия села, выполнившие продразверстку, от 22 октября 1919 г. (Декреты Советской власти. Т. VI. М., 1973. С. 222) и др.

⁷⁹ См.: Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия (1917 — 1920). М., 1921. С. 59.

⁸⁰ Деятельность Комитета посевной площади освещалась в «Вестнике Комитета посевной площади».

⁸¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 11. Д. 31. Л. 1.

⁸² Там же. Оп. 1. Д. 68. Л. 106.

⁸³ Там же. Оп. 11. Д. 31. Л. 1.

⁸⁴ См.: Гимпельсон Е. Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством. М., 1977. С. 130; Голос трудового крестьянства. 1919. 14 января.

⁸⁵ Голос трудового крестьянства. 1919. 14 мая; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 250. Л. 34.

⁸⁶ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 250. Л. 103. Согласно принятому плану Оргасев ликвидировался, а его функции передавались соответствующим отделам наркомата. Впоследствии опыт работы

этого органа был использован при организации Секретариата посевной кампании и местных посевкомов, созданных на основе решений VIII Всероссийского съезда Советов.

Экономическая жизнь. 1920. 16 сентября; 5 октября; Правда. 1920. 5 и 7 ноября.

Обзор главнейших мероприятий по развитию сельскохозяйственного производства и помощи крестьянскому хозяйству. М. 1920. С. 3, 5.

Постановления и резолюции VIII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23 — 29 декабря 1920 г.). М. 1920. С. 8.

¹⁰⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 252. Л. 112.

¹⁰¹ Постановления и резолюции VIII съезда Советов... С. 7.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 80.

¹⁰³ Декреты Советской власти. Т. 7. М. 1974. С. 49.

¹⁰⁴ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 250. Л. 89; Д. 363. Л. 11.

Члены коллегии часто направлялись в командировки на места, но 4 — 5 членов коллегии, как правило, осуществляли руководство в центре.

¹⁰⁵ Подсчитано по: «Доклад комиссии по сокращению штатов отделов НКЗ (27 мая 1919 г.)» // ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 250. Л. 49 — 50.

¹⁰⁶ Статистический ежегодник. 1918 — 1920. Вып. 2. М., 1921. С. 292.

¹⁰⁷ Голос трудового крестьянства. 1918. 2 августа.

¹⁰⁸ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия (1917 — 1920). С. 59 — 61.

¹⁰⁹ Носова Н. П. Формирование кадров специалистов сельского хозяйства... С. 7.

¹¹⁰ Книппович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917 — 1920). М., 1920. С. 39.

¹¹¹ Отчет Народного комиссариата земледелия за 1921 год. М. 1921. С. 234 — 236.

¹¹² ЦГНАХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 315. Л. 1. Об 2.

¹¹³ Носова Н. П. Формирование кадров специалистов сельского хозяйства... С. 8.

¹¹⁴ Тем не менее следует отметить, что начиная с апреля 1918 г. коллегия НКЗ по-прежнему состояла исключительно из коммунистов. В Наркомземе существовала коммунистическая ячейка, которую в 1920 г. возглавил М. Ф. Спирин — заведующий инструкторским отделением отдела землеустройства (ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 12. Д. 288. Л. 143).

¹¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 252. Л. 112.

- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Известия ЦК РКП(б). 1921. № 28. С. 14.
- ¹⁰⁸ Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 год. С. 234.
- ¹⁰⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1. Л. 2.
- ¹¹⁰ См.: Известия ЦК РКП(б). 1919. № 5, 6.
- ¹¹¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1. Л. 1, 4.
- ¹¹² Там же. Л. 60.
- ¹¹³ Там же. Л. 2 — 3. По отчетам 52 губерний к IX Всероссийской конференции РКП(б), было 307 губернских и уездных и 1564 волостных ответственных организаторов. Помимо этого Центральным Комитетом было командировано в деревню около 200 человек (Известия ЦК РКП(б). 1920. № 22. С. 17).
- ¹¹⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1. Л. 3.
- ¹¹⁵ Д. А. Павлов, вернувшись в Москву, был делегирован для работы в Наркомате земледелия; В. Л. Панюшкин был застигнут в Тамбовской губернии Мамонтовским мятежом, контужен и направлен на родину для поправки здоровья; А. И. Ионов в связи с отсутствием местных кандидатур был выбран Новгородской губернской конференцией на пост секретаря губкома партии (ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1. Л. 60).
- ¹¹⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1. Л. 10.
- ¹¹⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 26. Л. 7.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 106.
- ¹²⁰ Там же. Л. 108.
- ¹²¹ Там же. Л. 9.
- ¹²² Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 66.
- ¹²³ ЦГАОР. Ф. 374. Оп. 9. Д. 47. Л. 15.
- ¹²⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 24. Л. 3.
- ¹²⁵ В советской историографии утвердилось мнение, что отдел ЦК по работе в деревне прекратил существование, выполнив свои функции (напр.: Астапенков В. А. Документы Отдела ЦК РКП(б) по работе в деревне (1919 — 1920 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1960. № 1. С. 180). Что значит выполнил свои функции? Наладил партийную работу в деревне? Действительно, партийная работа в деревне возросла, появились новые ее формы: Всероссийские совещания по партийной работе в деревне, «Недели крестьянина», «Красные повозки» и др. Но, к сожалению, политическая работа не поднялась на новый уровень. Она по-прежнему носила случайный, кампанейский характер, несмотря на то, что ситуация в деревне к концу гражданской войны крайне осложнилась.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 417.

¹²⁷ Съезды Советов в документах. Т. 1. М., 1959. С. 141.

¹²⁸ В начале 1923 г. по инициативе Главного бюро технических сил Наркомата труда была проведена перерегистрация всех специалистов сельского хозяйства. Она длилась долго, но не охватила всей территории страны. Однако полученный о ней материал является единственным, не потерявшим своей ценности и сегодня. (Справочник о специалистах сельского хозяйства СССР. М. — Л., 1924. Ч. 1. С. X. XIV; ЦГАОР. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 4. Л. 17)

¹²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 563.

¹³⁰ Месяцев П. А. — член партии с 1906 г. Окончил Петровско-Разумовскую академию, докладчик Наркомзема РСФСР в Совнаркоме РСФСР.

¹³¹ Чекунов В. И. — беспартийный крестьянин с. Фоминки Владимирской губернии в 1919 — 1921 гг., неоднократно бывавший у В. И. Ленина на приеме по разным общественным и хозяйственным делам кооперации своего общества. С 12 ноября 1921 г. по 10 июля 1922 г. — член коллегии Наркомзема (Носова Н. П. Формирование кадров специалистов сельского хозяйства... С. 10).

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 85 — 86.

¹³³ Отчет Наркомзема РСФСР за 1923 — 1924 год. М., 1925. С. 585.

¹³⁴ Там же. С. 586.

¹³⁵ Советское правительство придавало исключительную важность этому органу. Не случайно с момента образования все его члены были переведены на академические пайки. По неизвестным нам причинам от него отказался С. П. Середа. (ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 86. Л. 2, 14, 16).

¹³⁶ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40. Л. 72, 73.

¹³⁷ Именно поэтому 17 октября 1921 г. в письме к В. И. Ленину В. В. Осинский настоятельно просил вопрос о взаимоотношениях Наркомзема с Госпланом разрешить в юридическом порядке. Ленин согласился с этим и в тот же день в письме к Г. М. Кржижановскому предлагал: «Обдумайте способ согласовать и уточнить задачи Госплана и дайте мне ВАШ план (проект постановления о разграничении Госплана и плановых комиссий) письменно» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 277).

¹³⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 321. Л. 81.

¹³⁹ Там же. Д. 40. Л. 106.

¹⁴⁰ Сведения коллегии Наркомзема и отчета о деятельности Наркомзема за 1922 г. об Экономическом совещании не совпа-

дают. Согласно отчету, Экономсовещание образовано в марте, а не 15 апреля 1921 г. Состав президиума Совещания, по протоколам коллегии НКЗ: И. А. Теодорович (председатель), Л. С. Марголин, А. В. Чаянов; согласно отчету НКЗ — П. А. Месяцев, А. В. Чаянов, А. Н. Моросанов (Отчет Народного комиссариата земледелия IX съезду Советов за 1921 год. М., 1922. С. 221 — 222; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40. Л. 72, 73).

¹⁴¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 51. Д. 7. Л. 1.

¹⁴² ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 40. Л. 2 об.

¹⁴³ СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 468.

¹⁴⁴ Отчет Наркомзема РСФСР за 1921 год. С. 38 — 31.

¹⁴⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 35. Л. 4 — 5.

¹⁴⁶ Там же. Д. 40. Л. 54 — 57; Д. 178. Л. 244.

¹⁴⁷ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40. Л. 54 — 57.

¹⁴⁸ Там же. Л. 177.

¹⁴⁹ СУ РСФСР. 1922. № 46. Ст. 571.

¹⁵⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 421. Л. 123 — 124.

¹⁵¹ СУ РСФСР. 1922. № 64. Ст. 479.

¹⁵² ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172. Л. 198, 218, 220.

¹⁵³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40. Л. 167.

¹⁵⁴ Там же. Л. 170.

¹⁵⁵ Там же. Л. 173.

¹⁵⁶ Положение о Наркомземе от 26 ноября 1923 г. (СУ РСФСР. 1923. № 91. Ст. 903).

¹⁵⁷ СУ РСФСР. 1922. № 61. Ст. 434.

¹⁵⁸ Отчет Народного комиссариата земледелия XI съезду Советов. С. 12.

К этому времени НКЗ уже имел опыт руководства сельхозкооперацией по организации распределения и заготовок. Было даже разработано специальное «Положение об организации работы НКЗ по вопросам сельскохозяйственной и лесной кооперации» (ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 167. Л. 6 — 8).

¹⁵⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 56. Л. 64 об.

¹⁶⁰ Там же. Оп. 63. Д. 5. Л. 33.

¹⁶¹ СУ РСФСР. 1922. № 4. Ст. 41.

¹⁶² Подробнее см.: Носова Н. П. Формирование кадров специалистов сельского хозяйства... С. 7 — 10.

¹⁶³ Отчет Народного комиссариата земледелия РСФСР IX съезду Советов. С. 28 — 31; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 18. Д. 68. Л. 38 — 43.

¹⁶⁴ СУ РСФСР. 1922. № 4. Ст. 41.

¹⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 166.

¹⁶⁶ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 55. Л. 51 — 53, 76.

- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Земельный кодекс РСФСР. М. 1923.
- Земельный кодекс 1922 г. являлся программным документом и основным источником действовавшего в РСФСР земельного правопорядка вплоть до 1 декабря 1970 г., когда вступил в действие принятый седьмой сессией Верховного Совета РСФСР седьмого созыва Земельный кодекс РСФСР.
- ¹⁶⁹ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 — 1954 гг. М., 1954.
- ¹⁷⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 178. Л. 92 об., 94.
- ¹⁷¹ ЦГАНХ. Ф. 7486. Оп. 39 с. Д. 2. Л. 33.
- ¹⁷² СУ РСФСР. 1923. № 91. Ст. 903; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 53. Д. 104. Л. 211 — 212.
- ¹⁷³ Газалова К. М. Земельный суд РСФСР и порядок рассмотрения спорных дел о семейно-имущественных разделах крестьянских хозяйств (1921 — 1928). //Труды МГИАИ. Т. XIX. М., 1965. С. 198.
- ¹⁷⁴ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 428.
- ¹⁷⁵ Отчет Наркомзема РСФСР за 1924 — 1925 г. М., 1926. С. 566.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
- ¹⁷⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172. Л. 218.
- ¹⁷⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 442. Л. 10 — 14.
- ¹⁸⁰ СУ РСФСР. 1923. № 28. Ст. 328; № 91. Ст. 90Ю.
- ¹⁸¹ ЦГАНХ. Ф. Оп. 56. Д. 90. Л. 5 — 6.
- ¹⁸² Ответ Наркомзема РСФСР за 1924 — 1925 год. С. 197 — 198.
- ¹⁸³ Отчет Наркомзема РСФСР за 1925 — 26 год. М., 1928. С. 62.
- ¹⁸⁴ Тезисы докладов управлений и хозорганов Наркомзема к совещанию губернских земельных управлений. М., 1924. С. 8 — 14.
- ¹⁸⁵ Отчет Наркомзема РСФСР XI Всероссийскому съезду Советов за 1923 год. М., 1924. С. 42 — 44.
- ¹⁸⁶ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 249. Л. 2 об.
- ¹⁸⁷ СУ РСФСР. 1921. № 59. Ст. 390.
- ¹⁸⁸ Советское строительство. 1928. № 2. С. 38 — 39.
- ¹⁸⁹ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 437. Л. 5 — 4.
- ¹⁹⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 81. Д. 1. Л. 2.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 45.
- ¹⁹² ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 63. Д. 1. Л. 20 — 28.
- ¹⁹³ Данные по 17 губерниям (см.: Отчет Наркомзема РСФСР за 1923 — 24 год. С. 585).

¹⁹⁴ Отчет Наркомзема РСФСР за 1924 — 25 год. С. 575.

¹⁹⁵ Отчет Совета сельскохозяйственного образования НКЗ РСФСР. // Вопросы сельскохозяйственного образования. М., 1929. С. 303.

¹⁹⁶ Минц Л. Е. Командный состав промышленности, транспорта и сельского хозяйства в СССР. М., 1926. С. 27.

¹⁹⁷ К сожалению, Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС не располагал сведениями о судьбе материалов этой Комиссии. Возможно, они погибли при эвакуации архива в годы Великой Отечественной войны или хранятся в тех архивных фондах, доступа к которым исследователи не имеют. Поэтому пришлось воспользоваться отрывочными материалами, частично опубликованными, частично сохранившимися в государственных архивах.

¹⁹⁸ ЦГАНХ. Ф. 7486. Оп. 37 с. Д. 1. Л. 16.

¹⁹⁹ Среди материалов Наркомзема РСФСР сохранились протоколы двух первых заседаний этой Комиссии. На первом из них председательствовал секретарь ЦК А. С. Бубнов, на втором — секретарь ЦК Я. Э. Рудзутак. Как видно из содержания протоколов, постоянный председатель Комиссии еще не был определен. (ЦГАНХ. Ф. 7486. Оп. 37 с. Д. 1. Л. 6, 7).

²⁰⁰ ЦГАНХ. Ф. 7486. Оп. 37 с. Д. 1. Л. 16.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 410 — 411.

²⁰³ ЦГАНХ. Ф. 7486. Оп. 37 с. Д. 5. Л. 4.

²⁰⁴ Там же. Л. 22, 30.

²⁰⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 332. Л. 16.

²⁰⁶ Ответ Народного комиссариата земледелия X Всероссийскому съезду Советов за 1922 год. М., 1923. С. 48.

²⁰⁷ Отчет Народного комиссариата земледелия XII съезду Советов за 1923 год. М., 1924. С. 29.

²⁰⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 73. Л. 69.

²⁰⁹ Отчет Народного комиссариата земледелия X Всероссийскому съезду Советов за 1922 год. С. 48.

²¹⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 56. Л. 110 — 110 об.

²¹¹ ЦГАНХ. Ф. 3108. Оп. 1. Д. 252. Л. 102 — 113.

²¹² Устав Государственного Российского сельскохозяйственного синдиката, утвержденный СТО РСФСР 13 апреля 1923 г. М., 1923.

²¹³ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 254. Л. 3 об.

²¹⁴ Там же. Л. 22, 30 об.

²¹⁵ ЦГАНХ. Ф. 7486. Оп. 37 с. Д. 5. Л. 12.

²¹⁶ В результате трестирования и синдифицирования сложи-

лись две основные группы совхозов: трестированные и нетрестированные. Первую группу составили хозяйства, вошедшие в различные сельскохозяйственные тресты и синдикаты. Она включила в основном совхозы местного уровня. Совхозы особой государственной важности, имевшие специальное значение, и «приписные» совхозы как подсобные хозяйства предприятий, учреждений и организаций вошли в состав нетрестированной группы совхозов.

²¹⁷ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 254. Л. 22.

²¹⁸ ЦГАОР. Ф. 374. Оп. 9. Д. 73. Л. 14 — 15.

²¹⁹ Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам. М. — Л., 1931. С. 198 — 201.

²²⁰ СУ РСФСР. 1925. № 18. Ст. 121.

²²¹ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 175. Л. 81.

²²² Положение о трестированных советских хозяйствах «совхозах». М. 1925; ЦГАОР. Ф. 374. Оп. 9. Д. 73. Л. 1 — 3.

²²³ Подробнее см.: Никулин В. А. Управление совхозами до образования Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР (1917 — 1932). // Труды МГИАИ. Т. 13. 1959. С. 311 — 334.

²²⁴ Крестьянская газета. 1928. 22 мая.

²²⁵ СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 435.

²²⁶ В 1919 г. состоялся первый съезд колхозов, в 1921 г. — второй.

²²⁷ Три года работы Всесоюзного Совета сельскохозяйственных коллективов. М., 1928. С. 7.

²²⁸ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 1. С. 3 — 4.

²²⁹ Там же. № 35 — 36. С. 3 — 4.

²³⁰ Там же. № 43 — 44. С. 1.

²³¹ Организация руководства строительством сельскохозяйственных коллективов. М., 1928. С. 7.

²³² Три года работы Всесоюзного Совета сельскохозяйственных коллективов. С. 42 — 44.

²³³ Правда. 1927. 2 июля.

²³⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957. С. 625 — 637.

²³⁵ Штат технического аппарата Колхозцентра был почти полностью укомплектован из сотрудников ликвидированной секции колхозов при Сельскосовете.

²³⁶ Три года работы Всесоюзного совета сельскохозяйственных коллективов. С. 12.

²³⁷ Организация руководства строительством сельскохозяйственных коллективов. С. 12.

²³⁸ Подробнее об организации, функциях и структуре Колхозцентра см.: Ивницкий Н. А. От Бюро коммун до колхозцентра (Организация руководства колхозами). // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 239 — 260.

²³⁹ СУ РСФСР. 1930. № 9. Ст. 104.

²⁴⁰ 2 сессия ЦИК Союза ССР 5 созыва. Стенограф. отчет. Бюллетень № 1. М., 1929. С. 11 — 12.

²⁴¹ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 4. С. 47.

⁶⁴² К XVI съезду ВКП(б). Материалы к организационному отчету ЦК ВКП(б). Вып. III. М., 1930. С. 28.

²⁴³ ЦГАОР. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 138. Л. 15.

²⁴⁴ Носова Н. П. Формирование кадров специалистов сельского хозяйства... С. 13.

²⁴⁵ Борисов Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР. М. 1957. С. 179.

²⁴⁶ Вопросы сельскохозяйственного образования. М. — Л., 1929. С. 24.

²⁴⁷ План обеспечения народного хозяйства кадрами специалистов на 1929-30 — 1932-33 гг. М., 1930. С. 26.

²⁴⁸ Филатов Г. М. Партийное руководство подготовкой специалистов сельского хозяйства (1928 — 1932 гг.). // Вопросы истории КПСС. 1970. № 7. С. 74.

²⁴⁹ Партийное строительство. 1930. № 2. С. 11.

Глава III

¹ Впервые попытка организации производственных отношений посредством административно-командных методов был осуществлен государствами — участниками мировой империалистической войны 1914 — 1918 гг. Особенно характерно это было для Германии, господствующие классы которой в интересах своекорыстного обогащения на выполнении государственных военных заказов, в условиях сокращения объемов международной торговли и ограниченности многих ресурсов стратегического значения, пошли на замену объективно-регулирующей роли рынка и товарно-денежного обращения плановым распределением сырья, материалов, рабочей силы и других факторов производства, не отменяя при этом принципа частной собственности на средства производства, (Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914 — 1918 гг.). М., 1928. С. 38).

² Крицман Л. Н. Героический период великой русской революции (Опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). М. — Л., 1926. С. 137 — 138, 144.

³ Экономическая жизнь. 1920. 21 октября.

Правда. 1920. 5 ноября, 7 ноября.

Правда. 1920. 7 ноября.

Экономическая жизнь. 1920. 16 сентября.

Экономическая жизнь. 1920. 5 октября.

Постановление «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» Постановления и резолюции VIII Всероссийского съезда рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 6 — 9.

СУ РСФСР. 1921. № 2. С. 14.

ЦГАНХ Ф. 478. Оп. 1. Д. 252. Л. 11.

Экономическая жизнь. 1920. 3 ноября.

Правда. 1921. 6 февраля.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 321. Л. 18 об.

Там же. Л. 21 об.

ЦГАНХ Ф. 4372. Оп. 10. Д. 82. Л. 24.

Отчет Народного комиссариата земледелия РСФСР XI съезду Советов за 1923 год. М., 1924. С. 6.

Госплан. Экономическое районирование России. Материалы комиссии по районированию при Государственной общеплановой комиссии СТО. М., 1921; Книппович Б. Н. К методологии районирования. Труды отдела сельскохозяйственной экономики и статистики Народного комиссариата земледелия. Т. 2. Сельскохозяйственные районы Европейской России. Вып. 1. М., №?—№.

Первую из этих работ, скорее, можно охарактеризовать как продукт чисто «бюрократического творчества». Основной ее смысл: в порядке административно-хозяйственного решения можно направить жизнь сельскохозяйственного региона в нужное русло, а при необходимости сохранить эти «исторические тенденции» его развития. Противоположный подход характеризует второй труд. Здесь прежде всего следует отметить добросовестную и основательную работу автора. Брошюра посвящена методологии районирования. В основу практического районирования, по мнению Б. Н. Книпповича, должен быть положен принцип «многопризнаковых районов». Выделяемые районы не могут и не должны быть универсальными, пригодными для любого сельскохозяйственного задания. Кроме того, географические границы каждого из них не могут быть жестко и точно установлены на основе какого-то из признаков. Если «центры» или «пятна» районов и намечаются с достаточной определенностью, то границы их по разным признакам пройдут различно.

¹⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 447. Л. 1 — 40.

²⁰ Книппович Б. Н. Витлер В. А. Сельскохозяйственные райо-

ны Европейской России и их эволюция в 1881—1923 гг. М., 1924. Вторая часть этого издания задумана под названием «Общие тенденции развития сельского хозяйства в России и задачи его восстановления и реорганизации», но не была завершена.

²¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 116. Л. 186.

²² Пути сельского хозяйства. 1925. № 4. С. 121.

²³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 116. Л. 186.

²⁴ Протокол обсуждения см.: ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 152. Л. 21 — 24.

²⁵ Там же. Л. 24.

²⁶ Стенограмму обсуждения см.: Пути сельского хозяйства. 1925. № 4 — 5; 1926. № 1 — 3.

²⁷ Пути сельского хозяйства. 1925. №№ 4 — 5. С. 186 — 214.

²⁸ Там же. С. 188.

²⁹ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1065. Л. 26.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 26 об.

³² Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства. Пленарное заседание Госплана СССР 1 августа 1925 г. // Пути сельского хозяйства. 1926. № 3. С. 129; ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1065. Л. 27, 28.

³³ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1065. Л. 28 — 28 об.

³⁴ Там же.

³⁵ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 231. Л. 177 — 188.

³⁶ Не случайно поэтому многие участники обсуждения пятилетнего плана развития сельского хозяйства в Президиуме Госплана отмечали, подчас, более идеологический характер споров, чем конкретно Экономический (см., например, выступления Н. П. Макарова, А. И. Свидерского и др. // Пути сельского хозяйства. 1925. № 3. С. 185, 212).

³⁷ Плановое хозяйство. 1926. № 7.

В 1960-е годы акад. В. С. Немчинов, почти буквально повторив идею В. Базарова, сформулировал понятие «хозрасчетной системы планирования». В рамках этой системы, указывал он, «органически сочетаются плановые и хозрасчетные начала — те начала, которые должны регулировать любую хозяйственную деятельность в условиях социализма» (Немчинов В. Социалистическое хозяйство и планирование производства. // Коммунист. 1987. № 11).

³⁸ Материалы дискуссии см.: На аграрном фронте. 1925. №№ 7 — 8; Плановое хозяйство. 1925. № 8.

³⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 442. Л. 157 — 189, а также Кондратьев Н. Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры.

юнктуры в свете взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства. // Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 103.

⁴¹ Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1918. 19 февраля. В некоторых изданиях закон датирован по времени его утверждения см., напр., Голос трудового крестьянства. 1918. 31 января (даты приведены по старому стилю).

⁴² Уже в первые месяцы существования НКЗ были предприняты попытки составления такой инструкции, но до конца эта работа доведена не была. (ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 1).

⁴³ Материалы по земельной реформе 1918 г. Вып. 1. Распределение земли в 1918 г. М., 1919. С. 1 — 9.

⁴⁴ Развитие советской экономики. М., 1940. С. 94.

⁴⁵ Там же. С. 95.

⁴⁶ См., напр.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 145, 157, 158.

⁴⁷ Губенко П. Т. Разработка аграрной программы партии в первые годы Советской власти (1917 — 1919 гг.). Саратов, 1959. С. 177

⁴⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 80; Оп. 4. Д. 156. Л. 56.

⁴⁹ Данилов В. П. Распределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции. // Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1979. С. 281.

Попытки обработки указанных выше данных предпринимались и раньше, но они, на наш взгляд, были менее удачны. Так, составители сборника документов о советской аграрной политике в период Октябрьской революции И. И. Варжо и Т. А. Ремизова, суммируя подчас разные по характеру и времени данные Наркомзема, пришли к выводу, что общий фонд нетрудовых земель сельскохозяйственного назначения, пригодных для пашни и луга, составил 24 258,4 тыс. дес., из которых 16 413,9 тыс. (около 70%) было распределено между населением 649,6 тыс. (2,7% — коммуна и артелям, 7,1 тыс. — государственным учреждениям, а 5, 028,1 тыс. дес (20%) остались нераспределенными (Аграрная политика Советской власти: Док. и мат. М., 1954. С. 498 — 506).

Другой советский исследователь М. А. Снегирев, основываясь на изучении архивных материалов — отчетов губземотделов о проведении в жизнь Декрета о земле в 1917 — 1918 гг., утверждает, что крестьянство в первые полтора года Советской власти «получило лишь в 8 основных районах РСФСР в трудовое пользование до 30 млн. га удобных, пригодных для сельскохозяйственного пользования земель (по преимуществу пашни, огороды, сенокосы)». Затрагивая интересный вопрос о количестве и качестве полученной крестьянами в результате социалистичес-

кой революции земли, автор не дает точной ссылки на архивный материал, поэтому приводимые данные не могут быть проверены. Кроме того, четко не оговаривается регион исследования (8 основных районов РСФСР — каких?) (Снегирев М. А. Землеустройство РСФСР по «Положению о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию (1919 — 1921 гг.). //Труды Моск. ин-та инженеров землеустройства. Вып. 9. 1960. С. 25.

⁵⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 20. Д. 483. Л. 3.

⁵¹ Книппович Б. Н. Очерк о деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917 — 1920). М., 1920. С. 6. К сожалению, сводку погубернских данных, на основе которых получены указанные выше результаты, обнаружить не удалось.

⁵² Обзор главнейших мероприятий по развитию сельскохозяйственного производства и помощи крестьянскому хозяйству. М., 1920. С. 4.

⁵³ Такие же примерно данные (23 265,9 тыс. дес.) приводит В. П. Данилов. Несовпадение с приводимыми выше цифрами 17 215,926 тыс. дес. он объясняет большей полнотой сведений о распределении земли, полученных к 1920 г. (Данилов В. П. Распределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции. С. 283).

⁵⁴ Наркомзем РСФСР продолжал собирать сведения об итогах аграрной революции и в дальнейшем. Сегодня уже имеется обобщение и анализ этих данных по регионам. См., напр.: Шагин Э. М. Борьба за проведение в жизнь Декрета о земле в Сибири и на Дальнем Востоке. //Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1979; Носова Н. П. Перераспределение земельного фонда Урала на основе ленинского Декрета о земле. //Проблемы социально-экономического развития деревни в переходный период от капитализма к социализму. Иваново, 1988.

⁵⁵ Аграрная политика Советской власти (1917 — 1918 гг.). С. 417—431.

⁵⁶ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 27 — 28.

⁵⁷ Там же. С. 27.

⁵⁸ СУ РСФСР. 1919. № 4. С. 43.

⁵⁹ Сборник распоряжений по социалистическому землеустройству. Вып. 2. Саратов, 1919. С. 38.

⁶⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 179. Л. 23. Сюда включены все без исключения земли, пригодные к использованию, в сельском хозяйстве.

⁶¹ Снегирев М. А. Указ. соч. С. 28.

⁶² Из необходимых 35 тыс. специалистов-землемеров Наркомзем располагал только 4 тыс. Поэтому уже в первые годы Советской власти была начата подготовка 2,5 тыс. землемерных техников. (Книппович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года. С. 24).

⁶³ СУ РСФСР. 1919. № 36. Ст. 362.

⁶⁴ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 199. Л. 26.

⁶⁵ СУ РСФСР. 1920. № 52. С. 226.

По существовавшим тогда правилам почти ежегодно от хозяйств «с интенсивной сельскохозяйственной культурой» производились отрезки во имя того же принципа уравнительности землепользования. Это вело к распылению земли, к слому налаживающегося хозяйства, к понижению производительности труда. Против этой вредной практики и был направлен декрет от 4 июня 1920 г.

⁶⁶ По поручению Наркомзема такая работа была предпринята в семинаре сельскохозяйственной экономики и политики Петровской сельскохозяйственной академии под руководством проф. А. В. Чаянова. Первые результаты этой работы были получены уже к весне 1921 г. и в последствии опубликованы (Чаянов А. В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. Из работ научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики при сельскохозяйственной академии им. К. Тимирязева. 3-е изд. М., 1928; Методы количественного устройства эффекта землеустройства. Сб. ст. под ред. А. В. Чаянова. М., 1925).

⁶⁷ Сборник распоряжений по социалистическому землеустройству. С. 75 — 77.

⁶⁸ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 426.

⁶⁹ Земельный кодекс РСФСР. М. 1923.

⁷⁰ Известия. 1922. 25 октября.

⁷¹ Рыков А. И. Хозяйственное положение СССР. М. — Л. 1928. С. —?» — 275; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 3. М., 1970. С. 375 — 346.

⁷² См.: Отчет Наркомзема РСФСР за 1923 — 1924 гг. М., 1926. С. 133.

⁷³ СУ РСФСР. 1923. № 60. Ст. 567.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 377. Л. 233.

⁷⁶ Там же. Л. 232.

⁷⁷ Бочков Н. В., Першин П. Н., Снегирев М. А., Шаратов В. Ф. История земельных отношений и землеустройства. М., 1956. С. 148.

- ⁷⁸ Там же. С. 148, 150.
- ⁷⁹ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 157 — 158.
- ⁸⁰ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 3. С. 164.
- ⁸¹ Съезды Советов в документах. Т. 3. М., 1960. С. 85.
- ⁸² Данилов В. П. Указ. соч. С. 161.
- ⁸³ Материалы этих дискуссий см.: На аграрном фронте. 1926. № 9; 1927. № 1; ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 438. Л. 83 — 60.
- ⁸⁴ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 478. Л. 71.
- ⁸⁵ Советское строительство. 1926. № 2. С. 35.
- ⁸⁶ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 478. Л. 81.
- ⁸⁷ Там же. Л. 83.
- ⁸⁸ На аграрном фронте. 1927. № 1. С. 103.
- ⁸⁹ Советское строительство. 1926. № 2. С. 39.
- ⁹⁰ Там же. С. 41.
- ⁹¹ II Сессия ВЦИК Союза ССР 3 созыва. Стенографический отчет. М. 1926. С. 7.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 276. Л. 5.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 — 1954. 1954. С. 289; СУ РСФСР. 1928. № 39. Ст. 295.
- ⁹⁶ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 4. С. 67.
- ⁹⁷ См.: Известия. 1928. 5 апреля.
- ⁹⁸ См.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня. С. 177.
- ⁹⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 276. Л. 38.
- ¹⁰⁰ СУ РСФСР. 1917 — 1918. № 80. Ст. 841; № 82. Ст. 864.
- ¹⁰¹ Сборник декретов и распоряжений по финансам. 1917 — 1919. Б. М., 1919. С. 169.
- ¹⁰² Там же. С. 162.
- ¹⁰³ Аграрная политика Советской власти. С. 399; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 32. Л. 2 — 3 об.
- ¹⁰⁴ Аграрная политика Советской власти. С. 399.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 143. Л. 55.
- ¹⁰⁷ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.
- ¹⁰⁸ Текст декрета см.: Аграрная политика Советской власти. С. 415 — 416.
- ¹⁰⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 386. Л. 221.
- ¹¹⁰ См.: Файн Л. Е. «Военный коммунизм» и колхозное строительство. §§История СССР. 1979. С. 125 — 126. № 4.
- ¹¹¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 54. Д. 709. Л. 164.

- ¹¹² Зеленин И. Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти (1917 — 1927 гг.). М., 1972. С. 212.
- ¹¹³ См.: Горелик С. С. Кредит деревне — через кредитную кооперацию. Л., 1925. С. 5.
- ¹¹⁴ СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 912.
- ¹¹⁵ СУ РСФСР. 1920. № 4/5. Ст. 25.
- ¹¹⁶ Там же. № 6. Ст. 37.
- ¹¹⁷ См.: Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 422.
Н. М. Крестинский, выступая 2 апреля 1920 г. на заседании кооперативной сессии IX съезда РКП(б), заявил: «...относительно кредитной кооперации нужно сказать, что она уже перестала быть кредитной. Денег в нее никто не вносит и ссуды из нее никто не берет». (Девятый съезд РКП(б): Стенограф. отчет. М., 1920. С. 250). Следует обратить внимание на то, что подавляющим большинством кооперативной секции съезда была принята резолюция В. П. Милютина, предполагавшая огосударствление кооперации и наглядно продемонстрировавшая преобладавшие в партии настроения. Лишь речь В. И. Ленина, направленная против доводов сторонников огосударствления кооперации, изменила отношение делегатов съезда к спорному вопросу.
- ¹¹⁸ Бунин А. О. Развитие сельскохозяйственной кредитной кооперации в двадцатые годы. // Проблемы социально-экономического развития деревни в переходный период от капитализма к социализму. Иваново, 1988. С. 107.
- ¹¹⁹ Десятый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1921. С. 609.
- ¹²⁰ Бюллетень Сельского союза. 1921 — 1922. № 21 — 22. С. 8.
- ¹²¹ Там же. № 5. С. 5.
- ¹²² СУ РСФСР. 1921. № 75. Ст. 615.
- ¹²³ Там же. 1922. № 4. Ст. 41.
- ¹²⁴ Там же. № 12. Ст. 110.
- ¹²⁵ Сельский союз в 1923 году. М., 1924. С. 4.
- ¹²⁶ Подробнее см.: Бюллетень Сельского союза. 1921 — 1922. № 6. С. 5, 6; № 8. С. 18, 19.
- ¹²⁷ См.: ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6923. Л. 137.
- ¹²⁸ СУ РСФСР. 1922. № 81. Ст. 1046.
- ¹²⁹ Там же. 1923. № 43. Ст. 463; № 56. Ст. 545.
- ¹³⁰ Бунин О. А. Указ. соч. С. 109.
- ¹³¹ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6923. Л. 93 об.
- ¹³² См.: Там же. Л. 94.
- ¹³³ См.: Дьячков В. Сельскохозяйственный кредит и сельскохозяйственная кредитная кооперация СССР. М., 1927. С. 19.
- ¹³⁴ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6923. Л. 95 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 96.

- ¹³⁶ Центральный сельскохозяйственный банк СССР. 1924 — 1925 гг. Отчет за второй год деятельности. М., 1926. С. 44, 79.
- ¹³⁷ Система сельскохозяйственного кредита в цифрах. М. 1925. С. 15.
- ¹³⁸ На аграрном фронте. 1926. № 3. С. 49.
- ¹³⁹ Центральный Сельскохозяйственный банк СССР. 1924 — 1925 г. С. 37.
- ¹⁴⁰ Всероссийский Кооперативный банк: Первое совещание инструкторов. М., 1925. С. 102.
- ¹⁴¹ Там же. С. 82.
- ¹⁴² Бунин А. О. Сельскохозяйственная кредитная кооперация в СССР (1921 — 1927 гг.) Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иваново, 1990. С. 15 — 16.
- ¹⁴³ Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. М. — Л., 1925. С. 290, 292, 293, 294.
- ¹⁴⁴ Бунин А. О. Сельскохозяйственная кредитная кооперация в СССР. С. 16.
- ¹⁴⁵ См.: Дьячков Б. Сельскохозяйственный кредит и сельскохозяйственная кооперация. М., 1927. С. 120.
- ¹⁴⁶ Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1925. № 22. С. 5, 6.
- ¹⁴⁷ СЗ СССР. 1927. № 4. Ст. 38, 39, 43, 44.
- ¹⁴⁸ Сельскохозяйственный кредит в СССР. Постановления ЦИК и СНК СССР и СТО, решения съездов и конференций ВКП (б). М., 1926. С. 100.
- ¹⁴⁹ Известия ЦИК СССР. 1927. 26 июня.
- ¹⁵⁰ Соболев М. Н. Основные вопросы реорганизации кредитной системы Союза ССР. М., 1929. С. 4, 7.
- ¹⁵¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б): Стенограф. отчет. Т. 1. М., 1961. С. 66.
- ¹⁵² СЗ СССР. 1926. № 72. Ст. 560.
- ¹⁵³ Там же. № 27. Ст. 171; № 72. Ст. 560.
- ¹⁵⁴ Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1928. № 1. С. 52.
- ¹⁵⁵ Гуревич М. Кредитование колхозов системы сельскохозяйственного кредита РСФСР в 1925 — 1926 году. //Очередные вопросы сельскохозяйственного кредита. Ко второму Всесоюзному съезду по сельскохозяйственному кредиту. М., 1927. С. 78.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Центральный Сельскохозяйственный банк СССР. 1925 — 1926. С. 37.
- ¹⁵⁸ Устюгов И. Крестьянские письма //Сельскохозяйственный кредит. 1926. № 8. С. 28 — 30.

- ¹⁵⁹ См.: Сельскохозяйственный кредит. 1930. № 1/2. С. 15;
Гуревич М. Указ. соч. С. 78.
- ¹⁶⁰ Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1928. № 12.
С. 8; Очередные задачи организационной работы сельскохозяйственной кооперации. В свете решений III Совещания заведомств центральных, республиканских, областных и крупнорайонных съездов сельскохозяйственной кооперации. М., 1928. С. 51.
- ¹⁶¹ Сельскохозяйственный кредит. 1930. № 20. С. 25.
- ¹⁶² СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 430.
- ¹⁶³ ЦГАНХ. Ф. 7730. Оп. 1. Д. 6930. Л. 2.
Остальные 2 млн. пудов остались не предъявленными к погашению.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 44.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 44 об.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 45 об., 47 об.
- ¹⁶⁷ В 1917 г. Заготовками хлеба занимались государственные продовольственные органы, военное интендантство, земские и городские самоуправления, городские и районные Советы рабочих депутатов, отдельные фабрично-заводские комитеты и др.
- ¹⁶⁸ Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 137.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 140.
- ¹⁷⁰ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 8.
- ¹⁷¹ Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. 2. М., 1957. С. 118.
- ¹⁷² Декреты Советской власти. Т. 2. С. 587 — 588.
- ¹⁷³ См., напр.: СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 169; 1918. № 17. Ст. 261; № 32. Ст. 430.
- ¹⁷⁴ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. 1919. С. 50 — 51.
- ¹⁷⁵ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 159.
- ¹⁷⁶ СУ РСФСР. 1918. № 34. Ст. 125.
- ¹⁷⁷ В. И. Ленин не раз признавал, что крестьянин не получал справедливого вознаграждения за свою продукцию и его просили оказать «ссуду» или «доверие» городскому пролетариату в качестве вклада в победу революции (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 122 — 123, 316).
- ¹⁷⁸ СУ РСФСР. 1919. № 41. Ст. 387.
- ¹⁷⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 73. Л. 44 об. — 45.
- ¹⁸⁰ См.: КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 2. С. 269. Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917 — 1953 гг.). М., 1964. С. 29.

¹⁸¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 229 — 232.

¹⁸² Указанная пропорция обмена явилась результатом простого арифметического подсчета. По довоенным ценам государственный товарообменный фонд, переданный кооперации, стоил примерно 100 млн. довоенных рублей, тогда как получить за него предстояло (по расчетам Наркомзема) сельскохозяйственной продукции на сумму не менее 300 млн. руб. в довоенных ценах (Экономическая жизнь. 1921. 13 августа).

¹⁸³ Экономическая жизнь. 1921. 20 сентября.

¹⁸⁴ СУ РСФСР. 1921. № 59. Ст. 403.

¹⁸⁵ Там же. № 76. Ст. 576.

¹⁸⁶ Крумин Г. О некоторых уроках кризиса // Экономическое обозрение. 1923. № 12. С. 10.

¹⁸⁷ Подобная точка зрения уже высказывалась в исторической литературе. См., напр.: Историческое значение новой экономической политики (В связи с 50-летием перехода к нэпу). Всесоюзная сессия. Материалы обсуждения. Вып. 2. М., 1971. С. 47; Симонов Н. С. Разработка и осуществление Коммунистической партией научных принципов планового управления экономикой в 1921 — 1927 гг. Автореф. диссертации ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 19.

¹⁸⁸ Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 178.

¹⁸⁹ Экономическая жизнь. 1924. 14 января.

¹⁹⁰ СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 406.

Кто представлял Наркомзем как основной государственный орган, регулирующий сельскохозяйственное производство, в первом составе Комитета установить не удалось. Известно, что с 1924 г. вопросы цен в НКЗ курировал Е. В. Михельсон, он же и представлял комиссариат в общереспубликанских органах ценообразования (ЦГАНХ СССР. № 478. Оп. 56. Д. 349. Л. 62).

¹⁹¹ Известия ЦК РКП(б). 1926. № 9 — 10. С. 11.

¹⁹² Экономическая жизнь. 1924. 1 марта.

¹⁹³ Тамбовская, Курская, Симбирская губернии, Башкирская республика, Кубано-Черноморский край.

¹⁹⁴ См., напр.: ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 349. Л. 62, 67.

¹⁹⁵ Индекс цен — это относительный показатель, получающийся в результате сравнения двух абсолютных величин, характеризующих цены двух разных периодов. В числителе индексного отношения стоит величина цены периода, которую сравнивают в знаменателе — цена периода, с которым сравнивают.

¹⁹⁶ Попов П. И. Итоги хозяйственного года и сельскохозяй-

- ственный баланс // Экономическое обозрение. 1924. № 23 — 24. С. IX.
- ¹⁹⁷ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11 — 12. С. 2.
- ¹⁹⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 349. Л. 225. Оп. 63. Д. 5. Л. 17, 19, 29, 33 — 34.
- ¹⁹⁹ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 3. С. 65 — 66.
- ²⁰⁰ См., например, обсуждение этого вопроса в секции экономических исследований Наркомфина (ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203. Л. 95 — 192).
- ²⁰¹ Кажущееся улучшение рыночной конъюнктуры было вызвано перераспределением потока товарной массы промышленного производства в пользу городского населения, что было связано с принятыми правительственными мерами по снижению рыночных цен и свертыванию частной торговли. Оказала свое действие и инфляция (подробнее см.: Вайнштейн А. Л. Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1926 — 1927 хозяйственном году // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11 — 12. С. 13 — 15.
- ²⁰² КПСС в резолюциях. Изд. 8-е. Т. 3. С. 439 — 440.
- ²⁰³ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6966. Л. 15.
- ²⁰⁴ Базаров В. Проблемы контрольных цифр на 1927 — 1928 // Экономическое обозрение. 1927. № 9. С. 8.
- ²⁰⁵ Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 404; ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6966. Л. 14.
- ²⁰⁶ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6966. Л. 1, 18, 197.
- ²⁰⁷ Вайнштейн А. Л. Указ. соч. С. 15.
- ²⁰⁸ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 2. С. 54.
- ²⁰⁹ История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 297.
- ²¹⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
- ²¹¹ Першин П. Н. Указ. соч. С. 344.
- ²¹² ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 363. Л. 18.
- ²¹³ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 128.
- ²¹⁴ Вестник Народного комиссариата земледелия. 1919. № 2 — 3. С. 21.
- ²¹⁵ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 129.
- ²¹⁶ Книппович Б. Н. Указ. соч. С. 25.
- ²¹⁷ Беднота. 1918. 9 сентября.
- ²¹⁸ Аграрная политика Советской власти. С. 258.
- ²¹⁹ Книппович Б. Н. Указ. соч. С. 25.
- ²²⁰ В первые годы существования Советской власти почти 90% населения страны трудилось в сельском хозяйстве. Огромные площади необъятных просторов России были заняты богатей-

шим в мире черноземом. Между тем по уровню урожайности с единицы площади она находилась на одном из последних мест в Европе. Так, средний сбор хлеба с одной десятины в Бельгии составил 129 пуд., в Англии — 123, Франции — 81, в России — 40 пудов (Вестник Народного комиссариата земледелия. № 1. 1919. С. 55).

²²¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 25. Л. 52.

²²² Там же.

²²³ Там же. Оп. 6. Д. 109. Л. 49.

²²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 60.

²²⁵ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 60.

²²⁶ Там же. Д. 96. Л. 145.

²²⁷ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 132.

²²⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 595. Л. 60.

²²⁹ Вестник Народного комиссариата земледелия. 1919. № 1.

С. 57.

²³⁰ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 160.

²³¹ Вестник Народного комиссариата земледелия. 1919. № 1.

С. 71 — 72.

²³² ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 315. Л. 1 об — 2.

²³³ Там же. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 69А. Л. 1.

²³⁴ Первая мировая войны застала отечественное сельскохозяйственное машиностроение вступающим в полосу своего зенита. Особенностью его развития явилось преобладание крупных заводов по производству сельскохозяйственных машин и орудий. Накануне войны закончилось строительство завода товарищества Липгарта по производству плугов и молотилок в Коломенском уезде Московской губернии. Значительно расширились заводы Эльворти в Елизаветграде, Гельферих-Саде в Харькове, Копа и Лепа и Вальмана в Александровске и Хортице. Завершил свое переоборудование и приступил к выпуску продукции завод по производству самосбросок и сноповязалок акционерного общества Дж. Гривез. Предприятия общества И. И. Гена увеличили выпуск плугов до 150. тыс. штук. К массовому выпуску пахотных орудий приступило Рязанское общество заводов, а также Брянский завод и др. Как видим, оживление было заметно по всей линии сельскохозяйственного машиностроения, что в будущем сулило дать свои плоды. Однако мировая война, изменившая структуру народнохозяйственных связей, привела к резкому упадку отрасли. К 1 октября 1914 г. остановилось 15 заводов, на оставшихся 43 число рабочих уменьшилось с 21.950 до 9.645 человек. По крупнейшей группе заводов количество рабочих сократилось на 56, а производство — на 67%. Летом 1915 г. производство на

заводах упало почти на 8%. Причем самые крупные предприятия или целиком, как заводы Эльворти, или в большей своей части, как заводы Гена, Гриевз, Гельферих-Саде, Акционерное общество рязанских заводов, и др., уже перешли на военное снабжение. За годы гражданской войны отрасль почти прекратила свое существование (подробнее см.: ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6959. Л. 118 — 126).

²³⁵ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 69А. Л. 6.

²³⁶ Там же. Л. 7 об.

²³⁷ Там же.

²³⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 36. Д. 172. Л. 215.

²³⁹ Там же. Ф. 374. Оп. 9. Д. 47. Л. 35 — 36.

²⁴⁰ Там же. Л. 87.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же. Оп. 35. Л. 215.

²⁴³ ЦГАОР. Ф. 374. Оп. 9. Д. 47. Л. 35.

²⁴⁴ Там же. Л. 86 об.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 440. Л. 69 об.

²⁴⁷ См.: ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172. Л. 216.

²⁴⁸ Подробнее см.: Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1957.

²⁴⁹ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 43.

²⁵⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172. Л. 215.

²⁵¹ Съезды Советов в документах. Т. 1. М., 1959. С. 167 — 176.

²⁵² Там же. С. 232.

²⁵³ Отчет Наркомзема РСФСР за 1923 — 1924 гг. М., 1925. С. 118; Отчет Наркомзема РСФСР за 1924 — 1925 гг. М., 1926. С. 159.

²⁵⁴ Отчет Наркомзема РСФСР за 1923 — 1924 гг. С. 118 — 119; Отчет Наркомзема РСФСР за 1924 — 1925 гг. С. 165.

²⁵⁵ См., напр.: Отчет Наркомзема РСФСР за 1923 — 1924 гг. С. 118, 119.

²⁵⁶ Отчет Наркомзема РСФСР X Всероссийскому съезду Советов за 1922 г. М., 1923. С. 21; Отчет Наркомзема РСФСР за 1924 — 1925 гг. С. 166.

²⁵⁷ Отчет Наркомзема РСФСР за 1922 г. С. 22.

²⁵⁸ Отчет Наркомзема РСФСР за 1924 — 1925 гг. С. 193.

²⁵⁹ Там же. С. 192.

²⁶⁰ СУ РСФСР. 1923. № 4. Ст. 41.

²⁶¹ СУ РСФСР. 1923. № 28. Ст. 328.

- ²⁶² Там же. № 91. Ст. 903.
- ²⁶³ Съезды Советов в документах. Т. IV. Ч. 1. М., 1962. С. 25 — 29.
- ²⁶⁴ Отчет Наркомзема РСФСР XI Всероссийскому съезду Советов за 1923 г. М., 1924. С. 42 — 44.
- ²⁶⁵ Съезды Советов в документах. Т. IV. Ч. 1. М. 1962. С. 56 — 59.
- ²⁶⁶ Отчет Наркомзема за 1923 — 1924 г. С. 171.
- ²⁶⁷ Отчет Наркомзема РСФСР XI Всероссийскому съезду Советов за 1923 г. С. 44.
- ²⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 352.
- ²⁶⁹ См., напр., декреты СНК от 3 и 28 декабря, 16 мая и 17 июня 1918 г. и др. (Декреты Советской власти. Т. 2. С. 273 — 274, 441 — 444; Т. 4. С. 133, 135, 208).
- ²⁷⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 467, 470 — 473.
- ²⁷¹ Сборник декретов и распоряжений по финансам. 1917 — 1919. М., 1919. С. 169.
- ²⁷² Комитеты бедноты. Сборник документов и материалов. Т. 2. М., 1933. С. 37 — 61.
- ²⁷³ Официально установленной датой уплаты налога было 15 декабря 1918 г.
- ²⁷⁴ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. 1919. С. 21 — 23.
- ²⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 28.
- ²⁷⁶ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. С. 50.
- ²⁷⁷ Создание комитетов бедноты, юридически оформленное в декрете 11 июня 1918 г., как представляется, было прежде всего политической мерой, направленной на раскол крестьянства.
- ²⁷⁸ СУ РСФСР. 1917 — 1918. № 57. Ст. 633. № 58. Ст. 638. № 62. Ст. 677.
- ²⁷⁹ Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. Т. 1. М., 1921. С. 170, 174.
- Советская историография не едина в оценке числа отрядов и размаха их деятельности (Селунская В. М. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М. 1969; Давыдов М. И. Борьба за хлеб: продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917 — 1920). М., 1971; Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917 — 1921 гг. М., 1973 и др.
- ²⁸⁰ Разверстка осуществлялась как натуральная повинность в

порядке принудительного отчуждения требуемого количества продуктов. В этом состояло ее отличие от обычного прямого обложения.

²⁸¹ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 292 — 294; СУ РСФСР. 1919. № 1. Ст. 10, 11.

²⁸² Подробнее см.: Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». С. 177 — 179.

²⁸³ Там же. С. 179 — 180.

²⁸⁴ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 2. С.

²⁸⁵ Кабанов В. В. Указ соч. С. 181 — 182.

²⁸⁶ В таблице используются данные в расчете на все население. Однако следует учитывать, что в структуре обложения западно-европейских государств главную роль играло налогообложение преимущественно городского населения и притом более самостоятельного. В России же основную роль играли косвенные налоги — акцизы, таможенные пошлины и т. п. (ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 123), платившиеся в очень значительной мере крестьянством. Кроме того Россия в то время имела значительно меньший процент городского населения. Поэтому налогообложение крестьянства здесь будет более приближаться к среднему на душу, чем в каждой из перечисленных стран.

²⁸⁷ Были даже предприняты шаги с целью снижения тяжести обложения (СУ РСФСР. 1918. № 99. Ст. 1012; 1919. № 14. Ст. 141, 142), вследствие чего контингент налогоплательщиков постоянно уменьшался. К тому же крестьянство отождествляло оба вида натуральных сборов — продналог и разверстку.

²⁸⁸ СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147.

²⁸⁹ Там же. Ст. 149.

²⁹⁰ Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов. С. 80.

²⁹¹ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203. Л. 202.

²⁹² Там же. Оп. 1. Д. 6990. Л. 124.

²⁹³ Там же. Л. 125.

²⁹⁴ Подсчеты Ю. Ларина и А. Вайнштейна (ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 125).

²⁹⁵ СУ РСФСР. 1923. № 42. Ст. 451.

²⁹⁶ Экономическая жизнь. 1923. 20 мая.

²⁹⁷ Там же. 15 и 16 мая.

²⁹⁸ Там же. 20 мая.

²⁹⁹ ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203. Л. 206, 215.

³⁰⁰ Там же. Оп. 1. Д. 5629. Л. 1 — 2.

³⁰¹ Там же. Л. 4.

- 302 Там же. Д. 5641. Л. 3.
 303 Там же. Л. 4.
 304 Там же. Оп. 3. Д. 1203. Л. 207.
 305 Там же. Ф. 7496. Оп. 37. Д. 28. Л. 132, 133.
 306 Материалы с мест, поступившие в информационный отдел ОГПУ (ЦГАНХ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 28).
 307 Там же. Л. 104.
 308 Там же. 133.
 309 Там же. Л. 132.
 310 Там же. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203. Л. 216 — 217.
 311 Там же. Л. 216.
 312 Там же. Л. 219.
 313 КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 3. С. 319.
 314 Крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы СССР в 1924/25 — 1927/28 гг.: По данным налоговых сводок Наркомфина СССР /Сост. Данилов В. П., Славко Т. И. М., 1977. С. 16; Данилов В. П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне //Октябрь и Советское крестьянство. М., 1977. С. 183 — 184.
 315 Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 205.
 316 Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. С. 280.
 317 Данилов В. П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне. С. 186.
 318 См.: КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 4. С. 191.
 319 СЗ. 1928. № 24. Ст. 212.
 320 СЗ. 1927. № 17. Ст. 188; 1928. № 24. Ст. 212.
 321 Экономическое обозрение. 1928. № 11. С. 104.

Глава IV

- ¹ Подробнее см.: Кабанов В. В. Октябрьская революция и община //Исторические записки. Т. III.
² Следует учитывать, что региональный размах этих переделов имел свои особенности. К сожалению, конкретный масштаб внутриобщинных переделов сегодня определить не представляется возможным.
³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
⁴ Голос трудового крестьянства. 1919. 16 января.
⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 11. Д. 31. Л. 5; Д. 40. Л. 64.
⁶ Голос трудового крестьянства. 1919. 27 апреля.
⁷ Голос трудового крестьянства. 1919. 21 мая.
⁸ Там же. 1 января.
⁹ Вестник Народного комиссариата земледелия. 1919. № 1, С. 54.

- ¹⁰ Книппович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года. С. 21.
- ¹¹ Вестник Народного комиссариата земледелия. 1919. № 1. С. 55.
- ¹² В условиях командной экономики конца 20-х годов к этому опыту опять вернулись при организации контрактации.
- ¹³ Аграрная политика Советской власти. Док. и мат. 1917 — 1918. М., 1954. С. 34.
- ¹⁴ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 252. Л. 151.
- ¹⁵ История социалистической экономики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 298.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Книппович Б. Н. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же; Беднота. 1921. 19 февраля.
- ²⁰ История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 298.
- ²¹ Съезды Советов в документах. Т. 1. М., 1959. С. 135.
- ²² Экономическая жизнь. 1920. 21 октября.
- ²³ Подсчеты сделаны проф. Н. Д. Кондратьевым по данным земской статистики и ЦСУ, а также материалам официальной статистики Германии, США. Как отмечает Кондратьев, исчисления по России весьма приблизительны, относятся лишь к земским губерниям ее Европейской части и построены на данных об аренде посевов. Автор считает, что эти последние не вносят существенных изменений в приведенные цифры.
- ²⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 163. Л. 24.
- ²⁵ Там же. Л. 29.
- ²⁶ Там же. Д. 338. Л. 24.
- ²⁷ Стенограмма заседания Аграрного института Комкадемии 17.XII.1928 // ЦПА ИМЛ. Ф. 17. ОП. 85. Д. 338. Л7 9.
- ²⁸ Отсутствие единого центра по руководству контрактацией вызвало сложность учета этой работы. Последнее обстоятельство привело к полной неразберихе, а подчас, и невозможности выявить данные как по отдельным направлениям контрактации, так и — обобщающего характера.
- ²⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 340. Л. 59.
- ³⁰ Там же. Л. 61, 62.
- ³¹ Там же. Л. 79.
- ³² Там же. Л. 50.
- ³³ Там же. Л. 94.
- ³⁴ Аграрная политика Советской власти. С. 118 — 119.
- ³⁵ Там же. С. 259; Зеленин И. Е. Совхозы СССР в первое десятилетие Советской власти. С. 40—42.

- ³⁶ Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917 — 1975). М., 1976. С. 11 — 12.
- ³⁷ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 1; Аграрная политика Советской власти. С. 182.
- ³⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 52. ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 31. Л. 104; Д. 26. Л. 74.
- ³⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 81; Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия (1917 — 1920). С. 31 — 32. Опыт составления этой инструкции впоследствии был использован Наркомземом при работе над проектом «Положения о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», в частности, раздел «Инструкции» об организации труда и оплаты рабочих советских хозяйств с некоторыми изменениями впоследствии вошел в «Положение о социалистическом землеустройстве».
- ⁴⁰ Гимпельсон Е. Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством. С. 149.
- ⁴¹ V Всероссийский съезд Советов. Стенограф. отчет. М., 1918. С. 56.
- ⁴² Подробнее о дискуссии см.: Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 99 — 108.
- ⁴³ Труды I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун. Вып. 1. М., 1919. С. 26 — 28, 29 — 31, 33, 42; Файн Л. Е. Победа Октябрьской революции и зарождение колхозного строительства. Общественные науки. Вып. 9. Алма-Ата, 1966. С. 75 — 78.
- ⁴⁴ Аграрная политика Советской власти. С. 424.
- ⁴⁵ Изменения социальной структуры Советского общества (1917 — 1920). М., 1976. С. 231.
- ⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 45.
- ⁴⁷ Аграрная политика Советской власти. С. 421.
- ⁴⁸ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 154.
- ⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 24 — 25.
- ⁵⁰ Изменения социальной структуры советского общества С. 232.
- ⁵¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 3. Д. 992. Л. 15.
- ⁵² ЦГАНХ. Ф. 3108. Оп. 1. Д. 159. Л. 6.
- ⁵³ Там же. Л. 16.
- ⁵⁴ Известия ВЦИК. 1919. 6 марта; 2 апреля.
- ⁵⁵ Поляков Ю. А. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917 — 1920 гг.) // История советского крестьянства и совхозного строительства в СССР. М., 1961. С. 27.

- ⁵⁶ История социалистической экономики. Т. 1. М., 1976. С. 302.
- ⁵⁷ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 459. Л. 36.
- ⁵⁸ Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁹ Народное хозяйство. 1919. № 6. С. 73 — 75.
- ⁶⁰ Народное хозяйство. 1919. № 6. С. 75.
- ⁶¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 4. Д. 206. Л. 233 — 233 об. Текст инструкции см.: Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия (1917 — 1920). С. 134.
- ⁶² Инструкция НКЗ от 25 февраля 1920 г. //Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия (1917 — 1920). С. 148 — 151. ЦГАНХ. Ф. 3108. Оп. 1. Д. 159. Л. 16.
- ⁶³ В это число не вошли совхозы особой государственной важности, которые находились в непосредственном ведении НКЗ, а также приписные совхозы.
- ⁶⁴ ЦГАНХ. Ф. 3108. Оп. 16. Д. 159. Л. 2.
- ⁶⁵ Вестник Народного комиссариата земледелия. № 1. С. 12.
- ⁶⁶ Файн Л. Е. Победа Октябрьской революции и зарождение колхозного движения. С. 71.
- ⁶⁷ Аграрная политика Советской власти. С. 400 — 403.
- ⁶⁸ Голос трудового крестьянства. 1919. 4 октября.
- ⁶⁹ Вышеназванные принципы были заложены, например, в основу первого Примерного устава коммун, разработанного IV съездом Советов Саратовской губернии и изданного крестьянской секцией ВЦИК в июле 1918 г. См. также: Устав 1-го Всероссийского общества землеробов-коммунистов, Проект устава 2-го Всероссийского общества землеробов-коммунистов и др. (Исторический архив. 1956. № 3. С. 21 — 32).
- ⁷⁰ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.
- ⁷¹ Инструкции и положения о коммунах. М., 1918.
- ⁷² Среди исследователей нет единства точек зрения относительно форм зарождения колхозного движения (Чмыга А. Ф. Колхозное движение в первое десятилетие Советской власти //Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 223 — 224).
- ⁷³ Конюков И. А. Коллективное земледелие. Из итогов четырехлетнего опыта. М., 1923. С. 33.
- ⁷⁴ Голос трудового крестьянства. 1918. 12 сентября.
- ⁷⁵ Сельскохозяйственные земледельческие артели как самостоятельная форма колхозного движения на съезде не рассматривалась. Здесь, видимо, еще сказался вышеописанный взгляд на артель как нечто промежуточное на пути к коммуне.
- ⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 356.

- ⁷⁷ Труды I Всероссийского съезда земотделов комитетов бедноты и коммун. Вып. I. М., 1919. С. 29.
- ⁷⁸ Там же. С. 32.
- ⁸⁰ Труды I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун. С. 26.
- ⁸¹ Конюков И. А. Коллективное земледелие. Из итогов четырехлетнего опыта. С. 33; Ивницкий Н. А. От бюро коммун до Колхозцентра. (Организация управления колхозами) // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 244.
- ⁸² Голос трудового крестьянства. 1918. 11 декабря; Правда. 1918. 28 декабря; Известия ВЦИК. 1918. 4 октября.
- ⁸³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 251. Л. 3.
- ⁸⁴ Нормальный устав сельскохозяйственной производственной коммуны, утвержденный Наркомземом 19 февраля 1919 года // Аграрная политика Советской власти. С. 435.
- ⁸⁵ Аграрная политика Советской власти. С. 440.
- ⁸⁶ Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 244.
- ⁸⁷ Полный текст устава см.: Аграрная политика Советской власти. С. 462 — 470.
- ⁸⁸ Нормальный устав сельскохозяйственных производственных артелей. М., 1920. С. 3 — 8.
- ⁸⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 58.
- ⁹⁰ Там же. Д. 247. Л. 5.
- ⁹¹ Голос трудового крестьянства. 1918. 29 ноября.
- ⁹² Скрыпнев Н. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918 — 1920 гг. М., 1951. С. 75 — 76.
- ⁹³ См.: Гипельсон Е. Г. Указ. соч. С. 124 — 125.
- ⁹⁴ Файн Л. Е. «Военный коммунизм» и колхозное строительство. С. 128.
- ⁹⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 386. Л. 233.
- ⁹⁶ Там же. Д. 10. Л. 233.
- ⁹⁷ Там же. Д. 247. Л. 9.
- ⁹⁸ Там же. Л. 10.
- ⁹⁹ Там же. Д. 386. Л. 22.
- ¹⁰⁰ Файн Л. Е. «Военный коммунизм» и колхозное строительство. С. 128.
- ¹⁰¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 247. Л. 10.
- ¹⁰² ЦГАОР. ф. 130. Оп. 4. Д. 1. Л. 13.
- ¹⁰³ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 386. Л. 222 — 223; Д. 247. Л. 11 — 13.
- ¹⁰⁴ Скрыпнев Н. Указ. соч. С. 78.
- ¹⁰⁵ Файн Л. Е. «Военный коммунизм» и колхозное строительство. С. 129.

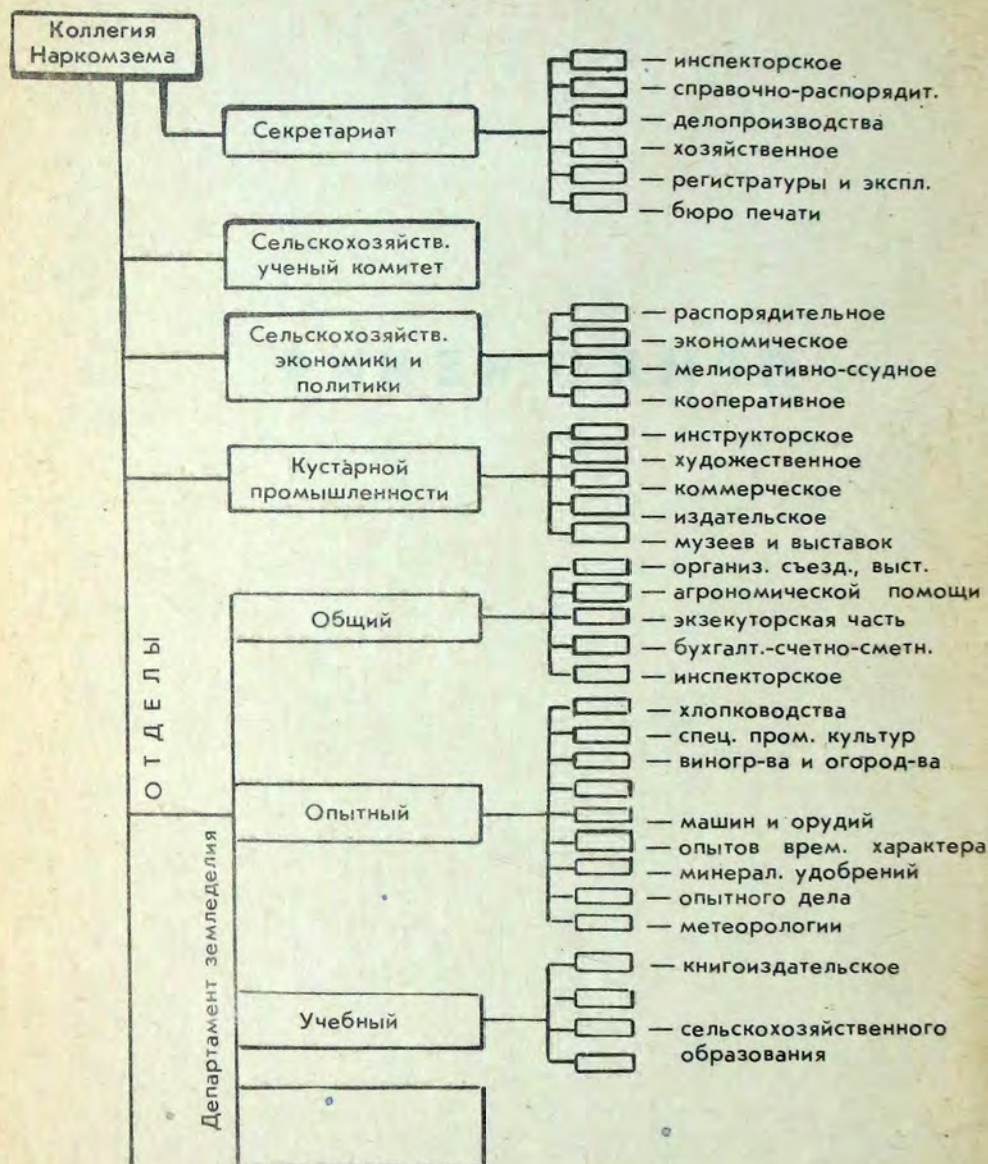
- ¹⁰⁶ Конюков И. А. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁰⁷ Файн Л. Е. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана. М., 1971.
- ¹⁰⁸ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40. Л. 167.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 170.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 173.
- ¹¹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957. С. 261. — 263.
- ¹¹² Тезисы докладов управлений и хозорганов НКЗ к совещанию губземуправлений. М., 1924. С. 24.
- ¹¹³ Съезды Советов в документах. Т. 3. М., 1960. С. 54; Т. 4. М., 1962. С. 23 — 29.
- ¹¹⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 457 — 470.
- ¹¹⁵ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40. Л. 247 об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 250.
- ¹¹⁷ СУ РСФСР. 1921. № 76. Ст. 628.
- ¹¹⁸ СУ РСФСР. 1922. № 5. Ст. 48.
- ¹¹⁹ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1926. С. 341.
- ¹²⁰ ЦГАНХ. Ф. 4372. Фп. 10. Д. 440. Л. 69.
- ¹²¹ Суханов Н. Н. Очерки по экономии сельского хозяйства. М. — П., 1924. С. 40 — 42.
- ¹²² ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 440. Л. 69.
- ¹²³ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 49.
- ¹²⁴ Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 440. Л. 71, 70.
- ¹²⁵ Метельский Н. Н., Толмачева Р. П., Усов А. Н. Кооперативное движение на Урале в условиях новой экономической политики. Свердловск, 1990. С. 55. (некоторые непринципиальные коррективы в подсчеты внесены мной — Н. Н.).
- ¹²⁶ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. С. 342.
- ¹²⁷ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40. Л. 259 — 260.
- ¹²⁸ СУ РСФСР. 1922. № 41. Ст. 480.
- ¹²⁹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 56. Л. 110 об.
- ¹³⁰ СУ РСФСР. 1924. № 27. Ст. 261.
- ¹³¹ ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 357. Л. 100 — 100 об.
- ¹³² Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917 — 1927. м., 1927. С. 164.
- ¹³³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 448 — 452.
- ¹³⁴ Земельный кодекс РСФСР. Л., 1927. С. 286 — 287.
- ¹³⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 324. Л. 3, 25, 41.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

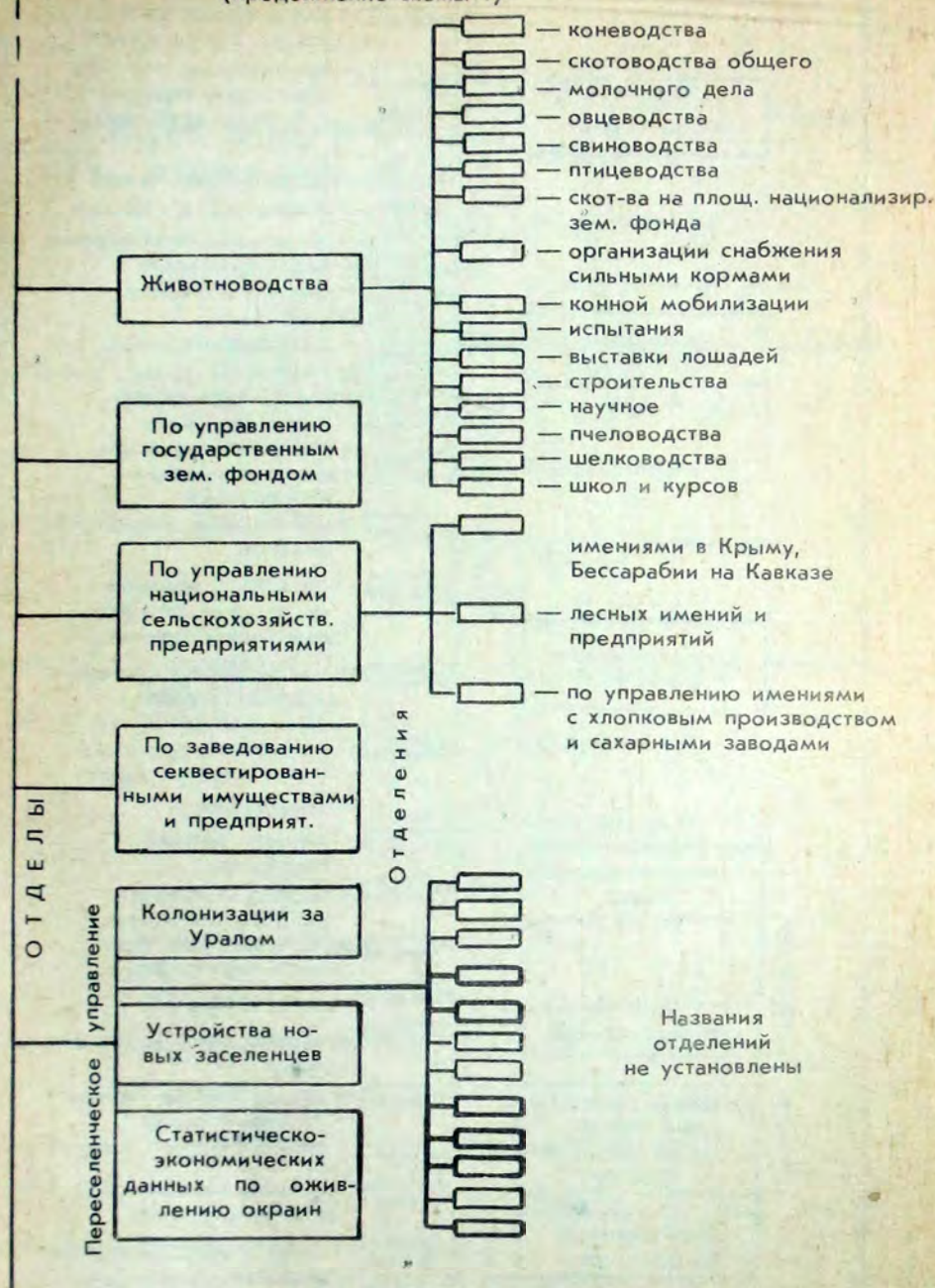
СТРУКТУРА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Апрель 1918 г.

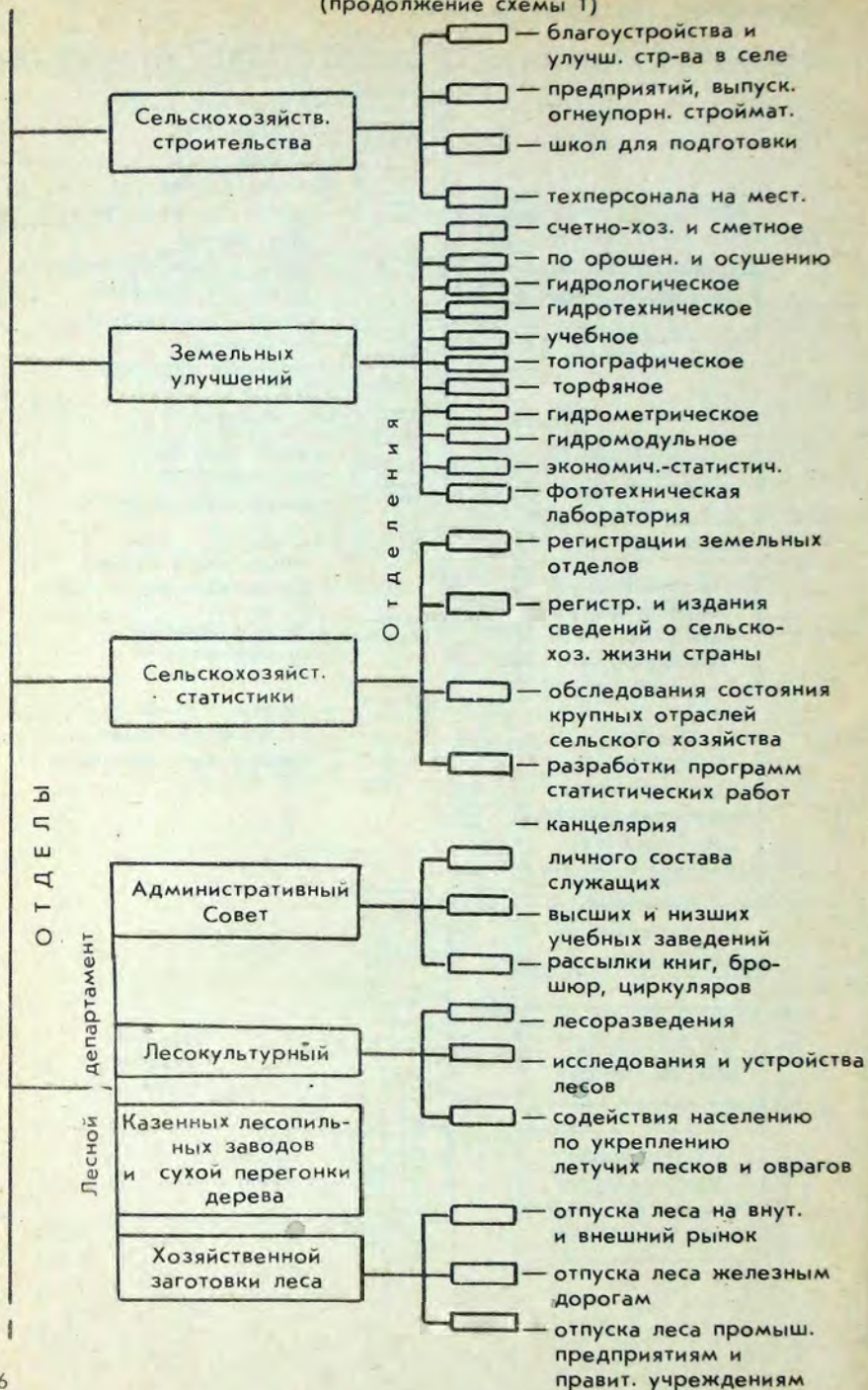
(Схема)

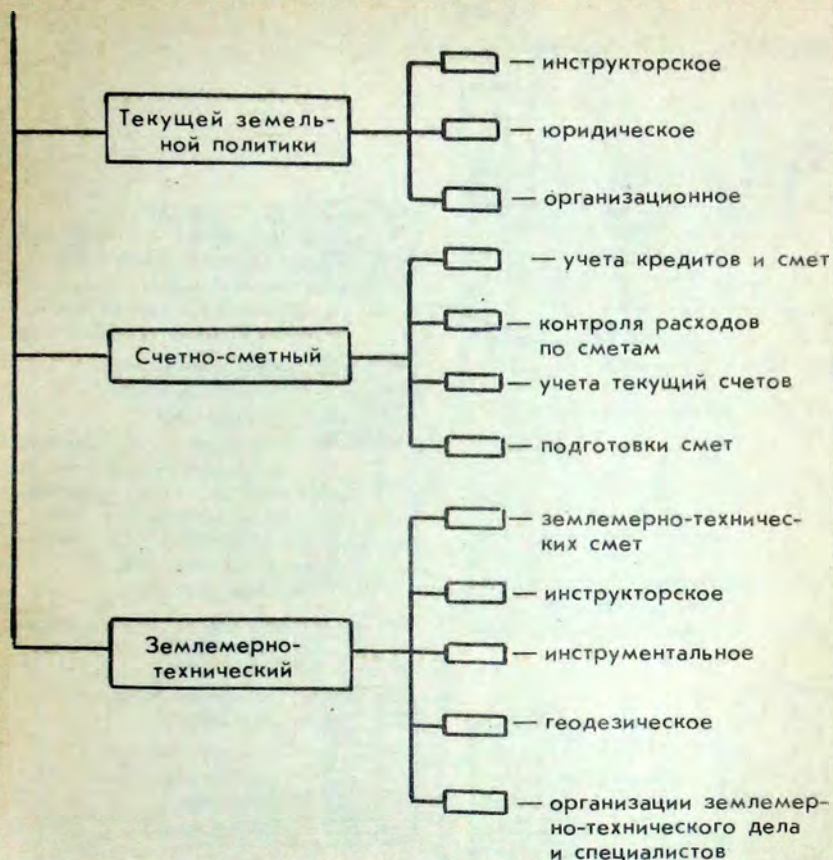

(продолжение схемы 1)

(продолжение схемы 1)

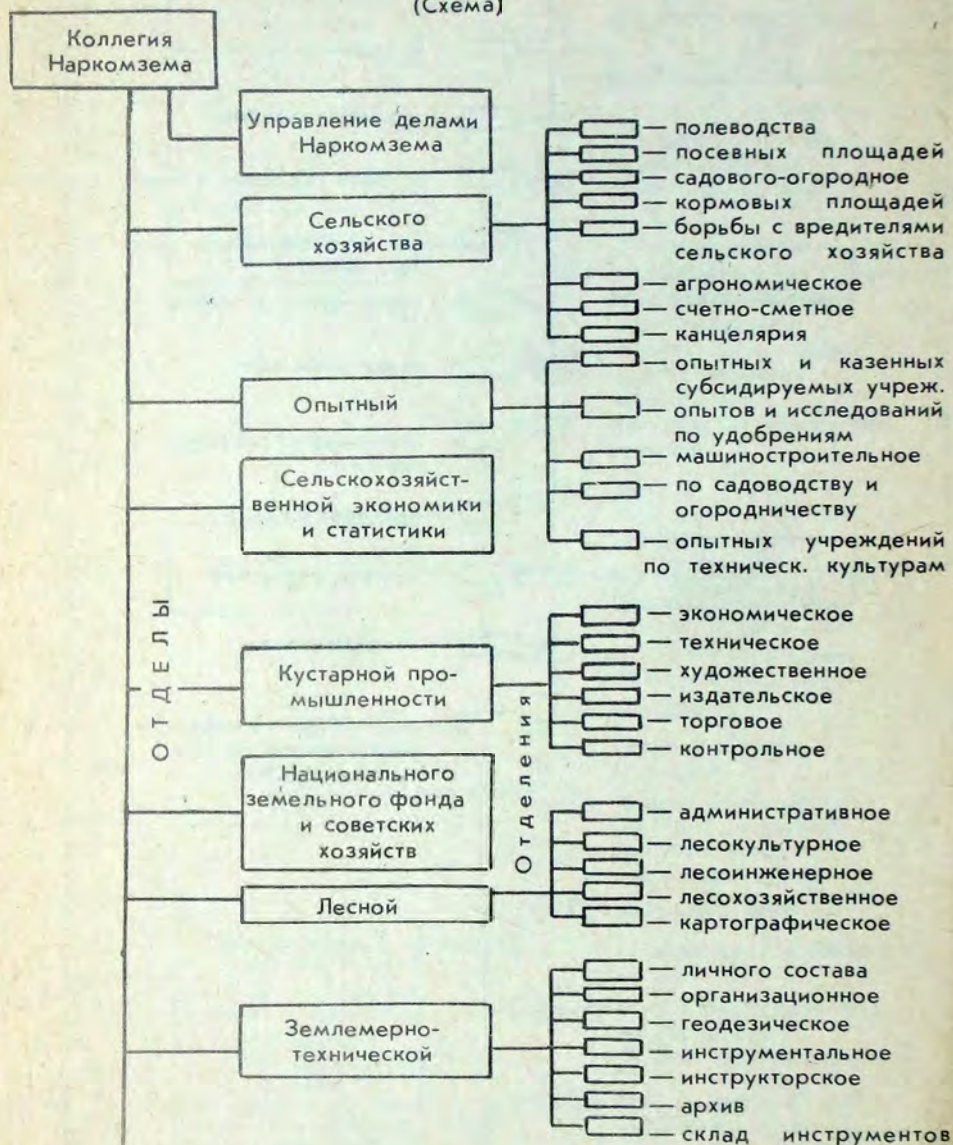

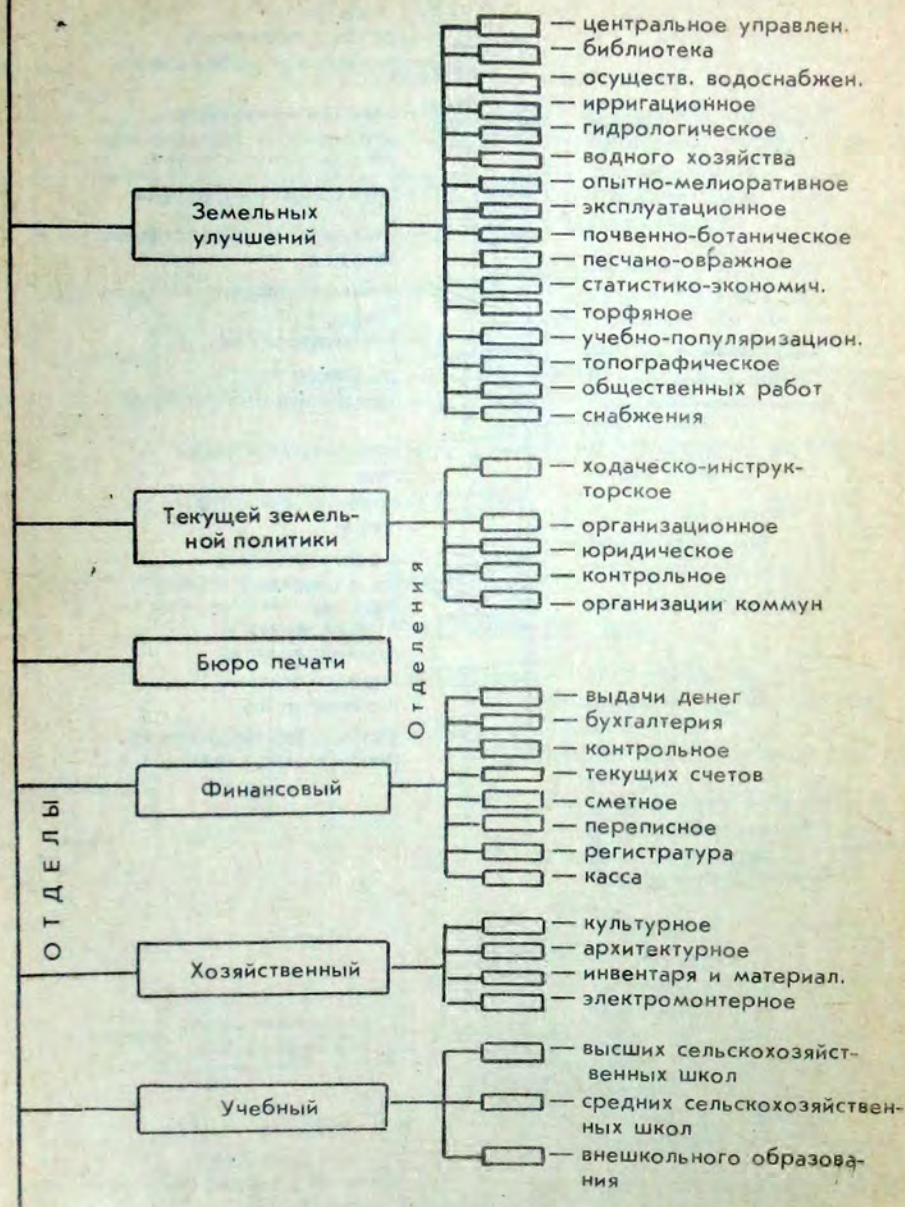
¹ Составлено по: ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 92. Л. 4—5; Д. 93. Л. 55—6 об.

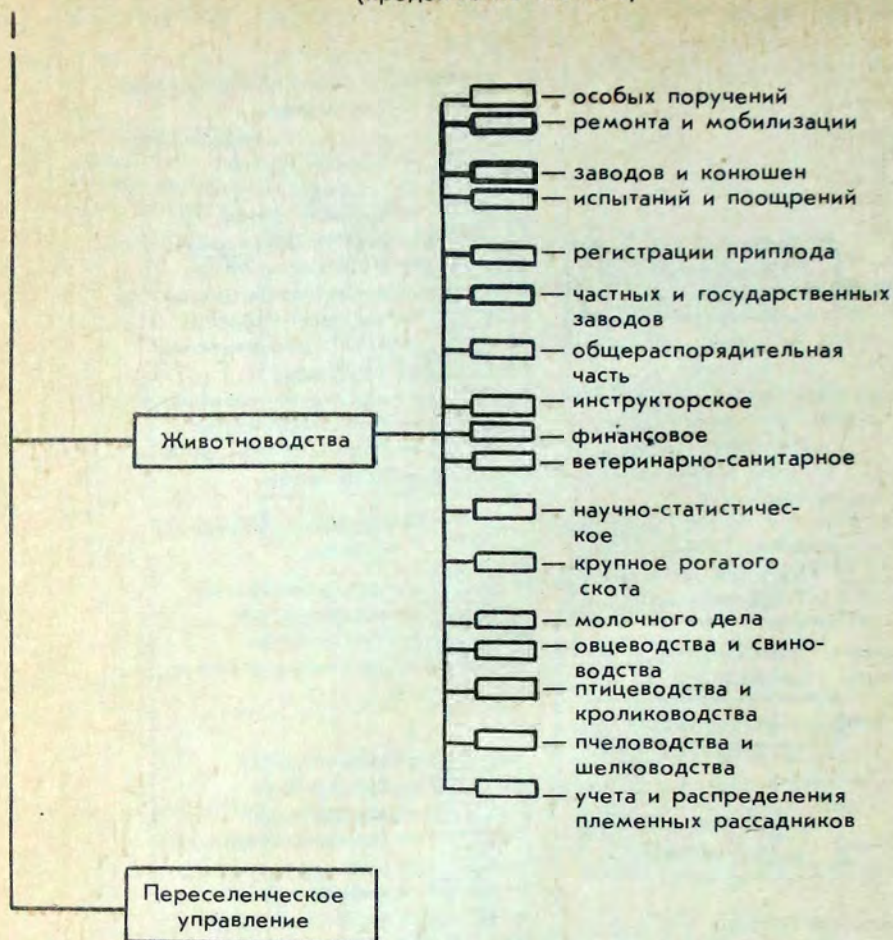
Продолжение 2

СТРУКТУРА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РСФСР Декабрь 1918 г.¹

(Схема)

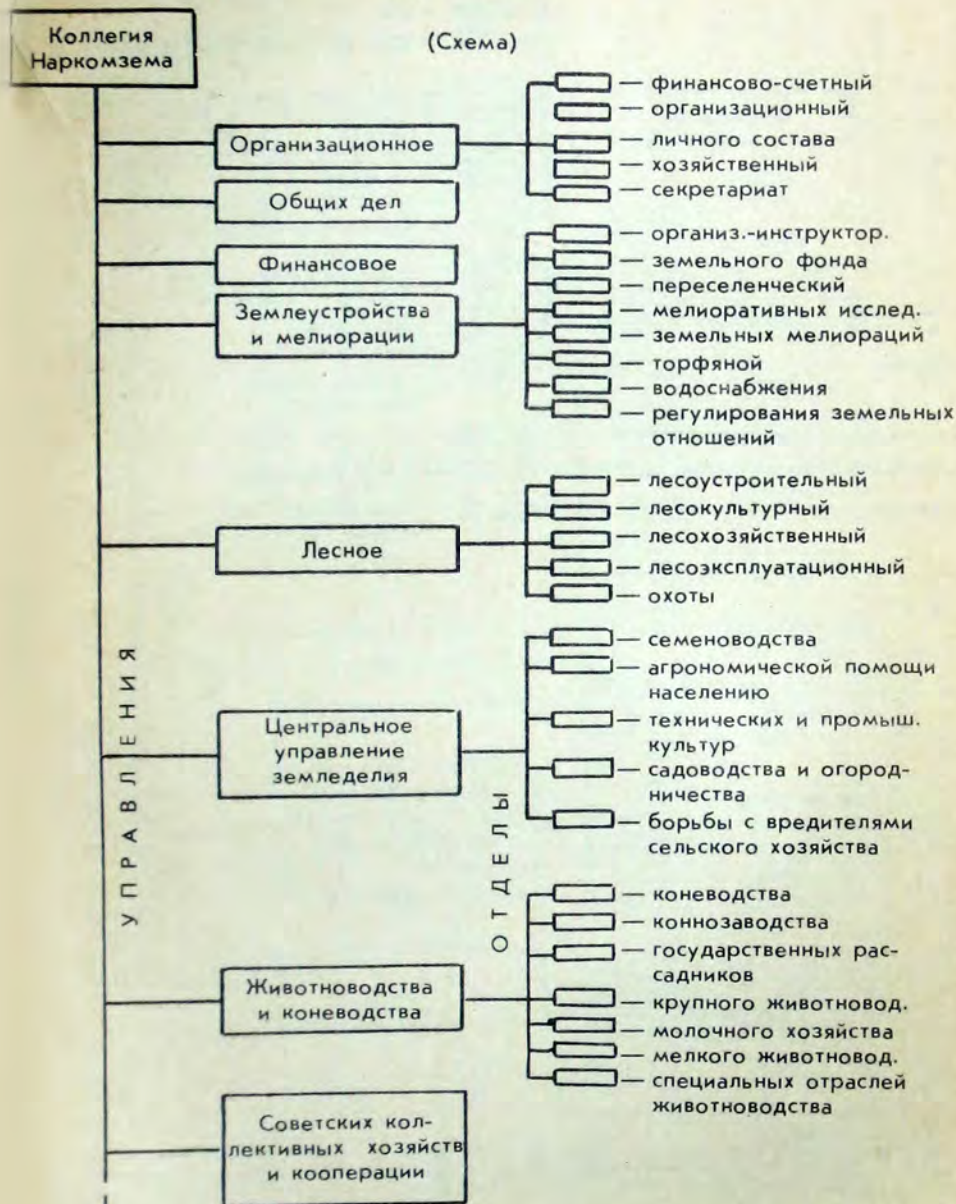

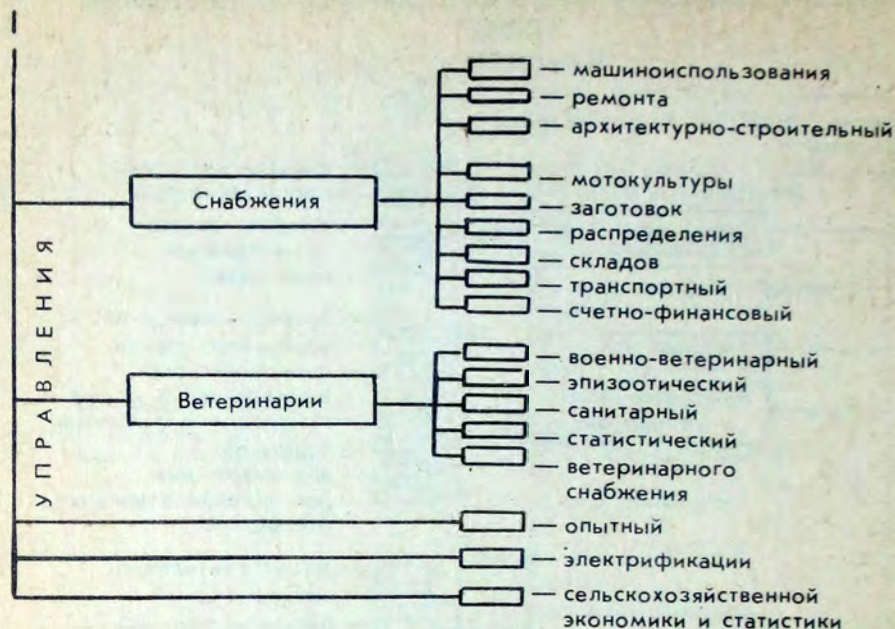

¹ Составлено по: Голос трудового крестьянства. 1918. 19 октября; 14 октября; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп.1. Д. 92. Л. 89; Д. 48. Л. 6—8 об.

Приложение 3

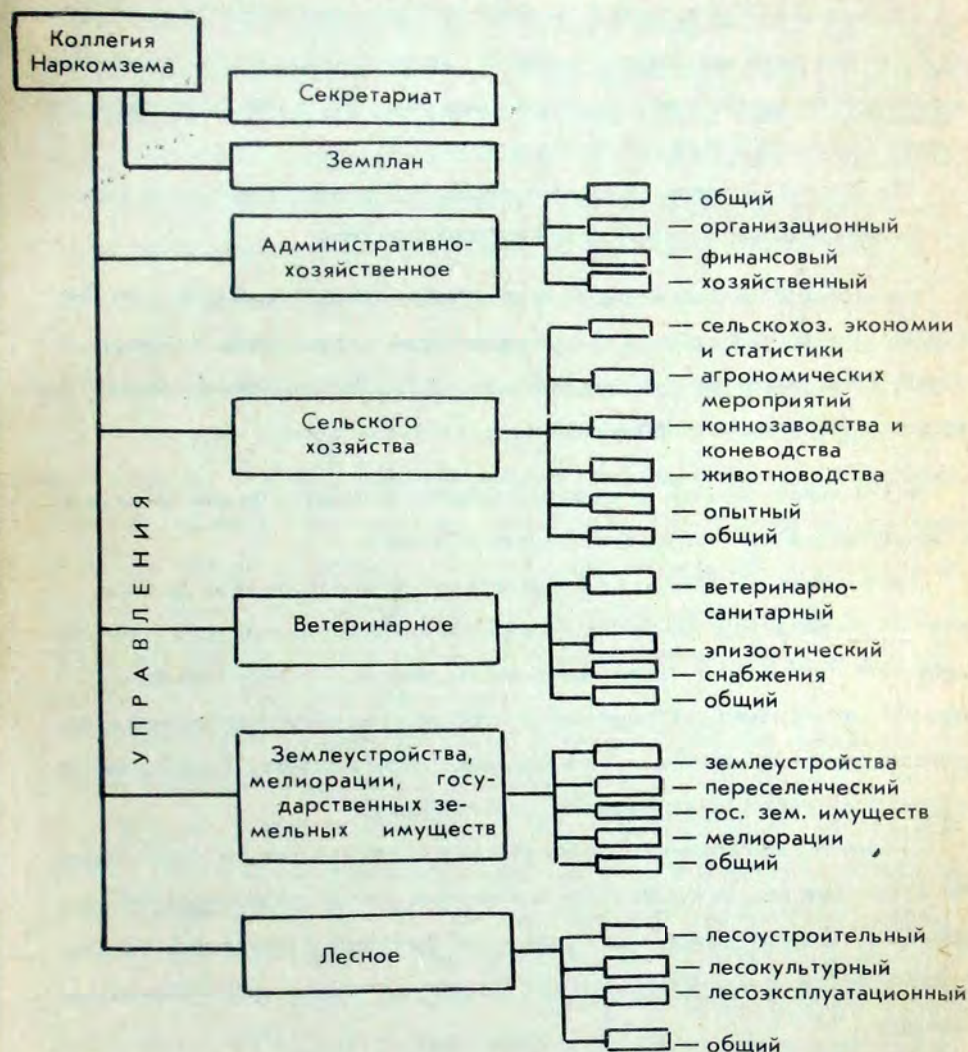
СТРУКТУРА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РСФСР Март 1921 г.¹

¹ Составлено по: Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР. С. 253, 254, 255, 256; Отчет Народного комиссариата земледелия РСФСР IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 год. М., 1922. С. 28—31; Экономическая жизнь. 1921. 23 марта.

СТРУКТУРА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РСФСР 1923 г. (Схема)

SUMMARY

The evolution of Soviet Russia in the 1920's provides another unique historical example of how state power can actively formulate its economic system to suit its interests. State regulation of the agrarian economy in Soviet Russia from 1917 to 1929 offers the clearest example of such unique state command economy.

The policy of agricultural regulation is considered as a developmental system. It includes the network of State organs of control and their functioning.

The aspects of the thesis mentioned above reflect two central themes of the work. The first is the creation of the network of state control organs for the regulation of agriculture; it involves their composition, structures, their relationships with party and state structures as well as with central and local state power.

In this context, the study of the bureaucratisation of society in the concrete example of agricultural regulation assumes centre stage in the research.

Issues relating to officialdom are dealt with in an original manner: we see how and when the departure from classical Marxist approach to officialdom took place in the new government (from workers' control over specialists, absence of privileges for the control apparatus etc to the system of "promotion", carving out castes of specialist leaders from the masses of workers and peasants, and as a consequence of the structuring of state power, the collapse of self-control, the key element of soviet democracy.

Another key area of research involves the study of how the system of control organs functioned. Here, analysis is made of the concrete work of these control organs and other channels of regulatory pressure used by the Soviet Government — these include planning, financing, system of land-tenure, price and tax policy as well as technical and material assistance.

Economic as well as command-administrative methods were used in each of the cases to influence agricultural policy in the countryside. The dynamics of interrelationships among these methods were determined by time, the situation and political deci-

sions taken. The research deals with the exact relationship between economic and administrative methods of control at different chronological stages of the period under research. At different levels of the system of control over agriculture in different branches of the agricultural industry.

The stress on the functional aspects of the control mechanism could well mask the political aspect; however, it is the latter that ran through the whole process of control and determined the organisational structure of rural industry, taking on itself the whole weight of the creation of new social relations. As a consequence, it became necessary to devote a special chapter to the study of the special nature of control over different sectors in the agricultural industry-individual farms, co-operatives, collective farms and Soviet farms ("Sovk-hos").

On the basis of control over the agricultural sector, the research delineates the interaction of three levels of reality-ideology, scientific theory and practice.

The economic concept of socialism evolved in the course of the practical building of a new society, and took place against the background of heated theoretical and ideological debates. In this regard, it became necessary, from the stand point of today's level of scientific progress, to evaluate the evolution of Leninist agrarian concepts, the heated debates on economic questions within the Bolshevik party as well as major concepts of economic thought not related to Marxism, and to show how these influenced the policy of control over this most important sector of the economy.

On the whole, in this particular method of research, not applied in works by past historiographers, lies first and foremost in the originality of the work under discussion.

The research is built on a solid and rich resource base. The author made full use of literature and documentation from the highest organs of State, from central agricultural control organs down to local bodies. This unique collection of material by and large determined the specificity of the work. Since most of the material used was documentation of organs who directly controlled agricultural policy, it became possible to engage in direct, frontal, and not selective, analyses. Such analyses permit the author to open up and systemise the very complex and intertwined interdependences among different State structures engaged in the regulation of agriculture. They also make it possible to look - from within,

the origins and development of the main principles of regulatory mechanisms and follow in detail the dynamics of the process under research.

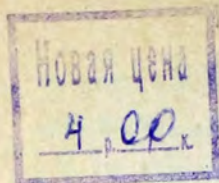
The other important feature of the research, as far as literature is concerned, is that it took place under conditions when unprecedented volumes of secret material from the archives had been declassified.

Thus, the author made use of material from the secret archives of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), the Russian Federation Peoples Committee on Land, among others.

Recently unknown facts, were used in the research which helped to widen the scope of literature and made it possible to analyse the complex interrelationships between the issues discussed in a new light.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ОТНОШЕНИЯ К КРЕСТЬЯНСТВУ	
Эволюция ленинских взглядов	26
Дискуссия 20-х годов	39
Глава II. СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ. СОСТАВ, СТРУКТУРА, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И МЕСТ	
Становление аппарата управления (1917—1920 гг.)	73
Поиски новых структур в годы НЭПа	102
Глава III. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ?	
Попытки организации планового хозяйства	135
Уступки крестьянству в области землеустройства	149
Финансирование — важнейший канал воздействия на деревню	170
Государственное регулирование цен	189
Материально-техническое обеспечение	202
Налог или продразверстка?	217
Глава IV. УПРАВЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫМИ СЕКТОРАМИ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ.	
Регулирование индивидуального крестьянского хозяйства	233
Государственное руководство колхозами и совхозами	246
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ПРИМЕЧАНИЯ	
ПРИЛОЖЕНИЯ	
SUMMARY	

Научное издание

Носова Наталья Петровна

**УПРАВЛЯТЬ ИЛИ КОМАНДОВАТЬ!
ГОСУДАРСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ
[1917—1929]**

Зав. редакцией Г. М. Степаненко

Редактор А. З. Грабарник

Н/К

Лицензия ЛР № 040414 от 27.03.93 г.

Подписано в печать 5.10.93. Формат 60x84^{1/16}. Бумага газетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 24,22. Тираж 1000 экз. Заказ № 2002. Заказное. Изд. № 2813.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Отпечатано в Шадринской типографии ПО «Исеть» комитета по печати и
средствам массовой информации администрации Курганской области
641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

НОСОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. В 1977 году с отличием закончила Тюменский университет. В 1992 году после окончания докторантуры в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова защитила докторскую диссертацию на тему "Становление и развитие системы государственного управления сельским хозяйством Советской России (1917 - 1929 г.г.)". Автор нескольких десятков работ по государственному управлению, экономической истории и истории аграрных отношений в Советской России. Предлагаемая книга отражает основные идеи и результаты исследования, изложенные в докторской диссертации автора.